Крауч Блейк

Абандон. Брошенный город

*** * ***

Посвящается Эйдану Краучу

На Западе прошлое очень близко. Во многих местах его все еще считают настоящим.

Джон Мастерс

Слова признательности

Путь к завершению этой книги был долог, и я обязан выразить благодарность многим людям.

Ребекке и Эйдану – за то, что поделились этой историей. Жить с писателем далеко не всегда сладко, но мы с вами – одна команда. Люблю вас обоих.

Линде Аллен – за твою дружбу и неизменную поддержку, когда я более всего нуждался в ней.

Майклу Хомлеру – за то, что толкал меня в нужную сторону и был перфекционистом, как и я сам.

Анне Коттл и Мэри Эллис Кир – за бесценные подсказки на финальной стадии.

Джо Конрату, Греггу Гурвицу, Маркусу Сейки и Скотту Филипсу, большим писателям и замечательным людям, – за твердую поддержку, когда высота казалась недостижимой.

Дэвид Моррелл заслуживает целой страницы, но скажу так: ты – джентльмен и вдохновение, и знакомство с тобой – настоящее благословение.

Всем в моей местной писательской группе – Сюзанне Тирпак, Терри Джанттонен, Дагу Уокеру, Шэннон Ричардсон, Дайне Суон, Кейси Александр, Гейл Харрис, Нине Моутс, Хэз Сейд и Адаму Уотсону. Первым читателям: Сэнди Грин, Джордану Краучу, Клэй и Сьюзан Крауч, Джуди Джонстон и Анне Маркард.

Салли Ричардсон, Энди Мартину, Джорджу Уитту и Келли Рэгланду – за то, что сделали все это возможным и передали меня в самые лучшие руки.

Йеруну тен Бергу – за поразительную креативность и любовь к книгам.

Майклу Ричарду, Джо Фостеру, Дуэйну Смиту, Марианне Фурьер, Арту Холланду, Карен Суэй и Клайду Гиббсу – за то, что дали ответы на вопросы, которые я не смог найти в книгах.

Дайан Серафичи и Беверли Коулман в «Роки-Маунтин паблишерс» – за уточнение цитат.

Кэрол Эдвардс – за виртуозную редакторскую правку.

Потрясающим бариста в кафе «Стиминг бин», где и была написана бо́льшая часть книги.

И наконец групповое объятие Джорданам – Джону, Рут и Йену – за вашу поддержку и дружбу.

Четверг, 28 декабря 1893 года

Там, наверху, в тысяче футов отсюда, между утесами свищет ветер; здесь же, в этом Богом забытом городишке, все как будто уснуло, и погонщик мулов понимает – что-то не так. В двух милях к югу находится шахта Бартоломью Пакера «Годсенд»[1], и установленная там перемалывающая руду двадцатипестовая камнедробилка должна наполнять каньон глухим грохотом. Громыхание работающей машины – все равно что звон монет, и остановить ее могут только две вещи: Рождество и трагедия.

Он слезает с жеребца-альбиноса. Розовые ноздри коня раздуваются, его грязная грива смерзлась. Одноподпружное седло покрыто снежной коркой, его кожаная и тканевая части – мочила и чепрак – промерзли и сделались жесткими, как камень. Он знает, как успокоить животное, – растирает Джорджу шею, говорит с ним негромко и мягко, хвалит за хорошую работу и обещает теплую конюшню, корм и свежую воду.

Погонщик открывает сумку, достает пинту самопального вискаря, купленного в винном магазинчике в Силвертоне, и заливает в себя остаток – самогон обжигает пустой желудок ледяным пламенем.

По пояс в снегу он бредет к лавке и стучит в дверь. Лампы в заведении погасли, и большая плита в углу дремлет в отсутствие обычной здешней компании – рудокопов, больших любителей потолковать за табачком и кофе. Посетитель окликает хозяина,

ступая по дощатому полу, проходит между полками, мимо сложенных штабелями ящиков и пухлых джутовых мешков с сахаром и мукой.

– Джессап! Это Брейди! Ты здесь?

Когда Брейди Сайкс выходит обратно из лавки, двенадцать мулов вытягивают сухие, жилистые шеи в его направлении. Он запускает руку в карман шинели, достает жестянку «Стар нейви» и кладет за щеку кусок табака, от которого его губы и десны за последний год окрасились в темно-багровый цвет.

– Какого черта? – шепчет мужчина.

Две недели назад, когда погонщик доставил сюда припасы, жизнь в этом шахтерском городке кипела вовсю. Теперь же, в сумерках приближающегося вечера, Абандон лежит перед Сайксом притихший и апатичный – улицы пусты, дощатые пешеходные дорожки заметены снегом, и нигде не видно ни одного следа.

Разбросанные по нижним склонам дома занесены по самые трубы, и ни одна из них не курится дымом, воздух чист и свеж.

К одиночеству Брейди не привыкать – в пути он нередко проводит по несколько дней кряду, один-одинешенек в диких, безмолвных местах. Но с этой тишиной все не так, здесь все обман. Человек чувствует исходящую от нее угрозу и с каждой секундой все больше проникается уверенностью: здесь что-то случилось.

Стена темных туч цепляется за пики скал, и вот уже снежинки ложатся на рукава его дождевика. Приходит ветер. Над дверью лавки звякают колокольчики. Скоро ночь.

Он идет по улице к салуну, в душе еще ожидая и надеясь нарваться на красотку-барменшу, Джосс Мэддокс, и получить от нее заряд восхитительного богохульства. Но в салуне ни души. Ни немой пианистки, ни хотя бы одного клиента… Не горят керосиновые лампы, не дышит теплом пузатая дровяная печка. В кружке на сосновой стойке бара замерзло пиво.

Дорожка к ближайшему дому лежит под нетронутым снегом – на сто ярдов у Брейди уходит пять минут.

Погонщик стучит в дверь и считает до шестидесяти. Пружинная защелка не сработала, и он, переступая порог без приглашения, даже в такой ситуации чувствует себя неудобно, вторгаясь в чужие владения.

В доме темно, и ему приходится щуриться.

Под посаженной в кадку елкой, на грязном полу валяются скомканные газеты – остатки Рождества.

На грубо сколоченном столе – нетронутые обильные блюда. Такое в тесном домишке из одной комнаты едят не каждый день – это рождественский обед.

Сайкс стягивает перчатку, дотрагивается до ветчины – холодная и твердая, как руда. Рядом стоит горшок с замерзшими в бульоне бобами. Кексы на ощупь скорее похожи на пемзу, чем на губку. Две зазубренные стеклянные ножки бокалов торчат вверх: хрустальные чаши раскололо замерзшее в них вино…

*** * ***

Погонщик возвращается к своему вьючному обозу, останавливается посредине улицы и, медленно поворачиваясь, чтобы его слова разнеслись по всем направлениям, кричит:

– *Здесь есть кто-нибудь?*

В огромной, равнодушной пустоши его голос и слабеющее эхо почти не слышны. Небо мрачнеет. Снег валит и валит. Церковь на северной окраине городка исчезает в метели.

До Силвертона двадцать семь миль, и его обоз вышел в путь еще до первого света. Мулам нужен отдых. Как и ему самому после проведенных в седле шестнадцати часов. Хотя перспектива провести ночь в Абандоне, в этой жуткой тишине, совсем его не радует.

Решив отвести животных в конюшню, Сайкс ставит ногу в стремя – и тут вдруг замечает что-то за домишками на южной окраине города. Он направляет Джорджа вперед, через глубокий снег между хижинами с декоративными фасадами, и, увидев, что привлекло его внимание, шепчет:

– Ну и дурень же ты старый!

Это всего лишь снеговик – тонкие ручки из еловых веток, сосновые шишки там, где должны быть глаза и рот, а на голове венок вместо короны.

Погонщик натягивает поводья, поворачивает Джорджа к городу и внезапно изумленно выдыхает:

– Господи Боже мой…

Он опускает голову, пытается унять гулко заколотившееся в разреженном воздухе сердце. Потом поднимает голову – девочка, на которую наткнулся его взгляд, все там же. Ей шесть-семь лет, она бледна, как призрак, и стоит в каких-нибудь десяти футах от него. У нее черные, как паровоз, волосы и под стать им угольные глаза – темные, радужки почти сливаются со зрачками и напоминают два мокрых камешка.

– Ну и напугала ж ты меня! – охает мужчина. – Что ты делаешь здесь, совсем одна?

Девочка отступает.

– Не надо, не бойся. Я не бука. – Брейди спешивается и идет к ней через снег. На ногах у нее снегоступы, и она проваливается в снег всего на фут, погонщик же тонет по пояс, и получается, что они как будто одного роста.

– Ты как? – спрашивает он. – Я уже не думал, что кого-нибудь здесь застану.

Снежинки в волосах девочки похожи на белое конфетти.

– Все ушли, – говорит она без всякого выражения, без слез, просто констатирует факт как он

есть.

– И даже твои папа и мама?

Она кивает.

– А куда они ушли? Можешь показать? – продолжает расспросы погонщик.

Девочка отступает еще на шаг. Засовывает руку под серую шерстяную кофту. Одинарного действия армейский револьвер – оружие тяжелое, и в детской ручонке он комично клюет дулом вниз, поэтому она держит его, как винтовку. Ошарашенный, Брейди только смотрит, как малышка возится с курком.

– Так и быть, я вам покажу, – говорит она. Курок взведен, дуло смотрит на Сайкса, пальчик на спусковом крючке.

– А теперь постой. Подожди… – пытается он успокоить ее.

– Стойте на месте.

– Это не игрушка. Его нельзя направлять на людей. Это чтобы…

– Убивать. Знаю. И вам сразу станет легче.

Брейди пытается придумать, как бы уговорить девчушку отдать ему револьвер, но слышит выстрел и рикошетом разбегающееся по каньону эхо, и обнаруживает, что лежит на спине, окруженный снежными стенами.

В овале серого зимнего неба появляется и смотрит на него сверху вниз детское лицо.

Какого еще…

– Оно сделало дырку у вас в шее, – сообщает ему ребенок.

Он хочет сказать ей, чтобы отвела в конюшню Джорджа и мулов, чтобы накормила их и напоила. После всего, что им выпало сегодня, уж это-то они, по крайней мере, заслужили. Но в горле только булькает, а когда он пытается заговорить, то получается лишь хрип.

Девочка снова, зажмурив один глаз, направляет револьвер ему в лицо, и дуло слегка дрожит – пародия на прицеливание.

Погонщик смотрит на шквал снежинок – небо уже растворилось в синеватых сумерках, которые сгущаются прямо на глазах, и думает: «*Это день меркнет так быстро или я?..*»

2009

Глава 1

Эбигейл Фостер смотрела сквозь ветровое стекло на парковочный счетчик. Время давно вышло. Пальцы сжимали рулевое колесо так, что побледнели костяшки, и руки начало сводить судорогой. Месяц назад, в Нью-Йорке, когда она отдала статью Марго, своему редактору в «Грейт аутдорз», эта идея казалась ей вовсе не такой уж плохой. Теперь, перед самой встречей с ним, первой за двадцать шесть лет, Эбигейл вдруг поняла, что оказала себе дурную услугу, приукрасив и этот момент, и тот факт, что ей придется войти сюда и предстать перед ним лицом к лицу.

Часы показывали без пяти семь, что означало без пяти пять по горному времени. Фостер сидела на парковке уже двадцать минут, и он, может быть, собирался уходить, думая, что она решила не приезжать.

Хозяйка провела ее в заднюю часть бара с собственной пивоварней, который сейчас, в пять пополудни, был почти пуст. Под каблуками ее черных «лодочек» хрустела рассыпанная по полу ореховая скорлупа, а в воздухе стоял кисловато-дрожжевой запах. Женщина открыла заднюю дверь и указала на единственный занятый столик на патио.

Эбигейл шагнула во дворик и разгладила юбку от Кавалли, купленную в прошлом году в Милане за бешеные деньги.

Ее снова одолели сомнения. Не стоило сюда приезжать. Никакая история этого не стоит.

Он сидел спиной к ней, за развернутым к западу столиком, и перед ним, распростершись на плоскогорье, лежал Дуранго[2], усыпанный желтыми пятнышками тополей и осин, обрамленный глинистыми холмами, местами поросшими сосной, а местами голыми. Еще дальше виднелись еловые леса и остроконечные, зазубренные пики гор Сан-Хуан.

Стук двери привлек его внимание. Он оглянулся через плечо и, увидев ее, развернул стул спинкой к столику, и поднялся – высокий, крепкий, с вьющимися серебристыми волосами, одетый так, словно только что сошел со страницы журнала «Бэкпаккер»: клетчатая рубашка «Патагония», удобные джинсы, браслет «Ливстронг», сандалии «Тесла»…

Живот снова скрутило. Эбигейл заметила, что левая рука у него дрожит, и он, чтобы унять ее, взялся за стул.

– Привет, Лоренс, – сказала она негромко.

Она знала, что ему пятьдесят два, но выглядел он даже лучше, чем на фотографии на сайте исторического факультета.

Ни рукопожатия, ни объятий – только пять секунд самого мучительного из всех, что ей довелось испытать, зрительного контакта.

Опустившись на стул, Фостер насчитала на столе три пустые кружки и подумала, что немного спиртного, пожалуй, не помешало бы и ей самой – собраться с духом перед этой встречей.

Порывшись в сумочке, Эбигейл нашла солнцезащитные очки. Был Хэллоуин, и, хотя воздух уже дышал холодком, на такой высоте сидеть на открытом воздухе, под прямыми лучами солнца было вполне приятно.

– Рад, что ты приехала, – сказал Лоренс Кендал.

К столу подошел одетый, как гавайский танцовщик, официант.

– Выпьешь пива? – предложил снова усевшийся за стол мужчина.

– Конечно, – кивнула Фостер.

– У них здесь большой выбор и…

– Мне все равно. Что-нибудь легкое.

Лоренс повернулся к официанту.

– Принесите ей «Рок хоппд пейл».

– Минутку.

Где-то в долине свистнул паровоз. Эбигейл увидела вдалеке перышко дыма и услышала, как натужно запыхтел клапанами поезд, идущий на юг через центр города.

* * *

– У меня ничего с собой нет, никакого туристического снаряжения, – сказала она.

– Скотт тебя соберет, – пообещал Кендал.

– Кто такой Скотт?

– Наш проводник.

Неловкое молчание как будто забралось под кожу.

– Симпатичный у вас тут городок, – попыталась нарушить его журналистка.

Все шло совсем не так, как ей представлялось. Она прокрутила в своем воображении множество самых разных вариантов, и все они получались более драматичными и серьезными. Она накричит на него. Ударит. Они оба расплачутся. Он попросит прощения. Она простит. Или не простит. Теперь Эбигейл понимала, что ничего этого не будет. Они – просто два человека, оказавшихся за одним столиком и пытающихся преодолеть неловкость.

– Мне вот любопытно. Столько прошло времени, и теперь ты связываешься со мной, – сказала Фостер.

– Я следил за твоей журналистской карьерой, регулярно выписывал все журналы, с которыми ты сотрудничала, и подумал, что эта… экспедиция… может дать хороший материал для твоего…

– Но ты ни разу, с тех пор как мне исполнилось четыре года, не выказал желания помочь.

Лоренс неторопливо допил свое темное пиво, посмотрел на горы, вытер пену с бороды.

– Получилось злее, чем… – сказала Эбигейл.

– Нет, нормально. У тебя есть все основания злиться.

– Я не злюсь.

Дверь открылась, и вернулся официант – с пинтой для Эбигейл и еще одной кружкой для Кендала.

Когда он ушел, она подняла свою.

– За наше прошлое! – Голос ее звучал ровно и твердо. – На хрен его.

Ее собеседник усмехнулся:

– Так вот просто, а?

– Ну, притвориться-то можно…

Они чокнулись. Эбигейл сделала глоток своего золотистого.

– Так зачем ты приехала? – спросил Лоренс. – Сказать по правде, я и не ждал ответа на тот имейл.

– Забавно. Я вот только что сидела в машине, набиралась сил, чтобы войти сюда, и сама пыталась ответить на этот же вопрос…

Солнце нырнуло за горы, и Фостер поежилась. Скалистые склоны и снежные поля окрасились розоватым отблеском невидимых лучей.

Глава 2

В половине пятого следующего утра Эбигейл спешила через парковку «Даблтри» к вместительному «Субурбану», возле которого в желтовато-болезненном мигающем свете фонаря стояли четверо. Воздух дышал ароматом влажной полыни, неподалеку, за отелем, невнятно бормотала что-то река Анимас…

Все четверо повернулись на звук шагов, и ее взгляд, метнувшись сначала к отцу, остановился на невысоком, по плечо Лоренсу, мужчине рядом с ним. У него была гладко выбритая голова, борода с едва начавшей проступать сединой и серые, под стать ей, глубокие, задумчивые глаза.

– Эммет Тозер, – представился он, пожимая ей руку. – Полагаю, за эту прогулку полностью ответственны мы. Лоренс любезно согласился взять нас с собой, поделиться опытом…

– Эбигейл Фостер, журналист-фрилансер. – Она повернулась к женщине, державшей Эммета за руку. – Джун Тозер?

Джун взяла ее руку обеими своими и приветливо улыбнулась.

– Рада познакомиться с вами, Эбигейл.

Невысокая, около пяти футов ростом, с полоской седины, проходящей ровно посередине спускающихся до подбородка каштановых волос. Ее пальцы как будто испускали теплую, позитивную энергию, и Фостер ощутила легкое покалывание, словно через них пропустили слабый ток.

– А я – Скотт Сойер, – улыбнулся ей еще один мужчина. – Владелец «Хинтерлэндс инкорпорейтед». Буду вашим проводником в этом путешествии.

Пожимая мозолистую руку этого красивого мужика в футболке «Фиш» и рваных штанах цвета хаки, Эбигейл мгновенно прониклась к нему симпатией, которая, как она почувствовала, не осталась неразделенной. Он был молод, пожалуй, около тридцати, и у него были выгоревшие на солнце волосы. И под его скудным нарядом скрывалось крепкое, закаленное тело человека, не привыкшего засиживаться дома.

* * *

Выехали они затемно и не успели выбраться из Дуранго, как Эбигейл снова уснула. Спала она крепко, а когда проснулась, «Субурбан» уже карабкался вверх по крутой скалистой дороге. Скотт и Лоренс вполголоса разговаривали о чем-то на переднем сиденье. Журналистка сглотнула, заложенные уши тут же отпустило, и в них ворвались натужный стон мотора и хруст камешков под шинами. Эбигейл выпрямилась и протерла глаза. Часы на панели показывали 6:01. Небо посветлело в ожидании рассвета. Они ехали через каньон по узкой, бегущей вдоль реки однополоске.

Наконец Скотт повернул к краю лужайки и остановился возле помятого, со следами ржавчины «Бронко», давно утратившего свой изначальный цвет. При всей своей ветхости «старичок» ухитрялся тащить по дороге трейлер. Выбравшись из машины вслед за Эмметом и Джун, Эбигейл услышала негромкое журчание реки.

«Субурбан» втиснулся на свободное место. Дыхание слетало с губ облачками пара в напоенный хвойным ароматом воздух. Водительская дверца «Бронко» со скрипом открылась, и на прихваченную морозцем траву ступил высокий мужчина с густой, не считая нескольких проплешин, бородой и рыжевато-каштановыми волосами, собранными сзади в хвост.

– Знакомьтесь, – сказал Скотт. – Джеррод Спайсер, мой верный помощник. Отличный турист, так что не сомневайтесь, вы в надежных руках.

Джеррод зевнул.

– Извините. Никак не дождусь, когда же кофе подействует. – Обойдя трейлер, он открыл задние дверцы. – Гюнтер, Джеральд, пора за работу.

Эбигейл улыбнулась – две ламы, выйдя из трейлера, тут же принялись неспешно пощипывать травку. Подойдя к одной из них, черной, она протянула руку, но животное отпрянуло, явно оскорбленное такой фамильярностью.

– Я бы поостерегся, – предупредил ее Сойер. – Гюнтер плюется. – Он открыл заднюю дверцу внедорожника. – А вот если вы подойдете сюда, то мы, пожалуй, постараемся экипировать вас к походу.

Наблюдая за тем, как Скотт выгружает поклажу для лам, Фостер услышала звук поднимающегося из каньона автомобиля. Через несколько секунд из-за поворота вынырнул серовато-зеленый «Форд Экспедишн» с сиреной на крыше. Свернув с дороги, он выкатился на лужайку и остановился. Обе дверцы украшала броская надпись «СЛУЖБА ШЕРИФА. ОКРУГ САН-ХУАН». Вышедшая из машины женщина – изящная, миловидная, с ясными глазами и длинными, заплетенными в косички каштановыми волосами – направилась к собравшейся у трейлера группе.

– Доброе утро. – Она притронулась двумя пальцами к краю своей ковбойской шляпы. На ее черной парке выделялась звезда шерифа. – Вы уже готовы?

– Да, – ответил Скотт, подтягивая вьючный ремень.

Шериф нацелила на него палец.

– Вижу, у вас с собой удочка, – прищурилась она. – Не против, если я взгляну на вашу лицензию?

– Конечно, нет. – Сойер подошел к женщине, достал бумажник из кармана потрепанных штанов и развернул его.

Шериф кивнула.

– Вы, я смотрю, далеко собрались, – заметила она.

– Да, не близко, – подтвердила Джун. – Сколько там будет, Скотт?

– Семнадцать миль, – отозвался проводник.

– Да, семнадцать миль. До города-призрака…

– Как вас зовут, шериф? – вмешался Лоренс. – У меня такое чувство, что мы с вами встречались.

– Дженнифер. А вас?

– Лоренс Кендал. Часто бываете в Дуранго?

– Только по необходимости. – Женщина посмотрела на него, чуть склонив набок голову. – А где, по-вашему, мы могли встретиться?

– Не помню, но ваше лицо кажется мне знакомым.

– Не думаю, что мы встречались, у меня хорошая память на лица. – Шериф обвела взглядом путешественников. – Что ж, надеюсь, страховка есть у всех.

– Есть, – заверил ее Скотт. – Я – проводник и настоял, чтобы все ее купили.

– И куда вы их ведете? – поинтересовалась Дженнифер.

– Ущелье Гризли.

– А вот она, по-моему, упомянула город-призрак, – шериф кивнула на Джун. – В ущелье Гризли, насколько мне известно, никаких руин нет. – Теперь она смотрела на Сойера – в упор, не мигая.

Эбигейл внимательно наблюдала за Скоттом. Проводник нервно сглотнул.

– Вообще-то мы идем в Абандон, – признался Эммет.

– И чем вы планируете там заняться? – все еще не спуская глаз с Сойера, спросила Дженнифер.

– Пофотографировать. Мы с женой снимаем паранормальные места. Если что-то получится, может быть, зимой устроим выставку в Сан-Франциско.

– Если вы всего лишь собираетесь пофотографировать, врать совсем ни к чему, – сказала шериф, по-прежнему обращаясь к Скотту.

Тот кивнул.

– Других планов у вас нет? – продолжила расспросы Дженнифер.

– Нет, конечно.

– И у вас есть разрешение на посещение Абандона?

– У них есть, – кивнул проводник на супругов Тозеров.

Дженнифер повернулась к ним.

– Можно взглянуть?

Эммет достал из кармана куртки конверт и протянул его шерифу. Та просмотрела бумаги и удивленно воскликнула:

– Ух ты, групповое разрешение! Такие выдаются нечасто…

– Мы добивались его три года, – объяснил Тозер.

Дженнифер вернула ему конверт и еще раз обвела взглядом всю группу, словно запоминая и отправляя каждого в некий банк памяти.

– Надеюсь, все пройдет благополучно. – Она снова коснулась края «стетсона» двумя пальцами, после чего повернулась и зашагала к «Форду».

Наблюдая за тем, как Дженнифер садится в машину, трогается и продолжает путь вверх по каньону, Эбигейл заметила кое-что, но не придала этому значения и тут же забыла. Она вспомнит об этом через полтора дня – и пожалеет, что не обратила на случившееся должного внимания.

А заметила она короткий взгляд, которым обменялись Скотт и Лоренс. Взгляд, в котором, как ей показалось, промелькнуло облегчение.

Глава 3

Первые два часа они выбирались из каньона по дороге, напоминавшей американские горки и проходившей через еловый лес. Сидящая сзади, между Эмметом и Лоренсом, Эбигейл пыталась привыкнуть к разреженному воздуху высокогорья. В какой-то момент, когда лес расступился, она оглянулась и увидела дорогу, по которой они ехали из Силвертона, – извилистую бурую ленту футах в восьмистах под ними. На следующей остановке никакой реки поблизости уже не было, как не было и ветра – только стучало в ушах задыхающееся от нехватки кислорода сердце.

В полдень они пересекли открытое пространство: широкое поле, заросшее сухой, пожелтевшей травой и разбросанными тут и там линялыми цветами аквилегии, люпина и индейской кастиллеи. Вдалеке уже виднелись горы Сан-Хуан – желтовато-коричневые под лучами солнца, серые в тени, с лохмотьями старого снега на остроконечных пиках. Небо сияло синевой.

Скотт привел своих подопечных к началу широкой долины, и они вошли в редкий сосновый лес с залитой солнцем игольчатой подстилкой. Чем выше, тем чаще среди орегонских сосен встречались ели, и вскоре они снова оказались в чисто еловом лесу. Эбигейл заметила, что после завтрака они идут уже не по дороге, а следуют каким-то другим маршрутом.

Во второй половине дня путешественники прибыли к небольшому озеру, и Скотт сказал всем снять рюкзаки. Фостер прислонилась к трухлявому пню; без ноши за спиной она ощутила такую легкость, что могла бы, наверное, лететь. Выйдя на бережок, журналистка опустилась на колени и побрызгала водой на разгоряченное лицо. От холода у нее даже перехватило дыхание. Эбигейл села на траву, достала бутылку с водой и сделала несколько глотков. Берег окаймляли высокие ели, и озеро, словно зеркало, отражало и их, и высокое голубое небо. Вода казалась темно-зеленой, а у самого дна, над светлыми камешками, бесшумно скользил угорь.

Подошедший Джеррод Спайсер принес Фостер бумажный пакет с ланчем – сандвич, яблоко и батончик «Клиф».

– Как держитесь? – поинтересовался он.

– Ощущение такое, словно дышу через соломинку, и бедра болят от рюкзака.

– Я подтяну лямки перед выходом. Вы хорошо справляетесь.

Заслонившись ладонью от солнца, Эбигейл подняла голову и посмотрела на Джеррода. Ей нравилось его лицо, приятные черты которого не скрывала борода. А еще он был выше Скотта и сложен даже лучше, чем проводник. Но ее внимание привлекли шрамы – две бледные полоски, идущие вверх от уголков рта Спайсера и имеющие форму полумесяца. А вот рассмотреть как следует его глаза у девушки не получилось. Утром, до того как солнце заставило всех надеть темные очки, ей показалось, что они у него разные. И они напомнили ей что-то – только вот что? Глубокие, пронзительные, эти глаза словно несли в себе некое тяжкое бремя, не имеющее отношения к сегодняшнему дню.

Джеррод понес ланч Эммету и Джун, а Эбигейл развернула сандвич с арахисовым маслом и виноградным джемом и съела его, глядя на пощипывающих травку лам.

Лагерь устроили на высоте двенадцать тысяч футов, на поляне, достаточно просторной, чтобы вместить пять палаток. До верхней границы леса оставалось лишь несколько сотен футов. Сам лес представлял собой жалкое смешение голубых елей и альпийских пихт, искалеченных несколькими следовавшими одна за другой жестокими зимами. Скотт настоял на том, чтобы все переоделись в сухое белье, чтобы избежать возможного переохлаждения. На установку палаток ушло полчаса, а потом проводники показали всем, как надуть туристический коврик и где поместить поклажу.

До наступления сумерек еще оставалась пара часов, и Эбигейл, надев флисовые штаны, телогрейку и парку, вышла из палатки. Джун и Эммет стояли неподалеку, наблюдая за тем, как Джеррод устраивает бивачный костер. Лоренс похрапывал в своей палатке, а Скотт рылся в огромном компрессионном мешке, наполненном – на это оставалось только надеяться – настоящей едой, а не ерундой вроде питательных батончиков.

– Я бы хотела воспользоваться дамской комнатой. Как будем выходить из положения? – поинтересовалась Фостер, подходя к нему.

– Туалет я еще не распаковал, – пожал плечами мужчина.

– Правда? У вас есть переносной… – Журналистка не договорила, заметив ухмылку собеседника.

– Никогда не ночевали в лесу? – догадался он.

– Нет.

– Ну, тогда и беспокоиться не о чем. Туалет здесь за каждым деревом.

Девушка обольстительно улыбнулась и показала ему средний палец.

* * *

Уединилась Эбигейл за голубой елью. На часах, все еще показывавших манхэттенское время, была половина седьмого, и ее мысли перенеслись туда же, к Вив и Джен. Будь это любое другое воскресенье, она бы уже позанималась в спортзале, приняла душ и, как сумасшедшая, неслась бы на встречу с ними в «Зинк бар»…

Пока что все в этом походе складывалось не совсем так, как ожидалось. Разреженный воздух, холод, десять миль за спиной и все самое трудное, остававшееся еще впереди. Фостер-то думала, что попадет в свою стихию, но теперь ненавидела все – батончики «Клиф», злобных, вонючих лам… И вот теперь день скатывался в ночь, а она даже не могла рассчитывать на теплую постельку, и это ужасно ее угнетало. *Я – городская девчонка. Да кто бы в этом сомневался!* Сидя на корточках с голой пятой точкой, Эбигейл обозревала долину. Там же, внизу, лежало и золотистое в предвечерних лучах поле, то самое, которое они пересекли несколько часов назад. Она уже натягивала штаны, когда увидела вдалеке, может быть, возле озера, у которого они останавливались на ланч, поднимающуюся из леса струйку дыма. Возвращаясь к костру, Эбигейл с облегчением подумала, как все-таки хорошо, что они здесь не совсем одни.

Глава 4

Фостер прислонилась к елке. Внизу, в овражке, шел вверх по течению Скотт: он только что миновал развилку и, размахнувшись, бросил в воду леску. Ярко-зеленая ниточка блеснула паутинкой в предвечернем свете, описала над камнями что-то вроде буквы S, и крючок с наживкой упал в небольшую заводь. Закатав штанины, проводник стоял по колено в воде, без рубашки, в расстегнутой телогрейке. Тихонько спустившись к берегу, Эбигейл с минуту слушала убаюкивающее журчание речушки.

– Не холодно? – спросила она.

– Холодно, – не оборачиваясь, отозвался рыболов. – Но тут есть один маленький секрет.

– И какой же?

– Не обращать внимания.

Мужчина резко поднял удилище, и из воды выскочила и снова шлепнулась в поток форель. Леска напряглась, удилище изогнулось, и Сойер вытащил улов на берег – двенадцатидюймовую рыбину, розовые жабры которой отчаянно трепыхались в меркнущем свете. Он аккуратно освободил крючок и ударил форель о камень. Она затихла, и рыбак положил ее в холщовый мешок.

– Поправьте меня, если я не права, но вы, по-моему, среагировали еще до того, как поплавок дернулся? – спросила девушка.

– Точно. Удивительно, что вы заметили! Видите ли, стоит чуть опоздать, и она распознает ловушку и уйдет.

– И как же вы определяете нужный момент?

– Надо поймать ее, когда она подходит к мушке, и как только та исчезнет, подтянуть леску.

– Совершенно не поняла, что вы сказали, но наблюдать все равно интересно.

Скотт вышел на берег, опустился на мягкую мховую подстилку и открыл коробочку с самыми разнообразными «мушками»-приманками. Эбигейл, оказавшись достаточно близко от него, смогла прочитать татуировку, кольцом опоясывающую его руку над бицепсом: «МАРИЯ 2.11.78 – 5.15.04 RIP».

Склонившись над рекой, она зачерпнула пригоршню ледяной воды и уже поднесла ее ко рту, но тут проводник вдруг крикнул:

– Нет!

Фостер оглянулась и разжала пальцы.

– Обратили внимание на камни вдоль берега ниже развилки? – спросил ее Сойер.

– Вы про то, что они покрыты оранжевыми водорослями?

– Это не водоросли, а минеральные отложения, визуальный маркер рек с высоким содержанием металла – цинка, алюминия, свинца.

– Другими словами, вода здесь ядовитая?

– Да. Поэтому я и рыбачу выше того притока. Возможно, он идет от старой шахты. – Скотт поднял удочку. – Так что, хотите попробовать? Посмотрим, получится ли у вас выловить что-нибудь.

Минут через пять, когда они стояли рядом у воды, журналистка подумала, что похожих слащавых сценок немало в фильмах, где хороший парень показывает девушке, как обращаться с бильярдным кием. Копируя его движения, касаясь его тела, она невольно вспомнила череду своих недавних нью-йоркских мужчин, прекрасных метросексуалов-неудачников. Сойер не имел

ничего общего с теми заурядными охотниками за удовольствиями, к которым ее постоянно тянуло, и сейчас, впервые после отъезда из Нью-Йорка, ей не хотелось оказаться дома.

*** * ***

Потом они сидели у костра и ели форель, поджаренную на углях и сдобренную свежими специями. Был еще овощной суп с багетом и подогретые над огнем, фаршированные сыром зеленые перчики-чили. Лоренс к тому же ухитрился притащить с собой упаковку пива «Пабст блю риббон». В конце концов все согласились, что давно уже не едали так вкусно.

После ужина каждый долго, до окоченения, мыл свою посуду в ледяной воде, а Джеррод тем временем разворошил костер так, что огонь взметнулся высоко вверх. Устроившись на складном стуле и вытянув уставшие ноги, Эбигейл заметила выскочившие на бедрах волдыри. Она подняла голову – над костром, отрываясь от пламени, проплывали между лапами елей и устремлялись в ночное небо чешуйки пепла.

Кендал достал из кармана шерстяной куртки флягу и протянул ее Джун. Та отвернула крышку, сделала пару глотков и передала флягу мужу.

Над головой Скотта собралось облачко дыма.

– Кто еще желает десерт? – спросил он.

Виски обожгло горло. Фостер отпила еще немного и с благодарностью отметила, как спиртное приглушило боль, которой ее тело отозвалось на десятимильное путешествие.

Лоренс, захмелев, снова почувствовал себя профессором и принялся читать лекцию об истории города-призрака, приводя цитаты из дневника женщины по имени Глория Кёртис, жившей когда-то в Абандоне. Но Эбигейл слушала плохо и следующие полчаса думала о чем-то своем, а когда отвлеклась от собственных мыслей, он говорил уже о некоем мужчине, приехавшем в Абандон в январе 1894 года на поиски пропавшего младшего брата, погонщика мулов Брейди Сайкса, и обнаружившем город умолкшим и обезлюдевшим – над трубами не вился дымок, и даже дробилка руды не работала.

– Дома стояли пустые. Люди просто собрали пожитки и ушли. Все сто двадцать три живые души просто взяли и исчезли на самое Рождество, – говорил Кендал.

– Так что же случилось с братом погонщика мулов? – спросил Эммет.

Лоренс выдохнул облачко дыма.

– Он поступил ровно так, как и любой из нас на его месте. Унес оттуда свою задницу. А еще через несколько дней дал интервью «Силвертон стандард энд майнер». Сказал, что перепугался до чертиков, что чувствовал себя там как-то странно,

будто в городе завелись призраки, будто там побывал сам дьявол. Все подумали, что найдут останки жителей Абандона летом, когда сойдет снег, но не нашли ничего, даже ни одной кости.

– Какой облом! – сказал Скотт.

– Так что, по-твоему, случилось? – спросил Тозер.

– С городом? – уточнил Лоренс.

– Да.

Профессор вздохнул, задумался на секунду, а потом, понизив голос, доверительно сказал:

– Я ни с кем этим не делился…

Эммет и Джун едва заметно наклонились вперед.

– Но думаю, их всех забрал большой космический корабль пришельцев, – закончил фразу отец Эбигейл.

– В самом деле? – изумилась миссис Тозер.

Лоренс улыбнулся.

– А, шутите! – пробормотал Эммет.

– Извините, но и вы поймите меня, – развел руками Кендал. – Меня, наверное, тысячу раз спрашивали, что случилось с Абандоном, а я просто не знаю ответа. Кое-кто – есть такие чокнутые – считает, что всех жителей города похитили инопланетяне или же там произошло нечто сверхъестественное.

– А как насчет вируса? – спросила Джун.

– Этого добра и в девяностые годы девятнадцатого века хватало, но отравление свинцом представляло для жителей Абандона куда большую угрозу, чем какая-либо эпидемия, учитывая тот факт, что источники их питьевой воды находились в тех горах. Однако даже если допустить, что город стал жертвой некоего супервируса, остается вопрос: а где останки? При отсутствии костей нетрудно понять, как у кого-то появляются сверхъестественные объяснения.

– Даже у вас? – спросил Эммет.

– Сказать по правде, своя теория у меня есть, но я ни с кем ею не делился и делать этого не планирую.

Скотт поднялся, снял висевший на дереве мешок с водой и залил костер.

Угли зашипели, клубы пара взметнулись вверх, и воздух тут же дохнул холодком.

– Извините, но завтра рано вставать, – обратился проводник к своим подопечным.

Все пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по палаткам. Остались только Лоренс и Эбигейл. Потом, заметив, что никого уже нет, она тоже поднялась.

– Спокойной ночи.

Глядя на последний тлеющий уголек, Кендал поскреб седую бороду.

– Посиди со мной немного, – не поднимая головы, попросил он.

– Я бы посидела, правда, но устала и уже замерзла.

– Эбигейл…

– Что?

– Я только хотел…

– Знаю. Но прямо сейчас я не могу, понимаешь? Не готова.

Полянка, на которой расположился лагерь, находилась футах в пятидесяти от опушки. Фостер хотела было отойти по малой нужде, но перспектива садиться на корточки где-то там, в темноте, представлялась ей еще менее привлекательной, чем вариант с переполненным мочевым пузырем. Она забралась в свою одноместную палатку, заползла в холодный спальный мешок, свернулась калачиком, застегнула «молнию» и собрала в хвост длинные черные волосы. От них воняло древесным дымом. Даже короткой прогулки от костра до палатки хватило, чтобы у журналистки участился пульс, и теперь в висках у нее гулко стучало. Но потом сердце успокоилось, и наступила тишина. В Нью-Йорке, даже по уик-эндам, когда она лежала в постели в своей студии, в тишине обязательно присутствовали звуки – вой сирен, шум центрального отопления, гул холодильника… Здесь же тишина была полной, абсолютной, как вакуум. И от этого девушке было не по себе.

Поскольку ни дождя, ни снега в эту ночь не предвиделось, натягивать над палатками тент проводники не стали. Двускатный потолок в палатке был сетчатым. Высунувшись из спального мешка, журналистка отстегнула одну его секцию и изумленно ахнула. За открывшимся окном лежал четырехугольник ночи, подобной которой она еще ни разу не видела. Усеянное яркими, мерцающими звездами небо как будто тлело угольками космического костра. Эбигейл не помнила, когда в последний раз видела звезды, и даже не представляла, что их может быть так много.

Она уже засыпала, когда неподалеку по траве прошуршали шаги – ее отец брел в свою палатку. Почему он выбрал для себя такую вот жизнь? Да, для своего возраста он выглядел совсем даже не плохо, но был ли счастлив? Кого выбирал в друзья? С какими женщинами водился? Перед поездкой в Колорадо Фостер все же набрала в «Гугле» его имя, но нашла лишь короткую биографию на веб-сайте колледжа Форт-Льюис. В Интернете Лоренс явно ограничился скромным присутствием.

Усталость брала свое. Девушка согрелась в спальном мешке и даже уловила в тишине неясное бормотание реки.

Девять метеоров прочертили четырехугольник неба, прежде чем сон сморил ее окончательно. И, несмотря на все разговоры у костра о загадочной судьбе жителей Абандона, самой большой тайной для нее по-прежнему оставался человек, посапывавший в одиночестве в палатке, в двадцати футах от нее.

Глава 5

Эбигейл открыла глаза. За ночь пар от ее дыхания отложился на спальном мешке тонкой ледяной корочкой. В других палатках уже ворочались и шевелились, а еще дальше потрескивало что-то похожее на костер.

Она зашнуровала ботинки и выбралась наружу. Часы показывали 8:23, что означало 6:23 по местному времени. Лужайку вместе с палатками укрывал густой туман. В сторонке, неподалеку, паслись ламы. От свежего воздуха защекотало в горле.

После короткой прогулки к уже облюбованной ранее синей ели Фостер направилась к костру. Оказалось, что встал один только Джеррод. Он и протянул ей кружку горячего, с дымком, кофе.

– С чем будете? – поинтересовался мужчина.

– Предпочитаю черный.

Кофе был горячим и густым. Подойдя поближе к костру, Эбигейл с любопытством наблюдала за тем, как проводник устанавливает еще одну газовую плиту. Пока вода закипала, он разложил по пластиковым чашкам пакетики с овсянкой и добавил сушеные фрукты и шоколадную крошку.

– А где Скотт? – спросила журналистка.

– Помогает Эммету. Ночью, часа в три, парню стало нехорошо, открылась рвота. Может быть, это высотная болезнь. Скотт дает ему «Диамокс». Важно не допустить обезвоживания. Но ничего страшного, с Эмметом все будет в порядке. Эта штука прочищает быстро и хорошо.

– Я могу чем-то помочь?

Спайсер посмотрел на нее, и их взгляды на секунду встретились.

– Нет, я уже заканчиваю. Но все равно спасибо. – Проводник очистил два банана и начал нарезать их швейцарским армейским ножом. Наблюдая за ним, Эбигейл обратила внимание на свисающий с его шеи солдатский идентификационный жетон.

*** * ***

Лагерь свернули уже через час. Эммет был еще слаб, но чувствовал себя лучше. Его поклажу проводники распределили между собой. Чем выше, тем мельче и суше становились ели, и на некоторых из них совершенно не было ветвей с наветренной стороны.

Лес постепенно сменялся горной тундрой – кустарники, трава и камни, облепленные черными и желтыми лишайниками. Путники шли цепочкой, не растягиваясь. В авангарде – Скотт и ламы, замыкающим – Джеррод.

Граница распространения леса осталась позади, и теперь по обе стороны, справа и слева, высились крутые скалистые стены.

Держа курс на перевал, группа вышла на каменистое поле. Там не было ни травинки, ни былинки – только огромные разбитые валуны, сползшие сверху под собственным весом и наполняющие верхние ярусы круглой впадины странными, звякающими звуками. На некоторых камнях были видны заполненные водой выщербины. Из-под ног резво выскакивали и разбегались черные пауки.

Едва Эбигейл успела подумать, что эти громадины напоминают готические соборы с их башенками и дымоходами, как где-то вверху раздался грохот: один из валунов сдвинулся с места и устремился вниз, раскалываясь по пути на куски.

– Всем лечь! – крикнул Скотт. – Голову закрыть рюкзаком!

Вся компания припала к земле, с ужасом глядя на несущиеся сверху, подпрыгивающие и разваливающиеся камни.

Фостер зажмурилась.

– Нет, нет, нет! – успела прошептать она, прежде чем одна часть камней умчалась вниз, а другая разбилась о здоровенный, с автобус величиной, валун футах в пятнадцати от нее.

И снова наступила тишина. В воздухе запахло кордитом.

– Все целы? – крикнул Сойер.

Эбигейл подняла голову – рядом, закрыв глаза и стиснув зубы, дрожал всем телом Джеррод.

*** * ***

Ближе к перевалу валунное поле стало круче, и подниматься приходилось едва ли не на четвереньках, то и дело опираясь на руки. Тяжелый рюкзак, смещаясь, тянул то в одну, то в другую сторону. Поглядывая на лам, Эбигейл завидовала их ровному, уверенному шагу.

Дальше путь лежал по выступам.

– Не торопитесь! – крикнул Скотт. – Этот участок очень опасный. Ступайте осторожно. Если почувствуете, что начинаете паниковать, дайте знать. Мы поможем. Сосредоточьтесь на том, что над вами, и не смотрите туда, куда вам не надо. То есть вниз.

Ширина уступов варьировалась от четырех до шести футов. Делая шаг вперед, Эбигейл опиралась левой рукой о скалу и лишь затем переносила другую ногу. Получалось у нее медленно, и другие путешественники ушли далеко вперед.

На третьем подъеме журналистка допустила ошибку: глянула вниз. Ей и в голову не приходило, что они поднялись на такую высоту, и теперь от вида уходящего далеко вниз поля с валунами у нее моментально закружилась голова, а в животе словно взмахнули острыми как бритва крылышками сотни бабочек. Колени сделались ватными. Мир покачнулся, и Эбигейл повело к краю. Джеррод схватил ее за руку и потянул назад.

Она осела на землю.

– Эбигейл… – осторожно позвал ее Спайсер.

– Не могу дышать.

Проводник опустился рядом с ней на колени.

– Всё в порядке. Это обычная гипервентиляция. Закрой глаза и несколько раз глубоко вдохни.

Эбигейл последовала его совету, и головокружение действительно вскоре прошло. Она открыла глаза, и мир уже не качался из стороны в сторону.

– Ты меня спас.

Джеррод достал из рюкзака моток веревки.

– А это зачем?

– Дальше, до вершины, пойдем в связке. Встать можешь?

Она поднялась, и Джеррод, перехватив ее сзади веревкой, начал обматывать ее бедра и талию.

– Можно вопрос? – спросила Эбигейл.

– Конечно. – Спайсер затянул веревку у нее на поясе.

– Тебе сколько лет?

– Тридцать семь.

– Был в Ираке?

Джеррод остановился, не закончив узел, и повернул собеседницу лицом к себе.

– Вообще-то да. – В его голосе зазвучали настороженные нотки. – А как ты узнала?

Эбигейл бросила взгляд вниз – через заваленное валунами поле, к сверкающему вдалеке озеру, возле которого они останавливались накануне.

– Твой жетон подсказал.

– А, ну конечно…

И кое-что еще. Особенно твоя реакция на камнепад. Пару лет назад, готовя для «Таймс» статью о солдатах с посттравматическими стрессовыми расстройствами, Фостер общалась со многими ветеранами и хорошо знала симптомы этого синдрома. Сомневаться не приходилось – Джеррод тоже страдал от ПТСР. Это было у него в глазах.

*** * ***

В полдень они вышли на перевал под названием Пила – узкий, продуваемый ветром проход в амфитеатре скал, занесенный прошлогодним, хрупким, как кристаллики соли, снегом и лежащий на высоте в тринадцать тысяч футов.

Здесь они сняли рюкзаки и, укрывшись от ветра, устроили привал.

С того места, где сидела Эбигейл, открывался вид на другую сторону перевала – глубокий, в две тысячи футов, спуск в вертикальный каньон. В дальнем его конце она даже разглядела руины бывшего прииска. А еще дальше, примерно в миле от шахты, на фоне леса виднелись какие-то темные пятнышки.

– Доктор Кендал! – крикнул Эммет.

Лоренс, исследовавший углубление в скале в конце выступа, высунул голову и оглянулся. Тозер помахал ему рукой, и профессор подошел и опустился на корточки рядом с ним.

– Что это там за пятнышки? – спросил, указывая вниз, Эммет.

– Это и есть Абандон.

Эбигейл достала телефон. Тот на секунду завис, но потом все же поймал сигнал.

Она позвонила матери – рассказать, какая здесь красота.

Глава 6

Весь следующий час они спускались по осыпному склону и к двум часам добрались до развалин «Годсенд», прииска Бартоломью Пакера. Камнедробилка выглядела так, словно вот-вот обрушится. Доски выгнулись и торчали во все стороны, и среди куч мусора гордо высился лишь один непреклонный чугунный пест.

Путешественники шли по старой обозной тропе, когда с запада надвинулись тучи. Залежавшийся на стенах каньона снег стекал мутными потоками, заполняя колеи грязной, хлюпающей под ногами кашицей.

Впереди лежала заросшая травой полоса, по обе стороны которой стояли, скособочившись, ветхие строения – все, что осталось от Абандона. Главная улица городка пролегала по середине каньона и тянулась примерно на двести ярдов. Проходя мимо домов с декоративными фасадами, многие из которых не устояли под бременем лет, Лоренс указал на здание с шестью балкончиками.

– Здесь был местный квартал красных фонарей, – рассказал он своим спутникам. – За каждым балкончиком находилась крохотная комнатушка. Проститутки стояли на балконах и всячески старались заманить проходивших мимо потенциальных клиентов.

– А откуда у города такое название? – поинтересовалась Джун.

– Поначалу Барт Пакер дал ему другое имя, Хоуп, но один из шахтеров – парень, по-видимому, начитанный и не питавший теплых чувств к этому далекому каньону, начал в шутку называть городишко Абандоном[3]. Это название и прижилось, – объяснил профессор.

– А это что? – спросил Эммет, указывая на давно обрушившееся здание на другой стороне улицы. – Видите ту металлическую штуковину вон там?

Лоренс подошел ближе и пригляделся к руинам.

– Здесь, – сказал он, – была пробирная палата. Пробирщик оценивал для старателей представленные образцы руды и выносил свое заключение относительно содержания в них металла. А этот кусок металла – возможно, часть котла. Поройтесь как следует в этой куче и, держу пари, найдете старые тигели и все такое.

Затем группа прошла мимо кузницы, от которой осталась только груда сгнивших досок и наковальня, танцзала и магазина с упавшей на крыльцо вывеской – «ДАМЫ ОБСЛУЖИВАЮТСЯ С ОСОБЫМ ВНИМАНИЕМ».

Продолжая экскурсию, Кендал указывал на аптеку, мясной рынок и пекарню, хотя, на взгляд Эбигейл, все эти развалины были всего лишь кучами мусора.

Примерно на полпути Лоренс остановился перед покосившимся зданием.

– Самое важное место в городе. Салун! – Глаза его задорно блеснули, и Фостер подумала, что отец, развлекая слушателей рассказами о событиях прошлого, чувствует себя в своей стихии. Работа приносила ему настоящую, неподдельную, детскую радость, и она немножко завидовала – вот бы ей частичку этой его удачи! – И здесь я должен рассказать вам о женщине, обслуживавшей клиентов этого бара в тысяча восемьсот девяносто третьем году. Звали ее Джослин Мэддокс. Это была роскошная, сногсшибательная красавица, дерзкая и вдобавок черная вдова. К двадцати пяти годам она побывала замужем за тремя богачами, умершими при весьма загадочных обстоятельствах. Родственники ее последнего мужа оказались далеко не простаками и доказали, что она постепенно травила его мышьяком. Джослин сбежала из Аризоны, а потом ее каким-то ветром занесло сюда. Здесь она произвела сильное впечатление. Мужчины ее обожали. Веселая, задорная, за словом в карман не лезла и могла отшить любого – в общем, оторва. Но в ноябре восемьсот девяносто третьего приехавший сюда аризонский старатель узнал Джослин и сообщил шерифу Кёртису, что в его городе баром заправляет беглая преступница. Информацию проверили, и Иезекилю ничего не оставалось, как только арестовать ее. Для экстрадиции Джослин в Аризону, где ее ждала виселица, все уже было готово, но тут выпал снег. Власти решили, что зиму она проведет в Абандоне, а в Аризону отправится весной. Поскольку половина городка была без ума от красавицы-убийцы, ее не стали гноить в тюрьме, а оставили в баре исполнять прежние обязанности под надзором помощника шерифа. Разумеется, ни о каком возвращении в Аризону Джослин не думала и на Рождество исчезла вместе со всеми остальными.

* * *

Вступив в город с тыла, исследователи прошли его полностью, до въезда. Вдалеке, на лесистом склоне, виднелась церковь. Крыша ее провалилась, но колокольня уцелела, и над ней, на фоне темнеющего неба, выделялся покосившийся силуэт креста.

Джун вдруг остановилась.

– Милая? – насторожился Эммет. – Что такое?

– Ничего. Просто… энергетика здесь почти та же, что и на Роанок-айленд.

– А это что такое? – заинтересовалась Эбигейл.

– Исчезнувшая колония, поселение на побережье Северной Каролины в конце шестнадцатого века, жители которого бесследно исчезли, – ответила миссис Тозер. – Остались только вырезанные на дереве буквы «CRO». Некоторые полагали, что они означают индейцев-кроатанов и что, возможно, произошло нападение. Мы работали там несколько лет назад – так вот, здесь энергия даже сильнее.

– Что за энергия? – не поняла ее журналистка.

Джун повернулась, и ее глаза, казавшиеся такими добрыми и мягкими еще позавчера, при их первой встрече в Дуранго, поразили Эбигейл пронзительной, тревожной глубиной.

– Здесь случилось что-то ужасное, – сообщила женщина.

Фостер невольно улыбнулась.

– Что? – тут же нахмурилась Джун.

– Нет-нет, ничего, извини.

– А, так мы скептики!

– Боюсь, что да. Послушай, я не имею ничего против…

– Не надо, – перебил журналистку Эммет. – По крайней мере, ты говоришь об этом прямо. Я уважаю откровенность. Но надеюсь, раз уж ты собираешься писать статью о том, чем мы занимаемся, на твою беспристрастность.

– Обещаю, – заверила его Фостер.

* * *

Лагерь разбили на краю города. Эбигейл забралась в палатку и сразу уснула, а когда проснулась, был вечер и было холодно. В кармашке рюкзака нашлась пара перчаток, и она, натянув их, выползла наружу. Над остроконечными пиками проносились низкие темные облака. Лежавший на траве, вместе с ламами, Скотт слушал радио, Лоренс, сидя у открытого входа в палатку, листал при свете налобного фонаря потрепанную записную книжку, а Спайсер подбрасывал в огонь доски. Журналистка села напротив него.

– Джеррод?

Тот поднял голову.

– Как думаешь, это все – полная чушь? – спросила Фостер.

– Что?

Вместо ответа девушка кивнула в сторону Эммета и Джун, которые стояли на коленях чуть поодаль, склонив головы в медитативной позе.

– Не знаю. Они не такие чокнутые, какими, в моем понимании, и должны быть.

Эбигейл стащила перчатки и протянула руки к огню.

Вдалеке, на фоне заката, причудливым и мрачным силуэтом вырисовывались руины Абандона.

К костру подошел Скотт, а за ним подтянулись и Лоренс с Тозерами.

– Что такое? – спросил Джеррод.

– По радио только что передали последний прогноз погоды. Ничего хорошего… – вздохнул Сойер.

– Шутишь, – не поверил Лоренс.

– Предполагалось, что снеговой фронт пройдет через Нью-Мексико, но он сместился севернее. Больших холодов ждать не стоит, но выше десяти тысяч футов выпадет много снега. Абандон, как известно, лежит на одиннадцатитысячной отметке.

– И сколько обещают? – спросил Кендал.

– От одного до трех футов. Они уже рассылают штормовые предупреждения. К нам фронт подойдет поздно вечером.

– И что это все значит? – с беспокойством спросила Джун.

– Это значит, что нам надо собирать вещички и возвращаться к обозной тропе, – заявил Скотт.

Джеррод вскинул голову.

– Ты это серьезно?

– Серьезней не бывает, – кивнул Сойер.

– Идти в темноте?

– Ну хотя бы полпути пройдем. Все лучше, чем топать потом семнадцать миль, утопая по пояс в снегу.

– Может, все будет не так плохо…

– А может, даже хуже.

Джеррод посмотрел на Эммета.

– Вы потратили немалые деньги, чтобы добраться сюда и поснимать город, сорвали Лоренса…

– Ты что себе думаешь? – тут же вмешался Скотт.

– Разговариваю с клиентом. Может быть, ему стоит…

– С *моим* клиентом. На случай, если забыл, брат, позволь напомнить, что ты работаешь на меня.

– Так нам нужно уйти? – переспросил Тозер.

– Если буря действительно нагрянет, выбираться отсюда будет чертовски трудно, – объяснил ему Сойер. – Ни лыж, ни снегоступов мы с собой не захватили. Вы когда-нибудь пробовали ходить по снегу глубиной в три фута?

– Пусть сами решают, – сказал Джеррод.

Скотт бросил на него сердитый взгляд и снова повернулся к Тозерам.

– Послушайте, я предлагаю убраться отсюда к чертовой матери, но если вы хотите остаться, такой вариант тоже есть. Что думаешь, Лоренс?

– Потратились они, разрешение тоже выбивали они – им и решать.

Эммет посмотрел на жену, а потом снова на Скотта.

– Другого шанса поснимать в Абандоне в этом году у нас уже не будет? – уточнил он.

– Да, сезон заканчивается. Удивительно, что снега пока еще почти нет. Если вы ничего не сделаете сейчас, то до следующего июня, а то и июля – это будет зависеть от погоды – сюда не попадете. И то лишь при условии, что вам удастся получить разрешение.

– Милая? – Тозер посмотрел на жену.

Темные, клубящиеся облака, переваливая через вершины каньона, устремлялись на город-призрак подобно лавине.

Джун взглянула на мужа и кивнула.

– Мы рискнем, – сказал Эммет.

И Абандон утонул в тумане.

1893

Глава 7

Бартоломью Пакер захлопнул дверь, отгораживаясь от бушующей за порогом метели. Затем смахнул снежинки с шерстяного пальто, положил на вешалку котелок и протопал вразвалку к пузатой печке. Половицы жалобно заскрипели под его немалым весом.

Отогревая пальцы, мужчина обвел взглядом единственный оставшийся в Абандоне салун. Бледный свет от трех свисающих с потолка керосиновых ламп рассеивал мутный полумрак, но никогда не добирался до дальних углов помещения, бывшего, по сути, всего лишь жалкой лачугой.

Этим вечером в салуне их было всего лишь четверо. Лана Хартман, за пианино у дальнего окна, наигрывала «*O Little Town of Bethlehem*». Она уже давно стала такой же привычной частью обстановки, как барные табуреты. Но в этом платье – темно-зеленом, с красным кантом на воротнике и манжетах – Пакер видел ее впервые.

Лану слушала сидевшая за барной стойкой Джослин Мэддокс – в руке сигарета, в глазах скука.

На стуле у плиты дремал молодой помощник шерифа, в обязанности которого входил надзор за барменшей. Наклюкавшись в одиночку, он громко храпел, а по его подбородку медленно ползла полоска слюны табачного цвета.

– Привет, Джосс. – Барт шагнул к стойке. – Весело сегодня.

– Веселого Рождества тебе, хрен моржовый. Пришел глотку промочить? – Барменша улыбнулась и соскочила со стула, одетая, как всегда, на мужской лад – в холщовые штаны с высокой спинкой на подтяжках и хлопчатобумажную рубашку. Именно это несоответствие между мужским нарядом и черными как вороново крыло волнами падающими на плечи вьющимися волосами, а также темными, глубокими глазами сводило мужчин с ума. В этой женщине было что-то испанское, экзотическое. Позвякивая цепью, соединяющей ее ножные кандалы, Джосс вытащила пробку из бутылки и налила Барту полный стакан.

– Боюсь, тебе сегодня придется выпить со мной, – заявила она.

– Вот как?

– Как думаешь, мисс Хартман поднимет стаканчик с такими, как мы с тобой? Никогда не видела, чтоб она пила, хотя, как тебе прекрасно известно, угощать ее пытались многие, включая присутствующих.

– А что же наш герой у печи?

Мэддокс бросила взгляд на спящего помощника шерифа и снова повернулась к Бартоломью.

– Да не трогай ты этого ссыкуна, – прошептала она. – И не шуми. Увидит, что я выпиваю, так потом весь вечер будет нудить.

Она взяла стакан для себя, а когда налила, Пакер поднял свой.

– За тебя, Джосс. Пусть следующий год…

– Ради бога! – Барменша проглотила виски одним долгим глотком. Барт тоже опрокинул свой стакан.

Джосс налила еще.

– Эх, милая, видела б ты Абандон, когда все только начиналось!.. – вздохнул ее посетитель. – В восемьдесят девятом, в такую вот ночь, здесь сидело бы человек пятьдесят шахтеров после смены и целый выводок шлюх.

– Так что, теперь все кончено, а?

– Да, все кончено. Все ушло. Шлюхи, опиум, веселье…

Они чокнулись и выпили, а потом Барт налил еще, и они выпили снова. Скоро лицо Пакера разгорелось и пошло пятнами; лопнувшие капилляры проступили на коже красными червячками, и его нос сделался похожим на перезрелую клубнику. С лысины мужчины потекли струйки пота.

Барт был не из тех, кто стоит, когда можно сидеть. Он забрался на барный табурет, и они с Джосс продолжили обрабатывать бутылку под звуки рождественских мелодий Ланы и громкий храп помощника шерифа. Как не раз бывало в такие тихие вечера, Бартоломью завел старую шарманку про былые, веселые деньки, про то, как надо разрабатывать богатую жилу в горах и как в следующем году он остановит дробилку, прикроет лавочку и отправится искать удачи в Монтану.

– Ты бы помолчал немного для разнообразия, а? У меня от твоих речей голова пухнет, – проворчала его собеседница.

Пакер налил снова. За окном уже вовсю бушевала метель, и тонкие стены заведения дрожали под натиском ветра.

Потом Барт поднялся, нетвердой походкой добрался до пианино и остановился рядом с Ланой, глядя на золотистый разлив ее волос и порхающие над клавишами пальчики. Пианино было расстроено – два года назад один рабочий пульнул в него из револьвера, по ошибке приняв в драке за противника.

– Очень было приятно, мисс Хартман, – изрек Барт, дослушав очередную песенку, и сунул руку в карман, из которого извлек и положил на клавиши джутовый мешочек размером с кулак.

Пианистка подняла мешочек и подержала, определяя вес, на ладони. Развязала шнурок, заглянула внутрь и увидела тусклый блеск пыли и крохотных самородков – долларов, пожалуй, на двести.

Она посмотрела на Бартоломью и покачала головой.

– Нет-нет, смотреть на вас было для меня в этом году самым большим удовольствием! Вы слишком хороши для этой дыры…

Пакер протянул было руку к плечу Ланы, но остановился. Он никогда до нее не дотрагивался. Но зато мужчина позволил себе задержать взгляд на ее лице, самом мягком и нежном из всех, что когда-либо украшали собой улицы этого городишки.

После этого Барт вернулся на свое место у стойки.

– Еще один – на холодную дорожку домой, – сказал он барменше.

Та вылила из бутылки последние капли, а Лана снова заиграла.

Допив виски, Бартоломью положил на стойку еще один мешочек.

– И веселого Рождества тебе, Джосс.

Мэддокс взвесила мешочек на ладони, словно этого могло и не хватить, улыбнулась и наклонилась к нему через стойку.

– Ты ведь любишь ее, да? – спросила она тихо.

– Извини?

– Чудной ты мужик. Приходишь сюда каждый вечер, как будто тебе и пойти больше некуда. Слушаешь это ее бреньканье…

– Эй, это же не значит…

– Да успокойся ты, Бартоломью, и слушай! Человек не знает, какой ему срок отмерен. Мой приходит весной, а тебе я скажу так – надеюсь, ты не уйдешь из этого мира с сожалением о несделанном.

– Не понимаю, что ты…

– Прежде чем уберешься отсюда, сделай то, что ты всегда хотел сделать с тех пор, как положил глаз на эту кобылку.

– Какого черта…

– Я хочу, чтобы ты ее поцеловал.

– Не могу.

– А что такого она тебе сделает? Отвесит пощечину? Уверена, тебе такое не впервой. Черт, попробовал бы ты что-то такое со мной, я бы тебя пристрелила, но с ней тебе это не грозит. По-моему, ты любишь ее, и это мой рождественский тебе подарок. Возьми и поцелуй, когда будешь выходить.

Барт сполз с табурета и направился к двери. Надел пальто, шляпу. Взялся за ручку.

Остановился. Повернулся. И пошел к пианино. Его слабое сердце колотилось, как бешеное. Он наклонился и поцеловал Лану в щеку.

Она перестала играть и опустила голову. Обоих трясло.

– Извините, – пробормотал Пакер. – Просто я…

Он не договорил и поспешил к выходу.

Хартман перевела дух и посмотрела в окно через улицу – на женщину, сидящую у эркера на втором этаже постоялого двора.

Через дорогу доносились звуки веселья. Там, в танцзале, собрался на празднование Рождества едва ли не весь город. Пианистка еще раз вздохнула и заиграла «Тихую ночь» на расстроенном пианино.

Джосс достала из-под стойки свечку, подошла к печи, открыла дверцу и поднесла фитилек к пламени, а потом поставила зажженную свечу на подоконник за баром и осталась у окна, вглядываясь в темень и бушующую за стеклом вьюгу. Увидят ли ее сигнал в такую непогоду?

Глава 8

Стивен Коул застегнул свой черный сюртук и шагнул на платформу с музыкантами – высокий, бледный и худой до такой степени, что казался хрупким. Его разделенные прямым пробором каштановые волосы падали на плечи грязными прядями, а жидкие усы – единственное, что ему удалось вырастить на лице, – больше подошли бы подростку, чем двадцатисемилетнему мужчине. Но люди замечали не невзрачную внешность этого человека, а его большие глаза – карие, мягкие, иногда даже сияющие.

– Давайте помолимся! – призвал он собравшихся. – Господи. Спаситель. Творец добра. Благодарим Тебя за щедрость Твою, за пищу, поданную нам, за руки, приготовившие ее, за щедрого мистера Пакера, позволившего поварам своего пансиона устроить пир для города. Благодарим Тебя за сына Твоего, Иисуса Христа, посланного Тобой спасти сей презренный мир. Давайте же, празднуя сегодня и завтра рождение Младенца, вспомним, что на свет он появился в яслях для скота. И наконец, Господи, прошу Тебя взять под свое покровительство и защитить город Абандон. Убереги нас от холода и снега, горных лавин, диких зверей, дикарей, и прежде всего от порока в сердцах наших. Господи помилуй. Аминь.

Стивен сошел с платформы, а музыканты взяли в руки инструменты, тронули струны и принялись подкручивать деревянные колки.

Два года назад на этой сцене толпились бы шлюхи всех мастей и на любой вкус – в драных пеньюарах и ярких чулках, некоторые совсем еще дети, другие полуголые, а парочка и совсем без одежды, все разрисованные, будто похотливые клоуны. В толпе танцующих шатались бы пьяные шахтеры, и комната благоухала бы отвратительной «амброзией» – запахами виски, пота и табачного дыма.

Но потом шахта съежилась, а гуляки и кутилы убрались восвояси, оставив на память о себе испещренные пулями стены и пол с пятнами от рвоты, плевков и крови.

В этот вечер в центре зала составили с дюжину столов, украшенных ленточками, молодыми елочками, срезанными на склонах холмов над городом, и множеством свечей.

В конце ближайшего к железной печурке стола сидели шериф Иезекиль Кёртис и его жена Глория. В полной тишине жители Абандона накладывали на тарелки кукурузный хлеб, овощи, жареный картофель и мясо и наливали подливу. Свисающие с потолка лампы лишь разжижали полумрак зала, высвечивая лица на неясном полотне тени и света. Сидя напротив Гарриет Маккейб, Глория смотрела, как девочка жадно поглощает ужин, роняя соус на белый фартук.

– Ты готова встретить Санта-Клауса? – спросила миссис Кёртис. – Я слышала, он сейчас на пути в Абандон.

Гарриет взглянула на свою мать, словно ожидая от нее подтверждения правоты этого заявления. По лицу Бесси Маккейб текли слезы.

– Бесси? – прошептала Глория. – В чем дело? Ты нездорова?

Миссис Маккейб едва исполнилось двадцать. Розовое хлопчатобумажное платье, заляпанное пятнами и рваное – в нем она постоянно ходила за дровами, – было у нее лучшим, но совершенно не подходило для здешней холодной зимы. Десять месяцев назад Бесси приехала из Теннесси к мужу – и обнаружила не того пятнадцатилетнего паренька, за которого вышла замуж, а совсем другого человека. В глазах ее горел тусклый свет нужды и изнеможения. В горах, в самую зимнюю стужу, она оказалась рядом с человеком, из-за которого ее соломенные волосы выпадали целыми клочьями.

– Это из-за Билли, – прошептала молодая женщина, прикрыв ладошкой рот с гнилыми зубами.

Подавшись вперед, Кёртис взяла Бесси за руку.

– Где он? – спросила она.

– А как вы думаете? – Голос Маккейб дрогнул.

– С мистером Уолласом?

– Кажется, отправились мыть золото.

– Мистер Маккейб любит тебя, – сказала Глория и почувствовала, как кто-то ущипнул ее под столом.

Она повернулась и наткнулась на неодобрительный взгляд мужа.

– Итак, миссис Маккейб, – сказал Иезекиль, – как мистеру Маккейбу работа на шахте?

– Работает откатчиком, но когда у Билли выходной, они с мистером Уолласом куда-то уходят.

– Что ж, будем надеяться, и у Билли в лотке что-то блеснет. – Шериф поднял стакан с водой, сделал глоток и переключил внимание на маленькую девочку.

Пока он расспрашивал Гарриет о ее занятиях, Глория пощипывала лежащий на тарелке кукурузный хлеб и украдкой поглядывала на мужа. Она все еще была без ума от него, этого солидного, эффектного мужчины с густыми усами, длинными бакенбардами и пылкими глазами, вспыхивавшими страстью – гневом или чем-то еще – с такой силой, словно в груди его кипела лава. Это она убедила мужа надеть по случаю сюртук, который он презирал и в котором выглядел, говоря его собственными словами, как «какой-нибудь разряженный банкир».

Постепенно, однако, внимание Глории сместилось от их стола к соседним, и она стала улавливать обрывки других разговоров – о растущих, бурлящих и кипучих городах. В какой-то момент миссис Кёртис заметила стол, стоящий ближе других к платформе с музыкантами. Одну его сторону занимали десять человек, но в его дальнем конце, в одиночестве, ела женщина, с которой никто не общался. Ей было лет сорок с лишним, и даже издалека Глория видела, что в свое время она блистала красотой. Теперь, правда, эта женщина выглядела просто усталой и неприкаянной в обтрепанном бордовом бальном платье с турнюром, рукава которого были отделаны белым кружевом и замысловатой вышивкой бисером по моде семидесятых годов.

– Прошу меня извинить, – сказала Глория и, прежде чем Иезекиль успел ответить, поднялась и направилась к столу, за которым сидела эта дама в старомодном платье. – Вы не против, если я сяду, Розалина?

Женщина усмехнулась. Щеки ее были напудрены, а волосы собраны наверху в пышную массу гранатовых завитков.

– Если вам безразлично, что подумают все эти лицемеры, то я, конечно, возражать не стану, – отозвалась она.

Кёртис перенесла свою тарелку и выдвинула стул. Откровенность Розалины задела в ней какие-то струны.

Оказавшись рядом, она заметила еще больше следов разрушенной болезнью красоты этой женщины, и сердце ее сжалось от боли. Она подумала о своей собственной матери, какой та могла бы стать, если б сифилис не сократил ее дни.

– Как вам нравится… – начала было жена шерифа, но собеседница перебила ее:

– Я не жалую сострадание. А с чего это вы решили сюда сесть? Что на вас такое нашло?

– Я видела вас и…

– Как и половина мужчин в этом зале. И теперь они изображают притворное негодование – как это я посмела участвовать в празднике вместе с ними! – а про себя просто смеются. Знаете, меня ведь *любили* в этом городе? Едва ли не как королеву.

– Послушайте, я увидела, что вы одна, и…

– Что ж, вы отметились добрым деянием, так почему бы вам не вернуться… – Розалина не договорила и, протянув руку, коснулась длинного белого шрама под нижней губой Глории. – Где вы работали, милочка?

Та вспыхнула и отпила воды.

– Я… Я больше не работаю.

– Я имею в виду, когда работали.

– В Ледвилле.

Розалина улыбнулась.

– То еще местечко… А ты великолепна. Держу пари, мужчины тебя обожали. Так что с подбородком?

– У меня был один клиент… сумасшедший. Решил, что мы женаты и что я его обманываю.

Ее собеседница громко рассмеялась. Некоторые из сидевших за столом посмотрели на нее, но никто ничего не сказал.

– Этот город умирает, – сказала Глория. – Не хочу показаться назойливой, но почему вы здесь остались? Могли бы уехать в Криппл-Крик.

Розалина снова улыбнулась, и в ее глазах отразились мудрость и потушенный гнев прожитой жизни.

– Я всю свою жизнь была шлюхой. Когда в Абандоне все закончится, возьму свои денежки и уеду куда-нибудь, где меня никто не знает. Где нет снега. Куплю домик. Разведу сад.

– Выйдете замуж?

– Боюсь, мужчины меня больше не привлекают.

Глория отрезала кусочек ростбифа.

– Как тебе удалось стать такой респектабельной? – спросила Розалина.

– Влюбилась в хорошего человека.

– Таких ведь немного осталось, а?

* * *

Они танцевали вальс «Блэк хоук»: музыканты наяривали вовсю, и высокие шнурованные ботинки и сапоги-«дымоходы» резво отстукивали по половицам. Выглянув за плечо мужа, Глория увидела, что Розалина сидит одна в кресле-качалке у плиты.

– Какой позор! – вздохнула миссис Кёртис.

– Ты знаешь, кто эта женщина? – спросил Иезекиль, наклоняясь к ее ушку.

– Не смотри так. Она – человек.

– Ты позволяешь людям копаться в твоем прошлом?

– А ты позволяешь людям обращаться со мной так, словно я пустое место?

Они столкнулись с Илгами.

– Извините, Костоправ, – сказал Кёртис.

– Веселого вам Рождества, шериф! Вижу, вы в полной боевой раскраске. Мэм… – Доктор приподнял шляпу.

Затем они вырвались наконец из толпы.

– Эта женщина – не моя забота, – сказал Иезекиль.

– Твоя забота – приличное поведение. Иди и потанцуй с нею, – велела ему жена.

– Черта с два!

– Зек!

Шериф оглянулся через плечо и с облегчением прошептал:

– Благослови его Господь!

Глория обернулась и увидела, как Розалина поднимается из кресла в ответ на приглашение Стивена Коула. Через несколько секунд шлюха и проповедник уже отплясывали вместе со всеми.

Глава 9

Пешеходную дорожку, по которой Кёртисы возвращались домой, расчистили не далее как утром, но к вечеру снега на ней было уже едва ли не по колено. Глория спрятала руки под шерстяную накидку. Если не считать танцзала, где еще продолжалось веселье, весь город накрыла та безумная тишина, что неизменно устанавливалась в самые худшие метели. На улице не было ни души, и мело так, что они едва видели свет ближайшего фонаря. Присутствие других источников света лишь слабо угадывалось.

Дверь гостиницы, когда супруги подошли к ней, украшали отметины от снежков – здесь резвилась детвора. На другой стороне улицы светились окна салуна, и оттуда же доносились звуки рождественской песни, исполняемой на расстроенном пианино. Они вошли в темный вестибюль. За регистрационной стойкой никого не было, поскольку хозяин заведения уехал из городка еще три месяца назад. Стряхнув снег с накидки, Глория последовала за Иезекилем вверх по лестнице.

Как и в вестибюле, в коридоре было пусто и темно. Пара остановилась перед номером шесть, единственным, из-под двери которого сочился свет.

Шериф постучал. На стук никто не отозвался, и он, подождав немного, постучал еще раз.

– Думаю, она не ответит, – прошептала его жена.

– Миссис Мэдсен! – сказал Иезекиль. – Это Зек и Глория Кёртис. Мы оставим здесь кое-что для вас. С Рождеством.

Глория поставила на пол корзинку с двумя апельсинами, банкой сардин и кусочком шоколадного торта с праздничного стола. На клочке бумаги она написала: «*Веселого Рождества и счастливого Нового года – от ваших друзей Кёртисов*».

После этого супружеская пара спустилась вниз, вышла из гостиницы и побрела дальше по снегу.

– Видел сегодня Ооту[4] Уолласа, – сказал Иезекиль. – Утром, в пивнушке. Напомнил, что мой брат опаздывает уже на два месяца.

– И что он? – спросила миссис Кёртис.

– То же, что и всегда. Мол, Натан и остальные в последнюю минуту решили не ехать – опасаются непогоды. Я назвал его отъявленным лгуном.

– А что, по-твоему, на самом деле случилось?

– Не знаю, Глори, даже не представляю. Но этот парень – нехороший тип. Злобный, коварный.

– А если вдруг окажется, что Натан был с ним?

– Я, может, и шериф, но такие дела не в суде решаются.

Они свернули в боковую улочку и зашагали по протоптанной в снегу дорожке. В окнах домишек на склоне – тех, где еще остались жильцы, – горел свет: семьи собирались у каминов. В разыгравшемся буране одни лишь эти огоньки оставались крохотными островками тепла.

– Мне нужно предупредить тебя, Иезекиль, – заговорила Глория. – Я хочу сказать кое-что о нашем мальчике.

Шериф остановился и повернулся к жене. Было так темно, что он видел только белки ее глаз.

– Повторяю, мы не говорим об этом. – Голос его дрогнул, выдав не злость, но горечь, и у Глории перехватило горло.

– Мне нужно сказать кое-что, Зек. Тебе не обязательно ничего говорить…

Муж взял ее за руки.

– Я не желаю этого слышать.

– Но мне это нужно. – Глаза женщины блеснули, наполняясь слезами. – Я не могу так жить, делая вид, что так было всегда. Прошел только год, и я по нему скучаю. Это все, что я хотела сказать. Я так скучаю по Гасу, что не могу дышать, когда думаю о нем. – Иезекиль шмыгнул носом и отвернулся. – Мне пусто на душе, Зек, потому что мы не говорим о нем. Лучше от этого не становится. Мы забываем его, но хотим ли мы забыть о нашем сыне?

Кёртис сел на снег.

– Я не забываю Гаса, дорогая. Ничто на этом Богом проклятом свете не заставит меня забыть моего мальчика.

Супруга шерифа опустилась на колени рядом с плачущим мужем.

– Думаешь, мы увидим Гаса, когда умрем? – спросила она.

– Глори, если б я верил в это, я бы еще год назад разнес себе голову. Мне ума на такое не хватает. Ну зачем ты меня мучаешь?

– Потому что я даже не помню, как он выглядит! У меня в голове пятно вместо лица. Помнишь, я хотела его портрет, а ты не разрешил?

– Да. Помню.

– Черт бы тебя побрал, Зек!

Ветер, переменившись, бросил женщине в лицо пригоршню колючего снега. Она отвернулась. Иезекиль говорил что-то, но Глория его не слышала. Она наклонилась к мужу и спросила, что он сказал.

– Сказал, что он был мне выше колена. Закрой глаза и, может быть, увидишь его. У него были чудные волосики, с рыжинкой, и кожа такая белая… как молоко. И твои глаза. – Кёртис откашлялся и снова вытер лицо. – Когда я… Господи… когда я целовал Гаса в шейку, мои усы щекотали его, и он… он заливался смехом и кричал: «Не надо, папа!»

Глория закрыла глаза.

– Продолжай, Зек.

– Он говорил, что моя коленка – это его конь, Бенджамен.

С этими словами Иезекиль замолчал. Миссис Кёртис открыла глаза. Ее мужа трясло, и он, наклонившись, уткнулся лицом в ее накидку и разрыдался.

– Все хорошо, – прошептала женщина. – Все хорошо.

– Нет, не хорошо. Иногда я лежу в постели и стараюсь представить, каким он стал бы в десять, или в пятнадцать, или в тридцать. Представляю его мужчиной… Его отняли у нас, Глори. Хорошо уже никогда не будет.

Иезекиль заставил себя подняться, а потом помог встать Глории. Оба были в снегу, и шериф повел плачущую жену вверх по склону холма, к их темному домику в еловой роще.

Глава 10

Сани несли Барта Пакера сквозь темень ночи. Скрип полозьев заглушало звяканье цепи и жалобное постанывание ваги. Здесь, в полумиле к югу от города, мело и кружило так, что ему была видна только упряжка и почти ничего больше.

Он бы пропустил поворот, но лошади знали дорогу и свернули где надо, за занесенными снегом елями. Бока их вздымались, поднимались и опускались, как меха, а ноздри горели. Протащив сани по «Американским горкам», они позволили себе перейти на шаг, и Барт тут же огрел их вожжами.

– А ну-ка просыпайтесь! Вперед, девочки!

Они поднялись от дна каньона на шестьсот футов, и дорога выровнялась.

– Пошли! Пошли! – снова закричал Пакер, безжалостно охаживая крупы лошадок вожжами.

Он гнал их не по злобе и не потому, что куда-то опаздывал. Ничто не возмущало Бартоломью Пакера так, как жестокое обращение с животными, но сейчас они приближались к самому опасному отрезку маршрута, проходящему между двумя крутыми склонами, с которых каждую зиму сходили лавины. У человека, захваченного лавиной в этот вечер, шансов остаться в живых было не много.

Миновав опасный участок, Барт натянул поводья и, когда лошади остановились, сошел с саней. Снегу выпало столько, что он провалился едва ли не по пояс. Прихватив топор, Пакер прошел к замерзшему прудку размером с колесо от фургона и несколькими ударами разбил лед. Вода из ключа побежала по камням. Пока лошади утоляли жажду, Бартоломью забрался в сани, достал из кармана фляжку в шерстяном чехле и, завернувшись в буйволиную шкуру, подкрепился горячительным.

Может быть, виной тому был алкоголь, но ему казалось, что губы после контакта со щекой мисс Хартман как будто звенят. Снова и снова Бартоломью прокручивал в памяти этот поцелуй. И почему только он ждал так долго? *Все твоя гордость. Твоя треклятая гордость.*

Кони подняли головы и заржали. Затем, отступив от ключа, начали топтаться на месте. Барт подхватил поводья.

– Что такое, девочки?

Учуяли лавину? Мужчина прислушался – не шумит ли в темноте сорвавшийся и летящий по склону снег? – но услышал только, как лошади нервно кусают стальные удила. Он в последний раз приложился к горлышку, сунул фляжку в карман и только вскинул вожжи, чтобы тронуть свою пару с места, как одна из лошадок захрапела.

Барт снова прислушался, и на этот раз услышал хриплое, со свистом, дыхание идущих через глубокий снег коней. На дороге, футах в двадцати от него, появились двое всадников. В заснеженном лесу они походили на призраков.

Пакер моргнул. Он, наверное, не особенно бы удивился, если б они исчезли, как и подобает привидениям, но всадники остались и были теперь так близко, что Бартоломью уже видел облачка пара, вылетающие из ноздрей их коней.

– Добрый вечер! – крикнул он, но ответа не последовало. Может, не услышали? – Веселого Рождества! – закричал он громче.

Всадник слева сказал что-то своему товарищу, и Барт услышал, как они цокнули языками. Подъехав ближе, незнакомцы остановились справа и слева от саней. На обоих были широкополые шляпы, собравшие на себя по несколько дюймов снега, оба кутались в одеяла и прятали лица за повязками из рукавов разорванной муслиновой рубахи, так что видны были только их глаза. У того, что стоял слева, они выражали холодную цепкость, а у его спутника – нервозность и даже страх.

– Веселого Рождества, – повторил Барт с натужной бодростью. Уж не нарвался ли он ненароком на разбойников? – Вот уж метель так метель! Не до приключений. Поскорей бы до огонька добраться…

– Будь любезен, заткни свое поганое хлебало, – произнес тот, что встал слева, низким и каким-то металлическим голосом.

– Извините, сэр, но в чем проблема? Если… – начал было Бартоломью, но тут из-под одеяла левого всадника высунулось дуло двустволки. – Позвольте предупредить, сэр: выстрелив, вы сильно рискуете вызвать сход лавины, и тогда уж не поздоровится нам всем.

– Не слышал, что он сказал? – подал голос второй незнакомец. Он был помельче своего спутника и заметно моложе – едва ли не мальчишка. Но поразило Барта не это, а его акцент. Чисто теннессийский.

– Не понимаю. Ты же работаешь на меня, сынок! – сказал ему Бартоломью.

Юнец бросил растерянный взгляд на своего товарища, а потом снова перевел его на Барта.

– Нет, мистер Пакер, больше не работаю.

И только тут сидящий в санях мужчина увидел в его дрожащей руке шестизарядный «Кольт» – большой, тяжелый револьвер, сохранившийся, должно быть, еще с довоенных времен.

– Полегче, сынок. – Пьяный туман развеялся, но до конца в голове у Бартоломью еще не прояснилось. В какой-то момент ему даже причудилось, что его накрыла лавина, что он лежит, задыхаясь, под снегом, и все это – только его болезненное видение. – Ты какого дьявола делаешь? Я не…

Второй всадник подал коня вперед и ткнул дулом дробовика Барту в лицо. Кровь мгновенно просочилась через его усы, протекла между зубами и поползла по подбородку.

Пакер стащил рукавицу и прижал ее к разбитому носу.

– Да чтоб тебя! – вырвалось у него.

– А теперь гони-ка к своему особняку, а мы за тобой, – сказал ему старший из всадников. – Не знаю, есть ли у тебя ножны или плечевая кобура, но совать руку под одежду – даже если почесаться захочется – не советую. Можешь не сомневаться: снесу башку не раздумывая. Все понял?

– Что вам нужно? Я – человек богатый и…

– Помнишь, что случилось, когда ты в последний раз раззявил рот? Давай трогай.

Барт поднял вожжи и тронул лошадей. Нос его горел, по испачканному кровью лицу текли слезы. Всадники последовали за ним, но уже шагов через пятьдесят одного из них вырвало в снег.

– Господи ж ты Боже мой! – пробормотал второй. Оглянуться Пакер не рискнул, но подумал, что вырвало, наверное, парнишку. А вот с чего бы его так затошнило… Уж не потому ли, что сегодня ему предстояло впервые в жизни убить человека?

Глава 11

Время близилось к десяти, и Джосс решила, что других посетителей сегодня уже не увидит. С возвращением в холодную камеру она, однако, не спешила и беспокоить уютно посапывающего у плиты помощника шерифа не стала.

Лана уже ушла домой, и Джослин, хотя она никогда бы в этом не призналась, недоставало музыки, несмотря на то что ей до чертиков надоели бесконечно повторяющиеся рождественские гимны. Звуки, пусть даже и треньканье расстроенного пианино, заглушали тишину одиночества, хотя и тишина была предпочтительнее болтовни помощника шерифа, любителя потрепаться о том, какой большой шишкой он был когда-то в Урее. Мэддокс начала всерьез подумывать о том, чтобы перерезать сопляку горло, пока он спит, – одного движения ножом было бы вполне достаточно, а нож-боуи всегда лежал у нее под стойкой. Она представила, как он вытаращится, как потянется за револьвером к пустой кобуре и как расползется по полу, до самой плиты, лужа крови. Но сделав так, она все испортит. Да и куда потом идти, учитывая, что весь Абандон занесен снегом? Еще двенадцать часов ничего в общем-то не значат.

При мысли о Лане Джосс улыбнулась. Проходя мимо нее, пианистка кивнула и прошептала одними губами: «Веселого Рождества», – никогда прежде эта немая милашка не была столь красноречива.

Дверь распахнулась, и порог переступил проповедник Стивен Коул. Отряхнув сюртук от снега, он оглядел пустой салун, прошел к бару и положил руки на сосновую стойку.

– Добрый вечер, – сказал он барменше.

– Добрый вечер, проповедник. Таки заглянули промочить горло?

Стивен улыбнулся. Судя по мокрым от растаявшего снега волосам, из дома он вышел без шляпы.

– Вы позволите угостить вас, мисс Мэддокс?

– Зовите меня Джосс, и – да, конечно. Неважно себя чувствуете?

– Нет, а почему вы спрашиваете?

– Вы так бледны, никогда вас таким не видела. – Женщина поставила на стойку новую бутылку, вытащила из нее пробку и достала два стакана. – Щепотку кокаина в виски?

– Нет, спасибо.

– Вот уж не думала, что когда-нибудь буду пить со святым отцом. Что ж, ваше здоровье, преподобный или как вас там…

– Вообще-то меня вполне устроит Стивен. Просто Стивен.

Они чокнулись и опрокинули по первой. Коул моргнул. Джослин хотела налить ему еще, но он покачал головой.

– Нет-нет, с меня хватит, но вы продолжайте, если хотите.

– Я смешаю вам коблер. – Мэддокс улыбнулась. – Дамам, по-моему, нравится.

– Нет, спасибо, не надо.

– Ладно, а я немножко выпью.

Джосс плеснула себе в стакан. Проповедник достал из кожаного мешочка два небольших самородка, положил их на стойку, но намерения уйти не выказал.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила барменша.

Стивен убрал за уши пряди волос.

– Вообще-то я сегодня пришел сюда не просто так, но руководствуясь некоторыми скрытыми мотивами.

– И что же это могут быть за… Нет, подождите! Пожалуйста, пожалуйста, скажите, что вы пришли сюда не для того, чтобы попытаться…

– Спасти вас? Нет. Спасает Бог. Я – лишь небольшая часть этого уравнения. Кроме того, я не настолько самонадеян, чтобы думать, будто сумею убедить вас в необходимости обратиться к Богу. Вы – умная женщина. Вы прожили в этом мире немало лет и, конечно, слышали о благой вести, но предпочли не принять Его. Это печалит меня и, несомненно, печалит Господа, но решать надлежит вам, и я отношусь к вашему выбору с уважением.

– Рада слышать. Не хотелось бы гнать благую весть коленкой под зад, но я бы это сделала.

Стивен улыбнулся.

– Насколько я понимаю, вас отправляют весной в Аризону, где…

– Где меня ждет виселица. Не стесняйтесь. Я не обижусь, если вы это скажете.

– Мисс Мэддокс. Джосс. Сегодня, возвращаясь домой с рождественского ужина, я увидел свет в окнах вашего салуна, и Господь сказал мне зайти сюда.

– Конечно.

– Я хотел бы помолиться за вас, Джосс. Прямо сейчас. Сегодня канун Рождества. А вы прикованы цепью к бару. Я даже представить не могу, с каким страхом вы ждете возвращения в Аризону следующей весной. Может быть, вы согласитесь помолиться вместе со мною? Если вам станет хотя бы чуточку легче, я буду…

Джослин наклонилась к проповеднику.

– Думаете, я отвергла Бога?

– Я только…

– Вы сказали, что это я не пришла к Богу.

– Я лишь предположил…

– Хотите услышать историю отвержения? Та сука, что была моей матерью, бросила меня на калифорнийском прииске на следующий день после родов. Мужчина, который нашел меня и вырастил, продавал меня за три доллара любому, кто желал позабавиться с десятилетней девчонкой. Мужья – каждый, без исключения – били меня. И Господь либо одобрял это, либо

смотрел на все сквозь пальцы. Так что не приходите сюда с разговорами про то, как *я* отвергла Бога. Это Он навсегда отвернулся от меня с того самого мгновения, когда я только появилась на свет.

На лбу у Джосс проступила синяя жилка, и ее большие черные глаза вспыхнули.

– Думаете, Бог ненавидит вас? – спросил Стивен.

– Мне давно уже наплевать на то, что Он думает или чего не думает.

– Уверяю вас, Он любит…

– Послушайте, не приходите сюда вот так, заступаться за Бога от своего имени. Ему известно, где я живу. Может прийти Сам или не приходить вовсе. Спасибо за заботу, проповедник, но тут ваши старания напрасны, и молиться с вами… нет, в списке моих желаний на этот год такой пункт отсутствует. Вот так. А теперь мне пора закрывать лавочку. – Барменша посмотрела на помощника шерифа. – Эл! Ну-ка давай, шевели задницей!

Очнувшись, служитель закона машинально потрогал револьвер на боку и, с трудом ворочая языком, пробормотал:

– Что такое? Что случилось?

– Закончили на сегодня! – объявила Мэддокс. – Веди меня в тюрьму.

– Но я… но…

– Эл, черт бы тебя побрал, скажешь еще слово поперек…

– Ладно, Джосс, ладно, не кричи.

Коул, отступив от стойки, посмотрел на Джосс своими грустными, добрыми глазами.

– С Рождеством вас, – сказал он и направился к двери.

* * *

Стивен остановился под уличным фонарем. Ветер без устали наметал сугроб к витрине заброшенной парикмахерской. На другой стороне улицы, у эркерного окна на втором этаже гостиницы, сидела со свечкой в руке и смотрела на него Молли Мэдсен. Он помахал рукой и коротко помолился за нее.

Пройдя дальше по пешеходному настилу, проповедник свернул на боковую улочку, которая вела к его лачуге. Он думал о своем доме в Чарльстоне, в Южной Каролине, и перед глазами у него вставали пальмы, дубы, солончаки… океанские рассветы… лица матери и отца…

Коул приехал на Запад три года назад, поскольку верил, что такова воля Господа, и чувствовал, что его долг – служение тем, кто живет там в суровых условиях.

В Скалистых горах он нашел тысячу городишек, основанных на невоздержанности, пьянстве и жадности.

Я ничего не достиг и ни в чем не преуспел. Господи, покажи мне хотя бы одного человека в этих горах, кому мое присутствие пошло на пользу. В отчаянии мужчина опустился на колени посреди пустынной улицы и молился до тех пор, пока у него не онемело лицо. Его трясло от холода.

Затем Стивен поднялся и смахнул с волос снег.

Сделал два шага к дому.

И вдруг услышал…

Он замер. Позабыл о холоде. Позабыл об одиночестве.

Он стоял в темноте, под падающим снегом, и ощущал в себе странное, распространяющееся по всему телу тепло. Теперь, услышав это, он точно, с полной уверенностью, знал то, на что надеялся всегда, каждый раз, когда стоял на коленях у кровати, порой часами в полной тишине. Он услышал лишь свое имя, но этого было достаточно, и это наполнило его такой умиротворенностью, что он ни на миг не усомнился в том, кто произнес это имя.

Когда с тобой говорит Бог, не узнать его голос невозможно.

2009

Глава 12

Шесть полос света пробивались сквозь опустившийся на каньон туман, и двигались они в направлении руин Абандона. В воздухе держался стальной запах снега, хотя снегопад еще не начался. Ночь выдалась безлунной и облачной. Такой темноты Эбигейл никогда не видела и даже не представляла: их всех как будто заперли в огромном холодном погребе. Она шла между Эмметом и Джун, держась в нескольких шагах позади Лоренса, а в арьергард группы были отправлены оба проводника – с приказом не отставать и не шуметь. Эбигейл взяла с собой магнитофон и как раз записывала рассказы Тозеров, когда Лоренс вдруг сказал:

– Стоп! – Они остановились, и профессор посветил фонариком вперед, в сторону небольшой еловой рощи. – Невероятно! Найти в таком тумане!.. Вот вам то, что осталось от дома Иезекиля и Глории Кёртис.

Обе женщины поспешили в рощу. Одетая в красную лыжную куртку Джун направила фонарик на развалины. В грудах мусора Эбигейл разглядела дровяную печь, какие-то банки и проржавевшие матрасные пружины. Тозер снял крышку с объектива камеры и двинулся вокруг участка.

– Джун, пока Эммет снимает, не могла бы ты рассказать, как вы занялись паранормальной фотографией? – попросила журналистка. – С чего все началось?

Миссис Тозер отвела ее в сторонку от развалин. Выключив налобные фонари, женщины укрылись за расщепленной молнией елью.

– Десять лет назад наш сын, Тайлер, катался на велосипеде, и его сбил фургон. Он умер на месте, прямо на улице, – стала рассказывать Джун, и Эбигейл взяла ее в темноте за руки. – На следующую после похорон ночь мы с Эмметом лежали, обнявшись, в постели и говорили о том, чтобы принять какие-нибудь таблетки. Такую боль невозможно вынести… Так вот, мы лежали, а потом, часа, наверное, в два или три ночи, я вдруг ощутила, как меня накрывает волна покоя, словно мне сделали инъекцию какого-то невероятного лекарства. Воздух сгустился, сделался живым, и я чувствовала, как он обволакивает меня. Только так я и могу это описать. Меня наполнила любовь, сильная, глубокая, безграничная… Я поймала себя на том, что улыбаюсь, и посмотрела на Эммета – он тоже улыбался. Это случилось с нами одновременно, и мы оба знали, что это. К нам пришел Тай. Я ощущала присутствие моего мальчика так же сильно, как твое сейчас, когда ты стоишь рядом, хотя я и не вижу тебя. Он спас нас, Эбигейл.

Немного помолчав, женщина продолжила:

– На следующее утро мы пошли в местную кофейню, и Эммет увидел афишу – слайд-шоу паранормальной фотографии. Мы тогда даже не знали, что такое существует, но после случившегося ночью решили пойти. К сожалению, тот фотограф был обыкновенным мошенником. Я это сразу поняла. Большинство тех, кто называет себя медиумами, страдают галлюцинациями. То, что они показывают, – это либо какие-то неисправности камеры, либо проблемы со вспышкой, либо частички пыли на пленке. Но мы с Эмметом решили купить камеру. И в ту же ночь отсняли четыре катушки инфракрасной пленки – в полной темноте. В углу, над нашей кроватью, было что-то вроде лужицы яркого света, как будто эта энергия смотрела на нас, пока мы спали.

– Ваш сын… – прошептала Эбигейл.

– Мы с Эмметом всегда были художниками, потому и жили в Сан-Франциско. После того случая мы бросили все и полностью посвятили себя паранормальной фотографии. Это нечто особенное – идеальное пересечение искусства, истории и служения.

– Что ты имеешь в виду под служением?

– Видишь ли, в фотографиях паранормальной активности важна не их эстетическая ценность. Есть так называемые страдающие духи, которые, по каким-то причинам, не ушли с Земли после смерти. Важнейшая часть нашей работы – помогать им уйти. Никакого кайфа в этом для нас нет. Это не охота за призраками. Это наше призвание. Если б Тай не умер, мы, возможно, никогда бы не выбрали этот путь. Вот так вот. Разве не прекрасно и не печально, как все сложилось?

Неожиданно Джун вложила в руку Эбигейл маленький пластмассовый цилиндр.

– Что это? – удивилась девушка.

– Эммет отснял это по дороге сюда.

– Он снимал меня?

– Тебя и Лоренса.

– Ну… Спасибо, но, сказать по правде, я не уверена, что хочу этого.

Джун сжала ее руки.

– Делай так, как считаешь нужным.

Эммет закончил съемки участка Кёртиса, и группа двинулась дальше – шесть пар ботинок по сухой осенней траве. Теперь они шли вниз по склону. Эбигейл было немного не по себе: рассказ Джун убедил ее в том, что из-за смерти сына Тозеры немного тронулись рассудком, однако она уже знала, что их история станет эмоциональным ядром ее репортажа.

В туманной дымке стали проступать формы и очертания окружающих построек. Путешественники стояли на заросшей травой улице с ветхими, покосившимися домишками, между которыми в звенящей тишине расползались щупальца тумана.

– Давайте начнем с салуна, – предложил Эммет, и Лоренс, перепрыгнув через пару досок – все, что осталось от пешеходной дорожки, – провел их через улицу и осторожно вошел в дряхлое строение.

– Давненько здесь не бывал, – сказал он, – так что за безопасность не поручусь. Пусть для начала войдут только Тозеры.

Супруги последовали за Кендалом, но уже через минуту Эммет появился в дверном проеме.

– Пожалуйста, выключите фонари, – попросил он. – Нельзя, чтобы туда проникал внешний свет, это повлияет на качество снимков.

Все, кроме самого Тозера, выключили фонари. Оставшись у порога, Эбигейл наблюдала за тем, как супруги обследуют помещение: луч света пробегал по накренившимся стенам и изъеденным жучками половицам, осколкам стекла от разбитых бутылок из-под виски и ржавым консервным банкам… Сосновый бар завалился, пробив заднюю стену, и через дыру, создавая естественную задымленность, в салун вползал туман.

– Можешь войти, – шепнул Лоренс дочери. – Только будь внимательна, смотри под ноги и не подходи к плите. В крыше, если посмотришь вверх, приличных размеров дыра. И дождь, и снег – всё сюда. Удивительно, как эти доски до сих пор не провалились.

Фостер осторожно переступила порог и сразу почувствовала, как пол прогнулся под ее весом. Внутри пахло плесенью, сурками и всем прочим, что приносил сюда из каньона туман. Эммет и Джун стояли вместе у стены напротив пузатой печки, около пианино, у которого не хватало половины клавиш. Оставшиеся потрескались, облупились и напоминали ломаные зубы.

Тозер выключил свой фонарик, и тишину заполнили щелчки фотоаппарата.

Пока он снимал, Эбигейл подошла к его жене и, наклонившись, тихонько спросила:

– А эти духи бывают…

– Злыми? – рассмеялась Джун. – Нас часто об этом спрашивают. За все годы работы нам встретился только один по-настоящему агрессивный дух. Большинство, девяносто девять процентов, растеряны, одиноки и целиком поглощены собственными скорбями. Это даже забавно, потому что после смерти все твои прижизненные проблемы уже ничего не значат.

Журналистка включила магнитофон.

– Расскажи про того, агрессивного.

– Несколько лет назад нас попросили очистить одну церковь около Монтерея. Тамошний дух запирал двери, передвигал мебель и вообще доставлял массу неприятностей. Мы приехали. Встретились с проповедником – этаким ревностным фундаменталистом. Он нам и говорит: «Почувствуете его присутствие и сразу говорите мне, а уж я от него избавлюсь – покажу, как это делается». А я отвечаю: «Так вот же он, прямо здесь». Тогда священник и заявляет: «Властью, данной мне Иисусом Христом, приказываю тебе убраться отсюда!» И тут через всю церковь, прямо в кафедру, летит стул. Священник подхватился – и к двери! Перепугался чуть ли не до смерти. Сбежал – и все кончилось.

– И что, по-вашему, это было? Демон? Вы верите в демонов и ангелов?

– В ангелов – да. В демонов… Даже не знаю. Потом выяснилось, что та церковь была перестроена из приюта. Возможно, дух получил там при жизни какую-то травму… В любом случае церковь ему точно не нравилась.

– А как, по-вашему, он ухитрился бросить стул?

Вместо Джун девушке ответил из дальнего угла Эммет:

– Эти духи, когда умирают, становятся чистым разумом. Знаете, на что мы были бы способны, если б получили доступ к восьмидесяти процентам возможностей нашего мозга?

– Вы имеете в виду телекинез? – уточнила Фостер.

– Верно.

– Должна сказать, что меня удивило, как мало оборудования вы с собой захватили. Я почитала кое-что на эту тему, когда готовилась к экспедиции, и думала, что увижу термальные сканеры и…

– Счетчики Гейгера, ионные детекторы, датчики электромагнитных полей, – усмехнулся Тозер. – Позвольте кое-что вам объяснить. Все это полная чушь. По-настоящему требуются только фотоаппарат и пленка, потому что если ты, входя в комнату, не чувствуешь это нутром, то занимаешься не своим делом и только тратишь понапрасну время.

Эммет включил налобный фонарь, и Эбигейл обнаружила, что Джун успела отойти к одному из окон и смотрит из него на что-то через улицу.

– Лоренс, – прошептала миссис Тозер, – а вон там что случилось? – Остальные подошли к ней, и Джун протянула руку. В темноте путешественники с трудом различили эркерное окно на втором этаже здания напротив. – В той комнате что-то произошло?

– Если что-то и произошло, то мне об этом ничего не известно, – пожал плечами профессор. – Обычная комната, одна из лучших в гостинице. А что?

– Кто-то смотрит на меня из того окна, – сказала женщина.

И хотя Эбигейл понимала, что это все ненастоящее, по спине у нее пробежал холодок.

– Сам я там не был, но попробовать, конечно, можно, – решил Лоренс.

Глава 13

За сто девятнадцать лет дождь, снег и высокогорное солнце выбелили печатные буквы на стене здания, так что в свете налобных фонарей проступали лишь едва заметные буквы «*ГОСТИ…*» Если не принимать в расчет особняк Бартоломью Пакера, это здание было самым большим и самым прочным во всем городе-призраке – двухэтажное кирпичное строение с некогда роскошной столовой на первом этаже и семью номерами на втором. Средняя из трех выходящих на улицу комнат называлась «Президентскими апартаментами» и отличалась от прочих большим эркерным окном, нависавшим над входом в гостиницу.

Лоренс прошел через высокий дверной проем. Остальные последовали за ним, и вскоре вся группа собралась в вестибюле – длинном, но узком помещении с двумя расположенными напротив друг друга арочными проходами, регистрационной стойкой и широкой, уходящей вверх лестницей.

– Во всем Абандоне эта гостиница была единственным кирпичным зданием, – сообщил профессор. – Построили ее в тот период, когда шахта работала вовсю и люди думали, что городу суждена долгая жизнь.

Эбигейл прошла под аркой слева. Луч фонаря скользнул по бывшей гостиной, заставленной полуразвалившейся викторианской мебелью и уснувшим больше ста лет назад камином. Над окнами висели клочья портьер, а в углу, опасно накренившись, стоял бильярдный стол с отломанной ножкой.

Фостер замерла, затаив дыхание.

Вырванные лучом из темноты, на нее смотрели глаза – рогастая голова огромного лося свалилась с подставки над камином и лежала на боку, вся в пятнах плесени.

Журналистка вернулась в вестибюль. Все столпились у второго прохода, ведущего в столовую. В начале 1890-х здесь был, возможно, лучший из ресторанов Абандона, но теперь от него остались только перевернутые, покалеченные столы да поломанные стулья. Три висевшие под потолком люстры давно сорвались с креплений и разбились на полосатом, белом с черным, деревянном полу: крошечные стеклянные и хрустальные осколки поблескивали под светом фонарей, будто группа забрела в ледяную пещеру.

– Есть желающие отведать столетнего бурбона? – Все повернулись к Скотту, стоявшему за барной стойкой красного дерева с пыльной бутылкой в руке.

Желающих не нашлось, и все возвратились в вестибюль.

– Вот как мы поступим, – сказал Лоренс. – Второй этаж я ни разу не осматривал, поэтому мы сейчас поднимемся по лестнице. Строго по одному. Ступать осторожно, полегче, не топать.

Он сам первым положил руку на шаткие перила. Первые четыре шага дались Кендалу без проблем, но каждая последующая ступенька скрипела сильнее предыдущей. Последние три, однако, вообще не издали ни звука, и ученый, благополучно поднявшись на пятнадцать футов, достиг верха и предстал в желтоватом свете луны.

– Кто следующий? – оглянулся он на своих спутников.

Следующей была Джун, за ней Эммет. Эбигейл выбрала тот же, что и он, маршрут – ровно посередине лестницы.

– У тебя отлично получается! – крикнула миссис Тозер, когда пятая ступенька громко скрипнула под ногой журналистки. Три другие были еще хуже: каждая опасно прогибалась под ней. Пульс у девушки участился, легким недоставало воздуха, паника нарастала… Последние ступеньки она прошла быстрее, чем следовало бы. В самом конце Лоренс и Эммет протянули руки и втащили ее наверх.

– Страшновато! – призналась Эбигейл.

Стоя рядом с отцом, она наблюдала за тем, как поднимается их проводник Скотт. Он демонстрировал прямо-таки образец выдержки и уверенности, как и подобает человеку, привычному к опасным ситуациям. Сохранив спокойствие даже на самых скрипучих ступеньках, он почти достиг верха, и Фостер уже видела, что он усмехается.

Сойер подмигнул ей, поставил ногу на последнюю ступеньку…

Тут раздался сухой треск, и он исчез.

Лестница обрушилась с громким хрустом, в облаке пыли, под крики зрителей. Откашлявшись, Эбигейл направила свет фонарика вниз, со страхом ожидая увидеть распростертого среди обломков Скотта.

Крик, показавшийся ей в первую секунду криком боли, обернулся смехом, а в следующий момент она увидела вцепившиеся в край пола пальцы и поняла, что Сойер висит над рухнувшей лестницей, и его ноги болтаются в семи футах над обломками.

– Он здесь! – крикнула девушка. – Помогите ему подняться!

Лоренс и Эммет опустились на колени и подхватили проводника под мышки.

– Может, мне лучше прыгнуть? – спросил Скотт. – Здесь невысоко.

– Не самая хорошая идея, – возразила Эбигейл. – Там, внизу, прямо под тобой, доски с гвоздями.

– Я его не удержу, – предупредил ее Кендал. – Пальцы соскальзывают! Бери его под руку!

Совместными усилиями, хрипя и чертыхаясь, они потащили Скотта вверх. Их старания не прошли даром, и вскоре проводник перевалился через край пола, а троица спасателей, не удержав равновесия, рухнула рядом с ним.

– Как вы там? – крикнул снизу Джеррод. – Все целы?

– Да, все отлично, – отозвался Сойер. – Подходи ближе. У меня в рюкзаке веревка, и мы втащим тебя сюда.

– Я, пожалуй, подожду вас здесь.

Лоренс помог Джун и Эбигейл подняться, и группа двинулась по коридору второго этажа, не забывая проверять прочность пола. Наконец профессор остановился перед закрытой дверью с потемневшей табличкой с цифрой «6», висящей перевернутой на ржавом гвозде.

Глава 14

Один за другим все пятеро вошли в комнату, и полосы света разбежались по сторонам. Ободранные и свисающие со стен бумажные обои напоминали скрутившуюся кору осин. Мебель, не считая сломанных столбиков кровати и перевернутого письменного стола, сохранилась относительно неплохо. Вода разрушила потолок и южную стену и полностью или частично уничтожила холсты в лежащих на полу рамах.

На дверной раме Эбигейл обнаружила и переписала надпись, сделанную второпях небрежным почерком: «*Здесь творится что-то ужасное*».

– Милая, ты ощущаешь эту тяжесть? – спросил Эммет свою жену.

– Да. Здесь намного холоднее, – отозвалась та. – Комната буквально проседает.

– А почему некоторые места паранормально горячие? – шепотом спросила Эбигейл.

– Обычно так бывает из-за сильных, не находящих выхода эмоций, – объяснил Тозер.

Обходя комнату, Джун подошла к огромному платяному шкафу и потянула на себя его дверцу. Внутри висели нижние юбки и вечерние платья, настолько изъеденные временем, что они наверняка бы рассыпались в пыль при малейшем дуновении ветра.

На комоде в углу, возле кровати, обнаружилась целая коллекция фарфоровых фигурок. Интересно, подумала Эбигейл, как им удалось остаться нетронутыми столько лет? Рядом с фигурками, лицевой стороной вниз, лежала пустая рамочка.

– А *ты* что-нибудь здесь чувствуешь? – шепотом спросил, подойдя к ней сзади, Лоренс.

– Чувствую, что все это полная чушь, – ответила журналистка.

Они повернулись и увидели, как Джун подходит к эркерному окну, в котором, на удивление, недоставало только одной стеклянной панели. В нише притаился развалившийся диван.

– Она часто сидела здесь, – тихо, ни к кому не обращаясь, пробормотала миссис Тозер, – смотрела в окно, на мир без нее. – Внезапно она сползла по стене на пол, опустила голову на колени, а потом поднялась и приняла позу ребенка.

– Господи… – прошептала Эбигейл.

Эммет подошел к ним с Лоренсом.

– Вы действительно ничего не знаете об этой комнате? О ее истории? Ничего-ничего? – начал он расспрашивать профессора. – Помочь могла бы даже мельчайшая деталь.

Кендал покачал головой.

– Извините, но… Я много знаю об Абандоне, но есть и белые пятна.

– Почему бы вам двоим не пройти дальше и не выключить фонари? Я собираюсь здесь поснимать, – попросил их Тозер.

Они выключили фонари, и комната погрузилась в темноту. Эммет сделался неслышной тенью – только половицы поскрипывали у него под ногами – и тишину нарушали лишь щелчки камеры да глубокое, ритмичное дыхание Джун, неподвижно стоявшей на коленях у эркерного окна. Глаза Эбигейл только начали привыкать к темноте, когда фотограф закончил съемку.

– Хочу поскорее проявить пленку, – прошептал он. – Думаю, кое-что здесь есть.

– Какой камерой вы пользуетесь? – спросила Фостер. – Мне для статьи нужна вся техническая информация.

– У меня «Минолта Икс-семьсот». У старых моделей есть одно-единственное преимущество – отсутствие электроники, которая влияет на пленку. Большинство более новых камер даже не фиксируют инфракрасное излучение из-за его особой чувствительности.

– А что такое инфракрасное излучение? Оно воспринимается как тепло и холод, так?

– Нет. Инфракрасное лежит за пределами видимого спектра, так что наши глаза его не видят.

– Она слышит церковный колокол, – прошептала Джун. – Она видит их всех, видит, как они проходят мимо, но не выходит из комнаты.

– Какие-нибудь особенные объективы? – продолжила расспрашивать ее мужа журналистка.

– Этот – два-восемь-семь-ноль. Иногда, в зависимости от условий, пользуюсь пятидесятимиллиметровым. Вот, посмотри. – Тозер снял с шеи и передал Эбигейл фотоаппарат, и она заглянула левым глазом в видоискатель.

– Ничего не вижу.

– Лоренс, включите фонарик, – попросил ее собеседник.

Вспыхнул свет.

– Ух ты, все красное! – воскликнула девушка.

– Да, здесь стоит фильтр номер двадцать пять.

Джун вдруг поднялась, прошла к открытому гардеробу и начала ощупывать одно из вечерних платьев. Лицо ее выражало то особое напряжение, которое бывает у людей, впавших в транс. Воспользовавшись моментом, Эбигейл переместилась к эркерному окну и посмотрела вниз, на улицу, через старое стекло.

А потом она подняла камеру Эммета, заглянула в видоискатель и позвала своего отца:

– Лоренс, можешь немного посветить?

Тот подошел, встал рядом, направил фонарь на салун, стоящий на другой стороне улицы, и повернулся к Эммету.

– Знаете, хочу перед вами извиниться. За те шуточки насчет Абандона и летающей тарелки пришельцев.

– Ничего страшного, – улыбнулся Тозер.

– Нет, я вел себя по-свински. Позвольте поделиться с вами моей теорией насчет того, что здесь случилось.

– Вы точно этого хотите?

– Да. Если б я опубликовал это, в академии меня на смех подняли бы.

Там, где проходил луч света, ночь сделалась темно-красной, и Эбигейл вдруг поняла, что обязательно напишет об этом моменте, о том, что почувствовала, когда посмотрела в видоискатель через фильтр номер двадцать пять с надеждой обнаружить в этом море красного потерянных духов. Может быть, Эммет, делая снимки, только притворялся, что ищет духов, но кто помешает ей немножко приукрасить? Представить всю его странную профессию сексуальной и эксцентричной… А ведь действительно может получиться что-то феноменальное!

– Но, принимая во внимание то, как город исчез – как все вдруг бросили свои дома, не оставив никаких свидетельств о случившемся, ни костей, ни… – рассказывал у девушки за спиной ее отец.

Что-то вышло из салуна и побежало по улице. Она опустила камеру.

– …я пришел к выводу, что…

– Лоренс, ты это видел? – Эбигейл обернулась.

– Что?

К ней подошел Эммет.

– Что такое?

– Из салона что-то вышло и побежало по улице, – рассказала журналистка.

– Возможно, олень, – подал голос Скотт. Все это время он стоял у двери, прислонившись к стене и молча за всем наблюдая. – Здесь столько зверья…

– На оленя не похоже – оно двигалось иначе, – возразила журналистка.

– Как двигалось? – уточнил проводник.

– Как человек. Лоренс, ты разве не видел? Оно прошло точно через то место, куда ты светил.

– Нет, я ничего не видел.

Эбигейл вернула Эммету камеру, пересекла комнату, вышла через открытую дверь в коридор и быстро зашагала туда, где еще совсем недавно была лестница.

– Эй! – крикнула она вниз, в темный вестибюль.

Джеррод погасил свой фонарь. Журналистка включила свой и направила свет через обломки лестницы к регистрационной стойке, где проводник стоял еще несколько минут назад.

– Вы что-нибудь там видели? – спросила она его.

Ее вопрос ушел в тишину.

Эбигейл посветила в сторону одной арки, потом другой.

– Джеррод?

По коридору к ней проскользнула тень.

– Скотт? – обернулась Фостер.

– Да.

– Джеррод ушел.

Сойер встал рядом, включил фонарик и поводил лучом по вестибюлю.

– Джеррод! – позвал он, после чего немного подождал и, сложив ладони рупором, крикнул еще раз: – Джеррод! Ты где?

Из номера вышли все остальные.

– Что случилось? – спросила, подходя, Джун.

– Джеррод пропал, – объяснила журналистка.

Теперь уже все пятеро смотрели вниз и прислушивались.

– Думаешь, что-то случилось? – спросил Лоренс.

Скотт опустился на колени, расстегнул рюкзак и достал моток веревки.

– Спущусь и посмотрю, что там происходит.

Глядя сверху, как он разматывает веревку, Эбигейл уловила в его голосе встревожившую ее напряженность. Сойер забежал в ближайший номер, трижды обмотал веревкой стоявший там внушительный комод и завязал узел. Потом он вернулся в коридор, столкнул моток вниз, опустился на колени, перебрался через край и осторожно соскользнул вниз, на обломки лестницы.

– Если хотите подождать здесь, я вернусь через минутку, – повернулся он к своим подопечным.

– Подожди, – сказал Лоренс. – Я с тобой.

Повторить маневр так же легко, как это получилось у проводника, ему не удалось, но он все же спустился вполне благополучно, и оба вышли из гостиницы через переднюю дверь.

Джун, Эммет и Эбигейл остались в коридоре и сели на пол.

– Надеюсь, все обойдется, – сказала миссис Тозер.

Ее муж повернулся к Фостер.

– У вас есть запасные батарейки для фонарика?

– В лагере. А что?

– Он у вас гаснет.

Девушка стащила с себя налобный фонарь, и в следующий момент лампочка в нем погасла.

Глава 15

Эбигейл нажала кнопку подсветки на часах – 21:59.

– Их нет уже десять минут, – прошептала она.

Тозеры выключили налобные фонарики, чтобы поберечь батарейки, и теперь журналистка видела каждого из них как пару белых полумесяцев вокруг темных радужек глаз.

В одной из комнат второго этажа что-то громко стукнуло, как будто ставня ударилась об оконную раму.

– Ветер, – сказал Эммет.

Они посидели еще какое-то время, слушая, как скрипит на ржавых петлях и бьется об окно ставня. В конце концов Тозер нехотя поднялся.

– Ладно. Я спущусь и посмотрю, что там.

– Нет, – возразила Эбигейл. – Пойдем все вместе.

Джун стала спускаться первой. Эммет и Эбигейл помогли ей перебраться через край, и она на секунду повисла над вестибюлем, вцепившись пальцами в пол и тихонько чертыхаясь, а потом медленно сползла вниз по веревке и, коснувшись ногами остатков лестницы, облегченно выдохнула:

– Слава богу!

Ее спутники последовали за ней, а потом все трое выбрались из обломков лестницы и двинулись мимо регистрационной стойки к выходу.

За порогом гостиницы их встретила укрывшаяся туманом улица.

Ставня больше не стучала, и секунду-другую Эбигейл стояла в полной тишине, нарушаемой лишь редкими поскрипываниями да вздохами старого здания, сдерживающего напор ветра.

– Парни, вы куда ушли?! – закричал Эммет. Ему никто не ответил – только эхо пролетело слабеющим рефреном по каньону. Он крикнул еще раз. Снова эхо. И снова молчание.

Что-то мягкое и холодное коснулось лиц троих путешественников.

В свете фонаря Тозера кружили и падали снежинки.

– Что ж, – сказал он наконец, – я пойду в сторону лагеря. Джун, вы с Эбигейл двигайтесь в противоположную сторону. В рюкзаках есть свистки, так что если кого найдем, будем подавать сигналы ими.

– Мне не нравится разделяться, – не согласилась Фостер. – По-моему, это просто ужасно.

– Хорошо. Тогда давайте решать, в какую сторону мы пойдем и что… – Эммет вдруг замолчал. – Что еще за чертовщина?!

Он посмотрел куда-то мимо своих спутниц – недоуменно, хмуря лоб и открыв рот.

Что-то брело по направлению к ним по самой середине улицы, и Эбигейл пришло в голову, что движения этого существа, медленные, неестественные и неуклюжие, напоминают нечто из фильма ужасов – демона или только что выбравшегося из могилы зомби. Оно было уже близко, футах в десяти от них, и ковыляло, приволакивая правую ногу и держась рукой за бок.

Скотт свалился у входа в гостиницу. Его желтая флисовая кофта пропиталась кровью, вытекающей из рваной дыры в жилете.

Эбигейл почувствовала, как у нее стянуло вдруг живот, а к горлу поднялся тошнотворный комок. Во рту появился солоновато-металлический привкус.

Эммет, упав на колени, осторожно приподнял голову Сойера.

– Что случилось? – спросил он в ужасе.

Проводник застонал. Его трясло, а бледное, обескровленное лицо как будто мерцало в темноте.

– Надо посмотреть, – прохрипел он. – Подними толстовку.

Тозер торопливо расстегнул его жилет и потянул «молнию» кофты. Эбигейл, наклонившись к уху раненого, зашептала, что все будет хорошо. Эммет отвернул край термального белья, и все с ужасом уставились на черную дыру у него в боку. Кровь стекала с бледного живота на старые доски и собиралась в медленно расползающуюся лужицу.

– Черт! – прошипел сквозь зубы Скотт. – Больно!

– Что нам делать? – спросила Фостер. – Ты – наш проводник. Ты ведь знаешь, как оказать первую помощь, да? Скажи, как нам тебе помочь?

Глаза у Сойера закатились, и она шлепнула его ладонью по щеке.

Мужчина очнулся и посмотрел на нее сквозь щелочки глаз.

– Бегите! – простонал он. – Они уже идут.

– Кто? – переспросила Эбигейл.

– Мы тебя не бросим, – сказал Эммет, но проводник закрыл глаза. – Скотт! Скотт! – настойчиво позвал его Тозер. – Джун, зажми рану и держи!

Его жена прижала ладонь к животу Сойера, и кровь просочилась сквозь ее пальцы.

Внезапно через весь каньон пронесся пронзительный крик.

– Выключи фонарь, Эммет, – прошептала Эбигейл.

Тозер поспешно выполнил ее просьбу. На мгновение все вокруг как будто притихло.

На ресницу журналистки опустилась снежинка. Она моргнула и поднялась.

– Нам надо убираться отсюда.

– Смотрите! – Джун протянула руку, и Эбигейл повернулась. Кто-то бежал к ним с северной окраины городка, отчаянно работая руками.

– Это Джеррод, – сказал Эммет.

Фостер невольно попятилась, и тут из тумана за спиной их второго проводника выступили неясные фигуры. Первая достала что-то из-за пояса и, нагнав Спайсера, положила руку ему на затылок, как будто втиснув что-то в основание его черепа.

Не издав ни звука, бегущий человек упал.

Джун испуганно пискнула.

– Господи! – вырвалось у Эммета.

«*Этого не может быть. Этого не может быть*», – подумала Эбигейл. Но это было и происходило у нее на глазах. Тени миновали лежащее неподвижно тело Джеррода и теперь быстро приближались к гостинице.

– Разделяемся и бежим, – сказала журналистка. – Живо!

Глава 16

Город-призрак вскрикнул в пятне тумана. Эбигейл оглянулась через плечо – в дымке что-то двигалось, но определить, преследуют ли ее, девушка не смогла. Отбежав ярдов на сто от гостиницы, она свернула с главной улицы и остановилась, согнувшись и отдуваясь. Для нее, привыкшей жить в лежащем на уровне моря Манхэттене, атмосфера высокогорного Абандона была слишком разреженной. Легкие у бегуньи горели. Она заползла в дыру, зиявшую в стене какого-то здания, и попыталась включить фонарь, но вспомнила про погасшую лампочку.

Постепенно из темноты начали проступать очертания предметов – стол, разбитые стулья, высокие окна, развалившаяся печь… Эбигейл поняла, что попала в танцевальный зал.

Часть потолка в дальнем углу обрушилась на небольшую сцену.

Снаружи послышался звук приближающихся шагов, и Фостер легко и быстро прошла по сгнившим половицам. Одна или две скрипнули под ногами, и ей вспомнилась лестница в гостинице – как та внезапно обвалилась. Журналистка остановилась перед проломом в полу и посмотрела на ведущую на улицу двойную дверь. Шагов слышно не было – только ее собственное учащенное дыхание. А потом… Шорох за разбитыми окнами… кто-то пробежал по улице…

Эбигейл опустилась на колени и полезла в пролом, но зацепилась рукавом парки за гвоздь и разодрала и парку, и заодно свою розовую флисовую кофту, и даже панталоны – до самой кожи.

Расстояние между полом и землей было не больше трех футов. Чувствуя под собой замерзшие лужи, Фостер отползла как можно дальше от пролома и остановилась, когда нашла относительно сухое место. Съежившись в темноте под полом танцзала и дрожа от нервного возбуждения, она почувствовала, как по ее правой руке ползет теплая струйка крови. Собственное дыхание оглушало, но девушка ничего не могла с собой поделать. Вдобавок ко всему у нее закружилась голова.

«Что случилось с Лоренсом? Что случилось с моим отцом?» Прямо над нею скрипнула половица, и Эбигейл затаила дыхание. Сердце ее колотилось так сильно, что пульсировало даже в глазах. Пол снова прогнулся. Она подняла руку – определить, насколько сильно, – и ее пальцы, пройдя между половицами, коснулись подошвы ботинка.

Девушка замерла. Целую минуту, а может, даже больше – ни движения, ни звука. От неудобного положения у нее начали неметь ноги. «Прислушиваются. Услышали что-то? Что? Как стучит мое сердце?» Порез на правой руке напомнил о себе болью. Пот затекал в глаза, и журналистка крепко зажмурилась.

Ее детство прошло в пригороде Балтимора. Она всегда была сорвиголовой и летом, пятничными вечерами, обычно шла в городской парк, где играла с соседскими мальчишками в придуманную ими самими «Смертельную игру». Кого-то одного называли «убийцей», и все остальные имели в своем распоряжении минуту, чтобы убежать и спрятаться. Потом «убийца» отправлялся на охоту, и тот, кого он касался, считался убитым и должен был лежать на земле, пока «убийца» не отыщет остальных. Однажды Эбигейл спряталась под «горкой» и оттуда наблюдала за прошедшим рядом охотником. Она до сих пор помнила особое чувство, смешанное с напускным страхом радостное возбуждение, которое испытала тогда.

Наконец ботинок перестал давить ей на палец. Послышались удаляющиеся шаги.

Лежа в темноте и пытаясь понять, что происходит, Эбигейл услышала в другом конце городка голос зовущей мужа Джун. «Может быть, остаться здесь, в подполе? Отсидеться несколько дней? Но что, если они видели меня? – вертелись мысли у нее в голове. – Если знают, что я в городе? Днем они за несколько часов проверят все дома. Безопаснее постараться уйти сейчас, под покровом темноты».

Она вспомнила про сотовый телефон, лежавший в верхнем отделении рюкзака, оставшегося в ее палатке. Позвонить из каньона, скорее всего, не получится, а вот на перевале сигнал был, и ей даже удалось поговорить с матерью.

Журналистка проползла по лужам и грязи к пролому в полу, осторожно приподнялась и выглянула.

В танцзале никого не было. Джун больше не звала, не кричала, и даже ветер как будто стих. Эбигейл выбралась из подпола. Лежа на досках, она чувствовала себя в большей безопасности, и потому решила не вставать, а ползком добраться до той дыры в стене, через которую и попала сюда.

Приникнув к щели между обшивочными досками, Эбигейл долго всматривалась в туман. Бежать в лагерь через весь город слишком опасно. Лучше пробраться по боковой улочке, подняться по склону и укрыться над Абандоном, а потом спуститься прямиком в лагерь, предварительно убедившись, что там никого нет. Аккумулятор в телефоне заряжен. Если удастся поймать сигнал, позвонить 911. Если, что вероятнее, сигнала не будет, придется идти к перевалу – это примерно час пути.

Фостер постояла еще немного, успокаиваясь, а затем сделала несколько глубоких вдохов, наполняя легкие кислородом и готовясь к броску. Одна мысль, как ни старалась она загнать ее поглубже, не давала ей покоя: «Если они увидят меня, мне конец».

Наконец девушка нырнула в дыру, вышла на боковую улочку и побежала. Еще немного… еще пять секунд – и она выберется из города-призрака.

Что-то метнулось к ней из-за танцзала. Ладонь накрыла ее рот.

– Тсс! Это я, Эбби. – Голос принадлежал Лоренсу, который увлек журналистку за угол.

– Джеррод мертв, Скотт сильно ранен, – сказала она.

В доме на другой стороне улицы хрустнуло дерево.

– Слушай, – прошептал Кендал, – на склоне есть дом с эркерным окном. Отправляйся туда, спрячься и не показывайся.

– У меня налобный фонарь погас.

– Возьми мой фонарик.

– А как же ты?

– Я подвернул лодыжку, так что за тобой все равно не угонюсь, а тебе надо поторопиться. Вот, держи. – Отец сунул ей в руки свой рюкзак. – Здесь револьвер и коробка патронов.

– Я не умею…

– Сумеешь, если захочешь жить. Это «Ругер». На левой стороне рукоятки есть кнопка. Нажимаешь. Барабан открывается – вставляешь патроны. Револьвер самовзводный. Предохранителя нет. Просто отводи курок и стреляй. А теперь слушай. Когда я скажу: «Беги», – беги. Не останавливайся и не оглядывайся, что бы ни случилось. Я пойду другим путем. Постараюсь встретить тебя в том доме. Там что-нибудь придумаем.

Со стороны боковой улицы донесся звук шагов. Они приближались.

– Что здесь вообще происходит? – с ужасом спросила Фостер. – Кто эти…

– Не знаю, но тебе пора уходить. Беги!

Эбигейл поднялась, забросила за спину рюкзак и побежала.

Крепкие, могучие ели… заброшенные дома, унылые и призрачные в морозящем тумане… Фостер бежала, не поддаваясь отчаянному желанию обернуться. В какой-то момент она вылетела в узкую и длинную низину, поскользнулась на старом льду и, бухнувшись на спину, покатилась вниз. Лед кончился, но ее понесло по щебню, пока она не врезалась в здоровенный валун. Из пореза над ее левой бровью хлынула кровь. Снизу, из Абандона, донесся крик. Эбигейл поднялась и побежала дальше. До леса оставалось рукой подать, и лежащий в сотне футов город-призрак едва просматривался сквозь дымку тумана.

Вот и дом с эркерным окном – двухэтажный, целый. Журналистка наконец позволила себе оглянуться, но ничего не увидела – слишком темно, слишком туманно. Она подошла, огляделась, заметила дверной проем, проскользнула в него и, перебравшись через груду досок, оказалась в пустой комнате. Эркерное окно было здесь – четыре стеклянные пластины с видом на город-призрак. Бросив на пол рюкзак, Эбигейл приникла к другому, боковому, окну и сразу же заметила какое-то движение у основания склона, по которому только что поднялась сама. Их было двое, два черных пятнышка, крадучись пробирающихся между кустами. Потом они скрылись из виду за развалинами каких-то построек и снова появились несколькими секундами позже – уже немного ближе. Теперь девушка смогла рассмотреть их и обратила внимание на странные, деформированные глаза, выступающие вперед и напоминающие клыки. *Очки ночного видения. Они знают, что я здесь.*

Эбигейл опустилась на колени в углу, развязала рюкзак, посветила внутрь и заметила тусклый блеск револьвера.

Она и не представляла, как у нее сильно трясутся руки, пока не попыталась достать оружие.

Зажав фонарик между коленями, Фостер рванула на себя крышку коробки с патронами «.357 магнум». Эти патроны с экспансивными пулями раскатились по полу, причем бо́льшая их часть провалилась между половицами. Журналистка нащупала кнопку на левой стороне рукоятки, нажала ее, и барабан открылся. Пальцы у нее дрожали так, что первый патрон вошел в гнездо только с третьей попытки.

Шаги приближались. Эбигейл зарядила еще три патрона, даже не зная толком, правильно ли это делает, – держать в руках оружие ей до сих пор не приходилось.

Заполнив все шесть гнезд, она задвинула барабан на место и поднялась. За окном снова пошел снег. Две тени приблизились: до них оставалось не больше двадцати ярдов. Поднимались они по крутому участку склона, карабкаясь на четвереньках, как пауки. Девушка выключила фонарик и присела в углу, подтянув к груди колени. Взвела курок. В полной темноте выделялись только прямоугольники эркерных окон. Кровь стекала в глаза. Контролировать дыхание не получалось: грудь вздымалась, но воздуха не хватало. *Ты должна успокоиться. Должна.*

Журналистка закрыла глаза. Отключила мысли. Сердце замедлило бег, и следом за этим пришла жуткая тишина. Ни шепчущих голосов, ни крадущихся шагов, ни далеких криков. Ничего.

Ледяной дождь стучал по железной крыше.

Эбигейл ждала. Прошла минута. Перед глазами у нее снова встала жуткая сцена – неясная фигура втыкает что-то в затылок Джерроду. И ужаснула ее не только жестокость случившегося.

«Почему это не дает мне покоя? – задумалась она. И вдруг вспомнила. – О, Господи!»

Готовя статью о посттравматическом стрессовом расстройстве у ветеранов, Эбигейл брала интервью у одного полковника спецназа. Речь зашла, в частности, о бесшумных убийствах, и полковник сказал, что самый тихий способ сделать это, вопреки распространенному мнению, заключается не в том, чтобы перерезать человеку горло. Когда перед спецназовцем – например, «морским котиком» – стоит задача убить мгновенно и с минимальным шумом, он наносит удар ножом в основание черепа под углом сорок пять градусов. Кость в этом месте тонкая, и лезвие проникает в продолговатый мозг, мгновенно отключая моторный контроль.

Так вот что случилось с Джерродом… Значит, они – спецназовцы?

В нескольких футах от девушки кто-то выдохнул.

Скрипнула половица.

Страх разлился ртутью, ее палец сам потянул спусковой крючок, и вспышка выстрела обожгла ей глаза. От грохота зазвенело в ушах. Вспышка на мгновение осветила комнату, и Эбигейл успела увидеть руины интерьера и двух мужчин в ночном камуфляже, с масками на лице, и автоматические пистолеты с глушителями.

Они стояли у эркерного окна, один – в которого, по-видимому, и попала пуля, – на коленях.

Отводя курок, Эбигейл услышала шипение сжатого воздуха. В ее парку впились зубчатые электроды, и в следующую секунду она уже лежала, дергаясь и крича, на полу.

1893

Глава 17

Молли Мэдсен сидела у эркерного окна, попивая из бутылки вино с кокаином. Главную улицу заметал снег. Метель мела всю ночь. Мэдсен даже проснулась один раз, разбуженная сходом лавины, смявшей лес под городом.

Снег лежал ровной белой целиной. В домиках на склоне растопили печи и камины, и из труб поднимались тонкие струйки дыма. Первой по свежей белизне прошла изящная блондинка. *Та симпатичная пианистка.* Молли часто смотрела в окна салуна, наблюдая за игрой этой молодой женщины. Иногда, поздно вечером, когда на улице было тихо, она даже слышала из гостиничных апартаментов звуки музыки.

Шаги за спиной… На плечи ей легли сильные руки. Очистив апельсин из корзинки, оставленной накануне вечером Иезекилем и Глорией Кёртис, женщина предложила подошедшему дольку. Комната наполнилась цитрусовым ароматом.

– Я тут думала, Джек… Может, съездим весной в Сан-Франциско? – предложила Молли. – Я так устала от этого ужасного снега…

– Чудесная идея.

Она сжала его руку. Джек смотрел на нее сверху полными обожания глазами.

– Помнишь, как я впервые тебя увидел? Шел вечером по улице Сан-Франциско и вдруг узрел восхитительное создание. Я снял шляпу, улыбнулся…

– Оно улыбнулось в ответ?

– О нет, нет! Это была настоящая леди, а настоящие леди так не поступают. Она лишь кивнула, а я подумал, что должен обязательно выяснить, кто эта женщина.

– И что ты сделал?

– Отправился за нею на бал.

– А потом?

– Мы танцевали. Танцевали всю ночь.

– Помнишь, что на ней было?

– Вечернее платье цвета роз. Ты была самым изысканным созданием из всех, что я когда-либо видел. Была и остаешься.

– Я так счастлива, Джек. – Молли поднялась с дивана и повернулась к мужу. Она вышла за него в восемьдесят третьем, и он нисколько не изменился с тех пор – те же короткие светлые волосы, квадратный подбородок, ледяные голубые глаза и даже тот самый фрак, что был на нем в день их первой встречи. – Позволь показать, что я хочу на Рождество. – Она расстегнула несвежий корсет и повела плечами, дав ему упасть на пол, а потом стянула через голову сорочку, бросила ее в шкаф и забралась на кровать. – Дже-е-е-ек… – Женщина прошептала его имя, как молитву, погрузив пальцы в болотистый жар между бедер.

Глава 18

По пути на поздний рождественский завтрак в особняке Пакера Иезекиль, Глория и Стивен то и дело посматривали на крутые безлесные склоны по обе стороны от дороги, ловя малейшие сигналы, оповещающие о возможном сходе лавины. Несколько обвалов уже случилось ночью – лежа в постели, в теплом доме, они слышали их, как громыханье далекой канонады. Перед предательской низиной между двумя горами проповедник вознес молитву о защите от снежной напасти. На каждом шагу снегоступы проваливались на полтора фута. Выбравшись из низины, лежавшей на излюбленном лавинами маршруте, вся компания остановилась передохнуть возле бьющего из горы ключа.

Кёртис и Коул утоптали небольшую площадку, чтобы можно было посидеть не проваливаясь, после чего проповедник окунул в озерцо индейскую чашку и, набрав воды, предложил Глории сделать первый глоток.

– Нет, спасибо, – отказала та. – Боюсь, я только продрогну еще сильнее.

– Зек? – обратился Коул к ее мужу.

– Нет, Стив, ты уж сам.

Они сидели в холодной и величественной тишине. Иезекиль стащил подбитые флисом перчатки, достал жестянку с табаком «Принц Альберт» и принялся набивать трубку.

Рельеф впереди выравнивался и переходил в низину с озером посередине, цвет которого в летние месяцы менялся на люминесцентно-зеленый, как будто оно покоилось на огромном изумруде, подсвеченном снизу солнцем. Но и в самую жаркую пору никто не задерживался в воде больше чем на минуту, из-за чего жители Абандона присвоили озеру высший из имеющихся в их словесном арсенале температурный ранг – «охренительно холодное».

Убрав под котиковую шапку выбившиеся блондинистые прядки, Глория невольно поежилась, хотя и надела предусмотрительно две нижних юбки и шерстяной жакет мужа, а также натянула две пары чулок и закуталась в широченный дождевик.

– Стивен, можно спросить вас кое о чем? – обратилась она к проповеднику.

– В любое время и о чем угодно, – откликнулся тот.

Иезекиль, выпустив пару колечек дыма, молча наблюдал за тем, как их разбивают легкие снежинки.

– А можно, чтобы это осталось между нами? – попросила женщина. – Потому что никто в Абандоне не знает о том, что я сейчас вам скажу.

– Чего это ты, а, Глори? – подал голос ее супруг.

– Хочу спросить проповедника кое о чем.

– Не надоедай ему своими…

– Зек, – остановил его Коул, – пусть скажет, что у нее на уме. Я здесь именно для того, чтобы по возможности помогать людям.

– Не трогала б ты это, – предупредил жену Иезекиль, но его совет остался без внимания.

– Мне нелегко об этом говорить, Стивен… – продолжила миссис Кёртис. – В прошлом я была шлюхой.

– А, черт! – проворчал шериф.

– А Зек был преступником. В свое время убил несколько человек. Каждый из нас нагрешил за десятерых. Мы изменились. Нет, до совершенства нам далеко, но мы теперь приличные люди – или, по крайней мере, пытаемся ими быть.

– Верю. – Коул смахнул снег с полей своей фетровой шляпы.

– Я потому рассказываю вам об этом, что хочу узнать о Божьем наказании.

– А точнее? – попросил проповедник.

– Год назад кое-что случилось…

– Я это слушать не стану. – Иезекиль поднялся и прошел вверх по тропе, где и остановился спиной к жене и ее собеседнику, покуривая трубку и оглядывая заснеженную равнину.

– Продолжайте, Глория, – сказал Стивен.

– В прошлом январе мы жили в Силвер-Плам. У нас был сын по имени Гас. Однажды утром они с Зеком отправились погулять. Стояли у дороги, ждали, когда можно будет перейти, и ручонка нашего малыша выскользнула из руки Зека. Мальчик шагнул и попал прямиком под экипаж… – Коул протянул руку и коснулся плеча Глории, а она смахнула слезу. – Сначала на него наступила лошадь, а потом колесо переехало ему шею. Никто не виноват. Ни кэбмен, ни Зек.

– Ни вы сами.

– Гас умер на месте… там же, на улице.

– Мне очень жаль, Глория.

– А теперь, Стивен, я хочу, чтобы вы сказали мне кое-что.

– Я постараюсь.

– Как я уже говорила, мы с Зеком были нечестивцами. И после смерти Гаса я постоянно слышу голосок, который говорит, что Бог забрал нашего сына в наказание за все плохое, что мы сделали. Это ведь не так, правда? Бог ведь не такой?

Спокойные карие глаза проповедника как будто потемнели. Он отвернулся, а когда заговорил, голос его зазвучал иначе – жестче и суровее:

– Вы спрашиваете, не поклоняемся ли мы мстительному Богу?

– Да.

– Не думаю, что я – тот, кто может дать вам ответ.

– Почему?

– А что, если я скажу, что голос, звучащий у вас в голове, прав? И вполне возможно, что это Он забрал у вас сына?

– Если это правда, то я ненавижу себя и Зека за то, какими мы были. И ненавижу Бога за то, каков Он есть.

– В таком случае, Глория, нам не стоит продолжать этот разговор. Я не хочу быть ответственным за то, что отвернул кого-то от веры. – Опершись на посох, проповедник поднялся на ноги. – Жаль, но большего утешения я вам дать не могу.

– Но на прошлой неделе вы читали проповедь о безусловной Божьей любви.

Стивен наклонился, протянул миссис Кёртис руку и помог ей встать.

– Это то, что люди хотят услышать, – сказал он. – Бог нужен им, как великодушный отец, готовый защитить, помочь, обеспечить, но не требующий платить по счету. В такого Бога я больше не верю.

– Но верили еще в прошлое воскресенье, так что же вас так изменило?

– Не что, Глория, а кто. Сам Бог. – Коул повернулся и направился к дороге, и его мягкие глаза блестели – столь глубока была его потеря и столь силен гнев.

Глава 19

Изумрудное озеро лежало под десятью футами снега. К тому времени как они вышли на него, метель улеглась, и проскользнувший между тучами луч света упал на вспыхнувшую ослепительной белизной зазубренную кромку окружающего впадину горного гребня.

Вдалеке материализовался особняк, уютно устроившийся на краю озера.

– Сколько на него ни смотрю, – заметил Иезекиль, – а лучше не становится.

– Место действительно не самое подходящее, – согласился Стивен.

Владения Пакера, названные им Изумрудным домом, представляли собой четыре симметричных крыла, сходящихся к увенчанному куполом центральному блоку. Верхние этажи его были обшиты дранкой из кедра, а нижний сложен из камня. Над остроконечной крышей высились многочисленные кирпичные трубы.

– А вот это странно, – сказал Кёртис. – Вы видите хоть один дымок над всеми этими трубами? Нет? На улице метель, а у него ни один камин не горит… Почему?

В некоторых местах сугробы доходили до окон второго этажа, но к центральному входу вел расчищенный туннель между высокими, футов в пятнадцать, снежными стенами.

Все трое подошли к двойным дубовым дверям, и Стивен трижды постучал в них молоточком. Потом гости сняли снегоступы и немного подождали, после чего Коул постучал еще раз.

Глория прошлась взглядом по карнизам.

– А вы не думаете, что он просто забыл о нас? – спросила она.

Проповедник ненадолго задумался.

– Возможно, он остался прошлым вечером в городе, – предположил он. – Решил не возвращаться, так как могла сойти лавина, – чтобы не застрять по пути домой.

– Что ж, мы пробились сюда через пургу, и я намерен войти и выяснить, в конце концов, подадут нам завтрак за все наши старания или нет, – решительно заявил Иезекиль.

Он взялся за большую металлическую дверную ручку и потянул… Дверь открылась.

– По-твоему, так можно? – засомневалась его жена. – Входить без разрешения?

– По-моему, можно. – Шериф переступил порог.

Глория вздохнула и последовала за мужем вместе со Стивеном, который закрыл за собой дверь.

Из всех керосиновых ламп на первом этаже горела только одна, в самом конце, в кухне – с того места, где они остановились, был виден слабый, дрожащий огонек. Через высокие окна в переднюю струился мягкий серый свет.

– Эй? – крикнул Иезекиль. – Есть кто-нибудь?

Его голос разлетелся по Изумрудному дому громким эхом.

Пройдя через переднюю, гости поднялись по многоуровневой лестнице под еловыми балками. Устроенная в месте соединения четырех крыльев лестница в каком-то смысле была сердцем особняка. Проходивший через световой люк жидкий свет падал с высоты в пятьдесят футов на мраморный пол между ступеньками.

– Холодновато, – заметил Стивен. – Давненько огонь не разводили. И разве в доме не должно быть прислуги? Если не ошибаюсь, Барт всю зиму держит здесь пять служанок.

Он прошел к северному крылу и заглянул через стеклянные двери в просторную комнату с кушеткой, диванчиками и креслами.

В противоположном крыле размещались столовая и банкетный зал. Кёртис обнаружил там только стулья и длинный, широкий стол – без скатерти, приборов и фарфора.

– Похоже, перспективы позавтракать выглядят не слишком многообещающими, – пробормотал он. – Проверим комнату Барта. Ты, Стивен, помнишь, где она?

– Если не ошибаюсь, в восточном крыле, на следующем этаже. Выходит на озеро, – ответил проповедник.

– Держу пари, он прокутил всю ночь в салуне, набрался, а как приехал домой, так и завалился пьяный, – сказал Иезекиль. – Может, его еще и расталкивать придется.

Они поднялись на третий этаж и, громко оповещая о своем прибытии, направились в крыло Бартоломью, чьи богатства и причуды прятались на сей раз в полумраке.

Внезапно шериф остановился.

– Послушай-ка, Глори, тебе лучше сделать шажок назад, – сказал он своей жене.

Та опустила глаза, посмотрела на деревянный пол и увидела, что стоит в вязкой лужице крови. Она тут же отпрыгнула к мужу и прижала ладонь к губам, сдерживая крик.

– Вот так, а седло-то пустое… Дело тут нечисто, – сказал Кёртис. – Смотри, здесь еще! – Слабые следы крови вели к следующему лестничному пролету.

– Револьвер с собой? – спросил его Коул.

– Боюсь, не взял. Не думал, что понадобится в рождественское утро. Вот что. Я собираюсь посмотреть, что здесь за чертовщина творится.

– Зек, не надо… – запротестовала супруга шерифа.

– Глори. – По тону, каким это было сказано, и по серьезности, которой она не слышала уже несколько лет, женщина поняла: с мужем лучше не спорить. – Оставайся здесь и ни с места. Понятно?

Направляясь к крылу прислуги, Иезекиль ощутил возбуждение, которого давно уже не испытывал. Не страх – он еще мальчишкой в Вирджинии научился ничего не бояться, – но некую легкость в животе, рожденную предчувствием чего-то, к чему у него всегда была склонность. Как в старые добрые времена, когда он, бывало, пускался с приятелями во все тяжкие. По правде говоря, кое-чего из того прошлого ему сильно недоставало. Кёртис любил Глорию, ему нравилось жить с ней, но по-настоящему живым он не чувствовал себя уже очень давно.

Иезекиль поднялся на предпоследний этаж, но кровавые следы здесь не кончались – на ведущих выше ступеньках и перилах тоже остались липкие пятнышки. Он пошел дальше, к небольшому куполу, превращенному Бартом в библиотеку: первые семь футов стен там были заставлены книгами, а последние пять уходили под углом к четырехскатной крыше.

Бессмыслица. Кровь на полу, на корешках книг, на спинке кожаного кресла, но при этом в библиотеке нет ни души, в обоих каминах – ни уголька, и холод такой, что дыхание вылетало изо рта облачками пара…

Шериф задумался, но потом огляделся, заметил приставную лестницу, спрятанную за книжным стеллажом, посмотрел вверх, увидел люк и почти улыбнулся, вновь почувствовав иголочки в животе. Вооружившись восьмифутовым латунным шестом с

крюком на конце, он отвел задвижку, поднял крышку люка, а потом поднес и приставил к люку лестницу. Сверху в библиотеку начал падать снег.

Поднявшись на пятнадцать футов, Иезекиль выбрался на небольшую открытую веранду, верхнюю точку Изумрудного дома. Открывшийся панорамный вид на четыре крыла здания с трубами каминов и окружающую низину отвлек его на секунду от другой картины – пяти фигур возле кованого ограждения на восточной стороне веранды.

Барт Пакер и его прислуга.

Трое завалились лицом вперед и лежали, наполовину занесенные свежевыпавшим снегом. Двое еще сидели прямо, и одним из этих двоих был хозяин – с багрово-черным, изуродованным до неузнаваемости лицом. Похоже, его подвергли жестокому избиению. Обоим сидящим людям перерезали горло, и даже выпавший снег не смог скрыть лужи пролившейся крови.

– Сукин сын, – прошептал Кёртис. – Сукин сын.

Снова пошел снег, но ветер сметал его с крыши, так что на веранде почти ничего не оставалось. Шериф услышал приближающиеся шаги и оглянулся.

Стивен тоже поднялся на крышу.

– Черт, что ты делаешь?! – крикнул Иезекиль, перекрывая шум ветра. – Тебе повезло, что я без оружия! Лежал бы сейчас кверху брюхом. И зачем ты оставил мою жену… – Увидев за спиной Коула поднимающуюся по лестнице Глорию, он метнулся к ней мимо проповедника и остановился так, чтобы заслонить от нее Барта и слуг.

– Ты видела? – спросил он ее нервно.

– Видела что? – не поняла женщина.

– Ох, Господи… – пробормотал Стивен.

– Глори, Глори, смотри на меня. Мне в глаза, – потребовал шериф. – Они здесь.

– Мертвые? – догадалась миссис Кёртис.

– Да, боюсь, их лампы погасили. И поверь мне, на это лучше не смотреть – зрелище такое, что ты всю жизнь будешь пытаться забыть его.

– Но ты же видел!

– Я видел и кое-что похуже. – «Я и делал кое-что похуже», – добавил шериф про себя и продолжил: – И вот что. Я чертовски зол из-за того, что ты поднялась сюда, когда тебе было сказано оставаться внизу, но, возможно, закрою на это глаза, если ты послушаешь меня сейчас. – Он взял лицо супруги в ладони. – Уходи отсюда. Спускайся вниз. Иди.

Глория спустилась по лестнице, и Иезекиль, проводив ее взглядом, подошел к Стивену.

– Да что с тобой такое? – накинулся он на проповедника. – Ты о чем думал?! Моя жена едва не увидела это… Черт, так бы и сбросил тебя с крыши!

Но Коул не слушал и только смотрел во все глаза на трупы и залитый кровью снег вокруг них.

– Кто, по-твоему, мог сотворить такое? – вырвалось у него.

– Плохие люди. Похоже, здесь орудовали парой «арканзасских зубочисток»[5]. Мерзкая работа. Наверное, боялись, что выстрелы могут вызвать сход лавины и тогда они не выберутся из низины.

Стивен шагнул к мертвецам, но Иезекиль схватил его за плечи и заставил отступить.

– Их пока лучше не трогать, – сказал он жестко. – Чем ты им поможешь?

Проповедник кивнул. Руки у него дрожали, но он старался держаться.

– Так стоит ли удивляться, Зек, что Он ненавидит нас? – спросил Коул внезапно.

– Кто?

– Бог.

– Подожди. Ты хочешь сказать, Бог ненавидит тех, кого сам же и сотворил?

Стивен кивнул в сторону жуткой сцены.

– А ты не согласен?

Глава 20

Открыв свой единственный подарок на Рождество 1893 года, Гарриет Маккейб с воплями забегала по их скромному, десять на десять ярдов, домику, в котором она жила с родителями. Это был, несомненно, самый экстравагантный подарок из всех, что она когда-либо получала, и ее мать сэкономила на трех последних семейных продовольственных заказах, чтобы купить ей куклу из витрины магазина. Саманта была шестнадцати дюймов ростом и шла в комплекте с двумя платьями и маленькой щеткой для роскошных рыжих волос.

– Теперь понятно, почему нам на ужин лепешки вместо мяса давали, – проворчал Билли, переживавший тяжелое похмелье на комковатом, набитом соломой матрасе.

– Ради доброго дела можно чем-то и пожертвовать, – сказала Бесси. – Ты посмотри на нашу дочку. Когда ты видел ее такой счастливой? Разве тебе самому не приятно?

Гарриет сидела на земляном полу у раковины – обычного тазика на перевернутом упаковочном ящике – и уже нашептывала Саманте свои девчоночьи секреты.

– Горит плохо, – пожаловался ее отец. – Выйди на крыльцо, принеси дровишек. По этой чертовой халупе сквозняки вовсю гуляют.

– Билли! Выбирай выражения! – возмутилась миссис Маккейб. – Сегодня Рождество, и твоя дочь…

– Иди, я сказал!

Бесси ничего не оставалось, как завернуться в одеяло и сунуть ноги в башмаки мужа. Когда она вышла, Билли сел на кровати и потянулся. Он был мал ростом и выглядел младше своих двадцати лет. По этой причине, да еще из-за нервно бегающих, пугливых глазенок большинство мужчин обращались с ним, как с мальчишкой. Вообще-то этот молодой человек был даже смазливым, пока не открывал рот. В девять лет отец сломал ему передние зубы, после чего они напоминали собачьи клыки.

Он встал на стылый земляной пол. Голова гудела. Утренний холод легко проникал сквозь его заляпанные, ветхие кальсоны.

Покачиваясь, Билли добрел до накрытого клеенкой стола, на котором еще остались кое-какие прибереженные на Рождество вкусности. Он открыл банку сардин в горчичном соусе, выловил парочку и отправил в рот, а потом проковылял к единственному окну и откинул занавеску, сшитую Бесси из старой нижней юбки. Замерзшее изнутри окно скрыло от него внешний мир. На подоконнике стояла наполненная раковинами бутылка из-под виски. Маккейб провел пальцем по стеклу и подумал о своем старшем брате, Арнольде. От этой мысли к горлу у него подступил комок, а дыхание перехватило, как будто кто-то врезал ему кулаком под дых.

Билли повернулся и посмотрел на дочь.

– Веселого Рождества, малышка.

Шестилетняя девочка посмотрела на него исподлобья, настороженно, и этот взгляд отозвался в нем печалью и раздражением.

– У меня тут подарок для твоей мамы…

Глава семейства наклонился, сунул руку под кровать и достал что-то размером с буханку хлеба, завернутое в газету. Потом подошел к маленькой елочке, которую они выкопали на холме над домом. Бесси посадила деревцо в жестянку из-под жира и постоянно поливала, но его иголки все равно начали желтеть. Мужчина положил сверток под елку и снова посмотрел на дочку.

– Т-т-тебе нравится кукла? – спросил Билли и покраснел, что случалось всегда, когда он заикался, даже если разговаривал с шестилетней девочкой. До приезда в Абандон никаких проблем с речью у него не было.

– Да, сэр, – пискнула в ответ его дочь.

– Хорошо. Стоит намного больше, чем мы можем себе позволить.

Маккейб поднял крышку стоящей на плите эмалированной кастрюли. Снег наконец растаял, и снизу уже начали подниматься пузырьки. Мужчина взял оловянную кружку с застеленной газетой полки над раковиной и полил горячей водой на арбакловские зерна.

– Рождество, а тут даже приличную чашку кофе не выпьешь, – пробурчал он. – Бурда!

Дверь распахнулась, и в комнату ввалилась Бесси с двумя охапками дров и морозным дыханием зимы. Бросив все на пол, она открыла дверцу и сунула в железную печь три полена.

– Вижу, снег идет, – сказал Билли, заметив белые хлопья в соломенных волосах жены.

– Идет. И останавливаться, похоже, не собирается. Отряхни с меня, ладно? – попросила та.

Маккейб подошел к жене и смахнул снег с одеяла.

– П-п-посмотри, что под елкой, – сказал он ей, снова заикаясь.

Бесси посмотрела туда и, увидев сверток на мешке, улыбнулась.

– Я уж думала, ты ничего мне не подаришь. – Она развернула одеяло, повесила его на спинку стоящего у плиты кресла-качалки и подошла к засыхающей елочке. Подняла сверток и удивленно подняла брови: – Тяжелый!

– Иди с-с-сюда, к кровати, – позвал ее муж.

Бесси опустилась на матрас. Гарриет тоже забралась на кровать и устроилась в ногах у родителей.

Миссис Маккейб развернула газету.

– Господи… Билли… – О том, что лежало на рваной газете у нее на коленях, можно было только мечтать.

– Я взвесил – двадцать два фунта, – с гордостью сообщил муж.

– Мамочка, дай и мне посмотреть! – потребовала девочка.

Бесси подняла золотой слиток – увесистый, холодный, с царапинками и крохотными выщерблинами, тускло отливающий бронзой.

– И сколько это? – спросила она.

– Золото идет сейчас по двадцать долларов и шестьдесят семь центов за унцию, так что у тебя в руках больше семи тысяч долларов, – сказал Маккейб.

О таких деньгах его жена даже не слыхивала и потому расплакалась. Билли сел поближе и обнял ее за плечи.

– Где ты его взял? – спросила молодая женщина.

Ее муж отхлебнул кофе. Зерна заливали кипятком уже не раз, так что теперь они почти не меняли цвет воды и не давали вкуса.

– Посмотри на это. – Мужчина обвел рукой их жалкое жилище. – Грязь, убожество. И мы так живем. Тебе не надоело? Пол, который после каждого дождя превращается в грязную лужу? Стена, от которой отваливаются куски? Эти треклятые сквозняки в кухне, куда через все щели лезет снег?

– Где ты его взял? – повторила Бесси.

– Тебе знать не надо. Мы богаты. Вот что тебя должно интересовать. И кстати, это не единственный.

– Что ты имеешь в виду?

Маккейб ухмыльнулся.

– У этого слитка куча братишек и сестричек.

Бесси положила золото на кровать, поднялась и взяла в ладони изуродованное угрями лицо мужа. Последние шесть месяцев он пытался отпустить усы, но результат у него получился довольно жалкий.

– Мне нужно знать – прямо сейчас, – что ты натворил.

Билли убрал ее руки.

– Что значит «натворил»? Я, на хрен, обеспечиваю свою семью!

– Послушай, когда ты принес с шахты песок, мне это не понравилось, но тогда я промолчала. Потом в подвале обнаружилось с полтонны руды. Я опять ничего не сказала. Но это… – Миссис Маккейб ткнула пальцем в слиток. – Ты взял это на прииске?

– Ну а если я скажу, что нашел его и…

– Скажи, и я назову тебя отъявленным лгуном.

Билли вскочил, схватил жену за руку и втолкнул в кухню. Бесси ударилась о раковину и полки. Сверху на нее полетели коробки с сахаром, банка со сгущенным молоком, пакеты с мукой и солью и бутылка с сиропом. Она подняла голову – супруг стоял над ней, сжав кулаки. Глаз его подергивался от тика, а лицо налилось кровью.

Гарриет забилась под стол, и ее плач наполнил маленький домишко.

Сорвав со стола клеенку, Билли сердито зыркнул на дочку.

– Заткнись, сопливка, и не тявкай! Я разговариваю с твоей матерью и не желаю слышать твое нытье!

Девочка уткнулась лицом в подол платья.

– Она же твоя дочь! – возмущенно крикнула Бесси. – Твоя…

Маккейб схватил жену за лодыжки, притянул ее к кровати, подхватил и, швырнув на матрас, навалился сверху всем телом.

– С-с-слушай ты, сука неблагодарная, – прошипел он, изо всех сил стараясь удержать ее внизу. – Ей-богу, ты у меня стихнешь.

Он стегнул ее ладонью по лицу – раз, другой. Бесси больше не сопротивлялась. Они лежали, пыхтя, отдуваясь. От Билли воняло рыбой, и его жена с трудом загоняла внутрь подступающую тошноту.

– Это все Ооту, да? Он втянул тебя во что-то. Ты сильно изменился с тех пор, как стал с ним водиться, – шипела миссис Маккейб.

Билли прижал к ее шее локоть и надавил ей на горло.

– С-с-смотри мне, – предупредил он. – Одно лишнее слово, и я тебя придушу. Раз – и готово!

– А твоя дочка? – прохрипела Бесси. – Ты и Гарриет тоже убьешь?

И ведь убьет, поняла вдруг она. Глаза ее мужа уже налились безумием. Он задушит ее и убьет дочь…

– Всё в порядке, малыш. Все хорошо. – Женщина убрала руку с локтя мужа – ее ногти уже вонзились в его кожу – и погладила засаленные, грязновато-песочные волосы. – Билли… – Говорить у нее получалось только шепотом. – Билли, я не могу дышать.

Сработало. Он больше не давил ей на горло, но и не отпускал – лежал на ней, пока она откашливалась и отдувалась.

– Ты меня доведешь, – сказал Маккейб. – Придется убить.

И ей ничего не оставалось, как только смотреть в его дергающиеся глаза. Она больше не злилась на него. Нет, злости уже не было. Только страх и глубокая печаль. От того парня, за которого она выскочила замуж в четырнадцать лет в Западном Теннесси, не осталось почти ничего. Тот милый и нежный мальчишка воспринимался теперь как некто далекий и чужой… как ее отец, давно уже сошедший в могилу.

Взгляд молодой женщины наткнулся на бутылку с ракушками на подоконнике. В то счастливое лето 1889-го они спустились на пароходе по Миссисипи до самого Мексиканского залива – там жил брат Билли. В первый и последний раз она увидела тогда океан, но его запах остался с ней навсегда, как и память о том утре, когда они с Билли шли по берегу, вместе собирая ракушки, а под ногами у них плескалась прохладная соленая вода.

Маккейб скатился с нее и поднялся на ноги. Бесси потрогала набухающую на голове шишку.

– В Теннесси ты никогда меня не бил, – пробормотала она.

– А разве было за что? А теперь вот… за это золото. У нас что, какие-то проблемы?

– Нет, Билли. Никаких проблем.

– Вот и ладно.

Молодой человек вздохнул, поднялся с кровати и, подойдя к столу, опустился на колени. Гарриет все еще сидела, закрыв платьем личико, так что он увидел только ее черные кудряшки.

– Давай, дочка, вылезай, – сказал ей отец. – Мы с твоей мамой помирились. Взрослым приходится иногда кричать, когда надо найти выход из положения. – Гарриет подняла голову. В ее глазах все еще стояли слезы. – Выбирайся оттуда, милая, а то твоя кукла совсем без тебя заскучала. Звать-то ее как?

– Саманта, – отозвалась малышка.

– Ну так что? Пусть Саманта плачет там одна? Разве ты теперь не ее мама?

Девочка выбралась из-под стола.

– Ну вот. А не открыть ли нам банку устриц, а? Как-никак, Рождество сегодня, верно? – Маккейб улыбнулся жене, показав свои сломанные зубы.

«Не знаю, город виноват или Ооту, но ты уже не тот, – подумала, глядя на мужа, Бесси. – Может, здешний воздух тебя отравил. Ты – не мой Билли. Его я потеряла».

Глава 21

Рождественским утром Ооту Уоллас бросил на вешалку дождевик и вдохнул запах сигареты, которую курила Джосс Мэддокс.

– Тяжеленько, а? – спросила та из-за бара.

Ооту стащил фетровую шляпу, постучал ею о ногу, сбивая снег, и тряхнул головой. Копна черных волнистых волос рассыпалась по его плечам. Гость подошел к сосновой стойке, на которую Джосс уже поставила два стакана для виски и бутылку пива «Пабст блю риббон».

– Ну что, веселого Рождества? – спросил мужчина и сунул руку во внутренний карман. – Дело на мази.

При виде золота у Джослин повлажнело между ногами. Вытянув пальчики, она коснулась руки Уолласа. Тот опрокинул оба стакана и присосался к бутылке.

– Скажи мне, Джосси… – начал было он, но барменша перебила его:

– Джосс.

– Черт, какая ты норовистая! Кто та женщина напротив, что сидит у окна? Как ни прохожу – она постоянно там. И постоянно за мной наблюдает.

– Это Молли Мэдсен. И ты не обольщайся: она за всеми наблюдает.

– Так она кто такая? Чахоточная? Горным воздухом приехала подышать?

– Нет. Лет десять назад муж прислал ее сюда – дом поставить. Он какой-то знакомый Барта, собирался проверить здешнюю руду. А потом взял и не приехал. Даже не написал ничего. Просто взял и бросил.

Ооту улыбнулся, а Мэддокс продолжила рассказывать:

– Барту, конечно, было чертовски неприятно. Когда у Молли кончились деньги, он поселил ее в гостиницу. С тех пор и поддерживает. Как я понимаю, на этой почве Молли и подвинулась рассудком. Пять лет из комнаты не выходит. Все ждет, что муж вот-вот приедет.

– Что-то мне подсказывает, что ее отправили с глаз подальше. – Уоллас показал пальцем на стаканы, и Джосс налила в них еще.

Ооту снова выпил и осторожно, чтобы не разбудить напившегося и впавшего в ступор помощника шерифа Эла, подошел к плите и поднес к ней руки – загрубелые, мозолистые, почерневшие от пыли и копоти. Одет он был в тридцатилетней давности форму, сохранившуюся со времен службы в армии Конфедерации – серые штаны и в тон им двубортный китель с оловянными пуговицами. Нашивка на левом рукаве указывала на его ранг – младший пехотный офицер. Все прочие знаки отличия он давно сорвал. А застывшие на плечах кителя капли парафина выдавали место его нынешней службы – шахту.

Лана, пришедшая в салун с первым зажегшимся в нем огоньком, села за пианино. Ооту подошел ближе и остановился послушать. Когда она закончила первую мелодию, он похлопал, а потом положил руки ей на плечи.

– Веселого вам Рождества, мисс Хартман. Позвольте заметить, у вас это замечательно получается – есть чем наполнить и корсет, и камисоль. Почему бы нам с вами не прогуляться через улицу, в гостиницу? Мы могли бы обменяться подарками. Я с удовольствием…

– Ооту. – Джосс произнесла его имя негромко, но голос ее дрогнул от гнева, а черные глаза полыхнули недобрым огнем. – Иди сюда. Хватит. Оставь ее в покое.

– Я занят. Разговариваю с мисс Хартман. Предложил бы то же и тебе, но поскольку ты в настоящий момент на цепи…

– Сукин сын… Ладно, скажу попроще. Орешки отрежу.

Бледная, дрожащая, Лана опустила голову, прилепившись взглядом к пожелтевшим клавишам.

Уоллас пробрался назад, к стойке.

– А что ты так завелась? – накинулся он на барменшу. – Ты ей кто? Мадам?

Мэддокс улыбнулась и произвела некий маневр, столь быстрый и ловкий, что Ооту даже не понял, как это было сделано – однако в результате его шмякнули физиономией о стойку, а его левое ухо щекотнуло холодное острие ножа.

Джослин наклонилась так, что ее черные кудри коснулись усов клиента, и шепнула:

– Богом клянусь, воткну прямо в мозги, если они у тебя еще остались… – Затем она повысила голос: – Давай, Лана, играй! Всё в порядке. Тебя никто больше не побеспокоит.

Ооту хмыкнул, но шевельнуться не рискнул. Принятая поза позволяла ему видеть Эла – на лице служителя закона, очнувшегося от дремоты у печки, появилась легкая ухмылка.

– Джосс, ты ведь не обвинишь меня в преувеличении, если я скажу, что вижу самого говнистого говнюка из всех, что здесь бывали? – спросил он свою противницу.

– Эла? – уточнила та.

– Да.

– Нет, против такого заявления я ничего иметь не буду. – Мэддокс посмотрела на придавленного к стойке клиента. – Я тебя сейчас отпущу, и мы с тобой сделаем вид, что ничего такого не случилось. И веди себя прилично.

С этими словами Джосс убрала руку, сунула нож-боуи в кожаные ножны под стойкой и поставила на нее два стакана. Ооту надел шляпу.

– За твое скорое освобождение, – шепнул он.

Они чокнулись, выпили, и барменша искоса взглянула на сонного помощника шерифа.

– Как все прошло ночью с Бартоломью? – спросила она еле слышным шепотом.

– Прошло, – коротко отозвался Уоллас.

– Гладко? Ничего лишнего?

– Ну, к концу дела Барт наверняка сто раз пожалел, что сболтнул тебе про те слитки.

– Я про другое спрашиваю. Вы ведь быстро всё провернули, да? Не тянули без необходимости?

– Билли напортачил.

– Как?

– Подробности без надобности. Что надо было, то и сделали.

– Ну, Билли ведь никогда ни в чем таком не участвовал. Увлекся, но…

– Говнюк мелкий. – Ооту достал из накладного кармана клочок бумаги и положил его на стойку.

Джосс развернула листок и увидела на нем рекламу шахтерских ботинок от Монтгомери Уорда.

– Это что за хрень? – удивилась она.

– Написал прошлым вечером. Заметки для тебя. Здесь то, что тебе надо сделать, когда я приду за тобой.

Джослин оттянула подтяжку и сунула записку в кармашек на своей клетчатой рубашке.

– Что с мальчишкой? Ты ему доверяешь? – засыпала она собеседника новыми вопросами.

– Ни на грош. Но выбирать-то не приходится. В одиночку мне не справиться, самому все не вытащить, так ведь?

– Ооту…

– Этим я займусь. Твое дело – сделать то, что там написано. Все получится. Мальчишку придется брать с собой. В метель там будет непросто.

– Знаю. Как время подойдет, я сама об этом заикастом сопляке позабочусь.

– Джосс…

– Тут я с тобой спорить не собираюсь. Он нехорошо обошелся с Бартом, так пусть и на собственной шкуре почувствует, что такое больно. Даже если и по дороге в ад.

Уоллас направился к вешалке и стал одеваться. Он уже застегнул последнюю пуговицу и протянул руку к двери, когда Джосс окликнула его. Мужчина повернулся. Она держала в руке тот самый листок с инструкциями.

– Прежде чем скажу, позволь тебя предупредить, – заговорила она. – Если я только увижу на твоей морде ухмылку или как ты закатываешь глаза, если услышу, как ты снисходительно фыркаешь…

– Господи, а покороче можно? Мне пора за Билли.

Джослин помахала листком.

– Вот этим я воспользоваться не смогу.

– То есть как?

– А вот так, Ооту, – не смогу.

– О… – Уоллас шагнул обратно к стойке.

– Я же сказала – ни слова.

– А я только и сказал, что «О». Это ничего не значит и никакого отношения не выражает. И вообще, почему ты ничего не сказала, когда я дал его тебе? Думаешь, мне не насрать, что ты читать не умеешь?

2009

Глава 22

Первым, что ощутила, придя в сознание, Эбигейл, была жуткая боль в голове. А потом до нее донеслось эхо голосов, один из которых принадлежал ее отцу.

– Вот что, Лоренс, не надо повторять мне одно и то же. Ты прекрасно знаешь, почему мы здесь. И теперь, когда твой партнер выбыл из строя…

– Клянусь тебе, я…

– Не верю. Этот мудила *хочет*, чтобы я порезал его на кусочки.

– Убери нож, Айзея. Он будет говорить. Я это чувствую.

– Неужели, Ларри? Старина Стю знает что-то, чего я не знаю?

– Это все огромное…

– Недоразумение?

– Да, огромное…

– О нет, нет, нет. Порядок, Ларри. Сейчас я отрежу тебе большой палец, а потом мы продолжим нашу…

– Ладно, я…

– Нет, думаю, я лучше продолжу…

– Нам нужно пойти к Изумрудному дому.

– К тому большому особняку на дороге?

– Да.

Эбигейл открыла правый глаз. Через пять секунд в темноте проступили предметы и люди. Она сидела вместе с Лоренсом, Эмметом и Джун в каком-то помещении, со связанными за спиной руками. Помещение выглядело знакомым – арочные проемы, рухнувшая лестница, свисающая со второго этажа веревка… Трое мужчин в ночном камуфляже и масках – точнее, девушка только предполагала, что это мужчины, – деловито укладывали в черные рюкзаки какое-то оборудование.

Под аркой, которая вела в гостиную, лежал на животе, тихонько постанывая, Скотт. «А как же Джеррод?» – подумала журналистка. Неужели его так и оставили на улице?

Разве я не подстрелила кого-то в том старом доме?

– Что происходит? – шепотом спросила Эбигейл, наклонившись к отцу.

Тот повернулся, и она увидела, что правый глаз у него почти закрылся от жестокого удара.

– Пока еще не знаю, но… – начал было он говорить, но тут один из незнакомцев застегнул рюкзак и, подойдя, наклонился к Фостер.

– Грязная Гарриет[6]. – Он ухмыльнулся, и в прорези его маски блеснули ровные белые зубы. Эбигейл узнала голос. Он принадлежал человеку, угрожавшему Лоренсу, по имени Айзея. – А вот с малышом «Ругером» обращаться не научилась, да? Ты бы убила моего человека, Стю, если б на нем не было кевларового жилета. А вот порез над глазом нехороший. Надо зашить. – Он достал из кармана моток медицинского пластыря. – Но пока и это сойдет. – Айзея налепил пластырь на рану над левой бровью девушки, после чего резко оборвал его, и она застонала от боли.

*** * ***

Айзея и его подручные натянули поверх комбинезонов черные парки и брюки. Каждый из них носил также черные неопреновые перчатки и кожаные армейские ботинки с гортексом[7]. Один из членов этой группы достал из рюкзака бутылку водки «Кетель Уан», открутил крышку и сделал хороший глоток.

– Стю, какого черта? – шикнул на него еще один человек в маске.

– Хочешь, чтоб у меня руки дрожали? – огрызнулся тот. – К тому же у меня еще и ребра болят. Может, даже трещина.

– Так прими, на хрен, аспирин!

Айзея тем временем подошел к пленным, опустился перед ними на корточки и оглядел всех четверых.

– Веревки мы через минуту разрежем. Вы будете свободны. Идите, куда хотите, но я бы посоветовал следовать моим приказам. В точности. – Он поднял пистолет. – Позвольте рассказать кое-что об этом произведении искусства. «Глок-восемнадцать». Автоматический. С компенсатором. С коллиматорным прицелом. Магазин на тридцать три патрона. У нас такой у каждого, и мы без колебаний продырявим ваши задницы, если вы хотя бы на миллиметр отступите от наших указаний. – С этими словами Айзея подошел еще ближе к пленникам и снова опустился на корточки перед пленниками. – И зарубите себе на носу – тазером[8] вас никто больше щекотать не будет. Понятно? – Все молча кивнули. – А где «так точно, сэр»? – Мужчина наставил пистолет на Джун.

– Так точно, сэр, – отозвалась та испуганно.

Бандит перевел дуло на Эммета.

– Так точно, сэр, – повторил тот.

– А что со Скоттом? – Эбигейл кивнула в сторону арки.

– По-твоему, этот ублюдок сможет идти? У него, перед тем как ты очнулась, случился приступ. – Айзея подался так близко к девушке, что их лица теперь разделяло не больше дюйма. От него пахнуло коричной жвачкой.

* * *

Два года назад, дожидаясь такси после рождественской вечеринки в Ист-Виллидж, Фостер вдруг почувствовала, как что-то ткнулось ей в спину, и услышала негромкие, но страшные слова: «Хочешь, сука, сдохнуть сегодня?» Эбигейл так и не увидела лица напавшего на нее человека – только услышала, секунд через тридцать, быстрые удаляющиеся шаги по тротуару. Он забрал у нее сумочку, сережки и ожерелье и оставил то, что управляло ею до этого момента: крепко засевшее в мыслях понимание того, как быстро нормальный день, самый обычный вечер может закончиться тем, что тебя изнасилуют и бросят истекать кровью на улице. Самые плохие моменты в твоей жизни приходят без предупреждения. Ты их не ждешь, хотя, надо признать, в этот раз девушка почувствовала что-то неладное еще накануне утром, у обозной тропы, когда перехватила тот взгляд, которым обменялись Скотт и Лоренс. Знали ли они, что может случиться?

– Он – твой бойфренд? Твой трахальщик? Кто? – Человек по имени Айзея обращался к ней. Журналистка покачала головой. – Я пырнул его в живот. Загнется через час. Может, раньше. Не самая приятная смерть. Но если предпочитаешь остаться с ним… – он вынул из ножен на лодыжке «Ферберн-Сайкс»[9] и прижал острие ножа к ее правому глазу, – буду только рад оставить тебя здесь, потому что, по правде говоря, ты, дрянь, мне не нужна.

Эбигейл смотрела в его большие белые глаза за прорезями в маске. Они напоминали яйца. Девушка ощущала его сладковатое дыхание на своих губах, чувствовала холодок стали на щеке.

Она покачала головой.

– Так я и думал. А теперь… Я еще не услышал от тебя «так точно, сэр».

Глава 23

Приказ был прост и ясен. Идти шагом. Не шуметь. Шаг в сторону – пуля. С постоянно включенными фонарями. Эбигейл даже дали новые батарейки.

Первым шел Айзея, за ним, гуськом, четверо пленников, замыкающими – сообщники Айзеи. Фостер оказалась между Лоренсом и Джун. На траву и руины Абандона уже ложился снег. Пользуясь тем, что руки у нее были свободны, девушка кое-как стерла засохшую над левым глазом кровь и могла теперь видеть, но голова у нее раскалывалась от боли, во всем теле ощущалась слабость, и нервная система еще не оправилась от разряда тазера.

Они миновали лагерь на окраине города. Между палатками стояли ламы. Эбигейл с грустью подумала о лежащем в рюкзаке сотовом телефоне.

Абандон остался позади. Они прошли полмили вверх по каньону. В колеях старой дороги лежал снег, в кромешной темноте не было видно ни зги, и лишь в свете налобных фонарей мелькали горизонтально летящие снежинки – крохотные планеты в галактике мрака и ветра.

Позади тихонько всхлипывала Джун. Протянув руку за спину, Эбигейл почувствовала пожатие ее пальцев. Журналистка и сама не могла сдержать слез, думая об убитом Джерроде, о Скотте, связанном и оставленном умирать от потери крови в заброшенной гостинице, и наконец, о том, что сама она бредет под дулом пистолета по богом забытому каньону, в метель, не смея даже представить, что с ними сделают.

В какой-то момент Айзея свернул с главной дороги, и они стали подниматься по узкой тропинке.

Футах в четырехстах от дна каньона началась каменистая осыпь. В расщелине между горами Эбигейл несколько раз натыкалась на идущего впереди отца, наступая ему на пятки стальными мысками альпинистских ботинок «Асоло». Временами ей казалось, что она слышит шум текущей воды – то ли ручья, то ли ключа.

*** * ***

Еще через полмили они достигли края озера. Лед схватился только вдоль берега, ветер гнал по воде зыбь, и волны накатывали на еще хрупкую ледяную кромку. Айзея выбрал путь вдоль северного берега.

– Не самый лучший вариант, – заметил Лоренс.

Предводитель их маленького отряда остановился и оглянулся на него.

– На том краю, в четверти мили отсюда, горный ледник. Спускается в самое озеро. Крутой и очень опасный, – объяснил профессор. – Мы столкнулись вчера с похожей ситуацией и справились с трудом.

– Ты знаешь, Ларри, что я тебе доверяю, но знаешь ли, почему? – спросил Айзея.

– Нет, сэр, не знаю.

– Потому что я знаю, что ты знаешь, что я тебе задницу порву, если ты дашь мне неверную информацию.

В результате процессия двинулась по южному берегу Изумрудного озера. Здесь, в низине, ветер заметно потерял в силе. Снег снова падал вертикально, и тишину нарушало только надсадное дыхание идущих да скрип под ногами свежего, на дюйм покрывшего землю снега. На другой стороне озера лежал ледник – сдвинувшиеся с места валуны ударялись друг о друга. На расстоянии в несколько сотен ярдов эти столкновения звучали как выстрелы из малокалиберной винтовки.

– Эй, это что… что такое? – долетел до идущих впереди крик Стю из арьергарда. – Вы видите?

Все остановились.

– Что у тебя там? – спросил Айзея, кладя руку на рукоятку пистолета.

– Свет. Я видел свет! – отозвался его сообщник.

– Где? Я ничего не вижу.

– Впереди, – сказал Стю. Эбигейл подняла голову, но никакого света не увидела – только внушительную тень Изумрудного дома. – Там был свет, Айзея. Недолго. То ли фонарик, то ли свечка. Мигнул и погас.

– На каком этаже?

– Не знаю. Все случилось слишком быстро.

– Кто-нибудь еще видел этот свет? – обратился предводитель ко всем остальным, но ему никто не ответил. – Ларри? Ты же эксперт!

– Там уже сто шестнадцать лет никто не живет, – ответил Кендал.

– Я просто говорю, что видел, – настаивал на своем Стю. – Может, я немного…

– Облажался, – хмыкнул его командир. – Напиться можешь в любой другой день, а сегодня ты мне нужен в полном комплекте. Ну, окажешь такую услугу?

– Да, Айзея. Извини.

Последнюю сотню ярдов до Изумрудного дома Эбигейл не оставляло предчувствие чего-то нехорошего. Ничего подобного она еще не видела – раскидистая громадина в обрамлении тьмы, тишины и руин, останки того, что когда-то было роскошным особняком…

Облепленный мокрым снегом фасад. Пустые окна. Отвалившаяся обшивка. Кучки камней на месте высоких, в четыре этажа, каминных труб. Северное крыло сохранилось в более-менее целом виде, а вот его южный собрат на протяжении многих лет обваливался под тяжестью снега, пока от него не остался только фундамент да горка рухнувших конструкций.

Айзея прошел по каменистой тропинке к портику, мимо массивных, тронутых гнилью дугласовских пихт. Приколотые к дубовым дверям желтые таблички Службы охраны лесов предупреждали об опасной неустойчивости «объекта Изумрудный дом» и грозили преследованием всем нарушителям. Створки пыталась удержать вместе наброшенная на железные ручки цепь.

– Болторез, – сказал Айзея.

Стю выступил вперед, расстегнул рюкзак и вручил ему требуемый инструмент. Первая же попытка закончилась тем, что перекушенная цепь упала на песчаник. Предводитель бандитов взялся за дверные ручки и… повернулся к Лоренсу.

– Ларри. Будет ужасно трагично, если на мою голову свалится какая-нибудь тяжелая гадость. Почему бы тебе не взять на себя обязанности хозяина?

Эбигейл проводила отца взглядом. Он прошел под аркой и поднялся на крыльцо.

– Ну, показывай, – сказал Айзея.

Лоренс открыл двери и вошел.

Глава 24

– Господи, ну и громадина! – Луч фонаря в руке Айзеи пробежал по передней. – Даже конца не видно. Здесь не опасно? Ларри?

– Здесь – нет, но это самая прочная часть особняка Пакера, – отозвался профессор.

В передней стоял запах сырости, плесени и мокрого дерева. Оставаясь на своем месте в цепочке пленников, Эбигейл посветила на потрескавшийся мраморный пол с замерзшими лужицами и кучками помета. Через дыру в потолке медленно падали снежинки. Девушка стянула рукавичку и коснулась кончиками пальцев каменной стены – холодной, мягкой и влажной, закатанной ковром мертвого лишайника.

– У меня в рюкзаке лежит журнал, – сказал Лоренс. – Мне надо в него заглянуть.

Айзея расстегнул рюкзак и достал черный блокнот на спирали. Кендал взял его и опустился на нижнюю ступеньку лестницы.

– Что здесь происходит? – не выдержала Эбигейл.

– А ты не знаешь? – хохотнул главный бандит, и его голос с характерными южными нотками раскатился по передней. – Молодец, Ларри! Славно! Чем лучше я тебя узнаю, тем больше ты мне нравишься.

В свете фонаря Эбигейл увидела на лице отца знакомое выражение вины, и цепь замкнулась, соединив на некоем базисном уровне ту девочку, которая до сих пор жила в ней, и подсознательную память двадцатишестилетней давности, когда отец, проскользнув поздно вечером в ее спальню, сказал, что должен уйти.

– Что ты сделал? – спросила она.

– Мне очень жаль, Эбби, – вздохнул тот. – Мне очень жаль. Извини.

– За что? Ну? Говори же!

Полосу света пересекла рука Айзеи, и журналистка упала. Темнота наполнилась звоном. Эммет ринулся было вперед, но наткнулся носом на дуло пистолета Стю и, вскинув руки, отступил.

Айзея опустился на колено, схватил Эбигейл за волосы и заставил ее поднять голову.

– Мой человек занят серьезным делом. В следующий раз будет не ладонь, а кулак. Останешься без зуба. А теперь – встать! – Он рванул ее за завязанные в «хвост» волосы. – И не разевай пасть.

– Это было вовсе не обязательно. – Голос Лоренса дрожал.

– Смотри в свой блокнот, – предупредил его Стю.

Девушка притронулась к щеке – кожа горела, обещая синяк.

– Всё в порядке, Ларри. Куда нам идти? – спросил Айзея.

– На все сто я не уверен, потому что не видел своими глазами, – признался Кендал. – Это ведь все теоретические выкладки, основанные на моих исследованиях. В этой экспедиции я и собирался их проверить.

– Что за херню ты здесь несешь? Попробуй только…

– Ты дашь мне хотя бы пару минут? Я не говорю, что не смогу провести тебя, куда надо. Мне просто нужно больше времени. – Лоренс перелистал несколько страниц блокнота.

Где-то поблизости капала вода. Чуть дальше что-то негромко скреблось, а высоко вверху чирикнула пищуха. Наконец профессор закрыл блокнот и поднялся.

– Нам нужно крыло Барта, – объявил он своим спутникам.

– Веди, – велел ему Айзея.

Следуя за Лоренсом, вся компания двинулась через переднюю к лестнице, устроенной в самом центре Изумрудного дома.

– Последняя из тех, по которым мы поднимались, обрушилась, – сообщил Кендал Айзее.

– Ты не был наверху? – кивнул тот на уходящие в темноту ступени.

– Не был с прошлого лета. Крепче она точно не стала.

– Постарайся не топать. Я пойду за тобой.

Эбигейл поднималась третьей. Сделав несколько шагов, она с облегчением обнаружила под ногами более надежную опору, чем та, хлипкая, в гостинице, обернувшаяся для них смертельной ловушкой. Перила сохранились не везде, но зато ступеньки не скрипели.

Они уже достигли третьего этажа, когда Стю прошептал:

– Подожди, Айзея. Я что-то слышу.

Лучи фонарей забегали по сохранившимся конструкциям второго уровня, высоким дверным и оконным проемам. Три крыла устояли под натиском времени, а от четвертого остался зияющий провал, в который вполне можно было бы въехать на автобусе. Через него ветер заметал в особняк снег, постепенно разрушавший все, к чему он прикасался. Еще одна-две зимы, подумала Эбигейл, и действие воды распространится и на лестницу.

– Стю, если тревога опять ложная, я не знаю, что с тобой сделаю, и… – Не договорив, Айзея вскинул пистолет и сделал знак своим людям, которые последовали его примеру. Теперь их ясно слышала и Эбигейл – быстрые, легкие шаги. Айзея и Стю осторожно и бесшумно сошли с лестницы и двинулись в сторону западного крыла.

Шагов через двадцать предводитель бандитов остановился и поднял руку, указывая на дверь в начале коридора. Потом, отсчитав на пальцах с трех до нуля, он с силой пнул дверь ногой, и та с треском сорвалась с проржавевших петель.

В то же мгновение особняк наполнился пронзительными, режущими ухо криками, напоминающими вопли женщин, которых убивают. Целая стая теней вывалилась из комнаты и устремилась к лестнице. Джун вскрикнула, а Эбигейл вдруг оказалась среди ослепительных вспышек и приглушенных хлопков.

С полдюжины койотов промчались мимо нее, слетели по ступенькам вниз и бросились дальше, в переднюю, после чего с тявканьем, одновременно бодрым и демоническим, вырвались в ночь через распахнутые дубовые двери.

Глава 25

Вслед за Лоренсом группа двинулась к восточному крылу третьего этажа. Голова у Эбигейл раскалывалась, а теперь еще и левая сторона ее лица опухла и горела.

В свете фонаря перед ней предстала удручающая картина упадка: деревянные панели на стенах деформировались и почернели от плесени. Миновав небольшую гостиную, они вышли к створным дверям. Кендал распахнул их, и заржавевшие петли заскрипели.

Перед ними лежал короткий коридор. Профессор указал на первую дверь справа.

– Здесь был кабинет Барта. А слева, напротив, – гостевая комната.

Журналистка посветила внутрь. Обстановка в комнате не отличалась роскошью. Скорее, наоборот: там были только две узкие кровати с разбитыми столбиками и спинками, истлевшие матрасы, от которых остались только кучки мусора, опрокинутый комод, камин и платяной шкаф.

После короткой остановки группа двинулась дальше, пробираясь между кусками упавших со стен огромных рам.

– Что такого было в твоем блокноте, что ты потащил нас в это крыло? – спросил Айзея.

– В восемьсот восемьдесят девятом году Пакер нанял архитектора Брюса Прайса для проектировки задуманного им особняка. В прошлом году мне крупно повезло: работая в Нью-Йоркской публичной библиотеке, я наткнулся на окончательный поэтажный план. Так вот, снятые с оригинала копии не соответствуют тому, что имеется в действительности, – рассказал Кендал.

Он открыл дверь в конце коридора и вошел в комнату. Айзея и остальные последовали за ним.

Спальня Пакера в восточном крыле Изумрудного дома представляла собой просторное помещение с высоким, в двенадцать футов, потолком и большими окнами, все еще удерживавшими в своих рамах стекло. В хорошую погоду отсюда открывался потрясающий вид на долину и озеро. Стены сходились к камину в дальнем конце комнаты, достаточно просторному, чтобы принять бревна в шесть футов длиной.

Айзея кивнул Эбигейл и Тозерам.

– Сядьте у кровати и не дергайтесь.

Устраиваясь рядом с Джун, Фостер случайно направила свет налобного фонаря на переднюю спинку кровати и заметила вырезанную на дереве надпись, сделанную, скорее всего, каким-то недоумком, не имеющим никакого уважения к прошлому и озабоченным лишь увековечиванием имени своей подружки: «ЛАНА».

Вытянуть ноги – какое удовольствие! А вот термальное белье насквозь пропиталось по́том и теперь не согревало, а охлаждало. Девушка расстегнула фиолетовую парку «Мунстоун» и розовую флисовую толстовку.

– У меня вода в рюкзаке. Можно ее достать? – попросила она похитителей.

– Стю, ты обыскал их рюкзаки в Абандоне? – посмотрел Айзея на своего подручного.

Его люди сидели возле камина, держа пленников на прицеле.

– Да, обыскал. Рюкзаки в порядке, – заверил его Стю.

Лоренс шагнул в открытый дверной проем рядом с входом в комнату хозяина.

– Что там? – спросил Айзея.

– Гардеробная Барта.

– А сукин сын неплохо здесь устроился…

Оба мужчины исчезли в огромном встроенном шкафу. Эбигейл не видела отца, но слышала, как он простукивает стены.

– Если пробить эту, мы окажемся в офисе Барта, – донесся до нее его голос.

– Ну так давай убедимся в этом, – предложил Айзея.

– Я сделал замеры. В комнатах по эту сторону коридора ничего необычного нет. Они полностью соответствуют оригинальному архитектурному плану. А теперь иди за мной…

Лоренс и Айзея выбрались из гардеробной и вернулись в коридор. Через пару секунд Фостер снова услышала голос отца, но уже звучащий невнятно, и очередную серию постукиваний.

Освободившись от лямок, журналистка пошарила в рюкзаке и достала бутылку «Налджин» с водой, набранной из того безопасного участка реки, где накануне вечером Скотт удил рыбу. Каждый раз, вспоминая проводника, Эбигейл видела его умирающим в вестибюле гостиницы.

Вода, холодная и чуточку сладковатая, не имела ничего общего с той отдающей свинцом дрянью, что вытекала из крана в ее нью-йоркской квартире. Глотая воду, девушка старалась не обращать внимания на скользящую у нее по груди красную точку прицела.

В спальню хозяина вернулись Лоренс и Айзея.

– Прошлым летом я провел тщательное обследование гостевой комнаты и ничего в ней не обнаружил, – говорил Кендал. – Но я знал, что между ней и комнатой Пакера есть неучтенное пространство, и готовился осмотреть вторую, когда появились люди из

Службы охраны лесов. Разрешение на нахождение здесь у меня отсутствовало, а поскольку штраф полагался изрядный, я предпочел убраться.

Он подошел к громадному платяному шкафу справа от входа, ухватился за него и попытался отодвинуть от стены. Но тот, похоже, был привинчен к полу.

– У нас есть гранаты, – сказал Айзея.

– Хочешь снести все крыло?

Лоренс открыл дверцы шкафа, забрался внутрь, и Эбигейл услышала, как отец тычется там то туда, то сюда. А спустя пару минут в шкафу раздалось что-то вроде «ага!».

– Вот это мне нравится, – улыбнулся Айзея. – Что у тебя там, малыш?

Ответ Лоренса прозвучал глухо.

– Здесь вся задняя панель… – он крякнул от усилия, – …сдвигается.

В подтверждение этого из шкафа вылетела и грохнулась на пол деревянная панель.

Айзея тоже заглянул в гардероб.

– Посмотри-ка! Ты гений, Ларри. – Он ткнул пальцем в Эбигейл. – Иди сюда. Ты можешь нам понадобиться. Там слишком узкий проход.

Девушка поднялась, прошла через комнату и, встав рядом с Айзеей, посмотрела в шкаф. За снятой панелью обнаружилась черная стальная дверь размером два на три фута.

– Похоже, тут какое-то серьезное дерьмо, – сказал Айзея. – Надеюсь, ты сможешь ее открыть. Это в твоих же интересах.

– Есть плохая новость – здесь блокировочное устройство. Из восемьсот шестидесятых годов. Четыре замка, для которых требуются три различных ключа. – Лоренс ощупал замочные скважины. – Замок со штырьковым реверсивным механизмом. Цилиндрический замок… И еще два разных замка.

– Вот дерьмо! – выругался Айзея. – Придется все же бросить сюда пару гранат.

– Не пойдет. Если это дверь того типа, который я подозреваю, – профессор постучал по дверце костяшками пальцев, – то она сделана из десяти стальных листов, каждый толщиной в одну восьмую дюйма. Но есть и хорошая новость.

– Не томи, Ларри!

– Видишь? Три из четырех замков уже открыты. На нашем пути только один сувальдный замок.

– Так что мы будем делать?

Лоренс посмотрел на Айзею:

– Мне нужна гарантия.

– Гарантия?

– Последние десять лет я потратил на то, чтобы найти то, что здесь находится. Теперь я готов добровольно от всего отказаться…

– Рад слышать.

– …если ты гарантируешь, что никто из нас не пострадает. Пообещай, и я обеспечу тебе проход.

– Я пообещаю, и твое сердечко успокоится?

– Да.

– Хорошо, Ларри. Ты обеспечиваешь мне проход туда, и вы все уходите из этих гор.

– Это правда?

– Ставишь под сомнение слово морпеха?

Лоренс бросил на пол рюкзак, расстегнул «молнию» внешнего кармашка и, порывшись внутри, достал какой-то предмет и подставил его под свет налобного фонаря.

Это был длинный зубчатый ключ.

Айзея ухмыльнулся под маской.

– И где же ты его добыл?

– Нашел в сейфе в кабинете Барта прошлым летом. Твердой уверенности, что он откроет этот замок, у меня нет, но тип ключа, по крайней мере, подходящий.

– И что, по-твоему, там, за дверью? – спросила Эбигейл.

– Летом восемьсот семьдесят первого года Барт Пакер, старатель-неудачник, разрабатывал в одиночку участок в горах Сангре-де-Кристо, – начал рассказывать ее отец. – Однажды он застрял в лесу из-за непогоды и, найдя на верху горы выступ, укрылся там. Пережидая грозу, он почувствовал спиной, как откуда-то тянет ледяным холодом. Пакер повернулся, увидел щель в горе и полез в нее. Забравшись глубже, он зажег спичку и обнаружил, что попал в большую пещеру, а в десяти футах от него сидит безголовый труп в испанских доспехах. Барт догадался, что видит какого-то конкистадора, который сидит там, по всей видимости, с начала шестнадцатого века. Но что еще важнее, за спиной древнего завоевателя высилась пирамида из золотых слитков общим числом девяносто один и весом в двадцать два фунта каждый. Так что там была тонна чистого золота. В свои лучшие дни шахты Абандона оценивались в шестьсот шестьдесят тысяч долларов. Сегодня, когда золото торгуется по восемьсот два доллара за унцию, бартовские девяносто один слиток стоят более двадцати пяти миллионов. Да, возможно, здесь не все слитки. Но даже если Барт потратил половину, двенадцать с половиной миллионов – тоже очень хороший заработок.

– Ты организовал экспедицию как предлог для поисков этого золота? – спросила Эбигейл. – И что ты собирался делать? Утащить его с собой, ничего никому не сказав?

– Конечно, нет. Мы со Скоттом…

– Скотт знал? – Теперь ей стал понятен тот заговорщический взгляд, которым ее отец обменялся с проводником на обозной тропе.

– Сами мы все не утащили бы. Это же семнадцать миль! Даже если б каждый загружался по полной, понадобилось бы как минимум две или даже три ходки. К тому же дело не только в денежной ценности. Это было бы открытием огромного исторического…

– Ты – сукин сын. Эгоистичный… – возмущенно заговорила Эбигейл, но ее перебил Айзея:

– Пора открывать хренову шкатулку, Ларри.

Лоренс вздохнул и отвернулся от дочери.

Работал он не спеша, собранно и осторожно. Через какое-то время ключ повернулся, и механизм щелкнул.

– Сработало, – прошептал Кендал и, взявшись за ручку, открыл стальную дверцу. В тот же момент Айзея оттолкнул его в сторону и сам залез в гардероб. Луч налобного фонаря пробежал по тайной комнате Бартоломью Пакера размером не больше шкафа – каменным стенам, полу, потолку… А затем раздался рев:

– Да что ж ты меня за нос водишь?!

Глава 26

– Ларри, где мои золотые кирпичики?

– Ничего не понимаю… Они должны быть здесь.

Айзея вытолкнул Лоренса из гардеробной.

– Сядь! – прикрикнул он на Эбигейл. – Да не ты, Ларри! – Затем он прижал профессора к окну.

– Говорю тебе, они должны быть здесь, – уверял его тот. – Может быть, кто-то еще…

– Ты что-то скрываешь от меня? – Айзея расстегнул ножны на лодыжке под брючиной.

– Клянусь тебе, ничего! Они должны были быть здесь. Я понятия не имею…

– Может быть, в этом все и дело… – Айзея вдруг подался вперед, вскинул руку и прижал локоть к шее Лоренса. – Но мне откуда знать? *Откуда. Мне. Знать. Что ты не лжешь*?

– Клянусь тебе, я не… пожалуйста…

– Слова меня не убедят, Ларри. Но знаешь, что убедит? Боль. – Айзея бережно снял с Кендала очки, уронил их на пол и аккуратно раздавил каблуком ботинка. – Сейчас я вырежу тебе правый глаз…

Эбигейл стало нехорошо. *Этого не может быть*.

– Нет, пожалуйста, нет… – забормотал ее отец.

Айзея надавил локтем на его дыхательное горло, перекрыв ему на пару секунд доступ воздуха.

– Даю тридцать секунд. Подумай и представь другой ответ. Если ты по-прежнему считаешь, что не знаешь об их местонахождении, я, возможно, с большей готовностью приму твой ответ. А знаешь почему?

Лоренс покачал головой. Глаза у него уже лезли из орбит.

– Потому что в данный момент ты не понимаешь, в чем на самом деле заключается план, – продолжал его мучитель. – Ты думаешь, что понимаешь, но это не так. Но когда твое теплое правое глазное яблоко ляжет на мою ладонь, ты придумаешь ответ получше. Ты будешь знать, что я могу и полон желания порезать тебя на кусочки. Дело не в том, что мне нравятся пытки. Просто я должен быть на сто процентов уверен, что ты говоришь правду.

– Айзея, послушай. Мне нужна минутка…

– Извини, Ларри. Другого варианта нет.

– Пожалуйста, остановитесь! – умоляюще произнесла Эбигейл. – Он мой отец. И он не знает, где золото.

– Вот мы и выясним это наверняка.

Кончиком лезвия Айзея приподнял нижнее веко правого глаза Кендала. Тот попытался отвернуться.

– Стой смирно, черт возьми! – прикрикнул на него бандит. – Или хочешь, чтобы я нечаянно поранил тебе мозги?

Эбигейл вскочила и бросилась к Айзее, но кто-то схватил ее сзади. Она попыталась вырваться, но ее уже крепко держали за запястья и прижимали к полу.

Девушка посмотрела в скрытое маской лицо – от него не пахло водкой, значит, это был не Стю. Более того, то, что она увидела в глазах державшего ее человека, странным образом успокаивало. А еще в них было что-то знакомое, какое-то скрытое в глубине бремя… *Это потому, что ты знаешь их*.

– Тебя не убили, – прошептала журналистка. – Ты притворился. Ради нас.

Изловчившись, она высвободила руку, сорвала со своего противника маску и увидела перед собой отмеченное двумя шрамами, бородатое лицо их проводника, Джеррода Спайсера.

– Черт, Джеррод! – вырвалось у Айзеи.

– *Ты с ними?!* – изумился Лоренс.

– Она узнала меня по глазам! И что нам теперь делать? – раздраженно крикнул Спайсер и поднялся.

– Ты сам допускал такую возможность, – пожал плечами Айзея. – Мы знали…

– Слишком многое пошло не так, как ты говорил. Почему бы тебе самому не снять…

Айзея отступил на шаг от Лоренса и стащил свою маску.

– Доволен?

В свете налобного фонаря Эбигейл увидела гладко выбритое лицо тридцатилетнего чернокожего мужчины, которое при иных обстоятельствах сочла бы на редкость красивым. Все его черты сошлись в идеальных пропорциях: выдающиеся скулы, пронзительные, охряного цвета глаза, ямочки на щеках, появлявшиеся вместе с широкой, злобной улыбкой…

Джеррод в это время поднял маску на лице Стю. Первым, что увидела Фостер, были завитки черных курчавых волос, потом появилась недельной давности щетина, тонкие губы и запавшие, покрасневшие глаза, печальней которых она еще не встречала. Симпатичное когда-то, это лицо стало жертвой монстра, пожиравшего его изнутри, высасывавшего жизненные соки и истончившего его до хрупкого основания.

Спайсер отвел Айзею к окну. Стю, поднявшись с пола, присоединился к ним. Пока троица перешептывалась, Эбигейл смотрела на отца. Дрожащий, тот стоял у стены и плакал – темные струйки стекали по его щекам к бороде, и на полу, под ботинками, собралась небольшая лужица, отчего казалось, что плачет он кровавыми слезами. Затем, сделав над собой усилие, Лоренс наконец произнес:

– Есть еще одно место.

Троица прекратила совещаться. Айзея вернулся к профессору и снова прижал его к стене.

– Ларри, умоляю, ради собственного же блага, не играй со мной!

Глава 27

Все вернулись к лестнице.

– Что здесь? – спросил Айзея, когда они поднялись на второй пролет.

– Комнаты прислуги, – ответил Кендал.

Третий уровень пострадал от стихии больше первого и второго. Остроконечная крыша западного крыла провалилась, и в свете фонарей порхали падающие сверху снежинки.

– Надо подняться еще выше, – сказал Лоренс.

Ступеньки скрипели и прогибались под ногами.

До купола Эбигейл опять добралась третьей по счету. Луч фонаря пробежал по пустым полкам, книги с которых давно исчезли, то ли унесенные вандалами, то ли распавшиеся под действием времени и сырости на клочки кожи и бумаги и комочки клея. На полу лежали останки двух кресел и софы, а два камина наполовину развалились. Подойдя к провалу в центре пола, журналистка посмотрела вниз – луч фонаря достал до нижнего уровня.

– Итак, Ларри. Где оно? – потребовал ответа Айзея.

Профессор осторожно прошел к одному из книжных стеллажей и опустился на колени. Половицы заскрипели. Когда Лоренс поднялся, в руках у него был латунный шест с крюком на конце. Он посмотрел вверх. Остальные тоже. Лучи фонариков сошлись на квадратной дверце в потолке. Кендал поднял шест, сдвинул ржавый запор и толчком открыл крышку люка. Скопившийся на крышке сугроб ухнул в библиотеку.

– Уже бывал там раньше, а, Ларри? – поинтересовался Айзея.

– Нет. Думал, слишком опасно. Если пол не выдержит, лететь придется все пятьдесят футов. Но, учитывая обстоятельства, риск того стоит.

– И как, скажи на милость, нам добраться до этого люка?

– По той вон лестнице. – Лоренс кивнул в сторону стеллажа.

Джеррод и Стю вытащили из-за стеллажа лестницу, поставили ее торчком и прислонили к люку.

– На продукцию «Крафтсмана» не похоже, – сказал Айзея, проводя ладонью по треснувшей деревянной ступеньке.

– Я поднимусь первым. Проверю на прочность, – откликнулся профессор.

– Нет. Поднимется она. – Айзея помахал Эбигейл. – Что там будет, Ларри?

– Не знаю. Может быть, ничего.

– Ни тебе, ни твоим спутникам это ничего хорошего не сулит. – Он посмотрел на Фостер. – Ну, вперед!

Девушка положила руки на одну из ступеней старой лестницы, поставила ногу на нижнюю перекладину, осторожно перенесла на нее вес и начала подниматься. Четвертая перекладина подломилась под нею, но журналистке удалось удержаться. Десятой ступени не было вообще. К тому моменту, когда Эбигейл добралась до верха, на голове у нее уже лежала шапочка снега. Она пролезла через люк и ступила на крышу Изумрудного дома.

– Оставайся на месте! – крикнул ей снизу Лоренс. – Я не представляю, насколько она прочна.

Фостер отступила от люка и прислонилась к кованым перилам, окружавшим небольшую открытую веранду. Снег ударил в лицо с такой силой, что она закашлялась и закрыла рот обеими руками.

Вторым поднялся Лоренс, а за ним, один за другим, Айзея, Эммет, Джун и последними Стю и Джеррод.

Потирая замерзшие руки и наблюдая за отцом, Эбигейл вдруг поняла кое-что: здесь, на веранде, нет ничего, кроме полутора дюймов снега, и Кендал нервничает так, как будто собирается выдать фантики, которыми расплачиваются в «Монополии», за настоящие деньги.

– Ну, Айзея… – Лоренс опустился на колени и расчистил от снега небольшой участок в уголке веранды. – Я в совершенной растерянности.

Фостер взялась за перила покрепче. Джун и Эммет стояли рядом с ней, а Айзея – спиной к ним, возле фонаря, в котором уже давно не было стекла.

– *Ты* в растерянности. – Капюшон парки свалился с его головы, снежинки цеплялись за черные волосы. – Уточни, Ларри, что именно ты хочешь этим сказать.

– Я хочу сказать… хочу сказать, что не знаю, где золото. Думал, что знаю, но оказалось, что нет. Поверь, я ужасно разочарован.

– Мне очень жаль это слышать.

– Золота здесь просто нет, и я не знаю, где еще его искать. Это правда. И вот что я думаю. Мы ничего не знаем о вас, и почему бы вам просто не оставить нас здесь и не раствориться в ночи? Мы никогда больше вас не увидим. Вы никогда не увидите нас. Мы никому не скажем ни слова. Ни о чем. Даже о Скотте. Сделаем вид, что этого просто не было.

– Он прав. – Джун вытерла слезы. – Нам с Эмметом ничего не надо, кроме как вернуться домой и все забыть. Мне очень жаль, что вы не нашли то, за чем пришли, но раз уж так случилось, почему нельзя просто взять и остановиться? Вы носите маски, а значит, как я понимаю, пришли сюда не для того, чтобы чинить насилие.

– Да, Айзея, мы могли бы просто уйти, – поддержал ее Джеррод. – Скотт и Лоренс знают обо мне больше, чем о любом из вас, но я готов уйти.

– Смотрите! – подхватил профессор. – Мы переночуем сегодня в особняке Пакера и дадим вам шанс спокойно уйти. Повторяю, все будет выглядеть так, будто ничего и не было.

– Стю, ты готов бросить на чашу весов собственное мнение? – спросил Айзея, рассматривая снег под ногами.

– Я с тобой, приятель. Что бы ты ни задумал, я с тобой, – отозвался его подельник.

Айзея кивнул, а потом повернулся, посмотрел на Эбигейл и Тозеров, которые стояли вместе на восточной стороне веранды, подошел к ним и остановился перед Эмметом.

– Я не расслышал, как тебя зовут.

– Эммет Тозер.

– Не против, если я буду называть тебя Эм?

– Конечно, нет. Джун все время так меня и зовет.

– Хорошо, Эм. – Айзея указал на Лоренса. – За все скажешь спасибо вон тому говнюку.

Он поднял пистолет, и на лбу Тозера, между его расширившимися от ужаса глазами, появилась красная точка.

– Нет! – вскрикнула Джун. – Он же ни в чем не виноват!!!

«Глок» негромко чихнул, выбросив вспышку огня, и затылок Эммета взорвался. Тозер упал на колени и завалился на бок. В тусклом свете кровь напоминала черное, разлившееся по снегу масло.

Миссис Тозер бросилась на тело мужа, выкрикивая его имя.

Эбигейл снова ощутила во рту солоновато-металлический привкус. *Самые плохие моменты в твоей жизни приходят без предупреждения.* Она успела отвернуться, и ее тут же вырвало за перила. Желчь обожгла горло. Одно девушка знала точно: этот момент, эта жуткая сцена останется в ее памяти навсегда, до самых последних дней, и его ничем уже нельзя будет вытравить.

– Ну что, жадная тварь, теперь ты доволен? – крикнул, обращаясь к Лоренсу, Айзея. Фостер бессильно опустилась на снег. Голос бандита и завывания Джун едва пробивались сквозь ветер.

– Эм! Эм, вернись!!! Не смей уходить! – плакала миссис Тозер.

– Знаешь, что будет дальше? – орал Айзея в лицо Кендалу, отступившему в угол веранды, за люком. – Сейчас я поставлю на колени эту стерву и всажу пулю ей в голову. Прямо у тебя на глазах. А потом возьму…

– Нет! – всхлипнул профессор. – Не надо! Я…

Айзея схватил его за горло.

– Не смей перебивать меня! Я возьму эту дрянь… – он указал на Эбигейл, – но стрелять в нее не стану. Я разрежу ей горло и заставлю тебя смотреть, как она истечет кровью.

Девушка взглянула на Джеррода – проводника трясло, и он едва держался на ногах. Стю достал из рюкзака бутылку водки и отвинтил колпачок.

– А потом, если ты еще будешь стоять на своем и нести эту пургу, что, мол, ничего не знаешь… – продолжал главарь; журналистка усилием воли заставила себя подняться и вытерла рот. – Я обработаю…

– Айзея! – крикнул Джеррод.

– *Что*?

Спайсер шагнул к предводителю. Они встретились у фонаря, два «заснеженных человека».

– Какого дьявола? – Бывший проводник кивком указал на тело Эммета. – Я на такое дерьмо не подписывался.

– Так что ты хочешь сказать? – подбоченился его командир. – Желаешь выйти из дела? Да?

– Я не…

– Знаешь, ты всегда был слаб. Яйца жидковаты, верно?

– Я не хочу выходить. Просто… Ты не говорил, что дойдет до такого.

– Ну вот, дошло, так что соберись и не распускай нюни.

Айзея поднял пистолет и направился к Джун, которая все еще лежала, всхлипывая, на бездыханном теле мужа.

– Ты смотришь, Ларри? – спросил он профессора.

– Я скажу тебе все… – умоляюще уставился на него тот.

– Скажешь потом. Хочу, чтобы ты убедился, что я с тобой не в бирюльки играю.

Бандит остановился и навел пистолет на затылок миссис Тозер.

Лоренс оттолкнулся от перил и с криком рванулся к Айзее. Джеррод и Стю бросились за ним. Айзея направил «Глок» на Кендала. «Сейчас на моих глазах убьют отца», – как-то отстраненно подумала Эбигейл.

На четвертом шаге Лоренс оказался возле фонаря; в этот момент все семеро сгруппировались на небольшом, в двадцать пять квадратных дюймов, пятачке пола…

Что-то глухо треснуло – как будто надломилась балка – и веранда Изумрудного дома ухнула вниз.

1893

Глава 28

Кёртисы и проповедник добрались до Абандона к полудню: спуск от Изумрудного дома, где случилась жуткая резня, занял вдвое меньше времени, чем подъем к нему. Едва поспевая за Иезекилем, они прошли по пустынной главной улице и свернули на боковую, к их дому. Поглядывая на мужа, Глория думала, что уже давно не видела его таким: суровое, с плотно сжатыми губами и каменным подбородком лицо, горящие, словно где-то внутри него набирало силу невидимое пламя, глаза…

– Зек, – сказал Коул, – я думаю, нужно оповестить город и…

– Я больше не собираюсь с тобой спорить.

– У нас здесь разгуливают убийцы…

Иезекиль резко повернулся к нему.

– Разве я, приходя воскресным утром в дом Божий, указываю тебе, как читать проповедь? – Стивен покачал головой. – Вот и ты не учи меня, как исполнять закон.

– Зек. – Миссис Кёртис схватила мужа за руку. – Посмотри!

Над разбросанными по склону холма домиками вились дымки. Спрятанные в хвойных рощицах, занесенные наполовину снегом, эти домики выдавали себя утоптанными тропинками, соединявшими их с боковой улицей. По одной из тропинок, держа на руках завернутую в какие-то одеяла Гарриет, к ним направлялась Бесси Маккейб. Обе были без головных уборов, и тусклые, цвета мешковины, волосы матери развевались под падающим на них снегом. Лицо Бесси разрумянилось от холода, а синяки на ее левой щеке побагровели и пожелтели по краям.

– Всё в порядке? – спросил у нее шериф.

– Увидела, что вы идете по улице, и вот… – с дрожью в голосе прошептала молодая женщина.

– Ты больна, – сказала Глория.

Бесси посмотрела в сторону города. Похоже, ей пришлось сделать какой-то нелегкий выбор, и она еще сомневалась в правильности своего решения.

– Думаю, он снова ушел в запой, – вздохнула она, и в глазах у нее заблестели слезы.

– Кто? – спросил проповедник.

Слезы уже катились по губам миссис Маккейб.

– Мой Билли. – Из-под одеяла высунулась рука Бесси со слитком золота. Снежинки таяли, падая на него, и желтый металл тускло поблескивал. – Он дал мне это сегодня утром. Завернул и преподнес как рождественский подарок. Откуда оно у него, сказать не захотел.

– Где твой муж сейчас? – нахмурился Иезекиль.

– Ушел несколько часов назад с мистером Уолласом.

– Куда они отправились, знаешь?

– В сторону шахты.

– Тебе лучше пойти с нами.

– Почему?

Шериф наклонился к Бесси и тихо, чтобы не слышал ребенок, прошептал:

– Пакер и его прислуга убиты в Изумрудном доме.

Золотой слиток выпал из ее пальцев и ушел в снег.

– Что вы хотите этим сказать, мистер Кёртис?

– В городке с населением в сто двадцать три души для совпадений места не так уж много.

– Так это они их убили, Билли и Ооту?

– Кто именно их убил, никто пока точно не знает. А теперь скажи вот что: их было только двое, Билли и мистер Уоллас, или больше?

– По-моему, только двое… Что вы с ним сделаете?

– Я намерен арестовать Билли, а пострадает он при этом или нет, зависит уже от него… Его рук дело? – Кёртис указал на разбитое лицо женщины.

Бесси поднесла руку к щеке, словно застыдившись синяков, и отвела глаза.

– Это папочка сделал, – подала голос Гарриет.

Иезекиль легонько погладил девочку по щеке.

– Мне очень жаль, милая. Нельзя так поступать.

Он наклонился, поднял из снега слиток и выпрямился, будучи не в силах отвести глаз от золота и чувствуя разбегающийся по венам жар адреналина. Наверное, останься в шерифе что-то от него прежнего, он помчался бы сейчас на шахту с совсем другой целью. Где-то в глубине души у него даже шевельнулось сожаление: эх, такой бы шанс, да в былые деньки!..

Кёртис передал слиток проповеднику.

– Пусть лучше у тебя полежит, – сказал он и повернулся к Бесси. – Что ж, леди, пойдемте. Нечего вам здесь стоять да мерзнуть в лохмотьях.

Они прошли по улице, а потом свернули на дорожку к домику с остроконечной крышей, бочкой вместо трубы, подвалом у южной стены и крытой дерном крышей, на которой летом вырастали подсолнухи. У передней двери Иезекиль остановился.

– Глория, принеси мою винтовку и револьвер для Стивена, – попросил он жену. – И еще нам понадобится по коробке патронов для того и другого.

Женщины вошли в дом.

– Зек, я оружие не ношу, – сказал Коул.

– Смеешься надо мной? – повернулся к нему шериф.

Проповедник покачал головой.

– Но я поеду с тобой.

– И что ты будешь делать, если они начнут стрелять?

– Буду молиться, чтобы до этого не дошло.

– Там, на крыше Изумрудного дома, ты видел то же, что и я. По-твоему, это работа людей, с которыми можно разговаривать?.. Черт, придется брать с собой дока!

Глория вернулась со старым револьвером «Скофилд» в одной руке и обрезом «Винчестер» – в другой. За порогом навзрыд плакала Бесси.

– Все хорошо, мамочка. Все хорошо, – успокаивала ее Гарриет. – Не плачь.

Иезекиль взял карабин за дуло и положил в карман коробку патронов.

– Божьему человеку револьвер не нужен, но ты далеко его не убирай, – сказал он супруге. – Дверь запри на задвижку. Из дома не выходи. Никому не открывай. Коли появится Билли, Ооту или еще кто сомнительного вида – ты знаешь, что делать. – Миссис Кёртис кивнула. – А теперь иди и заряди «Скофилд». Помнишь как? Я тебе показывал.

Глория обняла мужа за шею, прижалась к его шершавой щеке и вдохнула запах, от которого у нее шла кругом голова.

– Возвращайся, – прошептала она.

Шериф поднял свою шляпу и, сдвинув меховую шапку жены, поцеловал ее в лоб и потянул за блондинистую прядку волос.

– Всегда возвращался и всегда буду.

Глава 29

Дом Рассела и Эммы Илг стоял в сотне ярдов к северу от участка Кёртисов на открытой местности, так что с наветренной стороны снега намело под самую крышу. Пройдя по прокопанному в сугробах туннелю к переднему крыльцу, Иезекиль постучал в дверь.

Им открыл мужчина с взъерошенными песочными волосами, в очках с толстыми стеклами и огромными, аккуратно расчесанными и смазанными воском усами. Одет он был в коричневый сак и такого же цвета штаны. К исходящему от него аромату мыла примешивался несвежий запах виски.

За спиной у Рассела промелькнула миссис Илг с горшком в руках, который она несла от плиты к обеденному столу, украшенному зажженными свечами и буквально прогибающемуся под тяжестью дымящихся блюд.

В камине потрескивал огонь, под елкой лежали смятые куски бумаги, а на деревянной полке выстроились в ряд рождественские подарки – по большей части самоделки.

– Веселого Рождества, Зек. И тебе, Стивен, – поприветствовал гостей хозяин дома.

– Док, ты ведь за стол собрался, – с мрачным видом ответил шериф.

– Да, через пять минут сяду. А что такое?

– Не хотелось бы тебя отрывать…

– Что?

– Ты же не набрался?

– Выпил кофейку с каплей виски.

– С каплей?

– Да не пьян я, Зек! В чем дело?

К мужчинам подошла миссис Илг. Ее собранные вверх серебристые волосы были аккуратно подколоты, а подол пурпурного вечернего платья стелился по земляному полу.

– Можно тебя на минутку? – поманил к себе Кёртис хозяина.

– Веселого Рождества, джентльмены, – сказала миссис Илг.

Иезекиль и Стивен почтительно поклонились.

– Мэм.

– Мэм.

– Может, сначала поедим? – спросил Рассел.

– Боюсь, не получится, – развел руками шериф.

– Что тут происходит, Зек? – насторожилась хозяйка дома.

– Да вот, забираем вашего мужа. Вы уж извините, что не в самое подходящее время, но дело безотлагательное.

– Я все утро готовила! Разве нельзя подождать хотя бы…

– Дорогая, если я им нужен, то нужен именно сейчас, – повернулся к жене Илг.

– Док, мы будем ждать тебя у конюшни, – сказал Кёртис. – Прихвати все свое, и «ствол» не забудь. Не задерживайся. Надо поспешить.

*** * ***

Конюшни построили в четверти мили к северу от города с таким расчетом, чтобы уберечь жителей от постоянной вони, но когда ветер дул с севера, он все-таки нес запах навоза прямиком на Мейн-стрит. В годы расцвета Абандона едкое, выбивающее слезу зловоние проникало до южного края города, но на Рождество 1893 года запах ощущался лишь вблизи самих конюшен.

Выступили втроем: Иезекиль, священник и доктор. Шериф возглавлял их маленький отряд на гнедом мерине, купленном осенью в Силвертоне. Проехав через город, троица направилась вверх по каньону, в направлении «Годсенд». Кони шли по колено в снегу, и всадники надвинули шляпы на глаза, защищаясь от бьющего в лицо ледяного ветра. У поворота к Изумрудному озеру они выбрали единственную просматривавшуюся тропинку, проложенную партией из десятка мулов, ведомых двумя лошадьми.

– Рождество, шахта закрыта, зачем кому-то понадобилось тащиться в «Годсенд»? У тебя есть объяснение? – спросил Рассел шерифа.

– Конечно же, нет, – проворчал тот. – К тому же, насколько можно судить, мулы идут не налегке. Похоже, бедняги утопают в снегу по брюхо.

Чем дальше, тем ближе подступали стены каньона. Метель набирала силу, сужая видимый мир, так что теперь всадники видели только дорожку следов. Еще одна миля осталась позади. Вдалеке проступили очертания двадцатипестовой многоуровневой дробилки Пакера, окруженной административным зданием шахты, пансионом и кузницей.

– Как-то даже непривычно не слышать дробилку, – заметил Стивен.

Они остановились ярдах в двадцати от мельницы. Шериф уже дрожал от холода.

– А вот это интересно. – Он указал на следы, которые шли дальше, но не к шахте, как следовало бы ожидать, а вверх по южному склону каньона.

– Ты же не думаешь, что им хватит дури гнать обоз на Пилу? – спросил Рассел.

– Однако, похоже, что именно так они и поступили, – возразил Кёртис.

– Но это же безрассудство! Я к Пиле и в июле бы не пошел, когда снега вовсе нет.

– А что им терять? Они прошлой ночью пятерых убили.

– Мне этот снег уже порядком надоел. Тащиться туда – только лошадей гробить.

– Согласен, док, и мне не хочется. Я бы тоже предпочел сидеть с Глори дома, у камина, да потягивать виски, но, похоже, в ближайшее время на это рассчитывать не приходится.

Со скатной крыши съехал и ухнул вниз изрядный ком снега. Кони вздрогнули.

– Думаете, на склоне нас может накрыть лавина? – подал голос проповедник.

– Вполне возможно, – кивнул Илг.

От мельницы все трое двинулись дальше, следуя тем же, что и обоз, маршрутом. В конце каньона они снова остановились. Выше лежал ровный белый склон. Тропинка уходила вверх, то исчезая в снегу, то снова появляясь, и терялась в низких, тяжелых от снега тучах.

– Две тысячи футов. Это безумие, Зек. Чистое безумие! – попытался отговорить шерифа Рассел.

– Знаю, док. И что подошвы у тебя скользят, тоже знаю… Надеюсь, у этой твоей кремелло[10] шаг верный.

– Не беспокойся. Она, может, в кости и легкая, но зато послушная и выносливая.

Иезекиль пришпорил своего мерина, и троица начала подъем.

Глава 30

Тропа уходила вверх, и трое всадников следовали по ней. Снег падал, налипая на все, что только можно, – дождевики, пальто и шляпы, лошадей, сбрую и приклады винтовок, – и вскоре они походили на троицу возникших из снега призраков.

Иезекиль ехал впереди, держась за луку седла и опустив голову против ветра. Другие не видели этого, но он улыбался. Как и несколько часов назад, когда на крыше Изумрудного дома ему открылась картина кровавой бойни, Шериф теперь чувствовал себя в своей стихии.

Весь последний год Кёртис пребывал в состоянии ступора, окоченения столь полного, что сам себе казался живым мертвецом. Нередко, и даже часто, лежа в постели с Глорией, он засыпал лишь за полночь, а то и ближе к рассвету, тревожимый яркими, живыми воспоминаниями о бурных, жарких, обильно политых кровью годах в Ледвилле, и его мозг включался на полную тягу, проясняя черты полузабытых лиц, пробуждая знакомые голоса. И когда это получалось, слезы текли по его лицу, потому что вместе с ними возвращалось мимолетное ощущение свободы, вольности и безграничного потенциала, которое некогда дарило ему каждое утро. В Ледвилле прошлое никогда не преследовало Кёртиса, не затягивало его в омут бессонницы. Там всегда было только настоящее – яркое, стремительное, живое.

Однажды ночью ему вспомнилась неделя, проведенная с приятелями возле Крестед-Бьют. В другой раз – шумная, с потасовкой, гулянка по случаю Четвертого июля. Потом он представил, как сидит в три часа ночи в каком-то паршивом салуне, накачанный

до краев виски, и на плечах у него висят две проститутки, а напротив – бледнеющие физиономии партнеров на последней сдаче, застывшие при виде пары хромированных «Смит-Вессонов» с перламутровыми рукоятями, предъявленных в придачу к флешу у него на руках и для подкрепления его притязаний на банк. А иногда он просто лежал, вызывая из памяти лица – шлюх, к которым питал когда-то слабость, мужчин, с которыми дрался и которых любил, убивал и хоронил, – любуясь их чертами, смакуя запретные запахи и наслаждаясь подзабытыми звуками со сладкой и пронзительно-щемящей ностальгией.

Особенно часто уснуть шерифу не давал Гас. Губы его беззвучно шевелились в темноте, когда он разговаривал с ним, говорил за двоих – и за себя, и за сына, – ведя неторопливые беседы о Боге и любви, о лошадях и оружии… Однажды, проснувшись среди ночи, Глория спросила: «Ты с кем разговариваешь?» И Зек солгал, сказав, что, должно быть, просто бормотал что-то во сне. Он любил жену, любил так, что не мог бы выразить это словами, но только Гас заполнял пустоту в его душе и разгонял раздражающую, беспокойную тоску, которая осталась после тех мятежных дней…

Но в это Рождество, склонив голову и пряча лицо от низвергающегося с неба снега, его наконец-то занимало настоящее – держать коня на склоне, улавливать за шумом ветра и шорохом снежинок ворчанье сдвинувшейся с места лавины, чувствовать, как мерзнут ноги в подбитых телячьей кожей сапогах из буйволиной шкуры, представлять, как он возьмет на прицел Ооту и Билли и проверит, что они украли у Барта.

Давно уже Иезекиль не был так счастлив.

Он снова чувствовал себя своим собственным точным переводом.

* * *

После часа подъема всадники остановились – лошадям требовалось передохнуть.

– Как, по-твоему, мы близко? – спросил Рассел.

Кёртис покачал головой. Точно определить, догоняют ли они преступников, не было возможности – видимость ограничивалась тридцатью ярдами, после чего след просто-напросто исчезал в тумане. Идти становилось все труднее, лошади задыхались, храпели и останавливались через каждые несколько шагов.

Постепенно склон начал выравниваться. Иезекиль заметил, что наклоняться вперед приходится уже не так сильно, а лошади прибавили шагу.

Он остановил наконец своего мерина и стал дожидаться спутников. Те, подъехав, продолжили разговор, который вели последние четыреста футов подъема.

– Я не говорю, что ты мрачен или угрюм, но меланхоличен уж определенно, – говорил Рассел. – Тоска заела?

– Отрицать не стану, – отозвался Коул.

– Спишь спокойно?

– Не всегда. В тишине мысли бегут одна за другой, и я не знаю, как их остановить. А еще у меня ужасно болит голова.

Шериф осмотрелся и прикинул пройденное ими расстояние. У него ныла спина. Следы уходили вдаль, насколько хватало взгляда. Впереди, как ему представлялось, лежал перевал.

– Отчаяние накатывает? Состояние безысходности? – продолжал расспрашивать проповедника доктор.

– Отчаяние? Безысходность? То есть не думаю ли я о том, чтобы покончить с собой? – уточнил тот.

– Именно это я и имею в виду.

– Это серьезный грех, Расс.

– Понимаю. Но ты же от него не застрахован.

– Что ж… да, бывает, думаю.

– И когда такое было в последний раз?

– Прошлой ночью.

Деревьев на такой высоте быть не могло, но, присмотревшись, Иезекиль разглядел неясные очертания гор и небольшое, усеянное валунами поле. Занесенное снегом, оно напоминало воинство готических монолитов. Кёртис повернулся к своим спутникам. Их разговор смущал его – тема казалась слишком сокровенной, чтобы обсуждать ее с кем бы то ни было, – но перебил он их не поэтому, а для того, чтобы посоветовать доку вынуть из чехла «Биг Фифти»[11] и быть повнимательнее, чтобы не нарваться на засаду.

– Стивен, тебе нужно обязательно прийти ко мне в кабинет. Я проведу осмотр, – заявил Илг. – Вижу, десны у тебя немножко посинели. Без полноценного осмотра сказать наверняка нельзя, но вполне возможно…

– Док, не хотелось бы вмешиваться в вашу беседу, но… – перебил его шериф.

Пуля с громким хрустом вошла в голову Расселу через левый глаз и на выходе вынесла изрядный кусок его черепа. Следом раздался оглушительный «бум», в котором Иезекиль распознал крупнокалиберный шестизарядник. Свинцовая пуля выбила Илга из седла, но его ковбойские сапоги застряли в стременах, и тело свесилось головой вниз, а когда лошадь поволокла его вниз по склону, содержимое черепа вывалилось на снег.

Кёртис торопливо спешился и провалился в снег по пояс. Еще один выстрел спугнул лошадей, и он, схватив «Винчестер», повернулся к Стивену.

– Убирайся! Или хочешь, чтоб тебя убили?!

Но проповедник застыл в седле с каменным лицом, глядя сквозь падающий снег на две фигуры, мелькающие между валунами в поле.

Иезекиль высвободил сапоги Коула из стремян и столкнул его в снег.

– Спускайся вниз по склону и спрячься, – велел он проповеднику. – Если хочешь, возьми винтовку дока и сиди, не высовывайся.

Грянул еще один выстрел, и мерин Кёртиса, коротко заржав, вскинулся на дыбы и свалился в снег.

Шериф присел, окинул взглядом склон, бросил взгляд на Стивена, уходящего прочь со слезами на глазах, и отполз от умирающего мерина. Затем остановился футах в тридцати, хватанул несколько глотков разреженного воздуха, привстал и, взяв на прицел каменистый выступ, находящийся ярдах в сорока от своего укрытия, вдруг понял, что это и есть перевал с рваными белыми лентами проплывающих над ним туч, из-за которых невозможно было что-либо разобрать.

Мимо его правого уха просвистела пуля.

Кёртис развернулся, поймал на мушку небольшой валун примерно в пятидесяти ярдах вверх по склону и пустил пулю в ковбойскую шляпу, появившуюся над его углом.

Шляпа исчезла, и он снова взвел курок, после чего поднялся и двинулся вперед в сторону валунов с улыбкой на губах и убийственной радостью играющего в войну мальчишки.

Глава 31

Достигнув каменного поля, Иезекиль опустился на снег, сунул руку под дождевик и достал из внутреннего кармана коробку патронов .44–40, а затем сунул в магазин пять патронов.

Ветер утих, кони больше не ржали, и в наступившей внезапно тишине все как будто очистилось, и чувства шерифа обострились. Запах мокрого камня и пороха. Звук падающих на шляпу снежинок. Тяжелый, словно оно вознамерилось выломаться из груди, стук сердца. Обжигающий холод, растекающийся по левой стороне лица.

Услышав далекий шепот, Иезекиль выпрямился и выступил из укрытия. То, что лежало перед ним на пологом склоне, напоминало снежный лабиринт: валуны самой разной величины – одни не больше бочонка, другие не меньше фургона или даже дома – теснились в одних местах и выстраивались в линию в других, образуя миллионы укромных уголков. Как ни крути, Ооту и Билли имели тактическое преимущество.

Футах в двадцати Кёртис обнаружил то, что искал – следы на ровном, нетронутом снегу, – и бездумно двинулся вперед.

Едва сделав три шага, он остановился и замер. Из-за валуна с плоским верхом выплыло облачко пара. Выдох! Шериф вскинул карабин, вдавил приклад в плечо, и в этот момент из-за камня появилось что-то еще.

Иезекиль успел остановиться и не выстрелил в тощего, утопшего по шею в снегу мула с обрезанными кончиками ушей.

Он двинулся дальше через поле.

Снегопад прекратился, и тишина от этого как будто стала еще глубже. Кёртис увидел следы. Две пары. Снег был таким глубоким, что ему пришлось наклониться, чтобы определить, в каком направлении они ведут. Уверенности у шерифа поубавилось. Он знал, что его противники могут прятаться за любым из сотен валунов, и все решит удача: кто кого увидит первым.

В какой-то момент внимание Кёртиса отвлек шорох сползающего с валуна снега, а когда он снова повернулся к следам, впереди, футах в тридцати, из ниоткуда появилась шляпа с мягкими опущенными полями.

Приклад карабина ударил в плечо, выстрел расколол воздух, и Иезекиль бросился за ближайший камень.

Когда он выглянул, стрелок уже пропал – скорее всего, снова нырнул в снег, чтобы перезарядить оружие. Шериф запомнил место, где видел шляпу. Будь противник один, он преспокойно остался бы на месте и ждал, никуда не торопясь, пока тот снова высунет голову. Но перспектива противостояния двоим внушала ему серьезное беспокойство.

Размышляя, что делать, Иезекиль услышал щелчок, ошибиться в происхождении которого было невозможно.

В пяти ярдах сзади и чуточку слева.

Вот и всё, подумал он.

Щелчок взведенного курка шестизарядного револьвера невозможно спутать ни с чем другим.

– В-в-вот так и оставайся. А ствол б-б-брось, – прозвучал у него за спиной заикающийся голос.

Кёртис прислонился к камню.

– Ей-богу, я уже нарисовал к-к-кружок у тебя на з-з-затылке, – добавил Маккейб.

– Ладно, ладно. – Иезекиль не стал отбрасывать карабин, но, крепко взяв его за шейку ложи и держа палец на спусковой скобе, медленно повернулся к стоящему по пояс в снегу мальчишке.

Шериф надеялся увидеть в руке Билли трясущийся револьвер, но здоровенный, похожий на маленькую пушку «Кольт Уокер» твердо смотрел ему в грудь.

– Тут кто-то уже стрелял, – сказал Зек. – Прямо в голову. С какого расстояния? Ярдов с пятидесяти? Шестидесяти?

– Я же сказал, брось пушку, – потребовал вместо ответа Маккейб.

Его лицо задергалось, как будто кто-то вшил крючки в левый уголок его рта и теперь дергал за ниточку. Иезекиль посмотрел парню в глаза и увидел нервозность, которая совсем ему не понравилась, – он предпочел бы найти там две ледышки.

– Мы же соседи, Билли. Наши жены – подруги. – Говоря это, шериф понемногу опускал карабин. Еще несколько дюймов, и он снесет мальчишке башку. – У тебя хорошая семья, Бесси и Гарриет. А дока, думаю, ты застрелил случайно. Насчет твоего напарника ничего сказать не могу, но твоя-то шкура не настолько задубела.

– Ну, мистер К-к-Кёртис, наверное, вы не так уж хорошо меня знаете, – отозвался молодой человек.

Глава 32

Ооту Уоллас застал Иезекиля сидящим на снегу, у валуна. Шериф стащил с себя подшитые шерстью перчатки, расстегнул дождевик, сак и жилет, отстегнул подтяжки и распахнул муслиновую рубашку.

– Где оружие? – спросил Уоллас у своего подельника.

– Где-то т-т-там, в снегу, – пробормотал тот.

– В рукаве у него ничего не спрятано?

– Нет, я проверил.

Ооту посмотрел на Кёртиса.

– Ты его в живот ранил.

– Целился в голову, но п-п-получилось…

– Не переживай, Билли, все в порядке. Рога ты ему подрезал. Свинцом от «Уокера» угостил. Молодчик. Дело нескорое, верно, бускадеро?[12]

Иезекиль смотрел, как сочится между его пальцев черная кровь. Что-то серое снова и снова лезло из живота, и он пытался запихнуть это что-то назад. Кровь струилась по ногам и затекала в сапоги, а еще проливалась на камень и, расползаясь, вытапливала в снегу бордовую дыру. Шериф перевел взгляд на Ооту, потом на мальчишку, отправившего его на закатную тропу, и хрипло, с усилием, сказал:

– Устраиваете засаду, а? Это так вы работаете?

– Как получается, так и работаем, – пожал плечами Уоллас.

– И сколько взяли?

– Шестьдесят девять брусков по двадцать два фунта каждый.

– Так ты все подсчитал…

– Конечно, подсчитал. За пятьсот тысяч потянет.

Иезекиль кивнул.

– Может, купишь парнишке новый ствол? Этому «Уокеру» годков, должно быть, сорок.

Ооту ухмыльнулся.

– И одежку тоже, – добавил умирающий.

Билли смутился и покраснел. Ни на пальто, ни на дождевик денег ему не хватало, и, выходя из дома зимой, он напяливал на себя всю побитую молью рвань, какая только попадалась ему под руку, так что наряд его представлял собой несколько слоев из старых рубашек, ветхого сака двадцатилетней давности и синего сюртука, выжившего в домашнем пожаре в Теннесси, подтверждением чему служили обугленные по краям черные дырки.

Иезекиль снова посмотрел на Билли.

– Ты разбил сердце своей жене, сынок.

– Я тебе не сынок, – огрызнулся Маккейб. – Ооту, мне нужны его «Джастины». У меня ноги замерзли.

– Подожди немного, мы это еще обсудим. Учись соблюдать приличия, ладно? – отозвался Уоллас.

Иезекиль застонал.

– Черт! – вырвалось у него.

– Что, сильно больно? – спросил Ооту.

– Больнее не бывает.

Плотная, темная туча проплыла над перевалом и начала опускаться на каменное поле.

– Ну так что, теперь-то расскажешь? – снова заговорил Кёртис. – Терять тебе все равно уже нечего…

– Что рассказать? – повернулся к нему Уоллас. – Что ты хочешь услышать?

– Я знаю, что мой брат выехал с тобой из Силвертона прошлой осенью. Он сообщил мне это перед тем, как уехать. С ним был ты и еще двое. Через три недели ты появился в Абандоне один и объяснил, что в последнюю минуту твои спутники решили остаться.

– И ты назвал меня отъявленным лжецом.

– Я и сейчас готов это повторить. Черт… – Шериф опять скривился от боли.

Ооту бросил Билли двуствольный дробовик, подошел к шерифу и опустился перед ним на снег.

– Натан был твоим братом, – сказал он холодно.

– Младшим братом, – уточнил Кёртис.

– Какого черта! Теперь это уже не важно, так? Я не хотел ехать с ними, но в начале октября они догнали меня на дороге в Абандон.

– Так вас было четверо?

– Верно. Снег пошел уже на следующий день, к вечеру, и валил не переставая целую неделю. Провизией мы запаслись только на три дня и к концу изрядно проголодались. Снегоступов у нас не было. До ближайшего жилья не меньше десяти миль в любую сторону. Снегу легло на шесть футов. Попробуй-ка пройти в таком дерьме на приличное расстояние! Мы пытались охотиться, но все зверье ушло в зимнюю спячку, так что даже зайца на глаза не попалось. Разбили лагерь на краю леса, в сухостое, и к концу октября стало изрядно голодно. Один парень сбежал. Лошади подохли и замерзли. Ребята выглядели не лучше мертвецов, да и я мало чем от них отличался. Однажды утром я взял дробовик, да и пошел из лагеря. Сил только и хватало, что на ногах держаться. Отошел немного и пальнул в дерево, а сам стал кричать, что, мол, лося уложил. Они и прибежали. Радостные. С криками да воплями.

Ооту на мгновение замолчал, но потом стал рассказывать дальше.

– Первым был Макклюрг – я его и подстрелил. Натан понял, что к чему и что надо делать, но участвовать отказался. Мне ничего не оставалось, как убить и его. Но варить твоего брата я не стал. Макклюрг был помясистей, пожирней. Я его ляжки поджарил. Обе. Набрался сил, отложил запас в старую медвежью берлогу и на следующее утро тронулся. За три дня добрался до Абандона.

Билли смотрел на сообщника, как завороженный – широко открытыми глазами, разинув рот и показывая ломаные зубы.

– Ты ел человеческую задницу?! – охнул он.

– Я с голоду помирал, понимаешь? – буркнул в ответ Уоллас. – И к столу по случаю Дня благодарения меня никто не зазывал. В любом случае тебя это не касается. Я это к тому рассказал, что человек должен правду знать, какая судьба его брату выпала.

Проплывающее облако окутало все вокруг туманом и принесло несколько случайных снежинок. Холод проник в кости, и Иезекиль знал, что уже никогда он от него не избавится. Он понимал, что умирает, и, думая об умирающем брате, ощущал необычайно сильную связь с ним. Был ли Натан так же одинок в последние мгновения перед смертью?

Дыхание шерифа замедлилось. Он ощутил вкус крови на зубах и почувствовал, как она сбегает из уголка рта. Дико хотелось пить. Дрожа от холода, он посмотрел на Ооту.

– Не смотри на меня так, – предупредил тот. – Как будто я ненормальный какой-то. Ты одного брата потерял, а я всех троих – федералы под Малверн-Хиллом положили. Тебе не пришлось сидеть над Натаном да рассказывать ему про дом и все такое, когда он разрублен чуть ли не пополам и из него наружу все лезет. Такое раз увидишь – и уже никогда не забудешь.

Но Иезекиль его не слушал – мысленно он спустился в каньон, в свой маленький домик, к Глории, лежащей на кровати. Он почувствовал ее горе – и все воспоминания о Ледвилле, парнях и той свободе, которая ассоциировалась с ними и которую он попробовал сегодня, превратились в дым. Губы шевельнулись, повторяя ее имя. В этот момент Кёртис любил ее и нуждался в ней, как никогда раньше. Он думал обо всем, чего не сказал ей. Может быть, она знала это без него? Нет, наверное, нет, ведь он и сам не знал об этом до последнего момента…

Иезекиль услышал глубокий, загрубелый голос и попытался открыть глаза.

Они открылись, но к этому времени каменистое поле, туман и люди сделались серыми, и тьма, посланница той, что не нуждалась в представлениях, накрыла все вокруг, так что весь мир Зека почернел по краям, как прихваченная зимним холодом роза.

Ооту склонился над ним, и теперь их лица разделяли считаные дюймы. Глаза Уолласа были бледными и туманными, как у слепого.

Он что-то говорил, но Кёртису пришлось сделать над собой усилие, чтобы разобрать слова.

– Тот, в которого стрелял Билли, он убит? – понял шериф наконец, и у него хватило сил только на то, чтобы кивнуть. – Кто еще знает о Барте?

Тьма стягивалась вокруг умирающего все теснее.

– Эй, ты уж поднатужься да ответь! – повысил голос Ооту.

«Только я и док», – подумал Зек.

– Только я и док, – прошептал он, едва шевеля губами.

– Как ты узнал, что мы здесь? Жена Билли сказала? Бесси?

«Следы», – всплыл в мыслях шерифа новый ответ.

– По следам, – произнес он вслух.

– Жены, твоя и доктора, знают про все это?

Иезекиль молча покачал головой.

– А вот это уже попахивает ложью.

«Глория ничего не знает».

– Что ж, я тебе так скажу: рисковать из-за двух болтливых сучек мы не станем.

«Глория ничего не знает».

– Он что-то г-г-говорит, Ооту, – подал голос Билли.

«Не трогайте ее».

– Ну, если и говорит, я не слышу, – проворчал Уоллас.

– Г-г-глория точно что-то знает, – заявил Маккейб. – А вот кому еще она сказала…

– Если понадобится, мы убьем всех – мужчин, женщин, детей. Ты готов этим заняться?

– Д-д-да, Ооту.

– Точно? Не передумаешь? На попятную не пойдешь?

– Не пойду. Точно.

– Тогда давай, доведи дело до конца, и будем сматываться.

– Ооту, он уже п-п-почти мертвый и…

– Мне наплевать, насколько он там мертвый. Но я отсюда не уйду, пока этот звезданутый копыта не отбросил. Понял?

Услышав свой смертный приговор, Иезекиль испытал облегчение – боль, какой он еще не знал, разрывала его внутренности, как будто кто-то заливал ему в живот расплавленное серебро. Он смотрел, как Билли засыпает в патрон порох, засовывает в оружие бумажный пыж и маленьким шомполом забивает туда же свинцовый шарик.

Свои последние мгновения Кёртис потратил не на размышления о том ужасном, что может случиться с Глорией, не на сопротивление невыносимой боли и не на сожаления о том, чего никогда больше не попробует, не увидит и не узнает. В последние секунды он думал о своем мальчике.

Как Гас смеялся.

Каково было укачивать его на руках.

Зарядив револьвер, Билли продолжал возиться с барабаном.

«Ты был лучшим в моей жизни. Ты и твоя мама. Жаль, что я не понял этого раньше, когда мог сделать что-то, чтобы все сохранить», – мысленно сказал Кёртис своему сыну.

Маккейб подошел к валуну, у которого умирал шериф, поднял револьвер и направил дуло ему между глаз. Иезекиль едва слышал, как щелкнул курок, – ему вдруг открылась возможность рая, и он подумал о том, каким сюрпризом было бы попасть туда, увидеть Гаса, подхватить его на руки, пощекотать, подбросить над головой. И этот смех…

Пожалуйста, Господи, позволь мне еще раз услышать, как смеется Гас. Если Ты существуешь и если Тебе есть дело…

Глава 33

Господи, Боже спасения моего! Днем вопию и ночью пред Тобою, да внидет пред лицо Твое молитва моя…[13]

Лежа в снегу, у самого начала засыпанного валунами поля, Коул не вспоминал те безобидные, яркие молитвы, с которыми обращался к своей конгрегации по воскресеньям. Дрожа от холода, он не думал о той благопристойности, которую соблюдал всегда, вознося голос Спасителю. Все, на что хватало его сейчас, – это на молчаливое повторение отчаянных слов псалма.

Приклони ухо Твое к молению моему, ибо душа моя насытилась бедствиями…

Вдалеке всхрапнула лошадь. Стивен поднял голову и увидел Ооту Уолласа и Билли Маккейба, едущих через поле на конях во главе вьючного обоза.

…и жизнь моя приблизилась к преисподней.

Проповедник нырнул под уклон и поглубже зарылся в снег, укрыв голову капюшоном.

Я сравнялся с нисходящими в могилу; я стал, как человек без силы…

Сидя неподвижно в снежном укрытии, он не спускал глаз с разгуливающей между валунами кобылы Рассела Илга.

…между мертвыми брошенный, – как убитые, лежащие во гробе, о которых Ты уже не вспоминаешь и которые от руки Твоей отринуты.

По другую сторону сугроба, не далее чем в десяти шагах от места, где он прятался, звякнули колокольчики на сбруе.

– Тпру! – сказал чей-то голос.

Стивен представил, как Ооту и Билли натягивают поводья.

– Это, надо полагать, Иезекиля? – спросил Уоллас.

Похоже, они рассматривали его следы.

– Или, м-м-может, вон той лошадки…

Ты положил меня в ров преисподний, во мрак, в бездну.

– Нет, лошадиные следы вон там, выше. А эти оставлены человеком.

Отяготела на мне ярость Твоя, и всеми волнами Твоими Ты поразил меня.

– Если хочешь, я спущусь ниже и проверю, – предложил Маккейб.

Стивен закрыл глаза.

Око мое истомилось от горести: весь день я взывал к Тебе, Господи, простирал к Тебе руки мои…

– Их ведь было только двое, так? – спросил Ооту своего подельника.

– Ну да. Думаю…

– *Думаешь*?

– Д-д-д…

– Чем заикаться, ты лучше…

– Их было всего двое. Это точно. И второе тело мы тоже видели.

– Тогда ладно… Нет, не спускайся.

Ооту щелкнул языком, и обоз потянулся дальше. Когда колокольчики наконец стихли, Стивен выбрался из сугроба и отряхнул снег со своего шерстяного пальто.

Стоя в одиночестве на склоне горы, в сотне футов от перевала, посреди холодной пустыни, он слушал шум ветра и шорох движущегося снега, напоминающий шорох песка на берегу. Перед глазами у него вставали картины равнин родной Южной Каролины, и от этих воспоминаний сжималось сердце.

Кобылу Рассела Коул нашел в укрытии на подветренной стороне громадного валуна. Он забрался в седло, стегнул лошадь по шее и поехал вверх по следам только что прошедшего обоза.

На Пиле обжигающе холодный ветер дул ровно и неустанно.

Сметая снег, проповедник гнал его к северной стороне, где уже образовался целый карниз. Там, спешившись, он ступил на голый камень.

Дальше путь лежал по обледенелому выступу. Зная, что подвергает себя опасности, Коул все же не удержался, посмотрел вниз и увидел там что-то похожее на красный кратер. Один из мулов поскользнулся, свалился, пролетел двести футов и буквально взорвался от удара о камень, разметав во все стороны собственные внутренности.

Выступ закончился углублением в зазубренном шпиле, торчащем, словно клык. Углубление находилось на уровне колена и было достаточно широким, чтобы принять в себя взрослого мужчину.

Стивен расстегнул пуговицу и, сунув руку под пальто, пошарил по карманам. Где-то должен был быть коробок спичек, но найти его не получилось.

Он подошел ближе и заглянул в углубление. Видимости хватало фута на четыре, а дальше все терялось в темноте. Коул забрался в выщерблину, протолкался дальше в сужающийся проход и почувствовал, как пространство расширяется. Нога ступила на что-то твердое.

Проповедник снял рукавицы, опустился на корточки, вытянул руку, и его пальцы наткнулись на холодное золото – сложенные кубом слитки, доходившие ему до колена.

Он поднял один из них, поднес его к сочащемуся через проход свету и, стоя в полутьме, уставился на брусок желтого металла. Сколько крови уже пролилось из-за него и сколько еще прольется?

Стивен думал о людях, тех, что жили внизу, в городе, претерпевая невзгоды и трудности – холод, разреженный воздух, одиночество, оторванность от мира, – ради крохотной части того, что он держал в руке.

В этот момент он больше не считал жителей Абандона и тысячи других шахтерских городков, разбросанных, как бактерии, по всему Западу, людьми честолюбивыми и смелыми. Они все были холодным, равнодушным, грязным, отчаянным и несчастным сбродом. Коул видел их насквозь. Они пересекли равнины, построили дома в этих диких и суровых местах и сносили бесконечные недуги и страдания не потому, что были отважными, идущими за мечтой пионерами. Одна-единственная причина привела их сюда: жадность, бушевавшая в их ненасытных сердцах.

Проповедник опустился на землю и заплакал.

– СТИВЕН.

При звуке своего имени он замер от страха.

Глава 34

Коул выбрался из пещеры и побрел на перевал. Тучи над ним расползлись, и лучи послеполуденного солнца пролились на лес. Горные вершины и скованные льдом поля осветились таким ярким и насыщенным бронзовым светом, какого Стивен не видел уже много дней.

Кобыла ждала его на продуваемом ветром склоне. Поставив ногу в стремя, проповедник услышал какие-то странные звуки, хотя из-за ветра не смог определить направление, откуда они пришли. Он посмотрел вниз и сквозь просвет в тумане увидел весь спуск в каньон и возле шахты «Годсенд» вытянувшиеся в линию пятнышки – Ооту, Билли и мулов на пути к Абандону.

И тут он услышал это снова – негромкий вой.

К нему присоединились другие звуки, различающиеся по тону и продолжительности, как диссонирующая симфония сов, гусей и бродячих собак.

Вынув ногу из стремени, Стивен перешел на другую сторону перевала, заслонился перчаткой от ветра и посмотрел вниз.

Сначала видно было немногое. Тучи плыли к нему и через него, будто гигантские шхуны. В глубине вихрями кружился туман, скрывая длинную, расширяющуюся впадину, озеро, лежащее в нескольких милях к югу, и открытую долину за ним. Этим маршрутом в Силвертон Коул однажды уже воспользовался – такой путь был более быстрым, чем по обозной дороге, но и более опасным, с крутыми спусками по целой серии узких выступов.

Ветер очистил эти выступы от снега, и проповедник медленно вел пальцем по крутым, падающим и устремляющимся вверх откосам протяженностью в несколько сотен футов, пока палец не перескочил на что-то, что с высоты его положения походило на дорожку выходящих из тумана черных муравьев.

Стивен стоял в замешательстве, слушая чуждые завывания, пока их не перекрыл другой звук – стук неподкованных копыт по камню.

Движимый исключительно любопытством, проповедник сделал шаг вперед и увидел то, что сверху выглядело как город-всадник – женщин в ситцевых платьях, мужчин в костюмах, а некоторые в грязной рабочей одежде, и во главе процессии простоволосую блондинку в ярком, золотистом вечернем платье, никак не подходящем для зимы.

Шествие приблизилось, и внимание Коула привлекли лошадиные шкуры, украшенные языческими иероглифами, изображающими волков, медведей, койотов, лосей, орлов, деревья, кактусы, горы, облака… Дорога повернула еще раз, всадники вынырнули из-за поворота, и Стивен увидел, что у женщины впереди раскрашенное лицо язычницы, что ее золотистое платье пропиталось кровью; что к бритой голове воина пришит целый скальп женщины с желтыми кудряшками, собранными, по моде дня, на макушке, что его пояс увешан загорелыми носами, а сам он будто улыбается. Его зубы были заточены как бритвы, и в гриву его коня оказались вплетены еще теплые, еще сочащиеся кровью скальпы. Следующие за ним люди выглядели так же странно, дико и нелепо: один был совершенно гол, не считая плаща и котелка; другой вымазался в крови, и казалось, будто он покрыт ржавчиной; третий вырядился в женский капор, а четвертый – в рваный корсет с бусинами; и вооружены они были всем, что только удалось добыть и собрать, – дробовиками и винтовками, револьверами и ножами, копьями и саблями… Еще кто-то держал в руке камень, испачканный кровью и мозгами, кто-то размахивал человеческими костями, а один потрясал палицей из дубового сука, кожи и кусков кварца. И весь этот парад демонов ухал, кудахтал, горланил и завывал на странном, нечестивом языке, звучание которого напоминало некую древнюю форму некромантии.

– Господи Всемогущий! – пробормотал проповедник.

Дорога, по которой двигалась вся эта компания, могла вести только в одно место – в Абандон.

2009

Глава 35

В первый момент Эбигейл подумала, что сломала спину, но потом ей удалось поднять голову и втянуть в себя воздух, и она поняла, что при ударе у нее всего лишь перехватило дыхание. Она лежала на спине. Все вокруг, как и лестница под нею, поскрипывало, угрожая вот-вот обвалиться. Где-то наверху стонал кто-то из мужчин. В треугольнике света налобного фонаря журналистки кружились пыль и снег…

А потом кто-то произнес ее имя. Она посмотрела вниз – ее отец лежал, распростершись, несколькими ступеньками ниже.

– Ты цела? – прошептал он. Фостер кивнула.

Вверху, невидимая, плакала Джун, но была ли причиной ее стенаний физическая боль или боль потери, Эбигейл понять не могла. Она посмотрела вверх и увидела, что приземлилась прямо под куполом, что ее фонарь светит в библиотеку и что свет падает на бледное, искаженное ужасом лицо миссис Тозер, вцепившейся в книжный стеллаж и стоящей на узкой полоске пола, удерживающейся на подкосе. Снег падал теперь прямо в лестничный колодец Изумрудного дома. Сама Фостер оказалась на середине третьего лестничного пролета. Вверху послышался сухой треск, и что-то проломило потолок. В луче фонаря промелькнула синяя лыжная куртка, и девушка поняла – это Эммет. Тело прорвалось сквозь тьму, врезалось в ступеньки второго лестничного пролета, едва не задев Джеррода, пробило дыру и грохнулось на пол нижнего уровня. В библиотеке вскрикнула Джун.

– Не дергаться! – завопил Стю. – Замерли – все! Вы тут всё, к чертям, обрушите!

Эбигейл посветила вниз и в сторону, туда, где на средней части следующего пролета – его верхнюю часть снес труп Эммета – держались Айзея и Джеррод.

Лоренс щелкнул пальцами. Оглянувшись, Эбигейл увидела, что он предлагает ей спуститься к нему.

Она спустилась, неспешно и осторожно, и, едва только оказалась рядом, как Кендал поднял руку и выключил ее фонарь.

– Будем уходить, – прошептал он, прижавшись губами к ее уху. – Ступай за мной, след в след, и старайся не шуметь.

Он медленно поднялся, и ступенька под ним скрипнула. Не успели они сделать несколько шагов в направлении третьего этажа, как снизу донесся голос Айзеи:

– Стю, ты где?

– В библиотеке, – отозвался его сообщник.

– И как?

– Ребра болят… не повернуться. А ты?

– Нас с Джерродом малость тряхнуло, но жить будем. Те двое с тобой?

– Нет.

– Ларри? – чуть ли не ласково промурлыкал Айзея, шаря лучом фонарика по развалинам лестницы в том месте, где приземлились Лоренс и Эбигейл. – Я не вижу тебя, Ларри. И эту стерву тоже не вижу. – Красная точка добралась до третьего лестничного пролета. – Отзовись, гаденыш!

Яркая лампочка в фонаре Айзеи светила всего лишь в нескольких футах от журналистки. Поскольку верхняя часть второго лестничного пролета обвалилась, добраться до третьего этажа ни он, ни Джеррод были не в состоянии, но они могли обнаружить их и обстрелять снизу. Для этого главарю банды требовалось лишь обернуться. Лоренс схватил дочь за руку и еле слышно шепнул:

– Следуй за мной.

Отец с дочерью пробрались вокруг лестничного колодца к западному крылу, представлявшему собой узкий коридор с серым гниющим деревом, которое, казалось, тряслось и подпрыгивало вместе с фонарем Кендала, коридор с множеством дверей, как закрытых, так и распахнутых, висящих на проржавевших петлях или уже сорвавшихся и лежащих на полу. Они успели продвинуться футов на пятнадцать, когда под ногой Лоренса скрипнула половица. Оба тут же замерли, а профессор еще и выключил фонарь.

– Это ты, Лар? – снова позвал Кендала Айзея.

Эбигейл как будто ослепла. Ей вдруг пришло в голову, что ни один «ужастик», ни одна книга и близко не вызывали у нее такого страха. Более жуткого кошмара невозможно было даже представить.

– Вот что я тебе скажу. Поступи по-умному, вернись, и я все прощу! – продолжал Айзея. – Убегаешь?.. Тогда не обессудь, когда я схвачу тебя за задницу…

На втором лестничном пролете послышалось какое-то движение.

– Он идет, – шепнула Фостер.

– Оттуда он нас не достанет, – так же шепотом отозвался ее отец.

За спиной у них послышался какой-то новый звук, и она оглянулась. Пол и потолок как будто кромсали тихие, почти неслышные микровзрывы.

– Что это? – спросила девушка. – Думаешь, крыло обрушится?

Взрывы приближались: один – здесь, два – там. Лоренс включил фонарь, и они увидели, что пол перед ними испещрен крохотными дырочками.

– Дрянь дело, – прошептал профессор. – Он под нами, стреляет через пол.

Они побежали. Тут и там пули с глухим стуком прошивали пол и потолок, осыпалась дождем труха, и гильзы, падая, звенели, как брошенная мелочь. В какой-то момент все стихло, а потом почти рядом, чуть впереди, шарахнула долгая очередь. Лоренс втащил Эбигейл через пустой дверной проем в тесную комнату, в которой, вероятно, жила прислуга и которая могла похвастать лишь развалившейся кроватью и платяным шкафом, и прижал дочь к стене.

– В конце крыла лестничный колодец, – сказал он. – Мы доберемся до него и…

– Но они прямо под нами.

– И вот-вот увидят, что второй этаж западного крыла совершенно прогнил в конце. Им придется вернуться к главной лестнице. Другой возможности спуститься у них нет.

Еще одна длинная очередь.

– Он сейчас будет перезаряжать, – добавил Лоренс. – Идем.

Девушка последовала за ним в коридор. Звук их шагов разнесся по всему крылу. Кто-то выругался – может быть, Айзея, увидевший, что пол в конце второго этажа провалился. Крыло заканчивалось зоной отдыха с разваливающейся мебелью и упавшими возле камина книжными шкафами. Поверх всего этого лежала сорвавшаяся с потолка люстра, за разбитыми окнами косо падал снег…

Эбигейл едва сделала четыре шага от зоны отдыха, как ее правая нога вдруг провалилась.

– Лоренс! – вскрикнула она, удерживаясь на локтях, – обе ее ноги уже болтались где-то внизу, на втором этаже.

Кендал тут же вернулся. И как раз вовремя – пол под локтями его дочери тоже начал обламываться. Профессор схватил ее за запястья. Фостер глянула вниз и увидела огромную дыру и свои висящие ноги. Дерево под коленями отца потрескивало.

– Я сейчас провалюсь, – прохрипел он, изо всех сил стараясь поднять ее. Пули снова начали взрывать пол, но пока еще далеко от Эбигейл.

– Быстрее! – шепнула она.

Расстреляв магазин, Айзея опять сделал паузу для перезарядки, и Лоренс сумел-таки вытащить девушку наверх. Они сразу же откатились в сторону, а через пару секунд место, где она только что висела, прошили пули.

Поднявшись, отец с дочерью тихонько прокрались по изрешеченному полу.

– Сюда. – Кендал увлек дочь к северо-восточному углу зоны отдыха. – Думаю, на лестнице он в нас не попадет.

– Там безопасно? – спросила журналистка.

– Не знаю, – бросил через плечо Лоренс, шагая через ступеньку вниз.

Они спустились, минуя второй этаж, и вышли на первый в районе кухни с огромными раковинами, двумя каминами, кирпичной и глиняной печами и длинным разделочным столом. В окнах сохранились стекла, так что ни снега, ни ветра здесь не было – только тишина.

– Выключи фонарь, – прошептал профессор, и их обступила непроглядная тьма. Эбигейл не видела даже отца, стоявшего в футе от нее.

– Хорошо, – сказал он, увлекая ее вперед. – Если они будут спускаться по главной лестнице, мы увидим их свет.

Девушка услышала, как повернулась, тихонько скрипнув, дверная ручка.

– Здесь же полный мрак. Как ты что-то видишь? – спросила Фостер.

– Я очень хорошо знаю… – начал отвечать Лоренс, но не договорил.

– Что такое? – еще больше перепугалась Эбигейл.

– Услышал что-то впереди.

– Что?

– Как будто дерево под ногой скрипнуло.

Секундная пауза растянулась в вечность, а потом Эбигейл увидела в кромешной тьме одну-единственную точку света.

– Господи! – выдохнула она.

Кендал опустил голову – по его груди, вокруг логотипа «Норт фейс», скользила красная точка.

Они вместе метнулись в кухню, а позади них уже звенело, разлетаясь осколками стекло двери и заднего окна. Звук выстрела журналистка не услышала. Лоренс на секунду включил фонарь, втолкнул дочь в проем между раковинами и помог ей подняться на подоконник. Шаги уже приближались.

– Что мне делать? – спросила девушка. Отец толкнул ее, и она вывалилась наружу, на снег. Сам Лоренс последовать за ней не успел: едва он ступил на подоконник, как двери распахнулись, и по стенам кухни сумасшедшими зигзагами заметались лучи фонариков.

– Давай! – крикнула Эбигейл, но бандиты уже втащили ее отца обратно в Изумрудный дом.

Глава 36

Не успела она подняться, как ее тоже схватили за руки и втянули в кухню через окно. Оставшиеся в раме куски стекла прорéзали ее одежды, термальное белье и кожу, и кровь побежала у нее по левой ноге. Девушку швырнули на гнилой пол. Луч фонаря полоснул по Джерроду и Айзее. Оба держали очки ночного видения, и стволы их автоматических пистолетов дымились на холоде. Главарь отвел ногу, и Эбигейл услышала, как Лоренс охнул и, согнувшись вдвое, свалился на пол. Айзея склонился над девушкой и достал из-под брючины нож.

– Нет! – прохрипел, задыхаясь, профессор.

Журналистка попыталась подняться, а когда у нее это не получилось, откинулась на спину. Ее левая скула пульсировала болью. Айзея сел на нее, прижав ее плечи к полу каблуками ботинок, расстегнул ее флисовую толстовку и закатал вверх термальную футболку, обнажив дрожащий в темноте живот.

– Подними ему голову, Джеррод. Ты смотришь, Ларри? Сейчас я проделаю дырку, вот здесь. – Он приставил острие ножа к пупку девушки. – Сделаю дырку и начну вынимать внутренности.

Как только лезвие укололо ей живот, Эбигейл, не издав ни звука и ничего не ощутив, перенеслась в другое место – на пляж в Лонг-Айленде в самый разгар лета. Фонарь ее мучителя превратился в нежное солнышко.

В реальность ее вернул голос отца.

– Я соврал, – выдохнул Лоренс. – Я соврал тебе. – Айзея продолжал играть ножом на голом животе Эбигейл, и она все больше втягивала его.

– Слышишь, что он говорит? – подал голос Спайсер.

– Уши у меня есть, Джеррод, – огрызнулся его командир.

– Золото не здесь, – продолжал Кендал. – Я помогу тебе найти его. Клянусь. Ты только отпусти ее…

Айзея вдруг убрал нож в ножны и встал. Фостер осталась лежать на полу. Ее трясло. Главарь же схватил за грудки Лоренса, поднял его и прижал к печи.

– А как бы ты поступил? – спросил тот. – Тратишь годы на поиски чего-то, а потом, в последнюю секунду, приходит какой-то чужак с намерением все отнять. Я не мог…

Айзея снова вдвинул его в печь, причем с такой силой, что с потолка дождем посыпалась пыль.

– Ты уж лучше поторопись и давай поближе к делу! – потребовал он.

– До Рождества восемьсот девяносто третьего года золото хранилось в потайной комнате в бартовском крыле особняка, – стал рассказывать Кендал. – Долгое время я был уверен, что оно лежит в Изумрудном доме. Я обыскал все комнаты, перебрал даже мусор в южном крыле. И прекратил поиски после того, как нашел дневник Глории Кёртис. На Рождество девяносто третьего в Абандоне что-то случилось. Глория писала, что двое мужчин – Ооту Уоллас и Билли Маккейб – убили Барта Пакера и его прислугу и вывезли все золото. Судя по всему, ее муж и еще несколько человек устроили погоню и выехали к шахте.

– Ну и что? – спросил главный бандит.

– А то, что когда ты находишься в небольшом городишке посреди зимы и у тебя на руках две тысячи фунтов золота, тебе нужно его спрятать.

– Посмотри мне в глаза, Ларри, и ответь на вопрос. Где сейчас золото?

– Пока что я его не нашел.

Айзея оттолкнул профессора, достал из-за пояса обойму, вставил ее в рукоятку «Глока» и передернул затвор.

– Нет, нет, послушай! – заторопился Кендал. – Ооту и Билли заранее провели разведку. И потом перевезли золото на перевал Пила. Глория упоминает об этом в своем дневнике со ссылкой на жену Билли, которая говорила ей что-то на этот счет. На мой взгляд, все логично. Они складировали золото там, чтобы при первой возможности переправить его с перевала в Силвертон. А дальше можно было делать что хочешь – устраивайся и живи.

– Значит, золота здесь нет, так? Они его забрали.

– Забрали бы. Да только, если ты помнишь, на Рождество все жители Абандона исчезли, так что, не исключено, шанс тем двоим так и не подвернулся.

– Хочешь сказать, что золото все еще на перевале?

– Я хочу сказать, что оно может быть там, но проверить такую версию после знакомства с дневником Глории я не успел. Мы со Скоттом планировали заняться этим сейчас.

Айзея обошел разделочный стол.

– Иса… – вновь попытался заговорить с ним Спайсер.

– Помолчи, Джеррод, дай подумать. – Сделав еще три круга, он остановился и посмотрел на напарника. – Иди помоги Стю и той женщине спуститься из библиотеки, а потом устрой их в передней.

Бывший проводник направился в сторону западного крыла, а Айзея подошел к Лоренсу и Эбигейл, которые уже сидели вместе около кирпичной печи.

– Ларри, ты ведь знаешь, где тот тайник? Да или нет? – спросил он еще более требовательно, чем раньше.

– Думаю…

– Вот что, говнюк, услышу еще раз, что ты *думаешь*…

– Я могу его найти. Я знаю, где искать, и отведу тебя туда, как только рассветет, когда…

– Как только рассветет? Завтра? – Айзея рассмеялся, потом наклонился и потрепал Эбигейл по щеке. – По-моему, ты плохо понимаешь ситуацию. Это ведь твоя дочь, да? Ну так вот. Если я не получу золото *до рассвета*, ты увидишь, как я сначала обработаю твою малышку, а потом примусь за тебя.

Глава 37

Метель разыгралась с такой силой, что Изумрудный дом скрылся из виду за снежной стеной, стоило им отойти от портика на каких-то пятьдесят ярдов. Стю и Джун остались в передней.

До шахты они – Айзея, Джеррод, Лоренс и Эбигейл – добрались через час. От занесенных снегом развалин мельницы профессор провел их в конец каньона, откуда четверка начала долгое и трудное восхождение к перевалу.

Предвидя возможную попытку бегства, Спайсер связал отца и дочь веревкой, и Фостер, поднимаясь по склону, изо всех сил старалась не закричать перед лицом этого невероятного, сюрреалистического ужаса. Рана над ее левой бровью пульсировала болью, кровь из глубокого пореза на бедре стекала по ноге, и в какой-то момент ей вдруг открылась безжалостная, убийственная истина: «Мы все погибнем в этих горах».

Как девушка ни пыталась, она просто не могла придумать причину, зачем этим людям оставлять ее в живых.

Худший сценарий – они не находят золото, и мы умираем медленно и в муках. Лучший сценарий – они находят золото, и мы умираем быстро. И это все, на что я должна надеяться? Получить пулю в затылок?

Кендал обнял ее. Она оттолкнула его руку.

Поднявшись футов на пятьсот, путники сделали остановку – отдохнули на заметенных снегом камнях. Сидя между отцом и Айзеей, Эбигейл смотрела на кружащие в луче фонаря снежинки. Высота сказывалась: все четверо уже задыхались в разреженном воздухе.

Воспользовавшись недолгим затишьем, Лоренс повернулся к Джерроду.

– Так Скотт сказал тебе, *что* мы здесь ищем? Пообещал выделить долю, но ты его перехитрил? Так получается?

Пустив по кругу бутылку воды, Спайсер покачал головой.

– Однажды, примерно месяц назад, я сел после работы в свой «Бронко» и вдруг понял, что забыл ключи от машины. Пришлось вернуться. Поднимаюсь к себе и вижу: Скотт треплется по телефону – сам на стуле, ноги на столе. И речь идет о вывозе тонны золота из какой-то глуши и транспортировке его на семнадцать миль. Я, конечно, прислушался…

– Значит, все это, включая двоих погибших, – из-за того, что ты забыл ключи от машины? – вздохнул Кендал.

– А разве жизнь не дерьмо? – подал голос Айзея. – Скажи, Ларри… Я, прежде чем сюда отправляться, навел кой-какие справки об этом городе-призраке, но, поскольку ты профессор, объясни, что здесь все-таки случилось?

– Не знаю, – пожал плечами отец Эбигейл.

– Но какая-то теория у тебя есть?

– Есть.

– Ну так поделись ею с нами.

– Нет, я не…

– Я не прошу. Что, по-твоему, уничтожило город?

– По-моему… – Лоренс замялся. – По-моему, то было деяние Господне.

– То есть что-то сверхъестественное?

– Нет. Я полагаю, город уничтожил Господь. Как Содом и Гоморру, обрушив на них огонь и серу, прислав ангела тьмы. Другого объяснения у меня нет.

– Жестко.

– Да уж…

– Но мне нравится. Если почитать Ветхий Завет, то там Бог постоянно такие фокусы выкидывал.

Поднеся к губам бутылку, Эбигейл искоса взглянула на Айзею. «С ним надо разговаривать, – подумалось ей. – Протянуть связь. Перейти на уровень выше отношений преступник – жертва. Он должен увидеть в тебе человека, иначе ты умрешь».

– Можно спросить тебя кое о чем? – обратилась она к Айзее.

– Конечно, – кивнул тот. – Мы ведь можем и подружиться ненадолго. Знаешь, вообще-то я отличный парень. Встретила б ты меня при других обстоятельствах, может, и полюбила бы…

Как ни странно, девушка ему поверила. Она представила, как они знакомятся в местном спортзале, болтают ни о чем и даже флиртуют под шум гребных тренажеров…

– Вы с вашими товарищами были вместе в Ираке? – задала она следующий вопрос.

Айзея выхватил у нее бутылку, отпил из нее и вытер губы.

– Морская пехота, – подтвердил он ее догадку. – Разведка.

– «Буря в пустыне» или…

– «Иракская свобода»[14].

– Мне вот интересно… Я заметила у Джеррода симптомы посттравматического стресса…

– У нас у всех такое.

Спайсер повернулся, и Эбигейл увидела, как сузились его глаза под налобным фонарем. Может, она неверно его оценила и он все же способен убить ее?

– Ты зачем говоришь с ней об этом?

– Остынь, приятель, – отмахнулся Айзея.

– Вы бывали в бою?

– Господи, Айзея. Пусть она заткнет свой…

«Нет, не надо!» – взмолилась про себя Фостер.

– Да, в дерьмо случалось попадать, – не слушая сообщника, ответил ей Айзея.

– И как это было?

– Наше подразделение проникло в Южный Ирак за несколько недель до начала большого наступления.

– Айзи, только не здесь. Какого хрена ты…

– Джеррод, мой терапевт сказал, что об этом нужно говорить. Это полезно для здоровья. А если ты держишь это дерьмо в себе, то тебе ж от этого хуже.

– Ты просто рехнулся. – Спайсер поднялся и отошел в сторону.

– Потом флот раздолбал подчистую дивизию республиканской гвардии в ста двадцати пяти милях к юго-востоку от Багдада, в городе Куте. Нас послали туда на следующий день – подтвердить, что живая сила и артиллерия противника уничтожена, смазать колеса для вторжения. Наша группа высадилась на том хребте перед самым рассветом – и сразу попала под сильный минометный и пулеметный огонь. Вертолет еще не успел подняться, как его подбили из РПГ. Бум – и игра окончена. Мы остались вшестером против пятидесяти гвардейцев. Они нам голову поднять не давали… В общем, вляпались по-крупному. Половина наших погибли уже в первые три минуты. Выжили трое – я, Джеррод и Стю. И вот тогда-то я и хлебнул по полной. Очнулся в комнате без окон. Привязанный к стулу. Стены бетонные, такого багрового цвета, как будто их грунтовали кровью. Следующую неделю нас обрабатывали два дознавателя. Я слышал, как в соседних комнатах кричат Стю и Джеррод. Это было хуже всего. Слышать их, знать, чем все кончится…

Эбигейл коснулась его руки и посмотрела в карие глаза. *Разговаривай с ним!*

– Что они делали с вами, Айзея?

Он улыбнулся.

– О, много всякого! Изобретательные попались паршивцы. Была у них там кровать с железной сеткой, соединенной с парой автомобильных аккумуляторов. Скучать не приходилось… Ты шрамы на лице Джеррода видела? Это от кислоты. А мой живот выглядит так, словно на него налепили горсть спагетти. Когда записываешься в морпехи, никто не говорит, что ты можешь попасть в руки кучки джихадистов. Я рассказал им все, что знал. Вывалил все наши секреты. Даже присочинил, налепил такого, что им нравилось. Они уже готовились содрать с нас шкуру, когда явились хорошие парни. В общем, рейнджеры нас оттуда вытащили.

Фостер снова посмотрела на Айзею. Лицо его оставалось на удивление спокойным и бесстрастным.

– Мне очень жаль, что с вами такое случилось, но, как говорится, то, что тебя не убивает…

– То, что тебя не убивает, делает тебя злобным поганцем.

– Можно я скажу вам кое-что?

– Что?

– Это, конечно, не то, что выпало на вашу долю, но мне сейчас страшно. Я боюсь, что, получив золото, вы убьете меня, потому что я видела ваше лицо и знаю о вас кое-что. Вы можете подтвердить, что так оно и будет, чтобы я могла, по крайней мере, как-то подготовиться?

– Завязываем с сеансом терапии, – вмешался, возвращаясь к ним, Джеррод, – и давайте-ка двигать дальше.

– Эй, мне это нужно! – возразил Айзея. – Шари говорит, что я мало об этом разговариваю, а тут есть возможность попрактиковаться… И тебе, брат, тоже надо разгрузиться.

– Ты не прав, приятель.

Айзея повернулся к Эбигейл и усмехнулся.

– Ты только не думай, что Джеррод не может себя контролировать. Он отлично справляется. А вот Стю – совсем другое дело. Печальная история. Парень просто раскис. Жена от него ушла. И дочурку забрала. Бедняга остался ни с чем. Сколько раз он пытался свести счеты с жизнью, а, Джер?

– Три.

– Плюс, как ты, наверное, уже поняла, Стю – алкаш. Буйный, – продолжал главарь банды. – Знаю, золото – не панацея, мы так и останемся уродами до самого финиша, но небольшую-то компенсацию за все, что нам досталось, мы заслужили? А то Дядя Сэм положил на всю эту херню с прибором…

– Может, пора, а? Или тебе еще пообниматься надо? – не отставал от него Спайсер.

Айзея ухмыльнулся и показал ему средний палец.

– Да, будем двигать, – согласился он в конце концов.

«На мой вопрос так и не ответил», – отметила про себя Фостер.

Прежде чем подняться, она заметила что-то под ногами и, нагнувшись, подняла. Это был легкий и хрупкий череп какого-то животного – возможно, лошади, – побуревший, весь в трещинах и заполненный фрагментами костей и камешками, которые постукивали в нем, будто песок в раковине. Журналистка представила, как, может быть, лет через пятьдесят какой-нибудь беззаботный турист будет держать в руках уже ее череп, выбеленный солнцем, и вместе с приятелями гадать о ее судьбе.

Глава 38

Снега на перевале навалило по колено. Здесь, на высоте в тринадцать тысяч футов, ветер дул с такой неистовой силой, что устоять можно было, лишь наклонившись под углом в сорок пять градусов. Лоренс и Эбигейл достигли вершины раньше и теперь смотрели на поднимающихся по склону Джеррода и Айзею – защищаясь от кусачего холода, бывшие морпехи натянули на лицо черные акриловые маски.

Кендал помахал им рукой.

– Хочу сначала осмотреть эту сторону! – крикнул он, перекрывая вой ветра. – Тут есть углубление в скале!

Айзея поднял руку с выставленным большим пальцем, и они побрели из седловины к возвышающимся неподалеку ломаным скалистым утесам, напоминающим – если смотреть снизу, из Абандона – врезавшиеся в небо зубья старой пилы. Увидев, куда он ведет их, Эбигейл схватила отца за руку. Выступ шел от перевала вдоль крутого откоса. Справа была вертикальная,

обледенелая стена, уходящая вверх, в беспросветную темноту, а слева – отвесный, головокружительный обрыв. Журналистка посветила вниз – снежинки в луче фонаря кружились и исчезали из виду, не достигнув дна.

Ширина выступа возле перевала достигала четырех футов, так что Эбигейл и Лоренс могли идти рядом. Но чем дальше, тем у́же становился карниз, и вскоре ей пришлось переместиться за спину отца и двигаться за ним, прижимаясь к стене на каждом шагу.

А выступ все не кончался и не кончался. Мало того, он еще и сужался – сначала до трех футов, потом до двух.

Ближе к концу карниз пошел под уклон, и девушку, стоило ей лишь задержаться на месте, начинало сносить по обледенелому камню в сторону обрыва.

Внезапно профессор остановился и затащил Эбигейл под навес, на сухой камень, где не было ни снега, ни ветра. Лицо у нее занемело от холода, и она, стянув перчатки, потерла щеки ладонями.

– Слушай, Эбби, – прошептал Кендал. – Я хочу попытаться…

Из-за угла появились Джеррод и Айзея. Нырнув под навес, они рухнули на камень.

– Так это оно, Ларри? – спросил главарь.

– Да, это то место, которое я хотел проверить.

– По-моему, тут и проверять-то нечего. Не пытайся меня обдурить, а то…

– А вот это? На что оно похоже?

Айзея направил луч на заднюю стену, куда указывал его пленник, и уголки его губ поползли вверх, обнажая в злорадной ухмылке ровные белые зубы.

– Ну… на кусок дерьма, – хмыкнул он. Затем поднялся и подошел к щели в камне. Присел на корточки. Заглянул в нее.

– Глубокая? – спросил Джеррод.

– Около четырех футов.

– Ты что-нибудь видишь?

– Ничего. Туннель уходит вниз и влево. – Айзея повернулся к Лоренсу. – Бывал там раньше, а, Ларри?

– Нет, но планировал заглянуть как-нибудь на досуге. Мы же собирались провести в Абандоне три дня.

Глава бандитов откинул капюшон и стащил с лица маску. Внизу, под выступом, прорываясь через перевал, ревел ветер – ревел так, что казалось, будто целый флот реактивных самолетов проверяет двигатели перед взлетом.

– Знаешь, что-то подсказывает мне, что ты – коварный сукин сын, – заявил Айзея. – Сечешь?

– Нет, не секу, – ответил профессор.

– Ты хочешь сказать, что это – старый штрек?

– Насколько мне известно.

– Что ж, я бы отправил тебя туда первым, но что, если это пещера? И ты исчезнешь, как только войдешь? Туннель узкий, и протиснуться по нему можно только по одному.

– Послушай, я понятия не имею, что там, – сказал Лоренс. – Надеюсь, что да, там куча нашего сраного золота. Судя по тому, что я знаю об Ооту и Билли, именно это мы и найдем. Но Эбигейл я не оставлю, так что тебе не придется…

– Ладно, вот что я тебе скажу. Мы пошлем туда Эбигейл. Джеррод, отвяжи Ларри и сооруди надежный узелок для леди.

Спайсеру понадобилась минута, чтобы освободить Кендала и приготовить что-то вроде сбруи для его дочери.

– Это уже второй раз, – сказала она, когда он обмотал веревкой ее бедра. – Помнишь вчерашний день?

Джеррод снял маску, поднял голову, и в свете фонаря Эбигейл увидела его лицо, обезображенное небольшими, в форме полумесяца, шрамами. В груди у нее шевельнулось что-то похожее на сочувствие.

– Готова, – сказал он.

Девушка шагнула к щели и посветила в туннель.

– А что это за история насчет того, что там плохой воздух? – спросила она.

– Вот ты нам и расскажешь, да? – сказал вместо ответа Айзея.

Журналистка протиснулась в щель и, пробравшись по проходу, уже секунд через десять оказалась в небольшой пещере, размером примерно с ее нью-йоркскую студию, но с низким, чуть больше шести футов, потолком. По туннелю уже протискивался Айзея, и она отступила в сторону.

– Давай, Ларри! – крикнул тот. – Тащи свою задницу сюда!

Лучи фонарей забегали по голым каменным стенам и низкому, с острыми выступами, потолку. Обойдя пещеру по окружности, Айзея вернулся к выходу из туннеля и, схватив профессора за воротник желтой парки, подтащил его к себе.

– Черт! – выдохнул тот.

– Верно подмечено, – согласился главарь. – А теперь объясни…

Лоренс выпрямился, подошел к дальней стене и, опустившись на корточки, осторожно поднял единственный обнаружившийся в пещере предмет искусственного происхождения.

– И что это у тебя? – заинтересовался Айзея.

Кендал показал ему ошметки старого джутового мешка.

– В этом перевозили золото, – сказал он уверенно. – Скорее всего, его доставили сюда на мулах.

– И чем ты меня порадуешь? Тайным туннелем? Или мне надо повернуть какой-то камень, и сокровищница сразу откроется? А, Ларри? Знаю, у тебя есть в запасе приятный сюрприз.

Профессор посмотрел на Айзею, и Эбигейл увидела в глазах отца то, чего не видела там до последнего момента: страх, растерянность и даже отчаяние.

– Золото они привезли сюда. Я в этом уверен, – заявил Кендал. – В Рождество восемьсот девяносто третьего года оно лежало здесь. Теперь его нет. Должно быть, они вернулись сюда после того, как убили едва ли не всех жителей Абандона. Теперь я больше, чем когда-либо, уверен, что именно Ооту и Билли расправились с горожанами, и этот беспрецедентный акт массового убийства…

– Слушай, мне на все это глубоко наплевать, – махнул рукой Айзея.

– А чего еще ты от меня хочешь? Я сделал все, что мог, – сказал профессор, и главарь шагнул к нему. – И очки тебе не втираю. Я мог бы всю ночь водить тебя по каким-то местам – мол, да, оно здесь, или, может быть, там; ладно, заглянем еще кое-куда… Но я этого не делаю. Что есть, то есть, все чисто. Здесь золота нет, и я не представляю, где оно может быть. Не исключено, что его вообще нет в здешних горах.

Айзея молча смотрел на Кендала, и Эбигейл как будто чувствовала, что происходит за этими шоколадными глазами, какой спор там идет. Она знала – сейчас решается их судьба, и молчание бывшего морпеха пугало ее даже сильнее, чем привычный уже поток угроз.

Главарь медленно наклонился, аккуратно подтянул правую штанину своих водонепроницаемых брюк…

Лоренс стоял, убрав за спину руки, и его трясло.

«Он оставил пистолет снаружи, но нож при нем. Сейчас он убьет моего отца. Потом убьет меня. Лучшего места, чтобы спрятать трупы, не найти», – думала девушка.

Айзея расстегнул ножны на лодыжке, взялся за рукоятку ножа…

И тут правая рука Лоренса описала широкую дугу, завершившуюся ее контактом с головой его противника. Что-то глухо треснуло.

Айзея застонал и завалился на бок.

Словно не веря в то, что сотворила его рука, Лоренс замер в оцепенении, глядя на камень размером с кулак, который все еще сжимали его пальцы.

Глава 39

Упав на колено, профессор снял ножны с лодыжки Айзеи, перерезал веревки на Эбигейл и сунул нож в карман. Девушка торопливо провела ладонями по рукам и ногам Айзеи и, дойдя до его талии, внезапно остановилась. Потом расстегнула его парку, сунула руку во внутренний карман и достала оливкового цвета предмет размером с яблоко и весом примерно в фунт.

По экватору стальной сферы шла желтая надпись: «ГРАНАТА. РУЧНАЯ. ОСКОЛОЧНАЯ. С ЗАДЕРЖКОЙ. M67. КОМП. B»

Фостер взглянула на отца – тот смотрел на нее такими же широко открытыми глазами. Она медленно повертела гранату, задержав взгляд на прижимном рычаге и предохранительном кольце.

– Что у тебя там, Айзея? – крикнул в туннель Джеррод. – Чем обрадуешь?

Эбигейл наклонилась к отцу.

– Имел с ними дело? – спросила она шепотом.

Профессор покачал головой.

– Знаешь, как с ней обращаться? – продолжала допытываться девушка.

Лоренс тронул пальцем предохранительное кольцо.

– Это надо снять, и, пока прижимаешь рычаг, она не взорвется, – предположил он. – Так мне представляется.

– *Представляется*? И на чем основано это твое представление?

– Тебе лучше не знать.

– И все-таки?

– «Рэмбо».

– Айзея? – снова подал голос Спайсер. – Не томи, старик!

– Он сейчас полезет сюда, – прошептала Эбигейл. – Хочешь драться с ним ножом?

– Он меня убьет.

– Значит, придется бросать гранату.

Они подошли к туннелю.

Половину прохода с дальнего конца освещал фонарь Джеррода.

– Айзея! – звал тот напарника. – Я иду, слышишь?

– Нет, Джеррод, не надо, – сказала журналистка. – Мы выходим.

Кендал указал взглядом на кольцо – *снимай*.

– Нашли золото? – поинтересовался их бывший проводник.

– Нет, не нашли, – отозвалась девушка, подсунув палец под кольцо. – Сколько у нас времени? – шепотом спросила она. – После того как я ее брошу? Пять секунд? Три?

– Не знаю, – покачал головой ее отец.

Рука у Фостер дрожала, костяшки пальцев побелели от напряжения, а по лбу катился едкий пот. Она моргнула.

– Если пять секунд, то Джеррод может успеть бросить ее сюда, в нас, – предупредила она своего товарища по несчастью.

– Айзея? Что там за хрень творится?! – Спайсер уже начинал беспокоиться. – Все в порядке?

Его напарник застонал.

– Когда брошу, – сказала Эбигейл, – мы нырнем в тот угол.

– Бросай хорошенько! – кивнул ее отец. – Не хватает только, чтобы она закатилась обратно.

– Айзея! Ты как, в норме? – закричал Джеррод еще громче, и Фостер поймала себя на том, что невольно задержала дыхание. – Я иду!

Девушка дернула за кольцо и бросила гранату в проход. В следующий момент они с отцом нырнули в угол. Эбигейл упала лицом в каменистый пол, а Лоренс навалился на нее сверху. Она зажмурилась, слушая, как M67 скачет по туннелю.

– Вот дерьмо! – выругался Спайсер.

Две секунды тишины… и земля содрогнулась от взрыва. С потолка посыпались камни.

– Лоренс? Ты живой? – окликнула девушка отца.

– Да. А ты?

– В ушах звенит. – Журналистка села и включила фонарь. Пещера наполнилась дымом вперемешку с пылью. Они поднялись и двинулись к проходу.

– Я его не слышу, – прошептал профессор. – Думаешь, он успел сбросить ее вниз?

За спиной что-то зашевелилось. Они обернулись и увидели пытающегося сесть Айзею.

– Надо идти, – сказала Эбигейл. – Пристрелим его из пистолета Джеррода.

Следом за Лоренсом она втиснулась в заполненный густым дымом туннель, а выйдя из него, увидела, что ее бросок оказался удачным. Свет фонаря упал на почерневшие от взрыва камни; часть осколков ушла в камень, часть валялась под ногами. И…

Ни Спайсера, ни крови.

– Где он? – прошептала Фостер, и, словно отвечая на ее вопрос, из-за угла появился их бывший проводник. Как ни в чем не бывало, он шел им навстречу, и красное пятнышко перескакивало с отца на дочь и обратно.

Жмурясь от дыма и бьющего в глаза снега, те торопливо отступили к дальнему краю навеса.

– Айзея! – взревел Джеррод, останавливаясь у входа в туннель. – Он жив?

Прежде чем Эбигейл успела открыть рот, из пещеры долетел голос:

– Ты их держишь?

– Да! – крикнул Спайсер.

– Сукин сын отрубил меня камнем. – Айзея выбрался из туннеля.

– Я сам едва не нахватался осколков… Ты что, не слышал, как твоя Эм-шестьдесят седьмая рванула?

– Валялся в отрубе.

– Вот как? Я тут стоял, орал в туннель, ты не отвечал, и я уже подумал было, что у тебя там что-то не так, а потом глядь – подружка катится… Грохнула на том самом месте, где ты стоишь.

– Ни хрена себе!

– Я не знал, с задержкой она или нет, так что сбросить вниз не успел.

– И что ты сделал?

– Отскочил за угол. Повезло, что этот чертов выступ выдержал и не обломился под ногами.

Айзея повернулся к Лоренсу и Эбигейл. Улыбнулся сквозь проступившую в глазах боль.

– Ну, Ларри, хитрожопый ублюдок! Таких поискать… Едва не вырубил двух морпехов. То-то была бы потеха! А, мать твою…

– Ты как? – спросил Джеррод своего предводителя.

Тот наклонился и потряс головой.

– Похоже, черепушку он мне серьезно раскроил. Посвети-ка сюда… – Спайсер осмотрел рану на голове приятеля. – Ну, что там?

– Кровоподтек приличный. Как себя чувствуешь?

– Башка раскалывается.

– Наверное, сотрясение.

– Где мой ствол?

Джеррод снял с шеи нейлоновый шнур с «Глоком», и Айзея, схватив пистолет, пошатываясь и морщась на каждом шагу, направился к пленникам.

– Эбби, – шепнул Лоренс, – как бы дико это ни звучало, сделай то, что я скажу.

Он крепко взял дочь за руку. Теперь они стояли на самом краю выступа, и Айзея был не более чем в пяти футах от них.

– Прыгай! – закричал Кендал.

Глава 40

Эбигейл летела вниз ногами вперед по крутому, градусов сорок, склону. Рука ее выскользнула из пальцев Лоренса при ударе о склон, но его голос долетал до нее сверху:

– Перевернись на живот, Эбби! Тормози ногами! Остановись!

Склон заканчивался футах в пятидесяти и дальше переходил в обрыв. Девушка перекатилась на живот. Снег у нее под паркой взлетал фонтаном мерзлой пыли. Она выставила вперед ноги.

– Локти! – крикнул Кендал.

Фостер вонзила локти в снег – и остановилась, хватая ртом воздух и дрожа всем телом. Оглянувшись через плечо, она увидела, что край склона находится менее чем в пяти футах от подошв ее ботинок. В животе у нее заворочался тошнотворный комок, голова закружилась, а правая нога – единственное, что удерживало журналистку на склоне, – задрожала от напряжения.

Вверху загорелся фонарь.

– Поднимайся ко мне! – крикнул отец. – Осторожно. С опорой на каждом шаге.

Лицо девушки горело от холода. Она стерла налипший снег и двинулась вверх, к Лоренсу, медленно, протаптывая свежий снег, под которым лежал старый, гладкий лед. Адреналин в ее крови схлынул, и в копчике проснулась боль. Лоренс протянул руку, схватил ее за локоть и подтянул к камню.

– Цела? – спросил он испуганно. Рядом с ним, на снегу, лежал раскрытый рюкзак, и он закреплял на ногах альпинистские кошки.

– Копчик болит. Наверное, трещина, если не хуже, – простонала девушка.

– А я разбил правое колено.

– Это было что-то… безумие…

– А иначе – смерть. Я знал, что там футов тридцать. Надеялся, что склон достаточно крутой и снег смягчит посадку.

Эбигейл посмотрела вверх – за круговертью метели просматривались два мутных пятна света.

– Выключи фонарь, – прошептала она. – Я их вижу.

С выступа скатились голоса:

– Метет… фонарь слабый… не достает. У тебя сколько обойм осталось?

– Две. Давай пальнем по склону.

– Надо уходить, – шепнул Лоренс. – Держись за мной.

Поднявшись к основанию скалы – им хватило пяти шагов, – отец с дочерью прижались к каменной стене. Сверху долетел металлический звук – бандиты вставляли в пистолет обойму.

Зачихали выстрелы. Пули ударили в лед и камень в нескольких ярдах ниже беглецов по склону. Стреляли наугад, короткими очередями. Одна простучала почти рядом, в паре футов от того места, где укрылись Кендал и Фостер. Наконец стрельба прекратилась. Все стихло, кроме ветра.

– Зря патроны извели, – послышался голос Джеррода.

– Ты как там? Крутым себя почувствовал? – усмехнулся в ответ Айзея.

– Ты это о чем?

– Держись позади меня.

Футах в тридцати от беглецов что-то глухо ухнуло в снег.

– Чтоб тебя! – выругался Айзея.

Спайсер приземлился чуть дальше.

– Черт, не могу остановиться! – закричал он, скатываясь вниз по склону.

– Постарайся…

– Черт!

– Воткни нож в снег!

– Не дотянусь… – Слова бывшего проводника сменились долгим, слабеющим криком.

Лоренс начал спускаться. Эбигейл последовала за ним. Дойдя до валуна, они включили фонари. Ниже, футах в двадцати, вцепившись в край склона и пытаясь отыскать опору на льду, лежал Айзея.

– Подожди здесь, – шепнул профессор дочери.

– Нет, я пойду с тобой! – запротестовала та.

Лоренс постучал себя по ботинку.

– У меня кошки – у тебя нет. Хочешь закончить, как Джеррод?

Увидев спускающегося к нему Кендала, Айзея усмехнулся:

– Ларри, у тебя, должно быть, шары размером с дыню. Из тебя вышел бы чертовски хороший солдат: сигануть со скалы – чистейшая крутизна!

– Где твой пистолет?

– Шнур запутался за спиной, не могу достать… Никак не могу.

Профессор присел рядом с Айзеей на корточки.

– Я тут подумал, Ларри… Будем квиты?

– Нет, – сказала Эбигейл. – Нет, Лоренс.

– Слушай, я хочу только одного: убраться к чертовой матери с этой горы, вернуться домой, к семье, – проворчал главарь. – Ты же понимаешь…

– Дай руку, – сказал ему Кендал.

Айзея протянул руку, и профессор наступил правой ногой на его левое плечо. Бывший морпех дернулся, его ботинки потеряли точку опоры, и он заскользил вниз по проложенной Джерродом полосе, не пытаясь остановиться и не сводя глаз с Лоренса.

– Молись, чтобы я не остался жив! – крикнул он и исчез за краем склона.

Глава 41

По склону в пятьдесят градусов они ползли с черепашьей скоростью. Эбигейл вцепилась в руку отца, а тот делал следующий шаг, лишь убедившись, что шипы вошли глубоко в лед – теперь на них приходилась двойная нагрузка.

– Я бы предпочла увидеть тела, – сказала журналистка. – Чтобы знать наверняка.

– Да, но подходить к самому краю слишком рискованно – можно запросто сорваться и составить им компанию. Поверь мне, они мертвы, а если и живы, то предпочли бы умереть, – попытался убедить ее профессор.

Батарейки в фонаре Лоренса садились, и ориентироваться становилось все труднее. Через какое-то время он остановился. Позади осталось несколько сотен футов крутого ледяного склона.

– Хорошего мало, – вздохнул Кендал. – Мы уже должны были выйти на наш старый маршрут. Я рассчитывал, что мы спустимся в каньон по своим же следам. Это единственный безопасный путь.

Они двинулись дальше. Эбигейл укрыла лицо капюшоном парки «Мунстоун». Пятно холода под ее левым глазом растекалось онемением по щеке, и это сильно беспокоило девушку. Каждый шаг отдавался острой, словно от укола раскаленной иглой, болью, пронзавшей тело от кончика копчика до горла. Она уже не могла сдерживать слезы, когда Лоренс вдруг сказал:

– Слава богу!

Фостер подняла голову. За пеленой кружащегося снега виднелись очертания двухэтажного здания на краю утеса.

– Что это? – спросила она. – Мы вернулись к шахте?

– Нет, мы сейчас в тысяче футов над нею. Это то, что осталось от верхнего пансиона «Годсенд». В лучшие времена здесь жили человек сорок, так что до верхних разработок, где находились самые богатые залежи руды, им было рукой подать. Здесь жил и Ооту Уоллас.

– Это хорошо, что мы сюда вышли, или…

– Теперь я, по крайней мере, знаю, где мы находимся. Отсюда можно спуститься в каньон. Идем, укроемся от метели, отдохнем…

*** * ***

Состояние пансиона явно оставляло желать лучшего: деревянная обшивка набухла и размягчилась, крыльцо заросло мхом, а опорные балки пострадали от зверей и едва держались.

Первый этаж разделялся на две большие комнаты, а находившийся между ними коридор связывал переднюю дверь с задним выходом. Западный дверной проем вел в кухню и столовую с прогнившим насквозь полом, где сохранились две плиты, четыре скамьи, бочонок и ящик для хранения продуктов с сеткой от грызунов.

Пробравшись через развалины обрушившейся лестницы, Эбигейл и Лоренс свернули в жилую комнату. Мебель – простая, местного производства – выдержала испытание временем, как и пол, если не считать большой дыры в углу. Обессиленные, отец и дочь свалились возле каменного камина в заднем углу.

– По-моему, я обморозила лицо, – сказала Эбигейл.

Лоренс снял рюкзак, поднялся и проковылял к стоящему посреди комнаты, посеревшему от времени деревянному столу.

– Ты этого не видела. – Он поднял один из стульев и с силой ударил им о стол, после чего собрал в охапку деревяшки, отнес их к камину и принялся раскладывать на ржавой решетке. Закончив, достал из рюкзака брусок сухого топлива из триоксана и пластмассовую коробку со спичками.

– Как бы тут все не полыхнуло, – предупредил он, чиркая спичкой и поднося ее к бруску. Сначала схватилась растопка, а потом и старое дерево зашипело и затрещало. Язычки пламени лизнули потемневшие камни – впервые за более чем сто лет.

Эбигейл передвинулась к краю камина и протянула к огню замерзшие руки.

– Спасибо, – простонала она еле слышно.

Лоренс снял парку и, наклонившись, осмотрел ее лицо.

– Ну что, плохо? – спросила девушка.

– Обморожение есть, но только поверхностное. Возможно, верхний слой кожи у тебя особенно чувствителен к холоду. В любом случае ничего серьезного. А вот рана над бровью выглядит похуже.

Журналистка повернулась к огню. Пламя разгорелось, и по вспученному полу и голым стенам заплясали тени. Груз всего произошедшего давил на девушку, и она держалась из последних сил, понимая, что раскисать сейчас нельзя.

– Что здесь наверху? – спросила она отца.

– Ничего особенного. Большая комната с печкой посередине да двадцать деревянных коек.

Возле камина лежала стопка изъеденных крысами бумаг. Эбигейл взяла старый каталог и полистала хрупкие страницы. Напротив рекламы свадебного платья стояла галочка. Интересно, вернулся ли домой сделавший пометку шахтер? Женился ли он на своей возлюбленной или сгинул в безвестности вместе с остальными жителями Абандона? Журналистка отвернулась и увидела на ближайшей стене какую-то надпись.

– Ну что за вандалы – прийти и обязательно нагадить! – проворчала она.

– Это не вандалы, Эбби. – Лоренс подобрался к стене и посветил на надпись. – Это написал кто-то из шахтеров. Посмотри, во-первых, написано карандашом, а во-вторых, почерк не похож на наш. Мелкий и аккуратный, почти каллиграфический.

Эбигейл осталась на месте – она уже пригрелась и не хотела шевелиться. К тому же у нее все болело.

– И что там написано? – спросила она.

– Здесь просто колонка чисел. А вот тут кто-то написал: «Джон должен Билли два доллара».

– А что на том рисунке в паре футов над твоей головой?

Кендал встал и поднял голову.

– Как мило! – воскликнул он с удивлением. – Я и не видел раньше… Кто-то изобразил женское личико. Таких рисунков много во всех пансионах, мужчинам было там так одиноко… Эбби… – Профессор вдруг повернулся к дочери. – Я и представить не мог, что он убьет Эммета.

– Знаю. Но вы со Скоттом втянули нас во все это дерьмо. Да-да, втянули.

– Послушай, я связался с тобой вовсе не ради дурацкой охоты за привидениями, а ради золота. План был такой: отыскать золото, может быть, взять с собой несколько слитков и потом, позже, вернуться за остальным. Я хотел поделиться находкой с тобой.

– То есть ты использовал Эммета и Джун для того, чтобы получить пропуск?

– Ты даже не представляешь, как трудно добиться официального разрешения на посещение этого каньона! К тому же им в любом случае требовался проводник. Пойми, Эбби, я хотел позаботиться о тебе. О твоей матери.

– Время, когда мы нуждались в тебе, прошло много лет назад.

– Знаю. – Лоренс опустился на пол рядом с дочерью. – Как твоя мать отнеслась к твоему решению навестить меня?

– Поначалу разозлилась – столько прошло времени, а ты только теперь… Я постаралась убедить ее, что никакого предательства с моей стороны нет, что мне просто нужно это сделать.

– Можно я расскажу тебе кое-что?

Кендал расшнуровал ботинки, стащил мокрые носки и вытянул ноги к огню.

– В тот день, когда ты приехала в Дуранго, я пил утренний кофе, и мне было такое видение, – начал он. – По крайней мере, я так это воспринял. Я – постаревший на несколько лет. Еще немного поседевший. Благодаря какому-то нежданному повороту судьбы разбогатевший и живущий в особняке в северной части города. В доме, построенном в осиновой роще возле реки. Было начало июня, и где-то около полуночи в переднюю дверь постучали. Я прошел через переднюю, улыбаясь, потому что знал, кто пришел. Я ждал их. Они стояли на пороге, моя чудесная семья – дочь с мужем, и двое их детишек, Молли и Ларри. Мы с дочерью… – Профессор откашлялся и, справившись с эмоциями, продолжил, но уже тише и мягче. – Мы обнялись – искренне, тепло. Я поздоровался с ее мужем, и он назвал меня «папой», а внуки вбежали в дом и повалили меня на пол. Понимаешь, семья приехала в гости, на несколько дней, и заняла целое крыло особняка. Стояло чудесное лето. Я учил Ларри рыбалке внахлест, а Молли обожала купаться, так что иногда мы оставались с ней вдвоем, и я возил ее в Каскейд-Крик, на озеро Хэвиленд. В июле, когда расцветают полевые цветы, мы все ходили на Инженерную гору и любовались самым впечатляющим за последние годы зрелищем. Я показывал внукам, как распознавать разные цветы. Но самым лучшим временем были вечера. Дети укладывались спать, а мы с дочкой и зятем садились ужинать на задней веранде. Свечи, вино, шутки, смех… Мы любовались закатом над Игольчатыми горами, а потом высыпáли звезды, и их было так много… Ты не поверишь, но нам ничто не мешало – ни прошлые размолвки, ни боль. И ты смотрела на меня через стол, Эбби, как на человека, которого любишь…

После этого видения – или сна, называй, как хочешь – осталась пустота, ощущение колоссальной потери. Я живу в Дуранго один, в квартире с двумя спальнями на Третьей авеню, и так продолжается уже двадцать лет. У меня нет близких друзей. Есть знакомые и брат, с которым я раз в год, на Рождество, разговариваю по телефону. Я, бывает, встречаюсь с кем-то, но настоящей любви у меня нет. Моей жизнью, моей любовью всегда была работа. Я требовал абсолютной свободы, жил на своих условиях и… – Глаза его снова затуманились. – Только теперь, в пятьдесят два года, я начал понимать, какой ценой далась мне эта свобода. Вот так. И у меня никогда не будет такого лета.

В камине ревел огонь. Лицо Эбигейл отогрелось, и левая щека зачесалась.

– Да, – сказала она, – печальная история. Но кое-что ты упускаешь, и, может быть, если поймешь это, то сумеешь и изменить кое-что.

– Что же я упускаю?

Девушка посмотрела на подбитый глаз отца с фиолетовым синяком и на полоску засохшей крови, похожей на старый пластырь на щеке.

– Твоя история – о тебе, – сказала она. – О том, что *ты* потерял. О том, чего *у тебя* никогда не будет. О том, как *ты* стареешь. Мне было четыре, когда ты ушел, и я не слышала о тебе все эти годы, до того самого дня, когда ты написал об этом вот предприятии. Ни в дни рождения, ни на Рождество ты не давал о себе знать. Знаешь, я даже думала, что ты ушел из-за меня, из-за того, что я сделала что-то не так. Что это я в чем-то виновата.

– Эбби, ты должна знать…

– Знаешь ли ты, что какая-то испорченная, изломанная часть меня до сих пор верит в это? Ты бросил нас. Мама больше не вышла замуж. Так и не вылезла из дома – все ждала, надеялась, что ты вернешься. Наверное, будь у меня сестра или брат, я бы не чувствовала себя такой безнадежно одинокой. Когда я поступила в Колумбийский, маме пришлось поехать со мной в Нью-Йорк. А знаешь почему? Потому что я не могла оставить ее в Балтиморе. Потому что у нее ничего там не было. Никого не было. Я не жила в общежитии. Я жила с матерью в крохотной бруклинской квартирке и пережила две ее попытки самоубийства и три ареста. Все мое время уходило на учебу и работу, потому что надо было что-то есть и платить за отопление зимой. Иногда я просыпалась среди ночи, услышав, как она разговаривает, а потом, подойдя к двери, понимала, что разговаривает она с тобой, как будто ты лежишь с ней в постели. Как будто ты любишь ее. Она даже говорила за тебя. Знаешь, каково это, слышать, как твоя мать разыгрывает вашу первую встречу? Как мечтает о мужчине, который бросил ее двадцать лет назад? Сейчас ей уже лучше, а я большая девочка и живу своей жизнью. Я уже не плачу по папочке, которого у меня никогда не было. Но я бы хотела, чтобы ты был со мной в одну из тех ночей и посмотрел, во что ты превратил мою мать.

Лоренс отстранился, а потом встал и отошел к пустому, без стекла, окну. На заднем крыльце поскрипывали, раскачиваясь под ветром, кресла-качалки. Профессор оглянулся и посмотрел на дочь. Эбигейл тоже посмотрела на него. Ей хотелось бы увидеть слезы на его лице, уловить раскаяние в его глазах. Пусть даже это и ничего бы не изменило. Но для начала…

Взгляд Кендала посуровел. Он нахмурился, будто обиженный, и в свете пламени лицо его сделалось немного гротескным и сильно постаревшим.

1893

Глава 42

В салун Ооту Уоллас вошел, не потрудившись ни отряхнуть дождевик, ни смахнуть снег с сапог-дымоходов, и зал пересек, роняя куски льда и снежную пыль. У окна Лана Хартман играла первую часть «Лунной сонаты» Бетховена.

Юный помощник шерифа, завернувшись в медвежью шкуру, привычно похрапывал в пьяном блаженстве у плиты с плевательницей между ног.

– Для начала давай-ка промочим горло, – сказал Ооту, подходя к бару.

Джосс поставила на стойку стакан и пиво.

– Что ты здесь делаешь? – шепнула она. – Ты же не должен был приходить до завтра!

– Палка, мать ее, в колесе.

– Что?

– На Пиле нежданные гости объявились. Иезекиль Кёртис с тем доктором за нами увязались.

– С тем доктором? Рассом Илгом?

– Как звать, не разобрал, но мы едва от них избавились. Билли завалил обоих, так что получается семь трупов меньше чем за день. Надо уходить, пока ворота открыты.

Джослин достала табак и бумагу, скатала сигаретку, взяла спичку из молитвенника – щепку с головкой из серы, – подняла рубашку, чиркнула спичкой о пуговицу своих брезентовых штанов и прикурила самокрутку. Дым медленно поплыл в блеклом свете керосиновой лампы над баром.

Ооту взял стакан. Выпил.

– Он почти трезвый, – прошептала Мэддокс, указывая взглядом на своего сторожа. – До утра, как мы обсуждали, точно не проспит.

– Тот большой ножичек еще здесь, под баром? Ну тот, который ты утром едва в ухо мне не воткнула…

Барменша ухмыльнулась и выдохнула струю дыма в лицо Уолласу.

– Он свое дело сделает, – заверил он ее.

– А как насчет… – Джосс бросила взгляд в сторону Ланы.

– Ну, у вас же с ней ничего такого… сама знаешь?

– Лану ты не тронешь. Дай мне отправить ее домой.

– Отлично.

– Что с Билли?

– А что с ним?

– Он пойдет с нами?

– Конечно, пойдет. Только сначала надо попробовать вправить мозги этой его норовистой девке.

– А если не получится?

– Они оба знают, что по-другому не будет.

– Думаешь, этот хмырь убьет свою жену? Так вот запросто?

– Думаю, тебя ждет сюрприз.

– Я все равно намерена посчитаться с ним за Барта. Ты же об этом не забыл?

– Господи, да пусть мальчонка…

– Эй, уж не привязался ли ты к своему дружку?

– Нет, но Билли сегодня все правильно сделал. Проявил творческий подход. Яйца у парня есть. Убил двоих, будто мух прихлопнул. Будто это плевое дело. А сейчас, пока мы с тобой тут разговариваем, отправился навестить их женушек.

– А мне какое дело? – фыркнула Мэддокс.

– Послушай, он нам еще пригодится. Надо выбраться из города, поднять все на перевал, а потом провести мулов вниз с другой стороны. Ты еще сможешь прирезать его в какой-нибудь глуши, прежде чем мы доберемся до Силвертона. И не забивай свою милую головку лишними мыслями.

– Продолжишь в том же духе – и…

– А ты сегодня в паршивом настроении.

– Что, если жена с дочкой с ним потянутся?

– Думаю, Силвертон они в любом случае не увидят.

– К убийству девочки я причастной быть не желаю.

– Тебе и не придется. Плесни-ка еще чуток… А, чего уж, дай мне бутылку!

Джосс пододвинула бутылку, и Ооту, отвернув пробку, сделал два хороших глотка.

– Должен сказать, – добавил он, – что меня сильно беспокоит будущее нашего союза.

– Это почему ж? – Барменша забрала у него бутылку и приложилась сама.

– Ты знаешь, я тебя люблю, так что не кочевряжься, когда я это говорю.

– Так в чем дело?

– Ты немного норовистая. Мужчины рядом с тобой шалеют.

Джослин улыбнулась, и виски потекло у нее по подбородку.

– Боишься в штаны спустить? – хмыкнула она.

– Учитывая обстоятельства, озабоченность вполне оправданная.

– Ты рукам воли не давай, не лезь, куда не просят, вот живым и останешься. Я же вижу, как ты иногда на меня поглядываешь.

– Думаешь, меня так уж прельщает какая-то метиска?[15]

– Точно. На перевал тяжело поднимались?

– Да уж, прогулкой это не назовешь.

– Так почему бы не провернуть это все летом?

– Потому что летом ты будешь танцевать джигу на виселице в Аризоне… Ладно, скажи Лане, чтобы убиралась.

– Лана! – крикнула Джосс, перекрывая музыку. Пианистка остановилась и опустила голову. – Лана, дорогуша, отправляйся домой и больше не приходи. Мы сегодня закроемся пораньше. И не думай, что ты сделала что-то не так. Ты очень хорошо играла.

Хартман поднялась со скамеечки, прошла к вешалке, надела плащ с шерстяной подкладкой и натянула на голову капюшон.

– Лана! – окликнула ее Джосс. Пианистка остановилась у порога, спиной к бару и опустив голову. – Будь осторожна, ладно?

Молодая женщина вышла. Когда дверь за ней закрылась, Мэддокс достала нож и положила его на стойку. Они с Уолласом посмотрели на мирно посапывающего помощника шерифа.

– Ключ от твоей цепи… – начал Ооту.

– На большом железном кольце, на поясе у Эла, – подсказала барменша.

Ее сообщник еще раз приложился к бутылке, а потом вытер рот, взял со стойки нож и провел по его лезвию пальцем.

– Смотри не порежься, – предупредила Джослин. – Он у меня острый.

Ооту зашипел от боли и слизнул кровь с неглубокого пореза.

– Да уж! – буркнул он.

– Как ты это сделаешь?

– Суну меж ребер, потом проверну.

С этими словами Уоллас бесшумно прошел по половицам, остановился у пузатой печки, постоял немного, согревая пальцы, и шагнул к Элу, встав слева от него, чтобы нанести удар сверху вниз.

Затем он откинул полу медвежьей шкуры, обнажив ему грудь.

Глаза молодого человека под опущенными веками дрогнули. Интересно, подумал Ооту, какой сон ему не суждено досмотреть?

Он сжал рукоятку ножа.

Острие было в трех дюймах от сердца помощника шерифа, когда с улицы донеслись какие-то крики.

Уоллас бросил взгляд на Джосс.

– Что там такое? – шепотом спросил он и, положив нож на бар, прошел к двери и чуть-чуть приоткрыл ее.

День клонился к вечеру, небо расчистилось, и, хотя солнце уже нырнуло за стену каньона, его длинные лучи золотили далекие скалы на перевале, лежащем в двух милях от города и возвышающемся над ним на две тысячи футов.

Стивен Коул мчался по главной улице во весь опор, и клубы снежной пыли летели из-под копыт его коня. Мало того, проповедник еще и орал так, словно апокалипсис уже наступил и весь ад следовал за ним по пятам:

– Они идут! Они идут!

Глава 43

Глория обмакнула перо в чернильницу. Она сидела в кресле из гнутых ветвей осины и писала при свете свечной лампы, сделанной из старой, разрезанной пополам банки из-под тоуловского сиропа. Лампа свисала с балки над красивым дубовым столом, который подарил им Барт Пакер. Света едва хватало, чтобы писать, не напрягая глаза.

Закончив, миссис Кёртис подула на страницу и, оставив дневник открытым на столе, прошла в спальню. Им с Иезекилем повезло найти дом с дощатым полом, и в сентябре они потратили весь уик-энд на то, чтобы застелить половицы соломой и синей джинсовой тканью. Не ковер, конечно, но и не голая земля, можно ходить в носках и не бояться отморозить пальцы.

Бесси и Гарриет спали на железной кровати, и, глядя на обнявшихся под одеялом мать и дочь, Глория ощутила укол зависти. Она посмотрела на качалку в углу, у окна, на кроватку Гаса, собранную Иезекилем из упаковочных ящиков; одежда их погибшего сына все еще лежала на крохотном матрасе – джутовом мешке, набитом сосновыми ветками.

На переднем крыльце скрипнули ступеньки. «Зек», – подумала хозяйка дома. Кто-то постучал в дверь.

Глория торопливо прошла в гостиную и взяла с полки «Скофилд», который сама же и положила туда рядом со стопкой грошовых романов.

– Миссис Кёртис! Вы т-т-там? – послышался с улицы заикающийся голос, и женщина шагнула к двери. – Мне надо срочно с вами поговорить!

В голове Глории эхом отдались слова мужа: «Из дома не выходи. Никому не открывай. Коли появится Билли, Ооту или еще кто сомнительного вида – ты знаешь, что делать».

Дверь задрожала.

Хозяйка положила руку на задвижку.

– Что стряслось, мистер Маккейб? – спросила она.

– Я пришел за Бесси и Гарриет. Они еще там, у вас?

Из спальни выглянула Бесси – в сорочке из мешковины, с наброшенным на плечи одеялом.

– Нас нет, – одними губами прошептала она.

– Их здесь нет, мистер… – громко сказала миссис Кёртис.

– Что-то мне не верится, – возразил ей незваный гость. – Может, откроете дверь, а я з-з-загляну и сам п-п-посмотрю?

– Сейчас для этого не самое лучшее время, мистер Маккейб. Думаю, вы понимаете.

– Нет, миссис Кёртис, не понимаю. Я дам вам целых д-д-десять секунд, чтобы открыть дверь, а потом снесу ее с петель.

– Мы не вернемся с тобой домой, – сказала ему Бесси.

– А, так ты там, да? Д-д-давай-ка открывай дверь, и мы п-п-поговорим лицом к лицу, как и положено взрослым людям.

– Мы поговорим, – вступила в разговор Глория, – когда Иезекиль вернется домой.

– Боюсь, долгонько ждать придется! – фыркнул Маккейб.

Миссис Кёртис отодвинула запор и распахнула дверь. Дуло револьвера в ее руках едва не уткнулось в нос Билли.

– Потрудись-ка, черт возьми, объяснить, что ты имеешь в виду! – велела ему хозяйка дома.

Парень улыбнулся, показав свои обломанные зубы, но глаза отвел в сторону. Его конь топтался неподалеку в снегу. И хотя Билли надвинул поглубже свою ковбойскую шляпу, Глория заметила на его лице брызги крови, и ее сердце затрепетало.

– Может, опустите эту штуку? – попросил Билли. – Вы же никогда ни в кого не с-с-стреляли. И не выстрелите.

– Ты ничего обо мне не знаешь. Убери руку! Где мой муж? Он отправился к шахте, искать вас.

– И, как видно, не нашел, а?

– Ты сказал: «Долгонько ждать придется». Что это значит? Говори, недомерок! Или ты не мужчина и не отвечаешь за то, что сыплется у тебя изо рта?

– Делайте, как я с-с-сказал. Опустите револьвер.

Глория взвела курок. Глаза у Билли расширились.

– Что с тобой такое? Я не понимаю, – сказала Бесси. – У тебя с головой не в порядке. Это правда, что вы с Ооту убили людей в доме Пакера?

– Сейчас не время, Бесс. Сходи за Гарриет, забери ее и пойдем отсюда, – потребовал ее муж.

– Я уже сказала, Билли, что никуда с тобой не пойду.

Краска бросилась Маккейбу в лицо, и уголок его рта задергался. Он подался назад, словно собираясь уйти, но потом вдруг повернулся, выхватил револьвер из руки Глории и, словно мимоходом, ударил ее в лицо ореховой рукояткой.

Не удержавшись на ногах, миссис Кёртис осела на порог, оглушенная и растерянная, охнув от боли в разбитом носу. Она подняла голову – плачущая Бесси стояла у спальни, не пуская мужа к дочери.

– Уходи, Билли, – уговаривала она его. – Просто уходи. Пожалуйста. Я тебя боюсь и…

– У тебя волосы выпадают, потому что я не могу принести домой хорошую еду. Знаешь, каково это для мужчины? Мужчины рискуют и идут на жертвы, да? – наступал на нее Маккейб. – Ну так вот, я рискнул и пошел на жертвы, и теперь у нас есть все. Ты не поверишь. Помнишь, о чем мы мечтали? Помнишь, о чем говорили до того, как я отправился на запад? Ну вот, теперь это все у нас есть. Мы все получили за просто так. Надоело ложиться спать голодной? Надоело, что не можешь позволить себе даже кусок мыла? Надоело носить мешковину вместо одежды? Копить целый год, чтобы к-к-купить куклу для Гарриет? А хочешь новое платье? Теперь можешь купить хоть двадцать. Наша малышка на следующее Рождество будет целый день подарки открывать. Уедем в какое-нибудь теплое местечко, купим новый д-д-дом и будем вспоминать Абандон, как дурной сон. Если хочешь, можем даже вернуться в Теннесси. Твоей матери и братьям больше не придется жить в лачугах. Может, я даже позабочусь об Арнольде. Думаешь, они этого не заслуживают?

Глория, пошатываясь, поднялась на ноги. У нее кружилась голова, а по подбородку стекали и капали на белую сорочку кровь и слезы.

– А как же Ооту? – спросила Бесси. – Мне не нравится этот мошенник.

– Да плевать на Ооту! – воскликнул ее супруг. – Мы заберем свою долю, расстанемся с этим сукиным сыном в Силвертоне и двинем дальше сами – ты, я и Гарриет. И все будет прекрасно, если ты только сможешь как-нибудь забыть пару нехороших дней. Т-т-ты ведь сможешь, Бесс? Сможешь, и тогда все твое. Все, чего пожелаешь. Мы будем как сыр в масле кататься. У нас будет все что надо!

Миссис Кёртис бочком двинулась к кухне. В деревянном ящичке, там, где она хранила травы и настойки, на одной из застеленных газетами полок лежал нож.

– Папочка! – Гарриет проснулась, выбралась из постели и теперь стояла за спиной матери, вцепившись в ее ноги.

– Малышка… – повернулся к ней мужчина Глория уже добралась до кухни, когда под ногой у нее скрипнула половица, и Билли, обернувшись, вытащил свой здоровенный «Уокер».

– Вы окажете мне большую любезность, миссис Кёртис, если сядете у камина, – сказал он ей и снова повернулся к жене. – Ты считаешь меня каким-то чудовищем, но это не так. Просто я готов сделать для моей семьи больше, чем другие.

– Билли, ты говоришь, что делаешь это для нас, но посмотри на меня. Как назвать мужчину, который бьет свою… – попыталась объяснить ему миссис Маккейб.

– Я тебя пальцем больше не трону. Обещаю.

– Мне нужно знать, что ты натворил…

– Я все тебе расскажу. Все. Больше никаких секретов. Но сейчас, пока мы не выбрались из города, ты должна просто довериться мне. Я люблю вас с Гарриет. Вы – мои голубые фишки[16]. Я потому только все это и сделал. Ты мне доверишься?

Бесси оглянулась на Глорию.

– Не смотри на нее. Смотри мне в глаза, – потребовал ее муж. – Это твой перекресток. Чего *ты* хочешь?

– Хочу быть с тем парнем, в которого влюбилась в Теннесси.

– Ты на него и смотришь.

– Да?

– Точно. Вот уйдем, и все будет по-другому. Намного лучше.

– Хотелось бы верить, Билли.

– Бесси, – сказала Глория, – ты не видела, что твой муж сделал с…

– Помолчите! – Маккейб погладил жену по щеке, и жена шерифа увидела, как смягчился взгляд Бесси, как упала разделявшая этих молодых супругов стена.

– А теперь поскорее возвращайся домой, – продолжал Билли. – Собери продукты, сколько есть, возьми одежду – чтобы добраться до Силвертона.

– Мы прямо сейчас уходим? – спросила его жена.

– В этой дыре оставаться нельзя.

– Бесси! – снова вмешалась Глория. – *Что ты делаешь*?

Миссис Маккейб взяла за руку дочку.

– Извините, но он – мой муж, – сказала она хозяйке дома. – Я не могу по-другому.

Супруга шерифа повернулась к Билли.

– Где мой муж? – потребовала она ответа. – Где Зек?

Маккейбы к тому времени уже вышли на крыльцо.

– Иди, – сказал Билли жене. – Мне надо поговорить с миссис Кёртис с глазу на глаз.

– О чем? – удивилась Бесси.

– Ты доверяешь мне или нет? – Ее муж шагнул обратно в дом и закрыл за собой дверь.

Глория выпрямилась. Камин догорел, и лишь кое-где в нем мерцали оранжевые огоньки.

– Он мертв? Ты скажешь мне, что с ним, прежде чем убьешь меня? Это кровь Зека на твоих… О, Боже! – Только теперь женщина заметила их – сапоги, пошитые на заказ из воловьей шкуры. – Ты носишь его сапоги!

– Я не могу застрелить вас, миссис Кёртис. – Билли сунул револьвер за пояс и вынул из ножен под сюртуком ржавый буффало-скиннер[17].

– Пожалуйста, – выговорила хозяйка, когда он шагнул к ней.

– Выбирать не приходится. Не трепыхайтесь, и мы сделаем все быстро.

Передняя дверь распахнулась. Маккейб спрятал нож и оглянулся через плечо.

– По-моему, я ясно… – зашипел он на вошедшую Бесси.

– Там что-то происходит, – сказала она. – Оскар и Рэндал разъезжают по городу и кричат, чтобы все выходили.

– Зачем? – изумился ее муж.

Теперь и Глория услышала крики и увидела двух скачущих к ее дому всадников.

– Что-то насчет индейцев, – ответила миссис Маккейб. – Ну же, Билли, они ищут тебя! Хотят, чтобы ты отправился с другими мужчинами к перевалу, помог отбиться от них.

2009

Глава 44

Часы показывали 2:49, когда за завесой падающего снега проступил мрачный силуэт Изумрудного дома. Путники погасили фонари после того, как сошли с тропы, и пробиваться через долину в полной темноте оказалось делом нелегким. У края озера, в сотне ярдов от портика, они просто рухнули на снег.

– Лоренс, я умираю, – простонала Эбигейл.

– Знаю. Я тоже, – прохрипел в ответ ее отец.

– Я больше не могу. – Не считая стука сердца в ушах девушки, тишину нарушали лишь плеск набегающих на берег волн да далекий шум ветра над вершинами гор. – Думаю, было бы правильнее вернуться в лагерь и попытаться дозвониться по сотовому…

– Повторяю, в каньоне сигнала нет.

– Но, может быть, на перевале…

– Шутишь? В такую метель…

– Тогда давай просто убираться отсюда.

– До цивилизации двадцать семь миль, и ты только что сама сказала, что не можешь сделать ни шагу больше. До Силвертона в такую погоду мы доберемся в лучшем случае к утру четверга, да и то лишь при условии, что будем идти без остановок, не собьемся с пути и не сорвемся, спускаясь по обледенелому южному склону Пилы. Послушай, я притащил сюда Тозеров. Эммет мертв, но ответственность за Джун лежит на мне, и я не собираюсь оставлять ее в особняке со Стю.

Ну вот, вспомнил про ответственность… А если нас убьют?

– Что же ты хочешь делать? – спросила Эбигейл.

Профессор устало поднялся и протянул руку дочери.

– Я хочу, чтобы ты шла за мной и помалкивала.

*** * ***

Они подошли к Изумрудному дому со стороны западного крыла, и Лоренс помог Эбигейл подняться на подоконник того самого окна, бежать через которое они пытались несколько часов назад. Забравшись внутрь, журналистка увидела, что отец сам, несмотря на растяжение, вскарабкался на подоконник, и протянула руку, чтобы ему легче было спуститься в кухню.

Через застекленные двери они проскользнули в коридор – зияющую черную дыру, один вид которой заставил девушку на время забыть про боль в копчике.

– Ничего не вижу, – прошептал Кендал, – так что не торопись и постарайся ни обо что не споткнуться. Малейший шум – и все пропало.

– А пол здесь надежный? – спросила она с сомнением.

– Здесь все ненадежно.

Они двинулись дальше – со всей возможной осторожностью, проверяя половицы перед каждым шагом, чтобы не выдать себя предательским скрипом прогнившего дерева.

Темнота была кромешная, и идти пришлось вдоль стены, поскольку все прочие ориентиры отсутствовали, а включать фонари было слишком рискованно. Эбигейл шла за отцом, сохраняя дистанцию в несколько футов, и постоянно оглядывалась – ее не оставляло ощущение, что за ними кто-то крадется.

– Мне здесь не нравится, – прошептала она, когда Лоренс в очередной раз остановился. – Хочу выбраться отсюда прямо сейчас.

– Посмотри, – шепнул он в ответ и кивнул вперед. Футах в тридцати от них на мраморном полу фойе мелькнул мутный мазок света. – Это Джун.

С приближением к фонарю из темноты стали проступать очертания предметов. Вдова Эммета сидела на полу по другую сторону от лестницы, опустив голову, придавленная горем и привязанная спиной к упавшей с потолка балке.

Тело Эммета лежало неподалеку, у основания лестницы, нанизанное на толстую балясину. Эбигейл сразу же отвернулась, с усилием загоняя вглубь подступившую к горлу тошноту, и торопливо шагнула вперед. Задерживаться было опасно – безумие крылось в деталях.

– Где же Стю? – прошептал профессор.

Эбигейл пожала плечами и, осторожно расстегнув куртку, достала из внутреннего кармана кошелек, а из кошелька – монетку в десять центов. Потом она опустилась на колено и пустила эту монету по полу. Прокатившись с легким шуршанием, десятицентовик закончил свой путь в дюйме от правой ноги пленницы.

Джун подняла голову, и свет фонаря на мгновение ослепил Лоренса и Эбигейл.

– Скорее, – прошептала связанная женщина. – Он вот-вот вернется.

Глава 45

Они пробрались к Джун по заледенелому мраморному полу, и Кендал достал из кармана лыжных брюк нож Айзеи.

– Как ты, милая? – шепотом спросила Эбигейл, и ее слова разнеслись по фойе эхом, как молитва в огромном, высоком соборе. Фонарь едва светил, и лицо миссис Тозер оставалось в тени.

– Я сильно поранила левую ногу, – дрожащим голосом, сдерживая слезы, сказала она. Журналистка положила руку ей на плечо. Лоренс сел рядом и принялся резать веревку, которой Джун привязали к балке.

– Давно ушел Стю? – спросила Эбигейл.

– Минут десять назад, – ответила пленница.

– Следов возле особняка мы не заметили.

– Он в доме. Услышал какой-то шум на третьем этаже и отправился проверить.

– Что он услышал?

– Звук был такой, словно дерево треснуло. Громкий. А вы как? Что с вами случилось?

– Айзея и Джеррод мертвы. Оба. Они… – Эбигейл внезапно оборвала себя. – Послушай, эту историю я тебе потом расскажу. Скажи, те очки ночного видения и пистолет, Стю взял их с собой?

– Да.

Лоренс размотал веревку и отшвырнул ее в сторону.

– Можешь подняться и повернуться? Я освобожу тебе руки, – сказал он миссис Тозер. Нейлоновые шнурки не оказали сопротивления. – Думаю, было бы нелишним выключить фонарь.

После этого все трое какое-то время стояли в темноте тесной группой.

– Я все смотрю и смотрю на него, – негромко, дрожащим голосом заговорила Джун. – И все думаю, вот он встанет сейчас и подойдет ко мне. Или я проснусь в нашей квартире, потянусь к нему, почувствую в темноте его тепло… Но он ведь уже остыл, да? Как думаете, могу я подойти к нему? Посидеть с ним? Или это будет…

– Слышите? – перебила ее Эбигейл.

– Что? – насторожился ее отец.

– Слушайте, – повторила девушка. Из какой-то далекой части особняка донесся звук, похожий на приглушенный стук отбойного молотка. Фостер узнала его почти сразу. – Стю стреляет из пистолета.

– Ерунда какая-то, – возразил Лоренс. – Скотт в городе. Айзея и Джеррод мертвы и лежат где-то на перевале. В кого он может палить? Здесь же никого больше нет!

Стрельба прекратилась. Вверху, в одном из коридоров, послышались неторопливые, тяжелые шаги. Эбигейл посмотрела вверх – и остальные последовали ее примеру – но так и не увидела ничего в этом вакууме света. Шаги стихли, и журналистка схватила Джун за руку.

Все замерли.

Затаились, не смея даже дышать.

А потом что-то с шумом грохнулось на пол фойе, и женщины от неожиданности стиснули друг дружке руки.

Они стояли в оглушительной тишине, затаив дыхание, не шевелясь.

Наконец Кендал включил фонарь.

– Господи! – выдохнула миссис Тозер. Луч скользнул по растекающейся по полу луже крови и остановился… на Стю. Он лежал в неестественной позе, с разбитой головой, отвернув от них лицо.

– Думаете, упал случайно? – спросила Эбигейл. – Или спрыгнул? Помните, что про него говорил Айзея? Что он после войны не вполне в себе?

– Когда вы ушли, он выпил полбутылки водки, – сказала Джун.

Лоренс покачал головой.

– Посмотрите, пистолета нет, – сказал он, приглядевшись к трупу. – И очков ночного видения тоже.

– Может, он оставил их на третьем этаже? – предположила миссис Тозер.

Профессор направился к западному крылу.

– Подожди! – шепнула Эбигейл и догнала отца. – Ты что, серьезно собираешься подняться туда?

Глава 46

Поскольку центральная лестница в результате падения Эммета оказалась совершенно разрушенной, Лоренс и Эбигейл направились в кухню, чтобы воспользоваться лестницей западного крыла.

Поднявшись на третий этаж, они остановились в изрешеченном пулями коридоре, вызвавшем у журналистки ощущение, что она запуталась в каком-то повторяющемся кошмаре и раз за разом возвращается в один и тот же жуткий мир.

Лучи фонарей пробежали по дверям, по обшитым деревянными панелями стенам и по кучкам снега, скопившегося под дырами в потолке.

Кендал ступил в коридор и, сделав несколько шагов, остановился и прислушался.

Под ногами виднелись следы от пуль – здесь Айзея стрелял в них через потолок. Они обошли дыру, оставшуюся после почти смертельного падения Эбигейл, и добрались до руин центральной лестницы.

– Я ничего не слышу, – шепнула девушка.

– Я тоже. Посмотри. – Лоренс показал на раскатившиеся вдоль стены гильзы. – Во что он стрелял?

Лучи уже почти доставали до конца коридора восточного крыла, и время от времени в них проплывали падающие сверху снежинки – ярко-белые пятнышки в свете фонарей.

– Может, просто психанул? – предположил профессор. – Заправился водкой и сорвался, услышав что-то… В Изумрудном доме постоянно что-то смещается. Здесь полно всяких звуков. Или, может, забежал какой-то зверек… Койот, например.

– Так что, будем возвращаться? – спросила его дочь.

– Да, пожалуй… – согласился было с ней Лоренс, но вдруг осекся.

– Что? – одними губами спросила Эбигейл. – Ты меня пугаешь!

– Что-то вышло из комнаты в конце коридора.

Девушка схватила отца за руку.

– И куда направилось? – произнесла она неслышно, одними губами.

– По-моему, в сторону гостиной. Тень, не больше того. И перемещалась она очень быстро.

– Только давай ничего не предпринимать, ладно? Это же просто глупо! Как в фильмах ужасов, когда люди без всякой на то причины заходят в дома, где водятся привидения… Я хочу уйти.

– Здесь не так, Эбби. Идем. Надо посмотреть, что там.

– Нет.

– Тогда возвращайся в фойе, к Джун, и жди. Но я не уйду отсюда, пока не…

Эбигейл сжала руку отца.

– В этом доме я никуда одна не пойду, – решительно заявила она.

– Тогда тебе придется идти со мной.

Лоренс снова двинулся по коридору, а Эбигейл вцепилась в него, как маленькая девочка.

Разгромленная гостиная в конце коридора встретила их тишиной – лишь ветер негромко завывал снаружи низкими, диссонирующими голосами, как плохо спевшийся демонический хор. Залетавший в пустые окна снег лежал на книжных полках и даже в камине.

Эбигейл посветила на разбитую мебель. Под потолком звякнула люстра. Профессор уже поворачивался к двери, но девушка, прежде чем последовать за отцом, направила луч в дальний левый угол.

– Господи! – вырвалось у нее.

– *Что*? – откликнулся отец.

– Лоренс!

За изъеденным крысами диваном сидел – съежившись, подтянув к подбородку колени, раскачиваясь и трясясь от холода – мужчина.

– *Вы с ними*? – прошептал он.

Колени у Эбигейл подкосились, и она, совершенно парализованная страхом, мягко опустилась на пол еще до того, как увидела в его руке автоматический пистолет Стю.

1893

Глава 47

Молли Мэдсен сидела у эркерного окна с кусочком шоколадного торта из рождественской корзинки Кёртисов, глядя вниз, на необычайно оживленную Мейн-стрит. Такого скопления людей в одном месте она давно уже не видела – целые семьи тянулись на север по глубокому снегу. Многие застегивали на ходу дождевики и пальто и натягивали рукавицы, и на всех лицах лежало одно и то же выражение: смятение и испуг.

Внимание Мэдсен отвлекли шаги в коридоре, за которыми последовал осторожный стук в дверь. Она поднялась с дивана, прошла босиком через комнату и открыла дверь. В коридоре, закутавшись в белую шерстяную накидку, стояла молодая блондинка.

– Чем могу помочь? – спросила ее Молли.

*** * ***

Лана заметила, что под тонкой простыней, которую хозяйка номера набросила на плечи как шаль, на ней ничего нет.

Не раз и не два, бросая взгляд через улицу, Хартман видела эту женщину у эркерного окна дома напротив и находила ее красивой. Но вблизи Молли Мэдсен выглядела изнуренной, а ее расширенные зрачки выдавали злоупотребление лауданумом. Кожа ее, не знающая солнца все пять лет добровольного заключения в комнате № 6, приобрела тот серый оттенок, что бывает у мертвого зуба; черные как смоль волосы спадали до талии, но поредели на макушке, где под ними просвечивал череп, и украсились серебряными нитями. Между волосиками на руках ползали вши.

Воняло в комнате хуже, чем в бараке, – порчеными продуктами, апельсинами и несвежим, выдохшимся парфюмом.

– Вы – пианистка, – сказала Молли и улыбнулась. Лана заметила, что губы ее испачканы шоколадной глазурью, а между гнилыми зубами застрял кусочек торта. – Нам с Джеком нравится сидеть у окна и слушать вас. Музыка так увлекает… Я всегда хорошо под нее засыпаю. Вы ведь сегодня играли Бетховена?

Лана сунула руку под накидку и достала карандаш. Глядя на светло-коричневую дверную раму, она пыталась вызвать слова, долгое время жившие только в безопасном мире ее мыслей. Жанщина уже не помнила, когда в последний раз писала что-нибудь, но вспомнить буквы оказалось легче, чем набраться храбрости и воспроизвести их после трех лет молчания и отсутствия непосредственного общения с другими людьми – с той рождественской ночи в Санта-Фе.

– Вы не можете говорить? – спросила Мэдсен.

Лана подняла голову и усилием воли заставила себя ответить на взгляд взглядом. Не снимая перчатки, она поднесла кончик карандаша к дереву и заметила, что ее пальцы дрожат.

Прочитав короткое сообщение на дверной раме, Молли сказала:

– Правильно – Энглер. *Миссис* Джек Энглер. Почему я должна пойти с вами?

Пианистка написала ответ. Общение с другим человеком, даже вот такое, было для нее чем-то непривычным, странным. Слишком долго ее голосом было пианино.

«*Происходит что-то ужасное*», – нацарапала она.

– Но… я не могу уйти, – сказала, прочитав это, Мэдсен. – Джек должен вот-вот приехать, и что ему делать, если он меня не застанет? Нет, мне нужно быть здесь и встретить его. Понимаете?

По коридору пронесся сквозняк. Импровизированная шаль Молли колыхнулась и распахнулась, и Лана заметила, что ее соски отвердели от холода.

«*Оставьте записку*», – написала она.

– А если он ее не найдет? – возразила Мэдсен. – Джек очень расстроится, если меня не будет. Он такой заботливый… Нет, думаю, я подожду его здесь, в номере. Но спасибо за приглашение. Мы пойдем вместе, когда он вернется. И где будет этот бал?

Пианистка покачала головой, и глаза ее наполнились слезами.

– Знаете, у меня для такого случая есть замечательное платье. Розовое, вечернее, – сказала хозяйка комнаты. – В Сан-Франциско Джек в первый раз увидел меня именно в нем. Увидел и сразу решил, что он должен меня получить… Не желаете взглянуть на фотографию моего супруга? Уверена, красивее мужчины вы еще не видели…

Лана попыталась схватить ее за руку и вытащить в коридор, но Молли отступила за порог и захлопнула дверь.

Глава 48

В вестибюле пустующей гостиницы Хартман надела снегоступы и вышла на улицу. Вечернее небо было ржаво-красного цвета: от стен каньона отражались лучи заходящего солнца.

По городу разносились крики.

Добравшись до середины улицы, где в снегу уже протоптали широкую дорожку, Лана пристроилась за одним семейством из четырех человек и зашагала за ними по Мейн-стрит. Дети жаловались, что им холодно, и просили вернуться домой, где остались недоеденный ужин и рождественские игрушки.

Пианистка огляделась. Со всех сторон, из боковых улочек к Мейну стекались покинувшие свои дома люди. «*Индейцы?*» – услышала она чей-то крик.

Они прошли мимо почерневших остовов домов на северной окраине города, сгоревших год назад во время осеннего пожара. Шедшая впереди семья остановилась. Отец наклонился и взял детей на руки.

– Пап, ты почему плачешь? – пискнул один из малышей.

– Я не плачу. – Мужчина вытер глаза. – Мне нужно оставить вас ненадолго.

– А куда ты пойдешь? – заинтересовался ребенок.

– Мы – я и другие папы – поедем к перевалу и постараемся сделать так, чтобы с городом и всеми детьми и мамами не случилось ничего плохого. А вы слушайтесь маму.

– Да, папа.

– Да, папа, – отозвались детские голоса.

Глава семьи выпрямился, обнял жену, и Лана, проходя мимо, услышала, как та сказала:

– Мне страшно, Джон.

– Не бойся, милая. Просто молись.

Пешеходная тропа ответвлялась от Мейн-стрит и поднималась вверх. Проходя мимо домиков на поросшем елями склоне, Хартман увидела двух всадников-итальянцев, переезжающих от двери к двери и криками отрывающих семьи от праздничного стола и направляющих всех людей в церковь.

Стоящий на некотором удалении, храм был одним из первых построенных в Абандоне зданий. Пребывавший десять лет в небрежении по причине скудости средств, он нуждался в побелке, а его окна с северной стороны оставались заколоченными со времени снежной бури, разыгравшейся здесь зимой 1890 года.

На ступеньках уже собиралась толпа. Лана посмотрела на черный деревянный крест на фоне медного неба. Крест покачнулся, и в голове у нее промелькнула странная и страшная мысль, что миру приходит конец.

Лязгнул железный колокол. Он звенел все быстрее и быстрее, и Хартман, подняв глаза, увидела Стивена Коула. Проповедник дергал за веревку, но не спокойно и размеренно, как бывало при объявлении свадьбы или призыве к воскресной службе, а со зловещей настойчивостью и так сильно, что от его рывков сотрясалась колокольня и кренился сам крест.

2009

Глава 49

Айзея сунул руку в парку, достал зажигалку и пачку сигарет «Кул».

– Курить будешь? – спросил он своего сообщника.

– Эту ментоловую гадость? – огрызнулся Спайсер.

– Конечно.

– Какого черта… а, давай.

Айзея сунул в рот две сигареты, прикурил обе и протянул одну Джерроду.

– Та еще дрянь, – согласился он, затянувшись.

Они сидели на четырехфутовом выступе, на середине обледенелой стены.

– У тебя аптечка в рюкзаке? – напряженным голосом, силясь сдержать боль, спросил Спайсер.

– Нет. Осталась в сумке, которая в особняке.

– Черт…

– Сильно болит, да?

– Хуже некуда. Сейчас бы укол морфина…

– Выглядит плохо.

– Я не смотрел.

– Нет? Там видна кость…

– Заткнись. Слышать ничего не хочу.

Снег шел такой густой, что Айзее пришлось прикрыть ладонью сигарету, чтобы она оставалась сухой. Джеррод сердито затянулся и прислонился спиной к стене, в которую врезался, когда падал с горы. Теперь он сидел, вытянув ноги, – правая вывернулась почти на девяносто градусов, и при беглом взгляде могло показаться, что у него две левые ноги.

– Думаешь, Лоренс лжет? – спросил Спайсер.

– Поначалу – да, думал, а теперь вот не так уверен. Похоже, он злится не меньше нашего.

– Значит, никакого золота нет?

– Пусто.

– Черт, больно!.. Поговори со мной. Мне надо отвлечься. Что бы ты сделал, если б мы все-таки нашли его? Как бы вывез из этих треклятых гор?

– Предположим, его здесь оказалось бы на двадцать четыре миллиона, да? Это по восемь на брата, – начал рассуждать Айзея. – Ну, начать с того, что у меня долгов на двести тысяч. Расплатился бы, потом отложил детишкам на обучение и устроил так, чтобы нам с Шари не пришлось больше работать. После всего этого у меня осталось бы, положим, еще миллиона четыре. Мы собирались построить себе симпатичный домик. В каком-нибудь шикарном пригороде Атланты, где живут только черные. У нас даже проект есть. Домашний кинозал. Гимнастический зал. Большая спальня. Джакузи, баскетбольная площадка, громадный гриль во дворе… В общем, такое место, куда детям, когда они вырастут и разлетятся, хотелось бы возвращаться. На Рождество или День благодарения. Мы с Шари, трое наших ребятишек, да сотня малышни носится… Вот чего мне хотелось бы.

– А Шари знает, что ты здесь делаешь?

– Мы с Шари, друг, всегда заодно. Ну а ты как? Уже придумал, на что свою долю потратишь?

Джеррод отбросил сигарету и застонал.

– Ну-ну, друг, не молчи – говори! – подбодрил его подельник. – Отгоняй боль. Ты и похуже кое-что видел.

– Нет, вообще-то так хреново еще не было. – Спайсер закрыл глаза и сунул руки под мышки, его сильно трясло. – Мне даже восемь миллионов не нужны.

– Остался бы в Колорадо?

– Нет, рванул бы на Аляску. Последний фронтир, да? Нашел бы местечко в какой-нибудь глуши. Такое, чтоб даже дороги не было.

– Да ты прям-таки Дэниел Бун[18], а?

– Где-нибудь в Чигмитских горах или на Алеутском хребте, – продолжил Джеррод, не обращая внимания на насмешку Айзеи. – Поставил бы дом на большом озере. Всегда хотел получить лицензию пилота. Купил бы гидросамолет и вылезал бы оттуда только за припасами. Жил бы себе, рыбу ловил да охотился. Забыл все то дерьмо…

– Понял.

– И никто бы меня больше не увидел. – Спайсер скрипнул зубами. – Черт, как холодно!

– Думаешь, Стю, получив свою долю, смог бы собраться?

– Думаю, он, скорее, упился бы до смерти, разве что бухло было бы получше… Черт, легче не становится, только хуже!

Айзея отшвырнул сигарету, поднялся и глянул вниз, в бездонную тьму, где кружил снег.

– Что там? – спросил Джеррод.

– Крутой обрыв. А далеко ли дно, сказать трудно – не видать.

– Да уж, положеньице…

– Верно, брат.

– Ты сам-то не сильно побился? Ничего не болит?

– Только голова. Да самолюбие прищемил.

– Придумал, как вытащить меня отсюда?

Айзея сел, положил руку приятелю на плечо и покачал головой.

Спайсер кивнул.

– Боялся, что ты так и скажешь.

– Просто не представляю, как нам из этого выпутаться.

– Извини. Я сам облажался с этим прыжком. – Джеррод вытер глаза.

– Тебе извиняться не за что. – Голос у Айзеи дрогнул. – Всякое бывает.

– Послушай, – посмотрел на него Джеррод. – Раз уж так получилось, то сидеть здесь в одиночку да ждать, пока не замерзну до смерти, я не могу. Не с этой болью. Понимаешь, к чему веду?

– Понимаю.

– Другого выхода нет? Уверен?

– Я его не вижу. – Айзея стиснул зубы и опустил голову; к глазам у него подступили слезы.

– Я тоже. Давай тогда закончим с этим дерьмом, а? – предложил Спайсер.

Его напарник достал пистолет и передернул затвор. Слезы застилали ему глаза. Он подождал, пока в глазах прояснится, – здесь все нужно было сделать чисто.

– Помолиться хочешь или что-то еще?

– Даже не знаю, что, на хрен, сказать. В жизни не молился. Бог, если Он там есть, не дурак, так что не хотелось бы никого обижать, тем более сейчас.

– Хочешь, чтобы я о чем-нибудь позаботился, когда выберусь отсюда? Может, повидать кого надо, известить, передать что-то или…

– Типа?

– Ну, я не знаю. Может, твоих родителей. – Айзея улыбнулся. – Твой гарем шлюх.

– Нет. Никто и не заметит.

– Ну что, готов?

Джеррод глубоко вдохнул и огляделся. Видно с его места было немного – скала, снег, тьма, холодный выступ, где ему суждено умереть…

– Готов, – ответил он.

– Люблю тебя, брат. Никогда никому такого не говорил…

– Я тебя тоже, брат. Я тебя тоже. Семья, да?

– Да.

– Уф, это ожидание меня убивает, так что…

Спайсер отвернулся. Остановив взгляд на мыске своего ботинка, он подумал, как красиво падает снег. Что за чудная мысль в самом конце?

Айзея поднял пистолет и, держа его в нескольких дюймах от головы Джеррода, направил дуло ему в затылок. Вдохнул. Красная точка замерла на одном месте.

Спайсер завалился на снег.

Его подельник вытряхнул из пачки еще одну сигарету. Посидел, покуривая, слушая ветер, глядя, как снег падает на камень, на Джеррода… Снежинки еще таяли на теплом лице его друга.

Потом Айзея наконец поднялся. Некоторое время он стоял, чувствуя, что чего-то не сделал. В рюкзаке у него лежал блокнот. Мужчина достал его, нашел карандаш и снова сел, повернувшись спиной к падающему снегу и склонившись над блокнотом. Написав четыре слова, он вырвал листок, сложил его и сунул в карман парки Джеррода.

Собрав вещи, Айзея прошел футов тридцать по выступу, пока тот не сошел на нет. Начав медленный и опасный спуск в каньон, он думал о том, что написал о своем друге, сожалея, что не написал больше, и мысленно повторяя короткую эпитафию Джерроду.

Этот человек был солдатом.

Этот человек был солдатом.

Глава 50

Человек за диваном поднялся, держа в дрожащей руке пистолет.

Вспышка.

В первый момент Эбигейл подумала, что он выстрелил – блеснул свет, и стены гостиной осветились, после чего снова наступила темнота. По каньону прокатился глухой раскат грома. Качнулась люстра, и под ногами у девушки дрогнули подгнившие половицы.

Она медленно выпрямилась, разведя руки и показывая, что у нее нет оружия. Когда молния ударила снова, Фостер успела заметить кровь на лице незнакомца и черные тени у него под глазами.

– *Вы с ними*? – снова прошептал он.

– С кем? – спросила Эбигейл.

– С теми, в масках. Их было… Назад! – крикнул мужчина, направляя пистолет на ее отца.

– Вы ведь видите мои руки? – сказал Лоренс. – Видите, так? Поверьте, мы для вас не угроза! Фактически мы, вероятно, в таком же положении и…

– Это я буду решать. – Незнакомец снова повернулся к журналистке. – Что вы здесь делаете?

– Мы пришли в Абандон сегодня, во второй половине дня, – быстро принялась объяснять девушка. – Группа в шесть человек. Внизу, в фойе, сидит третий из оставшихся. Вечером, когда мы отправились исследовать город, нас захватили люди в масках. Они убили нашего проводника и еще одного человека по фамилии Эммет.

– Назовите имена тех, кто на вас напал, – потребовал мужчина.

Эбигейл ненадолго задумалась – ей пришлось напрячь память.

– Айзея. Стю. И Джеррод, – перечислила она. – Джеррод был одним из наших проводников и пришел сюда с нами. Но теперь они мертвы.

– Все?

– Да.

– Как умерли двое других?

– Айзея и Джеррод сорвались со скалы на перевале пару часов назад.

– Что вы делали там в такую непогоду?

Если Фостер и задержалась с ответом, то не более чем на секунду-другую.

– Искали золотые слитки, – сказала она, а потом спросила: – Вы убили Стю?

Незнакомец медленно кивнул.

– Что случилось? – задала девушка новый вопрос. – У вас на лице…

– Что, так плохо? – удивился ее собеседник.

– Да.

– Вы и сами неважно выглядите.

Наконец мужчина опустил пистолет, после чего вышел из-за дивана и встал в луч света. Он был высоким и очень худым, но глаза его, несмотря на синяки, оказались мягкими, добрыми, и Фостер инстинктивно поверила им. Его серебристый с черным пуховик был разорван посередине – похоже, разрезан ножом. Жесткие каштановые волосы слиплись от пота.

– Меня зовут Куинн, – представился незнакомец.

– А я – Эбигейл, – ответила девушка. Из-за синяков определить возраст стоящего перед нею человека было нелегко, но она дала бы ему лет сорок.

Ее отец шагнул вперед.

– Лоренс.

– Лоренс *Кендал*? – уточнил Куинн.

– Мы встречались? – удивился профессор.

Их товарищ по несчастью улыбнулся.

– Нет, но я восхищаюсь вашей работой.

– О чем вы говорите?

– Последние семь лет я работаю на историческом отделении Аризонского университета. Город-призрак – моя давняя страсть.

– Думал, я один такой… Как ваша фамилия?

– Коллинс.

– Нет, не слышал.

– Я публиковался только по своей теме – «Колониальная Америка и война за независимость». Абандон для меня – это, наверное, что-то вроде хобби.

– Последняя большая загадка Запада.

– Точно. Но постоянную должность я получил только в этом году, так что надеюсь собрать средства и взяться за серьезное исследование. Может, даже получу грант и смогу приехать сюда на лето…

– Вам повезло, что вы добились разрешения, – заметил Кендал.

– Ага, как же… Я просто послал подальше Службу охраны лесов. Я приезжаю сюда из Аризоны каждый год. Провожу какое-то время в этом каньоне, заодно немного охочусь. Но встретиться с вами – настоящая удача. – Куинн протянул профессору руку. – Я прочитал все, что вы написали об Абандоне.

Глава 51

Они нашли миссис Тозер возле лестницы. Женщина стояла у тела мужа, положив одну руку на пронзившую Эммета балясину и поглаживая другой его бритую голову.

– Это мы, Джун, – сказала Эбигейл.

Несчастная взглянула на них без всякого выражения, словно впала в ступор.

– Кто это с вами? – спросила она без всякого интереса.

– Куинн. Его задержали здесь Стю и Айзея, – рассказала девушка.

Увидев Эммета, Коллинс замер и машинально поднес руку к губам.

– О, Господи! – охнул он. – Джун, да? Мне так жаль… Если я могу что-то сделать…

– Нет, ничего. Мне просто надо побыть с ним наедине, – отозвалась женщина.

Эбигейл тронула ее за локоть.

– Может, тебе стоит…

– Нет! – крикнула миссис Тозер. – Уходите!

Они оставили Джун рядом с мужем и устроились неподалеку, на каскадной лестнице, у больших дубовых дверей.

Эбигейл достала из рюкзака Лоренса три бутылки с водой и покатила две по полу Куинну.

– Спасибо. – Мужчина отвернул пробку и одним долгим, жадным глотком высосал все двенадцать унций. Потом откинулся на ступеньки и осторожно, словно читая что-то, написанное азбукой Брайля, прошелся пальцами по своему лицу, пытаясь представить, как оно теперь выглядит.

– Это Айзея сделал? – спросила Эбигейл.

– У этого парня явно склонность к насилию.

– Так что все-таки с вами случилось?

Куинн открыл вторую бутылку и сделал еще один долгий глоток.

– Я пришел в Абандон в прошлую среду, утром, – сказал он. – Вечером, уже поздно, проснулся от звука шагов возле палатки. Испугался, признаться, сильно. Спросил, кто там. Не ответили. Уснуть я, конечно, уже не мог, поэтому расстегнул «молнию» и вылез наружу. Они уже стояли там – двое в масках и с оружием.

Он поежился, как будто рассказ разбудил уснувшие в его душе страхи.

– Айзея и Стю отвели меня в особняк. Требовали, чтобы показал им, где «оно». Я ответил, что понятия не имею, о чем они говорят. Они сказали, что я лгу. Потом избили. Связали и оставили в комнате на третьем этаже. Несколько раз возвращались, интересовались, не хочу ли я что-нибудь сообщить им, или предпочитаю получить еще. Я говорил одно и то же: не понимаю, о чем речь. Сегодня вечером они снова меня обработали. Потом завязали мне глаза и залепили рот лентой. Через несколько часов я услышал какой-то шум этажом ниже и голоса, которых не слышал раньше. Наверное, это были вы. Примерно час назад мне удалось перетереть веревку на руках о ножку стула…

– Это тогда вас услышал Стю? – спросила Эбигейл.

– Да. Я пробрался вниз, увидел, что Джун охраняет только один из них, и понял, что у меня есть шанс. Стю поднялся наверх, но он был пьян, и мне удалось с ним справиться.

Куинн отпил еще воды. Ветер снаружи завыл как-то странно и пугающе, словно призраки завели протяжную, без слов, песню.

– А зачем вы вообще пришли в Абандон? – поинтересовался Лоренс.

Коллинс улыбнулся.

– А вы зачем?

Между мужчинами явно возникло что-то, понятное только им, и Эбигейл почувствовала это.

– Я планировал провести для Джун и ее мужа экскурсию по городу-призраку. Они паранормальные фотографы, – сказал ее отец.

– И это всё?

Теперь девушка поняла, что это было: недоверие. Два историка оценивали друг друга, и каждый старался определить, что известно другому, о чем можно рассказать и что лучше придержать.

– Так все-таки, что вы искали на перевале? – спросил Коллинс. – По-моему, Эбигейл сказала что-то насчет…

– Ладно, может, хватит ерундой заниматься? – предложил Кендал. – Каждый, кто более или менее занимался Абандоном, знает про золотой запас Пакера, который так и не нашли.

– И вы его ищете?

Секунду-другую все молчали, потом Лоренс сказал:

– Да. А вы?

Куинн кивнул.

– Вы ведь честный человек, Лоренс?

– Ну, это по обстоятельствам…

– А если я скажу, что у меня в куртке есть кое-что, что может нам помочь?

– Меня бы это заинтересовало.

– Заинтересовало настолько, что вы раскрыли бы карты?

– На условии взаимности.

Коллинс опустил руку в карман и протянул Лоренсу ржавый ключ на нейлоновом шнурке.

– Где вы его взяли? – удивился Кендал.

– Открываем карты? – напомнил ему новый знакомый.

– Да.

– Я взял его у одного старика на смертном одре.

– И что он открывает? – спросила Эбигейл.

– Поиском ответа на этот вопрос я занимаюсь последние десять лет, – усмехнулся Куинн. – И знаю, что он не открывает ничего ни в этом особняке, ни в городе, ни на шахте.

Лоренс прохромал к главному входу в Изумрудный дом, распахнул двери и остановился, глядя на падающий снег.

– Всё в порядке? – окликнула его дочь.

Через секунду он вернулся, посмотрел на них, и Эбигейл мгновенно, стоило ему открыть рот, услышала перемену в его голосе:

– Снега выпало на пару футов. Знаю, уже поздно и мы все устали, но если снегопад не прекратится, мы уже ничего не найдем из-за лавины. Придется все отложить до следующего лета, когда сойдет снег. Да и находиться в Изумрудном доме небезопасно – крыша может не выдержать.

– Не понимаю. – Куинн поднялся со ступеньки. – Вы к чему ведете?

– Возможно, я знаю, что открывает ваш ключ.

1893

Глава 52

В обстоятельствах более спокойных Глория, наверное, обратила бы внимание на небо – облака окрасились тысячью оттенков оранжевого и напоминали внутренности перезревшего персика, а с некоторых из них все еще сыпались розовые хлопья снега.

Но ничего этого она не видела – глаза застилали слезы.

Кто-то окликнул ее по имени.

Миссис Кёртис остановилась, повернулась и посмотрела на стоящую далеко внизу часовню. Металлический звон колокола эхом разносился по каньону.

Последние жители Абандона тащились вверх по протоптанной в снегу дорожке. Ближе всех оказалась Эмма Илг – в черной мантилье поверх фиолетового вечернего платья, подол которого уже успел заледенеть. Остановившись в шаге от Глории, Эмма согнулась, пытаясь перевести дыхание, а потом подняла голову.

– Ты не видела Расса? – спросила она. – Что случилось?

Жена шерифа покачала головой, и слезы снова потекли по ее щекам.

– Билли Маккейб и Ооту Уоллас… – простонала она. – Знаешь их?

– Знаю. А что?

Глория уже не могла больше сдерживаться.

– Думаю… они убили наших мужей.

Раскрасневшееся лицо жены доктора моментально напряглось и застыло.

– Нет. И не говори мне такое! Расс и Иезекиль уехали вперед. Они ищут нас.

– Послушай, Эмма…

– Я не стану тебя слушать.

– Прошлой ночью Билли и Ооту убили мистера Пакера и забрали его золото. Вот почему наши мужья отправились на перевал. Но прошло уже четыре часа, а Зек так и не вернулся.

– Откуда ты знаешь, что они…

– Билли сам заявился в наш дом и едва не убил меня.

– Ты видела их мертвыми?

– Нет.

– Значит, они живы. Мой муж где-то там.

– Пожалуйста, Эмма…

– Ни слова больше! – Миссис Илг решительно зашагала вверх по тропе, попутно толкнув Глорию в снег.

Где-то на горе вскрикнула женщина.

*** * ***

– Эл, мать твою, убери от меня свои грязные лапы! – потребовала Джосс.

– Эй, потише, тут дети рядом! – огрызнулся помощник шерифа. – Прикуси язык и…

– Не указывай мне. Ты слишком сильно затянул эти железки у меня на запястьях. От них руки немеют. И мне нужна таблетка для мозгов.

– Вот доберемся до места, сверну и дам затянуться. Успокойся, не буянь.

Мэддокс посмотрела вперед, в конец каньона. Метель улеглась, и ей открылся наконец поднимавшийся к Пиле крутой белый склон в двух милях к югу. Она прищурилась, стараясь пройти взглядом по растянувшимся зигзагом черным пятнышкам, похожим на ленточку муравьев-солдат, и подумала, что лучше бы сделала все одна – рискнула бы там, в Абандоне, чем путаться с кучкой этих жалких паломников.

Ближе к скале тропа, утоптанная и разглаженная сотней снегоступов, превратилась в обледенелую лестницу.

– И как, по-твоему, я буду подниматься без рук? – снова повернулась барменша к своему конвоиру.

– Потащу тебя за ворот, – ответил тот. – Я ведь тебе помогаю, так?

Джослин специально споткнулась, и Элу пришлось схватить подопечную под локти, чтобы удержать ее и не дать ей скатиться с горы.

– Мы уже почти на месте, – сказал он. – Ты же в состоянии сделать еще десяток шагов?

Поднимаясь на ноги, Джосс коснулась пальцами рукоятки ножа, засунутого за пояс ее холщовых штанов. «*С каким удовольствием я воткну в тебя эту штуку, ты, сосун хренов!*»

Ниже, футах в пятидесяти от них, вскрикнула женщина.

*** * ***

– Где папа?

– Отправился на перевал с мистером Уолласом, милая.

– Зачем?

– Не волнуйся.

Бесси поднималась по склону впереди дочери, и ее мысли разбегались в разные стороны. Золото. Убийства. Индейцы на перевале. Они задержались в городе, потому что Билли приказал пойти сначала домой и приготовиться к поездке в Силвертон, а уже потом подняться в часовню. Но теперь она была с ним и, что бы там ни случилось, чувствовала, что так и должно быть. В конце концов он – ее муж. И Господь велел ей подчиняться ему.

Подъем стал круче, и впереди миссис Маккейб ожидали обледенелые ступеньки, подходившие к самой вершине куэсты.

– Все хорошо, малышка. Здесь я возьму тебя за руку. – Бесси повернулась и обмерла, не увидев своего ребенка. – Гарриет! Гарриет!

Склон поднимался настолько высоко над городом, что оттуда еще была видна полоска солнца, повисшего над дальним краем каньона.

– Что-то случилось, мэм? – спросил англичанин, поднимавшийся следом за ней с женой и двумя дочерьми.

– Вы видели мою дочь? – метнулась к нему молодая женщина. – Ей шесть лет. С черными кудряшками. Она только что была здесь, рядом… секунду назад.

– Нет, я точно не видел…

– О, Господи! Извините. – Бесси попыталась протиснуться, спуститься ниже, но англичанин вытянул руку и остановил ее.

– Мэм, вам нужно идти вверх. Мы все в ужасном…

– Я потеряла дочь!

– Ее кто-нибудь найдет и приведет с собой.

– Сэр, пожалуйста, дайте мне пройти!

– Вы только задерживаете людей.

– Гарриет! Гарриет!!!

Бесси снова попыталась обойти этого настойчивого мужчину, но тот подхватил ее на руки, закинул себе на плечо и пошел дальше. Миссис Маккейб кричала и махала руками, а он успокаивал ее:

– Сейчас нам всем нужно добраться до безопасного места. Если вашей девочки там нет, я сам пойду и найду ее. Обещаю.

Но Бесси не слушала и продолжала кричать. И пока гора не поглотила ее, эти крики заглушали даже звон колокола.

2009

Глава 53

– Я должна была остаться с Эмметом! – причитала Джун. – Теперь он здесь совсем один!

Эбигейл шла рядом, обнимая и поддерживая ее и стараясь не отставать от мужчин.

– Понимаю, но разделяться нам нельзя. А если снегопад не прекратится, крыша Изумрудного дома может запросто обрушиться.

Они уже спустились по крутым, извилистым тропинкам на дно каньона, и теперь Лоренс и Куинн прокладывали путь через сугробы, ведя разговоры на общие для двух ученых темы.

Копчик продолжал болеть, но Эбигейл обрела второе дыхание после того, как они прошли мимо своих занесенных снегом палаток и прижавшихся друг к другу лам. Около четырех утра четверка вошла в город-призрак. Лучи фонарей прыгали между темными, сдавленными сугробами домами; некоторые из которых буквально шатались под ветром и могли рухнуть в любую минуту.

До журналистки долетели слова ее отца: «…соблазнительно, но для меня самое важное сейчас вывести отсюда Джун и мою дочь».

Они подходили к северной окраине Абандона, и Эбигейл, прибавив шагу, вклинилась между мужчинами и обратилась к Кендалу:

– Так куда все-таки ты нас ведешь?

– Теперь уже недалеко, – заверил ее тот. – И ты все узнаешь.

На выходе из города Лоренс повернул и повел группу по восточной стороне каньона. Ярдов через сто в свете фонаря из-под снега проступили развалины церкви с железным колоколом и кренящимся под ветром крестом.

Снега здесь навалило почти по колено, а подъем сделался круче, так что поднимались все четверо едва ли не на четвереньках. Фостер совершенно выбилась из сил, но когда девушке показалось, что она не сможет сделать больше ни шагу, отец обернулся и втащил их с Джун на широкий выступ.

Стена каньона поднималась оттуда вертикально вверх и исчезала в темноте. Эбигейл уже открыла рот, чтобы спросить, куда же можно идти дальше, но огляделась и увидела за спиной Куинна вход в шахтный ствол – высотой около семи футов и достаточно широкий, чтобы по нему могли пройти бок о бок несколько человек.

– Как могло получиться, что я этого не видел? – недоумевал Коллинс.

Лоренс указал на окружающие скальные выступы.

– Из-за них тень от туннеля со дна каньона не видна. Сам я наткнулся на него в прошлом году по чистой случайности. Просто повезло.

Затем он повернулся и вошел в шахту.

– А здесь теплее, – заметил Куинн.

– В большинстве шахт в окрестностях Абандона температура круглый год держится на уровне тридцати семи градусов по Фаренгейту. Летом здесь приятная прохлада, – рассказал Кендал.

Эбигейл и Джун последовали за мужчинами.

Ветер стих.

– Как твоя лодыжка? – спросила журналистка у отца. – Болит?

– Не важно! – махнул тот рукой. – Я сейчас на адреналине держусь.

С потолка на капюшон парки девушки упала холодная капля. В воздухе стоял запах сырости.

– Так что это за место? – спросила Фостер.

– Здесь его называли шу-флай[19]. – Голос Лоренса отскочил эхом от каменных стен и унесся, затихая, в глубь горы. – Всего лишь вход в шахту.

Эбигейл посветила вперед, туда, где туннель, похоже, сужался, и футах в тридцати увидела, что лучи всех фонарей сошлись в одном месте – на маленькой железной двери.

1893

Глава 54

Свечные фонари стояли на мокром каменном полу через каждые двадцать футов, как будто кто-то готовился здесь к подземной вечеринке. Туннель уходил в глубь горы с небольшим уклоном вниз, и Глория поспешила вперед, вслед за убегающим в темноту эхом голосов.

Штольня постепенно сужалась. Мужчина, стоявший у встроенной в камень небольшой железной двери – миссис Кёртис узнала в нем работавшего на прииске пробирного мастера[20], – протянул ей руку и помог пройти.

– Идите прямо, мэм, вместе с остальными, и будьте внимательны, смотрите под ноги – пол здесь неровный, – предупредил он ее.

Фонари и свечи бросали свет на каменные стены. Глория вошла в главную выработку, и ей показалось, что весь Абандон обрушился на нее разноголосым хором – плачем, криками, паническими воплями… Ревели испуганные дети, матери и отцы старались успокоить их, но многие и сами уже не могли сдержать слез. Несколько мужчин раздавали команды, пытаясь справиться с хаосом. Собравшиеся кучками шахтеры, храбрясь, проклинали всех и всяческих дикарей, которые только решатся спуститься в их каньон, грозили войной и обещали обрушить ад на голову любого, кто посмеет прорваться за железную дверь. Эмма Илг надоедливой мухой металась с места на место, спрашивая у всех, не видел ли кто ее мужа.

Найдя свободный уголок у стены, между двумя убитыми горем семьями, Глория опустилась на холодный камень и зарылась лицом в рукава шерстяного жакета. *Дикари идут, а Зека нет.* Она повторяла эту фразу про себя снова и снова, словно подтверждая, что этот кошмар – настоящий, и плакала, обливаясь слезами. Между тем ад вокруг достиг своего крещендо.

Кто-то тронул ее за плечо, и миссис Кёртис подняла голову. На мгновение ей показалось – наверное, она так хотела этого и так на это надеялась, – что перед ней присел на корточки Иезекиль, и ее сердце переполнилось радостью.

Но это была та пожилая женщина, которую она встретила прошлым вечером в танцзале, тысячу лет назад. Та, которой все сторонились.

– Я – Розалин, – сказала старая шлюха, дрожа под ярко-красным капором и тряся присыпанными снегом темно-каштановыми волосами. – Что случилось, дорогуша? Где твой муж? Поехал на перевал с другими мужчинами?

Глория молча покачала головой: стоило ей только заговорить о Зеке, как слова застыли в горле. Розалин села рядом, притянула ее к себе, сдвинула с ее головы капюшон и провела пальцами по ее блондинистым волосам.

Общий шум и ор перекрыл громкий женский голос. Дети перестали плакать, и даже горластые шахтеры притихли. Миссис Кёртис подняла голову с коленей Розалин и увидела, что все смотрят на стоящую посреди толпы Бесси Маккейб. Обезумевшая от горя женщина рвала на себе волосы, выкрикивала имя дочери, и голос ее наполнял пещеру и разлетался по туннелям, а по ее разукрашенному синяками лицу текли слезы.

От железной двери к ней уже спешил Стивен Коул. Он обнял несчастную, и они вместе опустились на пол.

– Успокойся, дитя мое, успокойся, – приговаривал проповедник, поглаживая Бесси, как ребенка. – Мы найдем ее. Найдем.

* * *

Оглядевшись, Джосс заметила у противоположной стены Лану Хартман – пианистка сидела неподвижно, крепко зажмурившись и беззвучно шевеля губами, словно молилась.

– Эл, я же сказала, что мне надо костер потушить, – сказала Мэддокс помощнику шерифа.

Они стояли футах в двадцати от железной двери, и даже в чахлом свете фонарей Джослин увидела, как вспыхнули румянцем бледные щеки охранявшего ее мальчишки.

– Ты не можешь потерпеть еще немножко? – прошептал он.

– Я только пройду по туннелю, мне всего минутка и нужна.

– Ты же знаешь, я не должен выпускать тебя из виду.

– А еще ты обещал ослабить эти чертовы наручники, – пожаловалась пленница.

– Черт бы тебя побрал, Джосс! Черт бы тебя побрал! – Эл сунул руку под дождевик, стащил ключ с большого кольца, пристегнутого к поясу его «Дангери», и помахал им перед лицом барменши. – Зек Кёртис шкуру с меня снимет, если я поддамся на твои уговоры…

– Эл… – Мэддокс улыбнулась, видя, как легко смутить парнишку, и прекрасно понимая, что он без раздумий воспользовался бы своим положением, если б только получил такую возможность. – Тебе же самому неудобно! Я присяду, а ты, если хочешь, понаблюдай.

– Может, и придется, – вздохнул конвоир. – Повернись.

Он поднял ее черную шаль и разомкнул наручники.

– Прихвати огонек, – сказала женщина, и Эл поднял с пола свечной фонарь, после чего последовал за своей подопечной в пустой туннель.

2009

Глава 55

Лоренс постучал по железу костяшками пальцев. Эбигейл посветила фонарем – ржавчины на поверхности двери было столько, что она напоминала какую-то бурую плесень. Толстый металлический штырь удерживал на месте висячий замок размером с маленький щит.

Куинн опустил руку в карман куртки и ключ.

– Карты на стол, Лоренс. Как вы нашли это место? – потребовал он ответа у своего коллеги.

– Прошлой осенью, в последний день моего пребывания здесь, я поднялся по восточной стороне каньона, чтобы сделать снимок города сверху, и случайно наткнулся на этот штрек, – рассказал Кендал. – В то время я был настолько увлечен поисками тайника Ооту и Билли, что не придал этому открытию большого значения. К тому же в окрестностях Абандона множество шахт. В общем, я решил, что ничего особенного этот штрек собой не представляет. Но если вы нашли ключ в кабинете Барта и если он подходит к этому замку… Черт, у меня сейчас сердце, должно быть, сотню миль в час выдает!

– Мое тоже. – Коллинс поднял ключ. – Ну что, я попробую?

– Конечно.

Куинн вставил ключ в замок.

– Работает? – тут же спросил отец Эбигейл.

– Пока еще не знаю. Механизм заржавел, поддается туго, так что попробую не пережимать. Не хотелось бы что-либо сломать. – Коллинс осторожно повернул ключ. – Вроде бы идет… – Он снял замок и положил его на пол. – Ого, тяжеленький! Помогите-ка мне, Лоренс…

Мужчины не без труда вынули штырь из забитых глубоко в камень железных скоб.

Теперь на двери не осталось ничего, кроме небольшого рычажка на правой стороне, служившего, должно быть, дверной ручкой.

Кендал поднял этот рычажок.

Внутри что-то заскрипело и сдвинулось.

Дверь распахнулась внутрь и ударилась о камень, а в глубь горы устремился поток холодного воздуха, как будто та попыталась сделать вдох.

– Невероятно… – прошептал Лоренс. Эбигейл почувствовала, как Джун крепко сжала ее руку.

– Скажите, когда вы в первый раз попали в Абандон? – спросил Куинн Кендала.

– В тысяча девятьсот семьдесят девятом.

– В таком случае вы меня опередили. Будьте любезны – по праву первооткрывателя…

Лоренс переступил порог, и Коллинс шагнул за ним. Войдя следом, Эбигейл провела лучом фонаря по стенам и увидела на камне отметины, как будто сто лет назад здесь проходило долгое, на целый день, соревнование по дабл-джекингу[21].

Услышав в темноте вздох отца, журналистка оставила Джун и подошла к нему.

– Что случилось? – спросила она.

Свет фонаря Кендала был направлен на нишу, находящуюся футах в пятнадцати от железной двери. В нише лежали с десяток рваных джутовых мешков. Лоренс снял со спины рюкзак, нервно вздохнул, сделал шаг в нишу, опустился на одно колено и сунул руку в один из мешков.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Куинн. – Они пустые?

Вместо ответа его коллега бросил что-то из темноты на пол штрека.

На камень возле ноги Эбигейл глухо шлепнулся брусок золота. За ним прилетел второй, а потом и третий. Девушка наклонилась и подняла слиток. В руке он выглядел небольшим, но казался непропорционально тяжелым для своего размера. Желтый металл тускло отсвечивал под лучом фонаря, а поверхность бруска портили выщерблины и сколы. На ощупь он был шероховатый и холодный, как кусок льда.

– Вы держите в руке более двухсот восьмидесяти тысяч долларов, – сказал Куинн.

В нише всхлипнул Лоренс.

Эбигейл вошла в нишу.

– Что такое?

Тот покачал головой.

– Слишком долго я этого ждал.

Коллинс тем временем уже просматривал другие мешки.

– Я насчитал шестьдесят один слиток, – объявил он наконец.

Кендал закрыл глаза и быстро произвел нехитрые подсчеты.

– Почти восемнадцать миллионов… Господи, у меня мурашки по всему телу! Посмотри! – Он посветил на свою дрожащую правую руку.

Обернувшись, Эбигейл увидела, что Джун ушла в другую часть шахты.

– Пойду посмотрю, что там и как, – решила девушка.

Она поднялась и прошла за миссис Тозер. Та брела в темноте, не обращая ни на что внимания, качая головой и невнятно бормоча что-то себе под нос.

– Что случилось, милая? Что с тобой? – заботливо спросила журналистка.

Джун оглянулась. Лицо ее было бледным как мел, а глаза провалились, так что она больше походила на мертвеца, чем на живого человека.

Затем миссис Тозер вдруг отвернулась, и ее вырвало на камни.

1893

Глава 56

Стивен Коул поднял левую руку, и шум в подземелье начал стихать. Через какое-то время все уже молчали, и тишину нарушал лишь раздававшийся то здесь, то там детский писк. Стоя в центре пещеры, проповедник обвел взглядом испуганные лица жавшихся к стенам жителей Абандона – мужчин, женщин и детей.

– Давайте закроем глаза, – предложил он.

Люди обнажили и склонили головы. На детей зашикали, и они умолкли.

– Отец наш. – Стивен Коул опустился на колени. – В ночь рождения Спасителя мы предстали перед Тобой сборищем корыстным, злобным и продажным. Темный час настал. Мы вызвали гнев Твой, и потому я простираюсь пред Тобой и молю о прощении. – Проповедник прижался щекой к холодному каменному полу. – Я привел к тебе детей, Господи. Детей! Молю Тебя… – Голос его зазвучал тише. – Молю тебя. Освободи их. От страха убереги их, и, если возможно такое, пусть минует их чаша сия. – Слезы его стекали в трещинки в камне. – Милости прошу, Отец наш, милости прошу. Но не моя, а Твоя воля да исполнится. Во имя Сына Твоего. Аминь.

Потом Стивен утер лицо, поднялся, смахнул пыль с пальто и водрузил на голову фетровую шляпу, после чего подошел к городскому кузнецу – невысокому, пользующемуся всеобщим доверием и симпатией мужчине по имени Мейсон Стетлер.

– Мейсон, оставляю город на ваше попечение, – сказал проповедник. – Вы теперь капитан. Я выйду через эту дверь. Выйду один. Если услышите три стука с коротким интервалом, знайте – это я. Но ни по какой другой причине не открывайте. Лучше готовьтесь к войне.

– Береги себя, Стивен. Оружие есть? – спросил его кузнец.

– Есть.

Кто-то схватил Коула за руку. Он оглянулся и увидел Глорию Кёртис, испытующе и с надеждой смотревшую на него влажными от слез глазами.

Проповедник покачал головой и обнял ее.

– Зек уже с Господом, – прошептал он. – С вашим малышом. Крепитесь.

Ноги подкосились, и Глория с горестным воплем упала на каменный пол. Вопль этот заглушил еще один звук, донесшийся из ближайшего коридора – громкий, но короткий и резкий крик боли.

*** * ***

В туннель Стивен вошел со свечным фонарем, старым армейским «Кольтом» одноразового действия и дробовиком. Ступив на выступ, он погасил фонарь и сел на камень. Место было хорошее, защищенное. Солнце ушло, облака окрасились в синий цвет, а горы погрузились в серо-стальные сумерки.

Коул смотрел на затаившийся в мрачной глубине каньона Абандон, безжизненный и темный, думая о тех шести мужчинах, что отправились на перевал. Страшно ему не было – наоборот, проповедник испытывал необычную отстраненность, как будто существовал где-то вне себя и наблюдал за разворачивающимися событиями сверху, со стороны, без боязни и тревоги.

И все же он прислушивался, ожидая выстрелов и не зная наверняка, долетит ли их треск до него от перевала.

Скоро должна была наступить ночь. Он замерз, и у него разболелась голова.

Неожиданно внизу, в каньоне, замигали крошечные вспышки.

Проповедник очнулся. Руки у него тряслись от холода.

Процессия огоньков продвигалась через пустой город. Стивен достал из кармана два патрона, переломил двустволку и загнал патроны на место, приговаривая негромко:

– *Разве над мертвыми Ты сотворишь чудо? Разве мертвые встанут и будут славить Тебя? Или во гробе будет возвещаема милость Твоя, и истина Твоя – в месте тления? Разве во мраке познают чудеса Твои, и в земле забвения – правду Твою?*[22]

Охотники за скальпами добрались уже до северной окраины Абандона, и Коул видел, что они поворачивают лошадей к церкви, идя по следам, оставленным покинувшими город жителями. Его губы шевелились в темноте:

– *Отче Мой! Если возможно, да минует меня чаша сия…*[23]

*** * ***

Выйдя из коридора, Джосс села в сторонке, на краю пещеры, спрятав под шаль перепачканные липкой кровью руки. Какой-нибудь завсегдатай салуна, увидев ее без сопровождающего, мог бы удивиться отсутствию Эла, и тогда потребовалось бы внятное и достоверное объяснение.

Она как раз и пыталась сочинить что-то, что могло бы сойти за правду, когда снаружи, за железной дверью, грохнул выстрел.

Все охнули. Заплакали дети. Мейсон Стетлер призвал мужчин с оружием собраться у входа, и десятка два человек откликнулись и подтянулись к железной двери, где приняли некое подобие боевого порядка. Они ждали.

Джослин насчитала пять быстрых, последовавших один за другим выстрелов из револьвера. А потом трижды грохнул дробовик, после чего стало тихо.

*** * ***

Стивен вставил два патрона в дробовик и перезарядил револьвер.

Два мертвых дикаря лежали в туннеле у него за спиной. Еще два – на краю обрыва.

Его самого даже не задело, но сердце проповедника колотилось так быстро, что думать он уже не мог.

Внизу, в нескольких сотнях футов оттуда, к церкви подтягивалось все больше огоньков. Коул слышал конское ржание и стук пробивающих наледь копыт.

Дрожа всем телом, Стивен сделал несколько шагов назад, в туннель, и закрыл глаза, чтобы успокоиться.

Всадники приближались.

Проповедник выдохнул от неожиданности, увидев спешившихся Ооту Уолласа и Билли Маккейба. Пробившись через снег, они вскарабкались на выступ и теперь стояли у самого входа в штрек.

Бурая лошадка Ооту смотрела на Стивена молчаливо-настороженно, и ее зубы, как не раз случалось на прошлой неделе, удлинились и заострились в свете фонаря.

Уоллас сплюнул в снег табачную жвачку. Фонарь висел у него на уровне коленей, так что их с Билли лица оставались в тени, глаза у обоих блестели, а с губ срывались облачка пара. Тыльной стороной ладони Ооту вытер с подбородка полоску коричневой от табака слюны.

– Знаешь, проповедник, – сказал он, – что-то ты мне не нравишься.

– Почему, мистер Уоллас? – отозвался Коул.

– Так не было никаких инджненов[24] на Пиле. Мы объехали…

Внимание Ооту отвлекло какое-то движение в туннеле. Он поднял фонарь и вперил взгляд в темноту за спиной Стивена. Свет упал на знакомого ему шахтера, Джона Гурвица, который, постанывая, выбирался из кучи тел, и его кровь сбегала по камням в шахту.

– Что здесь, мать твою… – забормотал Уоллас.

Заряд выпущенной с близкого расстояния дроби взрыл бóльшую часть его лица. Ноги под Ооту подкосились, и он завалился на спину.

Билли получил лишь несколько дробинок в правое плечо, но когда он потянулся за своим «Уокером», проповедник выстрелил еще раз, проделав в груди мальчишки зияющую рваную дыру.

Сидя на склоне, ловя на подставленные черпачком ладони что-то теплое, что вываливалось из него, и стараясь дышать, Маккейб поднял голову и посмотрел на проповедника искоса, с глубокой обидой.

Стивен отбросил дробовик и вытащил револьвер.

– Храни Господь твою душу, – сказал он и выстрелил мальчишке между глаз.

2009

Глава 57

Эбигейл похлопала Джун по спине.

– Ну как, теперь лучше?

Та покачала головой и сплюнула на камень.

Из ниши торопливо вышел Лоренс.

– Что случилось? – спросил он.

– Ее вырвало.

– Я даже не подумал о воздухе, а он здесь может быть не очень хороший… Ты сама как себя чувствуешь? Не тошнит? Голова не кружится?

Джун выпрямилась, утерла влажное от пота лицо и с ноткой вызова бросила:

– Дело не в воздухе. – Она сделала несколько шагов в сторону, в темноту, и луч ее фонаря забегал по потолку и стенам. Батарейки садились, и Эбигейл уже почти ничего не видела на расстоянии двадцати футов – только ноги женщины и освещенный круг пола под ними.

Внезапно миссис Тозер пошатнулась и свалилась на камень, дергаясь в конвульсиях, суча ногами и взмахивая руками, словно ее посадили на электрический стул.

Фостер подбежала к ней, упала на колени и попыталась схватить женщину за руки.

– О, Господи… Господи… Джун? Джун, посмотри на меня!

Миссис Тозер затихла и теперь лежала, вытаращив остекленелые глаза и разинув рот. Грудь ее вздымалась и опадала.

– Ну же, поговори со мной, – умоляюще твердила девушка. – Скажи что-нибудь. Дай знать, что ты меня слышишь!

Она потянулась, чтобы взять Джун за руку, и свет фонаря вырвал из темноты нечто такое, отчего кровь в ее венах и артериях и кислород в легких как будто сгустились и застыли. С губ журналистки сорвался непроизвольный звук, похожий на кошачье мяуканье.

Не далее чем в пяти футах от нее виднелась детская ручка – из темноты ясно выступали тонкие, идеально сохранившиеся потемневшие косточки. Эта ручка сжимала пальцы другой, более крупной руки. Эбигейл отвела луч в сторону и наткнулась на еще один скелет – со спутанными, прилипшими к черепу длинными, светлыми прядями. На хрупкой фаланге все еще красовалось золотое обручальное кольцо, а с верхнего шейного позвонка свисало, ныряя в грудную клетку, ожерелье.

– Куинн, подойди сюда! – позвал Лоренс. – Тебе надо это увидеть.

Его дочь помогла Джун подняться. Они стояли в центре просторной пещеры, заполненной, по меньшей мере, сотней скелетов, сохранившихся, в большинстве своем, в целости. Одежда этих людей давно истлела в холодном, сыром микроклимате подземелья, в котором буйно росла мохнатая белая плесень, расползшаяся по камням, словно армия гусениц. Скелеты всевозможных размеров застыли в разнообразных позах, так что вся эта сцена напоминала какую-то жуткую скульптурную выставку. К горлу Фостер поднялась тошнота. Она хотела закрыть глаза, но знала, что легче от этого не станет. И шахта, и ее обитатели останутся с ней до конца жизни – и наяву, и во сне.

Молча, не произнося ни слова, четверо путешественников обошли подземную усыпальницу. Большинство скелетов лежало на полу, как будто люди нарочно легли, чтобы умереть. Один замер в углу, свернувшись в позе зародыша, другой – за небольшим валуном, с разбитым черепом… Рядом, на камнях, валялись осколки костей, окрашенные в темно-красный цвет столетней кровью. Еще два скелета притулились к стене: их лучевые и плечевые кости переплелись, как у людей, отошедших в мир иной в объятиях друг друга.

Число умерших горожан множилось, и Эбигейл, ошарашенная увиденным, уже перестала что-либо понимать.

Чей-то череп на коленях другого скелета.

На бедренной кости – кожаный переплет Библии короля Якова.

Между коленями – прозрачная, заткнутая пробкой бутылка с вековой давности виски на донышке.

Некоторые скелеты сидели, все еще сжимая дробовики, винтовки и револьверы, деревянные части которых либо сильно подгнили, либо рассыпались в труху; другие и после смерти не расстались с брикетами золота, вцепившись в них потемневшими костяшками пальцев.

Некоторые прижимали к себе останки детей.

С ужасом и одновременно с любопытством журналистка пригляделась к скелету с длинными черными волосами, упокоившемуся под проржавевшим насквозь свечным фонарем. На широких, словно блюда, костях таза лежали крошечные, будто игрушечные, косточки – бедренные, большеберцовые, реберные – миниатюрный, размером с яблоко, череп, тоненькие, как спички, фаланги пальцев… И когда Эбигейл поняла, что все вместе это – останки беременной женщины и ее неродившегося ребенка, силы оставили ее.

– Знаю, – вздохнул Лоренс, опускаясь на пол рядом с дочерью. – Такое выдержать нелегко.

– Вы не против выключить на минутку фонари? – подала голос Джун. – У меня с собой камера Эммета, и он… – Она снова расплакалась. – Он хотел бы, чтобы я сняла это… для него.

Фонари выключили. Эбигейл терпеть не могла темноту, а теперь они и вовсе оказались в кромешном мраке без малейшего намека на свет, который помог бы освоиться в этой густой, нефильтрованной черноте. Она решила, что даст миссис Тозер ровно минуту, и какое-то время ждала, слушая, как щелкает фотоаппарат и капает где-то вода, а потом не выдержала:

– Извини, но я включаю. Жуть берет – сидеть и ничего не видеть!

С включенным фонарем дышать стало легче, и девушка повернулась к отцу.

– Ты, должно быть, доволен, а?

– Я о такой находке мог только мечтать, – признался тот. – Золото и целый город – все вместе, как на тарелочке!

– Потрясающий материал. Нам обоим будет о чем написать, – подтвердила Фостер.

– Не знаю, как у тебя, но у меня в планах целая книга. – Лоренс поднялся и протянул дочери руку, но она как будто и не заметила этого и продолжила, как загипнотизированная, смотреть на старый фонарь между двумя костями. – Эбби, с тобой все хорошо?

– Я не знаю, что со всем этим делать, – тихо сказала девушка. – Со всем, что случилось с нами сегодня.

– Куинн! Идите сюда! – крикнул Кендал. – Вы это видели? Мы нашли Абандон. Они все здесь! – Он постучал по своему налобному фонарю. – Черт, гаснет… Эбби, проводи меня к выходу.

Они осторожно, лавируя между скелетами, прошли через подземелье.

– Вон он где! – Лоренс указал на пятно света футах в тридцати перед ними. – Эй, профессор, вам обязательно надо подойти сюда – здесь столько костей!..

Подойдя ближе, Фостер увидела, что Куинн застегивает рюкзак. Он поднял голову, посмотрел на них и произнес:

– Надеюсь, Лоренс, этого достаточно.

– Чего? Золота? – уточнил Кендал. – Конечно. Восемнадцати миллионов долларов хватит на…

– Я не о золоте. – Коллинс взвалил на плечо тяжеленный рюкзак. – Я имею в виду этот город и все, что с ним случилось. Вы потратили добрую половину жизни, пытаясь разгадать его загадку, и я искренне надеюсь, что теперь, когда вы полностью удовлетворили свое любопытство, это будет для вас хорошим утешением.

– Утешением?..

Куинн сделал шаг в штольню. Дверь в шахту захлопнулась, громыхнув металлом о металл и оставив долгое, казалось, бесконечное эхо. А потом Эбигейл услышала звук, который уже слышала – скрежет ржавого болта, грохот упавшего на скобы штыря и щелчок тяжелого навесного замка.

1893

Глава 58

Глория и Розалин сидели у стены, поддерживая друг друга и прислушиваясь к нарастающему шуму у железной двери, где после прозвучавших в штольне выстрелов собрались десятка два вооруженных мужчин. Но с тех пор уже прошло некоторое время, и воинственность у защитников сменилась беспокойством.

– Пора уже показать краснокожим ниггерам, что такое ад, – проворчал чей-то голос.

– Проповедник сказал подождать, пока… – начал возражать ему кто-то еще.

– А если он сам уже лишился скальпа? Ты об этом подумал? Пороху там, похоже, не жалели…

– Мейсон, поднимайся и тащи сюда ключ! Надоело ждать! – крикнул еще один горожанин.

Неприметный кузнец пробился к железной двери через толпу шахтеров.

– Что ты сказал? – спросил он позвавшего его человека.

Глория не видела окруженного мужчинами Стетлера, но его зычный голос, совершенно не соответствовавший невыразительной внешности, легко поднялся над всеобщим бедламом.

– Сказал, что нам нужен ключ от двери. По-другому ее изнутри не откроешь, – послышался еще один недовольный голос.

– Ты, Уилл, замочную скважину видишь? – спросил Мейсон.

– Ты это о чем?

– Проповедник попросил ключ, и я его отдал. Да и какая разница? Эта дверь открывается только снаружи.

– И на кой хрен ты это сделал?

– Он попросил.

– Господи! А если его убьют, *как мы выберемся*?

Стетлер почесал свою рифленую лысину, на которой уже блестели капельки пота.

– Нам нужен порох, – предложил один из шахтеров. – Грохнем, чтоб эта железяка с петель слетела.

– Ты, когда заходил, на дверь смотрел? – спросил подрывник с прииска. – Она же в дюйм толщиной! Тут пригоршней пороха не обойдешься. А если взять больше, того и гляди вся чертова шахта обрушится!

– Не могу их больше слушать, – прошептала Глория, повернувшись к Розалин. – Я положу голову тебе на колени, а ты погладь меня по волосам, ладно? Как раньше делала.

– Конечно, милая. Иди ко мне…

Глава 59

Гарриет Маккейб лежала, притаившись, между скамеек. Еще недавно неподалеку стреляли, но теперь все, кроме ветра, стихло. Девочка думала о маме. О своей подружке Бетани. О новой кукле, Саманте, которую пришлось оставить дома. Гарриет проголодалась и хотела пить, но еще больше она страдала от холода и страха.

Солнце уже отправилось баиньки, ветер протяжно завывал, стучась в заколоченные окна, крохотная церквушка качалась и потрескивала, как трюм корабля, и холод просачивался внутрь между досками.

Гарриет поежилась под маминой серой шерстяной кофтой. По другую сторону от прохода между скамьями стояла печка, возле которой лежала охапка дров, и девочка уже решила, что растопит ее, как только откроются двери храма. Она зевнула и прикрыла рот ладошкой. Дверь хлопнула, и половицы жалобно заскрипели. Шаги приближались.

Маленькая беглянка закатилась под скамью. Пара теплых бот прошлепала в двух футах от ее головы. В передней части церкви что-то тяжело плюхнулось на пол, и девочка, приподнявшись, осторожно выглянула из-за скамьи. В тени нефа кто-то стоял. Мужчина опустился на колени перед барьером, отделяющим передние скамьи, и поднял руки, повернув их открытыми ладонями к незатейливому деревянному кресту, висящему на стене за кафедрой.

Он заговорил, и Гарриет вздрогнула – голос был громким и вместе с тем дрожащим и ломким, как песчаник:

– Все кончено, Господи. Твой верный слуга пришел сказать, что воля Твоя исполнена.

С этими словами незнакомец вдруг упал лицом на половицы.

Девочка подумала сначала, что он умер, но тут мужчина заплакал – сначала тихонько, а потом громче, навзрыд – и заколотил кулаками по полу. Гарриет видела однажды, как плакал папа, но здесь было не так. Казалось, незнакомца разрывает какая-то сердечная мука.

– Почему?! – Это слово вырвалось из самого нутра рыдающего мужчины. Он прокричал его трижды, так громко, что Гарриет испугалась, как бы не лопнули стекла в высоких, глядящих на юг окнах. Незнакомец встал на колени и заговорил так тихо, что девочке пришлось затаить дыхание, чтобы разобрать слова.

– Ты говоришь, что любишь правду, – бормотал он. – Так вот моя правда. Я уже не знаю, кто Ты сейчас. Я не понимаю, как Творец любви, милосердия и сострадания, Бог, опаливший мое сердце в Чарльстоне, может приказать слуге своему запереть в пещере целый город. Женщин! Детей! Чем мог обидеть Тебя ребенок? Или Ты не такой Бог, каким я Тебя считаю? Бог Давида… Бог Христа… Ты – начало и конец, какова бы ни была Твоя природа, но мне нужно знать, ошибался я в Тебе или нет. Поправь мое восприятие. Ты знаешь, я люблю Тебя. Я предпочел служить Тебе, отказавшись от женщины, чей образ до сих пор преследует меня в снах. Если любишь меня, Господи, если любишь хоть немного, дай мне тот покой, что глубже всякого понимания. Потому что мне так нужно. Мне очень это нужно. Я во тьме и, может быть, не увижу утра. Не отказывай мне в просьбе. Ради Тебя я погубил себя, и мне теперь так одиноко…

Стивен склонил голову, снова заплакал и вдруг почувствовал, как что-то коснулось его плеча. Он обернулся и отпрянул в страхе. Перед ним, в темноте нефа, стояла девочка с черными как смоль кудряшками и голодными глазами.

– Почему вы печалитесь? – спросила она.

Коул потянул капюшон и вытер им глаза.

– Ты меня напугала. Как ты выбралась из шахты?

– Я была здесь еще до того, как вы пришли. Пряталась от индженов.

– Тебе не нужно было оставлять маму.

Проповедник наклонился и поплотнее запахнул на ребенке кофту.

– Ты дрожишь. Посмотрим, можно ли это поправить.

Он поднялся, взял девочку за руку и повел ее к печке. На решетке, в напрасном ожидании воскресной службы, уже лежали скомканные страницы «Силвертон стандард энд майнер», а под ближайшей скамьей стояла плетеная корзина с высушенными еловыми шишками. Стивен взял пригоршню шишек и, разложив их на решетке, сунул в печь пару поленьев. Одного чирканья спички оказалось достаточно. Закрывать дверцу печки мужчина не стал, и вскоре пламя уже загудело, задышало жаром, бросая отсветы на стены, холодные половицы и сводчатый потолок.

– Подбирайся поближе, милая. Тебе надо согреться.

Гарриет протянула к открытой дверце озябшие руки. Стивен сел позади нее, положил на пол шляпу, поправил волосы и достал из кармана бутылочку.

– Вот, сделай глоток, – предложил он ребенку. – Это настойка арники.

Малышка вытащила пробку, отпила немножко и вернула бутылку проповеднику.

– А что за пятнышки у вас на лице? – спросила она.

– Ерунда. – Коул стер со лба, щек и губ липкие капли крови ее отца, а потом опустил руку в карман пальто, достал старый армейский револьвер и открыл зарядную дверцу за барабаном. Осталось три патрона. *Такова воля Твоя, Господи? Чтобы я застрелил ребенка в затылок? Я сделаю это, ведь я Твой верный слуга, но пожалуйста… Пожалуйста. Если можно как-то по-другому…*

– Хочу есть, – сказала Гарриет.

– Сейчас найдем что-нибудь для наших животиков.

Проповедник закашлялся, маскируя щелчок курка.

– А мне, мистер Коул, на Рождество подарили куклу, – похвасталась девочка.

Стивен сморгнул слезы.

– И как ее зовут? – с трудом выговорил он, приставляя дуло к ее затылку.

– Саманта. У нее рыжие волосы.

Мужчина знал, что потом его вырвет, и с трудом справился с желанием сунуть дуло себе в горло. *Такова Твоя воля? Говори сейчас, или…*

– У нее два платья, и больше всего я люблю расчесывать ей волосы.

Стивен положил палец на спусковой крючок, и тут оно пришло – покой разлился внутри него, словно теплый жидкий свет.

– Спасибо! – прошептал он и опустил револьвер в карман шинели.

Гарриет оглянулась.

– Вы снова плачете.

– Всё в порядке. Это слезы счастья. Господь так добр…

– А где все инджены? – спросила девочка, подняв голову.

– Сколько тебе лет? – спросил Коул.

– Шесть.

– Думаю, тебе пора узнать кое-что. Прошлой ночью со мною говорил Бог. Он сказал, что час суда над Абандоном настал и что я буду орудием Его гнева, Его серой и пламенем.

– Значит, никаких дикарей не было?

– Нет. Хотя временами Бог позволял мне верить, что они есть. Он показал мне язычников, когда я стоял на Пиле. Позволил мне поверить в ложь. Показал, как ее использовать.

– Тогда куда же все ушли?

– Ты веришь в Бога, Гарриет?

– Да.

– Твой отец огорчался из-за тебя? Ну, когда ты озорничала? Когда не слушалась?

– Да. Когда мамы нет дома, он бьет меня по попе ремнем. Железной пряжкой!

– Он и должен наказывать тебя за плохое поведение. Точно так же Бог есть отец Абандона, и все живущие здесь – Его дети. Но знаешь что?

– Что?

– Здешние люди были очень порочны.

– Почему?

– Они были жадными. Грешными. Они помешались на золоте, а некоторые поддались злу и делали плохие вещи с другими. Брали то, что не принадлежит им. Делали людям больно.

– Это плохо. Надо быть хорошими.

– Да, ты права. И вот поэтому Бог решил наказать всех, кто жил в Абандоне.

– А как же Бетани и мама?

– Даже их.

– Но они же не плохие?

– Послушай, Гарриет. Мы не должны сомневаться в Боге. Не должны спрашивать, почему Он наказывает одних и не наказывает других. Мы можем не понимать Его, но это наш недостаток. Мы можем только любить Его и слушаться Его.

Нижняя губа у малышки задрожала.

– Я хочу увидеть маму! – всхлипнула она.

– Ну-ну, милая, не надо плакать! Слушай. Бог сказал мне не наказывать тебя. Он любит тебя. Он знает, что у тебя золотое сердце. И Он хочет, чтобы я позаботился о тебе.

– А как же папа и мама?

– Это плохой вопрос. Не задавай его больше.

Гарриет отвернулась от Стивена к огню.

Он положил руки на ее хрупкие плечи.

– Пойдем в мой дом. Я растоплю печь и приготовлю нам ужин.

– А Саманту Бог наказал?

– Нет, милая.

– Она одна дома, на моей кровати. И ей страшно.

Коул поднялся. Он так устал, что мог бы лечь на свой набитый еловыми ветками матрас и проспать лет тридцать.

– Мы будем проходить мимо твоего старого дома и заберем ее, – пообещал он ребенку.

Затем проповедник помог девочке подняться и взял ее за руку. Они вместе вышли из церкви.

Ночь выдалась ясная. В небе поднималась полная луна.

Крошечные звездочки перемигивались между собой, и среди них тускло светился красноватый Марс.

Темный и тихий, в каньоне лежал Абандон. И только сверху, издалека, доносился едва слышный стук, как будто работала камнедробилка.

Там, внутри горы, люди колотили в железную дверь.

2009

Глава 60

Эбигейл подошла к железной двери – ни ручки, ни замочной скважины. Лоренс тоже подошел и толкнул дверь, после чего позвал Куинна.

– Это же не шутка? – спросила журналистка, изо всех сил удерживая рвущийся наружу страх.

Ее отец отступил, разбежался и с силой ударил по двери каблуком ботинка.

Эхо раскатилось по стенам и затихло.

Лоренс упал на землю и, морщась от боли, схватился за лодыжку. На пол осыпались осколки камня и мелкая крошка. Фостер посветила на дверь. Поверхность ее хранила многочисленные следы отчаяния – щербинки, царапины, зарубки, – как будто кто-то испытывал на ней все имевшиеся в его распоряжении инструменты. Канавки от пуль, разбросанные ямочки от дроби, а в середине – большая вмятина, оставить которую, как подсказывало воображение, могла группа мужчин, атаковавших неприступную дверь валуном.

Из пещеры вышла Джун.

– Что случилось? – спросила она с удивлением.

– Куинн запер нас здесь, – объяснила журналистка.

– Но зачем?

– Понятия не имею.

Миссис Тозер тоже потолкала дверь и, убедившись в тщетности своих усилий, громко позвала Коллинса.

– Побереги силы, – посоветовала ей Эбигейл. – Думаю, эти люди, которые здесь погибли, перепробовали все варианты. Даже валуном ее таранили. Но у них ничего не получилось.

– Господи… Мы же умрем здесь, как и они все. – Джун пошатнулась и стала судорожно хватать ртом воздух. – Что же это такое? Как же…

– Так, минутку. – Лоренс с усилием поднялся с пола. – Давайте все немного передохнем. Можно поддаться страху и впасть в истерику, но это нам не поможет. Мы все равно окажемся там же, где и были, запертые в горе. Так что давайте пропустим ту часть, где все бесятся и сходят с ума. Самое важное сейчас – свет. Он так же важен, как кислород, и он кончается. Оставим включенным только один фонарь. Выключайте свои, а я свой оставлю. – Два фонаря погасли. – Хорошо. Теперь рюкзаки. Посмотрим, какими припасами мы располагаем. У меня, по-моему, есть… Черт! – Он подбежал к нише и посветил внутрь, где лежали десять джутовых мешков. – Его здесь нет. Я оставил рюкзак возле золота, а теперь его нет. Там были веревки, батарейки, вода…

– Моего тоже нет, – добавила Джун. – Я положила его около двери, перед тем как мы вошли. Теперь у меня только камера Эммета.

– Мой пока еще со мной, – сказала Эбигейл. Отстегнув пояс, она опустилась на колени и раскрыла рюкзак, а Кендал посветил фонарем. – Итак, у меня… почти ничего. Перчатки. Шапка. Фотопленка. Два батончика. Спички. Две бутылки воды, но полная только одна. Черт, думала, запасные батарейки есть!..

– Хорошо. А теперь давайте сядем и обмозгуем все как следует, – сказал профессор. – Фонарь я пока выключу.

Пленники расселись в кромешной тьме, футах в пятнадцати от железной двери. Эбигейл закрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоить разволновавшееся сердце и привести в порядок мысли.

– Понимаю, здесь жутковато, и рядом останки тех, кто умер, потому что их заперли в пещере, – сказал Лоренс, – но настоятельно прошу вас постараться не думать ни о них, ни о том, что с ними случилось.

Джун тихонько всхлипнула и тут же извинилась:

– Простите, простите. Я постараюсь…

Фостер взяла ее за руку.

– У нас три фонаря, но давайте смотреть правде в глаза, – снова заговорил ее отец. – Если батарейки сядут, прежде чем мы найдем выход, то мы все умрем здесь. Неиспользуемые фонари предлагаю положить в рюкзак, чтобы случайно не повредить. У нас тридцать две унции воды. Это чуть больше стакана на каждого. Пить будем маленькими глотками через каждые несколько часов, чтобы протянуть как можно дольше. Надеюсь, вода здесь где-то есть. Можно ли ее пить, это другое дело, но мы хотя бы попробуем. То же относится и к батончикам. Разделим их на маленькие порции.

– Сколько мы можем протянуть без воды? – спросила Тозер.

– Три дня, – вздохнул Кендал. – Может быть, чуть больше, потому что здесь не жарко. А теперь нам нужно принять важное решение. Сидеть и просто ждать, когда же нас спасут, нельзя, потому что даже если в Абандон вышлют спасательные команды, нас они точно не найдут.

– А если попробовать обработать дверь камнями по периметру? – предложила Джун.

– Это вариант, – согласилась Эбигейл, – но я осмотрела дверь, и, на мой взгляд, именно этим они здесь и занимались: пытались сломать дверь или отбить камень вокруг нее. Но порода очень твердая, и мы наверняка умрем от жажды раньше, чем добьемся какого-то успеха. Думаю, они совершили большую ошибку, сосредоточившись именно на этом. А когда выбились из сил, то просто легли умирать, потому что сил на поиски воды или другого выхода у них уже не осталось.

– И света тоже, – добавил Лоренс.

– Вот именно. Я к тому, что если они не смогли сломать дверь, то и у нас нет никаких шансов.

– И что тогда остается? – спросила Джун.

– Мне представляется так. Шахту в этом месте расширили нарочно, чтобы получить такую вот пещеру. Уверен, дверь – не единственный выход. Знаю, мы все устали, но предлагаю, пока еще есть какие-то силы, вода и продукты, встать и попытаться найти другой выход.

– Вы хотите, чтобы мы вслепую бродили по пещере? – испугалась Джун.

– У тебя есть другой вариант? – отозвался Кендал.

– А если заблудимся?

– Мы уже заблудились. Представим, что двери нет, а вокруг камень. Возможно, так оно и есть.

– Мне, признаться, страшно до смерти, – сказала Эбигейл, – но я согласна – ничего больше нам не остается.

– Может, стоит разделиться? – предложила миссис Тозер. – Тогда и шансы найти выход повысятся.

– Вообще-то не повысятся, – вздохнула журналистка. – Время на поиски ограничено продолжительностью работы батареек, и если мы разделимся, то нам придется включить два или три фонаря.

– Если бы кто-то выбрался отсюда живым, вы ведь знали бы об этом, правда, Лоренс? – Джун повернулась к профессору.

Тот включил фонарь, и женщины зажмурились от внезапно ударившего в глаза света.

– Скорее всего, да.

1893

Глава 61

Валун – семьсот фунтов цельного гранита – подняли семеро шахтеров. Подняли, кряхтя, так что спины у них хрустели. Из пещеры его медленно и осторожно, шаг за шагом, с ускорением в конце, доставили к железной двери.

От удара содрогнулись стены. Треть валуна отломилась, и троим мужчинам сломало ноги.

Дверь же лишь чуточку прогнулась.

Клетевой с прииска «Годсенд» схватил стоявший у стены дробовик и пальнул в дверь.

Дробь рассыпалась рикошетом искр. Другие мужчины тоже похватали револьверы и ружья, и шахта взорвалась какофонией пальбы и наполнилась едким дымом.

Потом выстрелы смолкли – а дверь как ни в чем не бывало стояла на месте, высокомерно бросая вызов пленникам. Несколько трещинок и ничего больше – и дергающийся на полу парень с дырой в щеке, из которой, словно из гейзера, била кровь.

Тут и там зазвучали голоса – настойчивые, перебивающие друг друга, соревнующиеся в борьбе за внимание.

Подняв два фонаря, Стетлер призвал всех к тишине, но за криками спорящих его никто не услышал.

– Мы все здесь подохнем!

– Надо поберечь масло!

– Будем ломать дверь!

– Продолжим – и потолок обвалится!

– Ни еды, ни воды!

– А проповедник-то в пиковом положении нас оставил!

– Надо гасить свет!

– Сверни губу!

– Что б ты понимал!

– Заткни пасть!

Бесси Маккейб стояла в центре пещеры. Снова и снова звала она Гарриет, но сил у нее уже не осталось не только для крика, но и для того, чтобы дышать, а хаос вокруг лишь раздувал истерию у нее в голове.

Заметив неподалеку небольшой валун, Бесси упала на колени и подобралась к нему.

Орали шахтеры, ревели дети, кто-то молился…

Приподнявшись и опершись обеими руками о пол, молодая женщина собралась с силами и без малейших колебаний ударилась о камень головой. Прежде чем ощутить боль, она услышала треск, и кровь побежала у нее между глазами. Когда Бесси пришла в себя, весь мир опрокинулся и вертелся. Она снова поднялась на колени, оперлась руками о пол и еще дважды ударилась о камень, прежде чем сознание покинуло ее. Очнувшись в следующий раз, миссис Маккейб поняла, что дело сделано. Толпа кружилась вокруг нее, размытые лица склонялись над ней, голоса, крики, выстрелы и плач сливались в ревущий водопад шума.

Ее голова лежала в теплой, растекающейся луже крови, и Бесси знала, что это ее кровь, и надеялась, что это конец. Все ее мысли были о дочери. Она молилась о том, чтобы инджены не захватили малышку, чтобы Гарриет ждала ее там, где она очнется.

В какой-то момент Маккейб перенеслась почти на десять месяцев назад, в февральское утро на западе Канзаса, где они с Гарриет сели на поезд «Юнион Пасифик», направлявшийся в Денвер.

Всматриваясь вдаль, Бесси увидела, как они поднимаются облачками над горизонтом, и подумала, что дальше будет небо, но тут один из пассажиров сказал своему спутнику: «Посмотри-ка на Снежный хребет».

Умирая на каменном полу пещеры в рождественскую ночь, Бесси ощутила непонятную ностальгию по тому тревожному и радостному волнению, которое испытала, глядя на уходящий все выше и выше Передовой хребет из окна мчащегося на запад поезда.

Она посадила Гарриет на колени и показала в окно: «Вон там сейчас папа, и мы тоже туда едем. Это наше будущее, моя сладенькая».

Она действительно в это верила.

Всем сердцем.

2009

Глава 62

Мудрить не стали. От пещеры отходил только один коридор, так что по нему троица и двинулась – впереди, с включенным фонарем, Лоренс, за ним Эбигейл и Джун.

Но не прошли они и тридцати футов, как предводитель этого маленького отряда остановился.

– Ну вот, первая развилка. – Главный туннель продолжался, по крайней мере, на расстояние света лампы, но в стене открылось еще одно отверстие. Лоренс опустился на колени и заглянул в него. – Щель узкая, но куда-то определенно ведет.

– А ты не думаешь, что держаться стоит главных коридоров? – спросила Эбигейл.

– Вообще-то не… – Ее отец шумно выдохнул. – Здесь скелет и пара железных наручников. Должно быть, какой-нибудь заключенный… Да, давайте пока держаться главного коридора.

Признаков человеческой деятельности – углублений от подрыва динамита, ржавых банок с пороховой пудрой, бочонков из-под карбида, стальных сверл, деревянных крепей – попадалось все меньше, и вскоре пленники вышли в природную пещеру, откуда продолжили путь, уже не придерживаясь какого-то определенного коридора, а переходя из одного подземелья в другое, из тесного, вроде кладовки, в просторное, побольше первой пещеры. Чем дальше, тем менее узнаваемой становилась порода, из которой были сложены стены и потолок. Свисающие с потолка сталактиты роняли капли своих коррозийных растворов в проеденные ими дыры в полу. Эбигейл провела пальцами по стене из брекчии[25], в которой сцементировались куски горной породы, окаменевшие кости и доисторические ракообразные.

Примерно через час они наткнулись на пещеру, напоминающую богато декорированный грот. Лоренс посветил вверх – сталактиты свисали здесь гроздьями и шли ряд за рядом, как зубы у акулы. В центре они срастались в причудливый конгломерат, напоминавший люстру, у ближней стены походили на трубы органа, а в дальнем углу смахивали на длинные щупальца медузы.

Пещера сталактитов сменилась туннелем с гладкими стенами и низким, всего в футе над головой Кендала, потолком. Стены эллиптического прохода понемногу расширялись, потолок же понижался, так что вскоре путешественникам пришлось сначала пригнуться, потом присесть, еще чуть позже опуститься на четвереньки, а в конце и вовсе пробираться ползком, протискиваясь между полом и потолком, разделенными шестнадцатью дюймами пространства.

Минут через пять Эбигейл не выдержала.

– У меня клаустрофобия! – закричала она. Девушка не видела света фонаря и ощущала себя пленницей кромешной тьмы. Даже тепло ее собственного дыхания отражалось от стен легким прикосновением к лицу.

Что-то схватило ее за лодыжку, но повернуться и посмотреть, что это, не позволяла теснота туннеля.

– Они вокруг нас, – прошептала сзади Джун. – Они говорят со мной, не умолкая.

– Слышу что-то впереди! – крикнул Лоренс.

Потолок царапал Эбигейл голову. Ее левая нога снова закровоточила, а боль в копчике сделалась нестерпимой. «Я больше не могу дышать, – подумала Фостер и тут же одернула себя: – Нет, ты можешь. Это всего лишь воображение». Чтобы хоть как-то продвигаться вперед, ей приходилось склонять голову в сторону и сжимать плечи. *А если мы застрянем? Я уже не смогу повернуть назад. Какая ужасная будет смерть!*

Позади что-то шептала Джун. Эбигейл уже хотела сказать отцу, что пора, к чертовой матери, поворачивать и двигать назад, но тут и она тоже услышала то, о чем он говорил, – какой-то неясный шум.

Свет фонаря ударил ей в лицо.

– Уже близко, – сказал Лоренс.

В самом конце высота лаза не превышала одного фута. Эбигейл протиснулась еще немного, и профессор, схватив дочь за руки, помог ей подняться.

– Где мы? – спросила девушка.

Вместо ответа Кендал провел лучом по огромной пещере с высоченными, в шестьдесят футов, стенами.

– Боже мой! – воскликнула Эбигейл.

Они стояли на краю подземного озера в пятьдесят футов шириной и два глубиной. На другой его стороне, из расщелины в скале, низвергался водопад. Избыток минеральной воды уходил в глубь горы через дыру в стене, так что озеро оставалось на одном уровне. Грохот воды заполнял все подземелье неумолкающим эхом, звук которого напомнил Эбигейл ее любимое место в Центральном парке – фонтан Черри-Хилл. Там, если сесть к нему поближе, шум города был почти не слышен.

Пока Лоренс помогал Джун вылезти из туннеля, журналистка наклонилась и потрогала темную, как чернила, воду – жутко холодную, с температурой лишь на градус-другой выше точки замерзания. Луч света скользнул по поверхности озера, и она увидела, что его дно состоит из каких-то белых кристаллов. Между ними плавала полупрозрачная безглазая рыбешка.

Потом все трое сидели на каменистом берегу плененного вечной ночью озера, пили мелкими глоточками воду и подкреплялись кусочками батончика. В какой-то момент Эбигейл опустила голову и закрыла глаза…

*** * ***

– Проснись, Эбби. Пора двигаться дальше, – разбудил ее голос отца.

Она выпрямилась, потерла глаза.

– Я долго спала?

– Пять минут, – ответил профессор.

– А где Джун?

Лоренс указал на груду камней на дальней стороне озера, где обвалился участок потолка.

– Немножко странно себя ведет, да?

– У нее на глазах убили мужа. Или ты уже забыл?

Отец с дочерью прошли по берегу на противоположный берег и сели на камни рядом с Тозер.

– Вот что я думаю, – сказал Кендал. – Может быть, эти камни и валуны блокируют вход в еще один коридор. Помогите-ка мне расчистить завал!

– Нет, – покачала головой Джун. – Не надо здесь ничего трогать. Это плохое место.

– Извини, но другого легкого выхода из этого подземелья я не вижу, – возразил Лоренс.

Отец и дочь взялись за работу вдвоем; они поднимали камни, с которыми могли справиться, и отбрасывали их в сторону. Разгребая кучу щебня, Эбигейл поймала себя на том, что начинает терять чувство времени. Ей уже начало казаться, что они провели в пещере целый день.

Очередной камень, упав на растущую груду, поднял облачко пыли. Фостер отступила.

– Ты чувствуешь? – спросила она Кендала. – Запах. Воняет… тухлыми яйцами. Посвети-ка сюда, Лоренс! Похоже, тут что-то есть.

Ее отец убрал еще один камень, и им открылся коридор, вполне широкий и высокий для прохода. Он поправил фонарь и выругался:

– Черт, это всего лишь…

Эбигейл вскрикнула.

Лоренс заглянул в коридор еще раз и вдруг отпрянул назад.

– Господи!

– Она жива? – прошептала Фостер. – Выглядит как живая…

Завал из камней скрывал углубление, в котором, прислонившись к каменной стене и положив левую руку на заросли окаменелых цветов, сидела молодая женщина. Она была нагая, изящная, но фигуристая. Голова ее покоилась на изгибе правой руки, словно она только что присела и уснула, а левую руку покрывал воск.

– Красивая, – прошептал Кендал. Волосы у женщины были длинными и черными, и даже ее полные губы сохранили цвет – темно-малиновый. Под розовой кожей проступали наполненные кровью вены.

– Ее, должно быть, завалило здесь, – предположила Эбигейл.

– Нет, думаю, она жила в Абандоне восемьсот девяносто третьего года, – возразил профессор.

– Хочешь сказать, этому прекрасно сохранившемуся трупу сто шестнадцать лет?

– А ты посмотри на ее одежду. На ботинки. На холщовые штаны, шаль… По-твоему, современные женщины так одеваются?

– Но это невозможно! Ни малейшего признака разложения. Она и на мертвую-то не похожа.

– Согласен. Невероятно. Я такого чуда еще не видывал. – Лоренс отступил от углубления и глотнул чистого воздуха. – Запах тухлых яиц, говоришь? Это сернистый газ. Очень токсичный. Вероятно, он ее и убил. Но он же потом и сохранил ее тело, уничтожив все бактерии как внутри нее, так и вокруг. В то Рождество она, наверное, как и мы сегодня, искала выход. Увидела этот укромный уголок, решила отдохнуть. А потом обрушился потолок, и она оказалась вроде как в гробнице. Получилась своего рода герметичная камера. Деваться сернистому газу было некуда, вот разложения и не случилось. Так что она в буквальном смысле застыла во времени. Посмотри на нее! Перед тобой человек, живший и дышавший в Абандоне. Держу пари, ей было бы что рассказать… Господи, какая красавица!

– Она смотрит на меня! – вскрикнула вдруг Джун. – Глаз с меня не сводит!

– Дорогая, эта женщина давно мертва, – напомнила ей Эбигейл.

Кендал поднял камень и положил его перед расщелиной.

– Что ты делаешь? – удивилась Эбигейл.

– Если туда попадет свежий воздух, долго она не протянет. Нужно поскорее запечатать ее, сохранить в том виде, в котором мы ее нашли, – объяснил профессор.

Глава 63

Выбравшись из пещеры с водопадом через слепой шахтный ствол, соединявшийся с другим коридором, пленники несколько часов бродили по сети туннелей, которые то перекрещивались, то заканчивались тупиком, то заворачивались в себя. Впервые за все время Эбигейл ощутила полную безнадежность.

Отдохнуть остановились в подземелье, где сталактиты и сталагмиты соединялись в колонны, формой напоминающие песочные часы. Фостер прислонилась к холодному известняку и посмотрела на часы – 11:03. Они блуждали по пещерам пять с половиной часов, и она не спала уже двадцать девять часов.

– Мне надо отдохнуть. Сил больше нет…

– Светлое время слишком дорого, чтобы тратить его на сон, – возразил Лоренс. – Заниматься поисками выхода в темноте бессмысленно. Даже оказавшись в пещере с выходом наружу, мы можем просто не заметить его ночью. Так что будем продолжать до захода солнца.

– Но это еще восемь часов! Я не в состоянии…

– Эбби, ты понимаешь, что в нашем распоряжении всего три или четыре дня? Потом, без воды и пищи, нам недостанет сил на продолжение поисков. И тогда – всё, конец.

Девушка опустила голову на колени и расплакалась.

*** * ***

От постоянного движения света фонаря в животе у Эбигейл творилось что-то неладное. А может, причиной этого был холодный воздух подземелья или теснота туннеля, каменистые стены которого сужались последние пятьдесят ярдов. Сам туннель постепенно шел под уклон. «Отлично, мы забираемся все глубже в гору», – подумала Фостер и тут же почувствовала укол вины – ей ли жаловаться? Как ни плохо ей было, а Джун последние двенадцать часов дались куда тяжелее.

– Ты как, держишься? – спросила она свою спутницу. – Если захочешь, мы можем отдохнуть в любое время – ты только скажи! – Миссис Тозер не ответила, и Эбигейл обернулась. – Все будет… – продолжила она, но внезапно замолчала. Даже в том скудном свете, что доставался им от фонаря Лоренса, девушка увидела, что позади никого нет. – Стой! – крикнула она отцу. – Джун отстала.

Кендал остановился, повернулся и посветил в пустой туннель.

– Давно?

– Не знаю. Я минут десять или пятнадцать с ней не разговаривала. Вот только сейчас…

– Джун! – крикнул профессор. Голос его эхом пробежал по коридору и быстро затих.

Никто не ответил.

– Идем, быстро! – бросила Эбигейл. – Ее надо найти.

Они побежали назад. Примерно через минуту журналистке показалось, что она слышит что-то.

– Лоренс. Лоренс! – вновь позвала она отца; тот оглянулся. – По-моему, я слышала…

Из глубины горы вырвался и тут же оборвался крик, оставив гулкое и долгое эхо.

– Что за черт? – пробормотал профессор.

– Это Джун? – неуверенно спросила его дочь. Еще один крик разлетелся по туннелю, но теперь он как будто удалялся. – Она так кричит, словно ей больно!

Они побежали дальше, ориентируясь на продолжающиеся крики, и через пару минут достигли развилки.

– ГДЕ ТЫ? – прогремел теперь уже ясно слышный женский голос.

– Не могу понять, откуда он идет, – сказала Эбигейл.

– ПОЖАЛУЙСТА, ГОСПОДИ, ПРОСТО УБЕЙ МЕНЯ!

– Сюда, – определил Лоренс, сворачивая в более широкий коридор.

– Я ТАК ХОЧУ ПИТЬ!

Они миновали несколько идущих один за другим гротов. Крики звучали все громче:

– Я ЕЩЕ ЖИВА! ПОЖАЛУЙСТА! ПОКОНЧИ С ЭТИМ! УБЕЙ МЕНЯ!

Внезапно Кендал остановился.

– В чем дело? – шепотом спросила Эбигейл.

Он покачал головой.

– Вроде бы увидел что-то впереди…

– Что?

– Толком не разглядел. Промелькнуло и исчезло. Забудь.

– Я больше ее не слышу.

– Джун, ты где? – крикнул Лоренс. – Помоги нам найти тебя!

Подземелье как будто затаило дыхание.

– Не нравится мне это место, – призналась Фостер.

* * *

Продравшись через лес сталагмитов с вкраплениями колонн коренной породы, отец с дочерью вышли наконец в пещеру с затхлым воздухом и расползшейся по стенам сизой плесенью, кисточки которой лениво и медленно колыхались, словно подводные водоросли.

Сделав три шага, Лоренс замер как вкопанный.

– Господи… – простонал профессор чуть слышно.

Он опустился на пол, и в свете его фонаря Эбигейл увидела темную лужицу крови под головой Джун Тозер. Она лежала на спине возле небольшого валуна, которым воспользовалась, чтобы попытаться убить себя.

– Все кружится, – пробормотала Джун.

Эбигейл присела рядом с ней на корточки и взяла ее за руку. В блеклом свете судить о степени тяжести повреждений, нанесенных ею самой себе, можно было только по количеству крови. Джун застонала, и ее губы шевельнулись, пытаясь оформить слова:

– Не могла… больше. Они меня окружили… Где Эммет? – Она попыталась позвать мужа, но его имя застряло у нее в горле.

– Его сейчас здесь нет, – сказал Лоренс.

– Но я ведь скоро буду с ним? – выговорила миссис Тозер между хрипами. – И с Таем?

– С кем?

– Это их сын, – объяснила Эбигейл. – Да, и с ним тоже.

– Хочу услышать, как он смеется…

– Услышишь, милая. – Журналистка расплакалась, тронутая предсмертным отчаянием Джун, ее желанием услышать ответы на те вопросы, которые не имели ответа, ее уходом в воображаемый мир, утративший сходство с реальностью…

– Для меня он всегда был малышом. Думаешь, он вырос… стал… – Джун поперхнулась, закашлялась, и между зубов у нее брызнул маленький кровавый фонтан.

– Постарайся не говорить, – сказал ей Лоренс.

– Я ведь все равно останусь мамочкой, да? Я ведь была ею шесть прекрасных… – Женщина застонала и закрыла глаза. Эбигейл прижалась ухом к ее груди, слушая, как расширяются и сжимаются ее легкие.

– Мне очень жаль, – всхлипнул Лоренс. – Это я во всем виноват.

Грудь Джун поднялась – и вместе с ней голова Фостер.

А потом она опустилась с долгим выдохом, выпустив весь воздух, и больше уже не поднималась.

Глава 64

В три пополудни Лоренс остановился.

– Впереди свет.

Они только что вошли в самую большую из всех встречавшихся до сих пор пещер, около сотни футов в поперечине, с огромными, растущими из пола сталагмитами. Из трещины в стене с журчанием стекала вода, с высокого потолка свисали наподобие занавесей темные минеральные отложения. Отец с дочерью стояли в полосе дневного света, изливавшегося на них сверху через расселину, пробивавшую потолок на высоте примерно сорока футов. И там, вдалеке, Эбигейл увидела клочок серого неба.

– Туда не добраться, – сказал Кендал. – Даже не надейся. – Он отошел к источнику. – Дай-ка мне пустую бутылку из-под воды.

Эбигейл достала из рюкзака и протянула отцу бутылку из-под «Налджина». Набрав полбутылки, Лоренс вернулся на середину пещеры и посмотрел на ее содержимое в естественном свете.

Вода была мутной, и на дне бутылки уже выпадал осадок. Профессор поднес ее к носу и принюхался.

– Сильный сернистый запах. – Он попробовал воду на вкус, скривился и сплюнул. – Очень минерализированная. Горькая и едкая. Посильнее той, что бьет в наших горячих источниках в Пагосе. Не уверен, что ее вообще можно пить.

Отгоняя нахлынувшее отчаяние, Фостер с тоской посмотрела в далекое окно на потолке. А ведь это похуже даже прогулки по пещере в полной темноте, подумала она. Вот оно, перед тобой, да только не достанешь, как ни тянись. Недоступное, как рай из ада.

*** * ***

К концу дня, когда они сели наконец отдохнуть, настроение у обоих упало ниже нуля. На ужин не осталось ничего, кроме последнего батончика и воды на донышке бутылки. Их ждала ночь – холодная, на жестком каменном полу, в сырой, грязной одежде – и темное, беспросветное утро.

Они устроились у стены, в небольшой пещере с низким потолком, ничем не отличающейся от полусотни других, через которые они прошли за последние пятнадцать часов.

– Плохо, что мы оставили ее там, – сказала Эбигейл.

– А что мы могли сделать? Тащить ее с собой через пещеры? Ни Джун, ни Эммета уже не вернешь, – вздохнул Лоренс и выключил фонарь.

Молчание в давящей темноте было невыносимо.

– Ты нашел их и теперь знаешь, как они умерли, но по-прежнему не понимаешь, что все-таки случилось, так? – спросила Фостер.

– Не понимаю. Да еще и Куинн – если его действительно так зовут – изрядно усложнил уравнение.

– Но ведь зная, что они все умерли в пещере…

– Что-то подсказывает, что их, как и нас, заперли здесь. Может, это сделали Ооту Уоллас и Билли Маккейб… Но против такого варианта говорит тот факт, что золото тоже осталось здесь.

Сидя в темноте и слушая рассуждения отца, Эбигейл почувствовала, как ее лицо начинают покалывать острые иголочки холода. Что это? Первые признаки обморожения или переохлаждения?

– Как по-твоему, почему Куинн запер нас здесь? – спросила она. – У тебя есть какое-то объяснение?

– Помимо очевидного, элементарной жадности? Нет. Надо бы попить.

Кендал включил фонарь и потянулся за бутылкой, а его дочь почувствовала, как на нее сыплется что-то легкое. Сначала она приняла это за пылинки, но потом поняла – это же самые настоящие снежинки!

– Лоренс, посмотри, здесь идет снег.

Ее отец поднял голову.

– Господи! Щель я заметил сразу, когда мы только вошли, но снаружи было уже темно, и я подумал, что это всего лишь очередной слепой ствол, – пробормотал он удивленно.

Луч фонаря наткнулся на дыру в потолке. Снежинки падали через нее и, опускаясь, медленно таяли на полу.

Эбигейл встала.

– Можешь поднять меня туда? – спросила она профессора.

Тот молча кивнул. Девушка залезла ему на плечи, и он медленно, дрожа от напряжения, выпрямился.

– Чуть правее – а то вдавишь меня в потолок, – предупредила его Эбигейл и прищурилась, всматриваясь в узкий ход. Далеко ли до поверхности? И сможет ли она добраться до выхода, даже если как-то протиснется в этот лаз? – Ладно, опускай. – Лоренс согнул колени и так же медленно, как поднимался, опустился на пол. – Думаю, я смогу выбраться, если ты поднимешь меня чуть выше.

– Я не смог бы поднять тебя выше, даже если б лодыжка была в порядке, – отец покачал головой. – К тому же, поскольку у нас нет веревки, вылезти сможет только кто-то один. Как тебе такой вариант: ты выберешься одна и попытаешься найти помощь? Я нарисую карту в блокноте, а ты выйдешь на дорогу и вернешься к стоянке. Надо найти ключи от «Субурбана» Скотта. Они либо у него, либо в лагере, в рюкзаке.

– Там же и мой сотовый. Я попробую позвонить с перевала, – сказала девушка.

Лоренс облегченно выдохнул. Напряжение ушло, и его лицо расслабилось, как будто под кожей у него распустились тугие узлы канатов.

– Прежде чем идти, тебе нужно немного поспать, – велел он дочери. – Хотя бы несколько часов.

* * *

Будильник на часах сработал, как показалось Эбигейл, через пять секунд после того, как она закрыла глаза. Журналистка проспала четыре часа – на холодном полу, без сновидений. Кендал спал рядом. Его теплое дыхание согревало ей лицо, и в этой чистой, девственной темноте девушка уловила его запах – спрятанную глубоко реликвию, то подавленное воспоминание о далеких, таких дорогих сердцу годах, когда он был «папочкой», а не выдохшимся запахом лосьона, не наносной мозаикой искусственных химикалий, – его настоящий, живой запах. Запах, который вернул ее в прошлое, то прошлое, что было еще до аромата скошенной травы, сидений школьного автобуса и рожков мороженого.

– Проснулась? – прошептал Лоренс.

– Будильник разбудил. Наверное, пора. Ты спал?

– Думал.

– О чем?

– О золотых слитках. О тех, кто веками убивал ради них и убивает до сих пор. Но вы – ты и Тозеры – пришли сюда не за золотом. Эммет и Джун погибли из-за меня. И ты в этой пещере тоже из-за меня. Мне так жаль… Это ничего не изменит, но я

должен об этом сказать. Мне нужно, чтобы ты это услышала. Знаю, я никчемный, эгоистичный раздолбай. Как ты там сказала, в пансионе? Ты была права, Эбби. Все дело во мне. Так было всегда. – Кендал закрыл лицо руками. – Возьми это с тобой. Если вернешься ко мне. И если не вернешься. В том, что я ушел… не ты виновата. И не твоя мать. Я ушел… что-то во мне сломалось. И не поправилось. Я делаю больно людям, которых люблю, которые любят меня, а почему, и сам не знаю. Но, девочка моя, моя милая девочка, мне так жаль, что я сделал тебе больно! Мне так жаль, что тебе достался такой отец…

Эбигейл не хотела этого и сопротивлялась этому, но оно происходило помимо ее воли – старый, заскорузлый узел в ее душе понемногу ослабевал и распускался.

* * *

Даже стоя на плечах отца, ей не хватало еще фута, чтобы ухватиться за какую-нибудь опору.

– Не достаю. Подтолкни меня выше, – попросила девушка. Свет фонаря упал на ближайший выступ в нескольких дюймах от кончиков ее пальцев. – Еще чуть-чуть! – Она вытянулась и ухватилась за выступ обеими руками. – Есть!

– Найди опору для ног, – подсказал снизу Лоренс.

Пальцы начали неметь, но подошвы ботинок журналистки только впустую терли стену.

– Не могу найти. Ничего не попадается. Господи, я соскальзываю! – испугалась она.

– Чувствуешь? – крикнул профессор, толкая мысок ее правого ботинка в расщелину. – Переноси вес на ноги! – Эбигейл уперлась ногами в стену. – Не торопись. Соберись с силами.

Она перевела дух и посветила вверх фонарем. Проход сужался, но трещин и выступов в нем хватало. Фостер отпустила лямки рюкзака, потянулась к следующей опоре и невольно застонала от острой боли в копчике.

– Помни, подниматься надо за счет ног! – крикнул снизу Кендал. – Иначе быстро устанешь.

Эбигейл проверила прочность опоры под ногой – вроде бы надежная – и перенесла на нее вес. Затем она передохнула секунд тридцать и подтянулась. Новая методика сработала – руки уже не немели. Девушка поднялась футов на десять, но дальше стало труднее – стена обледенела, подошвы скользили, да еще и трещин и выбоин поубавилось, и Фостер вдруг обнаружила, что ухватиться ей уже не за что.

– Я застряла! – крикнула она в отчаянии.

– Отталкивайся ногами от противоположной стены! – Голос Лоренса звучал глухо, словно со дна глубокого колодца. – Упирайся! Протискивайся!

Эбигейл держалась на выступе шириной в полдюйма, и ее ноги дрожали от подступающей слабости.

– Я падаю! – вскрикнула она.

– Слушай меня! Правой ногой упрись в стену за спиной, а пальцами левой жми в противоположную!

Девушка попыталась последовать этому совету, но ее подошвы скользили по заснеженному камню. Она напряглась изо всех сил, и боль от копчика отдалась во всем ее теле так, что у нее даже помутилось в глазах. В конце концов ей все же удалось найти опору и даже немного подтянуться вверх. Она поползла выше, упираясь, где было можно, ногами, подтягиваясь, где получалось, на руках и проталкивая себя вверх.

На голову ей падал снег, где-то близко завывал ветер. Эбигейл посмотрела вниз – с высоты в семьдесят футов фонарь Лоренса казался крохотной точкой света – и снова подумала о той, навсегда оставшейся у нее в памяти ночи, когда он ушел. Что он чувствует теперь, провожая ее глазами, оставшись один в темноте? Может, то же самое, что чувствовала тогда она, глядя, как он выходит из ее спальни?

Ты оставил нас в яме глубже и темнее этой. Ты бросил нас и не вернулся. Разве такое можно простить? Ты предал четырехлетнюю девочку, перевернул ее мир вверх дном. Из-за тебя я всю жизнь считала себя брошенной. Разве такое можно простить? Если я не вернусь, папа, никто и никогда не услышит о тебе больше…

Голова Эбигейл вынырнула наружу из пещеры – черной, окруженной снежным венцом дыры на крутом белом склоне. Мела пурга, а часы показывали 00:32. Двадцать часов под землей. Ее пальцы, руки, ноги – все онемело. Она стояла на пронизывающем ветру, в кромешной тьме, посреди бушующей метели и даже не представляла, где находится и где искать Абандон.

1893

Глава 65

На следующее утро они отправились прогуляться по Мейн-стрит. Зимнее небо сияло голубизной, солнце поднималось над восточной стеной каньона, и снег блестел так, что на него было больно смотреть.

Камины в торговой лавке и ближайших домах на холме давно потухли, и воздух, освободившись от дыма, дышал морозной чистотой.

Гарриет, прищурившись, хотя капор и защищал ее глаза от солнца, посмотрела на Стивена. Ей было непривычно в обществе этого молодого проповедника, который обращался с нею, как со взрослой, и спрашивал, что она думает о том и о сем. Папочка ее мнением никогда не интересовался.

– А куда Бог забрал людей? – не в первый уже раз, начиная с прошлого вечера, спросила девочка.

Коул остановился, присел перед ней, и его снегоступы ушли в снег на добрый фут.

– Гарриет, я уже говорил тебе, что не знаю…

Уловив краем глаза какое-то движение вверху, над ними, проповедник бросил взгляд на второй этаж гостиницы и увидел в эркерном окне наблюдающую за ними Молли Мэдсен. Язва в желудке напомнила о себе болью, и он поморщился.

Пробившись через выросшие у кирпичного строения высокие сугробы, они с ребенком вошли в вестибюль гостиницы.

– Гарриет, иди поиграй у бильярдного стола, – сказал проповедник своей маленькой спутнице.

Сам же он снял дымчатые очки, расшнуровал снегоступы и поднялся по ступенькам. Пройдя по темному коридору, постучал в дверь мисс Мэдсен, а когда она спросила, кто там, назвал себя по имени.

Дверь открылась, и проповедник покраснел. Хотя в комнате было даже холоднее, чем в коридоре, вся одежда Молли состояла из тонкой, полупрозрачной сорочки. Она стояла перед ним, дрожа от холода, и с ее синих, как у покойника, губ срывались легкие клубочки дыхания.

– Увидев вас на улице, я подумала, что вы – мой Джек, – сказала женщина. – Я жду его с минуты на минуту – он должен вот-вот приехать.

– Вы позволите мне войти? И растопить камин? – попросил Коул.

– Да, конечно. Это было бы чудесно.

Стивен переступил порог, прошел в номер и положил на стол свою фетровую шляпу. Молли закрыла за ним дверь. В комнате воняло ночным горшком, но его поразила не столько грязь, сколько царящее там одиночество. Оно обосновалось здесь уверенно и прочно, растеклось по оклеенным унылыми обоями стенам и видавшей виды мебели и накрыло своей тенью чахнущую постоялицу. Проповедник знал ее ситуацию: предательство жениха, оскорбленная гордость брошенной женщины, унижение, расцветшее в конце концов безумием… Ему случалось навещать ее и раньше, но в комнату она никогда его не приглашала, чему, сказать по правде, он был только рад.

– Очаг там, – сказала Молли, подводя гостя к пузатой печурке напротив кровати. – Мистер Пакер всегда оказывает мне содействие в этом отношении. Мой Джек – его добрый друг и деловой партнер, хотя и не приезжал сюда уже некоторое время.

Запаса сложенных у стены дров вполне могло, на взгляд Стивена, хватить на день, а то и на два. Он скомкал несколько страниц старой газеты, таких хрупких, что они рассыпались у него в руках.

– Подходите ближе, согрейтесь, – предложил проповедник, когда в камине загудел огонь.

Мэдсен опустилась на колени перед открытой печью, уставившись невидящим взглядом на охваченные пламенем осиновые поленья. Коул снял с кровати пыльное покрывало и накинул его ей на плечи, а потом расстегнул свое пальто и устроился рядом.

– Молли, в городе никого не осталось, – сказал он. – Все ушли.

– Все? И даже мистер Пакер?

– И мистер Пакер тоже. Скоро ухожу и я. А к вам заглянул с надеждой убедить уйти вместе со мной.

– А как же Джек? Что, если он вернется и не застанет меня здесь? Что, если он никого не застанет?

– Мы обо всем известим Джека, как только попадем в Силвертон. Я даже заплачу за теле…

– Но это совсем не то… Мне положено сидеть у окна и смотреть на улицу. И вот я вижу его – он идет к отелю. А он видит меня здесь, в окне, и снимает шляпу. Я улыбаюсь – он взбегает по лестнице, идет по коридору и… – У женщины перехватило дыхание.

– Всё в порядке, Молли, – попытался успокоить ее гость.

– Я должна быть здесь, когда мой Джек придет в Абандон, – уверенно заявила хозяйка комнаты.

– Но кто будет приносить вам пищу и воду? Дрова для печи? Кто…

– Об этом позаботится Джек. В конце концов, он – мой муж.

– Молли…

Вы прожили в Абандоне десять лет, а в этом отеле – уже пять, и вы умрете в этой комнате, если не уедете со мной. Шансов увидеть Джека у вас столько же, сколько и у всех местных ковбоев разбогатеть в этом проклятом городе!

Помолчав немного, Стивен поднялся.

– Вы меня извините? – Он вышел из номера, торопливо спустился вниз и направился в вестибюль, откуда доносился стук костяных шаров. Гарриет забавлялась тем, что пыталась закатить сразу три шара в кожаные карманы стола.

* * *

Проповедник вернулся в номер Молли. Она сидела у печки и, разомлев от тепла, смотрела на кучку тлеющих углей. В комнате пахло древесным дымом, что значительно улучшило атмосферу в ней.

Коул сел рядом.

– Я надеялся, что вы расскажете мне о Джеке.

Лицо ее мгновенно оживилось. Она говорила о Джеке, как совершенно рассудительная женщина, и Стивен, слушая ее, легко представлял Молли такой, какой она, наверное, была когда-то.

Мисс Мэдсен рассказала об их первой встрече в Сан-Франциско, о бале, о том, как Джек ухаживал за ней, и об их первом поцелуе, а потом перешла к свадьбе. С мельчайшими подробностями, как будто все произошло не далее как утром, женщина описала, кто и во что был одет, какие подавались блюда, какими цветами был украшен зал и кто был приглашен в гости. Стивена изумило, как детально Молли описала лицо мужа, тон его голоса и даже запах. К тому моменту, когда она достала потрескавшуюся фотографию Джека, проповедник уже имел вполне ясное представление о нем.

В дверь постучали. Мисс Мэдсен поднялась с нагретых половиц у печки, прошла через комнату и спросила, кто там.

– Гарриет Маккейб, мэм, – послышался из-за двери детский голосок.

Молли открыла дверь – за порогом, в коридоре, стояла маленькая девочка.

– Что тебе нужно?

Гарриет скосила глаза на Стивена и снова перевела взгляд на хозяйку комнаты.

– В вестибюле мужчина, мэм, – сообщила она. – Спрашивает вас.

Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она поверила в ложь, которая ей так мила!

Молли попятилась.

– Как он представился? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Джек Энглер, мэм.

Мисс Мэдсен вспыхнула и повернулась к Стивену. Тот встал и подошел к двери.

– Гарриет, спустись вниз и скажи мистеру Энглеру, что миссис Энглер сейчас пришлет за ним. И поторопись.

Девочка побежала по коридору, и Коул закрыл дверь.

Молли посмотрела на свою сорочку – заляпанную, рваную. Жалкий наряд.

– Он не должен увидеть меня такой! – прошептала она.

Стивен шагнул к платяному шкафу и распахнул дверцы. Неношеные платья, провисевшие там много лет, покрылись серой пылью.

Мэдсен выбрала корсет, который был ей уже слишком мал, и проповедник, в меру сил, помог ей облачиться в него, застегнул два костяных крючка спереди и зашнуровал его сзади.

– Какое платье? – спросил он после этого. – Мне нравится вон то, синее…

– Джек терпеть не может синее. – Женщина сняла с вешалки другой наряд – персиковое платье с оборками.

– Прекрасный выбор. – Стивен помог ей надеть его через голову и просунуть руки в рукава. Стряхивая пыль с ее плеч, он чувствовал себя так, словно одевает ребенка-переростка.

Руки у мисс Мэдсен дрожали.

– Не бойтесь, – сказал Коул, наблюдая за ней. – Ваш муж внизу, в вестибюле, потому что любит вас. Он вернулся за вами.

С этими словами проповедник усадил Молли за туалетный столик. Ее волосы, жидкие и лоснящиеся от грязи, давно не расчесывались и спутались так, что он не решился воспользоваться щеткой, а взял серебряную расческу и провел гладкой тыльной стороной по длинным черным прядям.

Стекло в зеркале, перед которым она сидела, потрескалось и рябило, и Стивен надеялся, что эта женщина видит себя не такой, какой видит ее он, что Господь создал для нее тот образ, который примут ее глаза.

Делая вид, что расчесывает ей волосы, Коул думал о Джеке. Где он живет сейчас? Вспоминает ли о женщине, которую обманул и бросил, об этой безумной, жалкой жертве одержимости? Вот бы ему увидеть свою невесту! Увидеть, что он сделал с нею…

– Вы прекрасны, – сказал Стивен, сделав вид, что закончил.

– У меня нет румян, – вздохнула Мэдсен.

Гость ущипнул ее за щеки.

– Вот, – сказал он удовлетворенным тоном. – То, что надо.

Молли расцвела, и в какой-то момент перед Коулом промелькнуло ее былое достоинство и гордость. Он подошел к двери, приоткрыл ее и крикнул:

– Гарриет! Миссис Энглер готова принять мужа!

Затем он закрыл дверь. Женщина осторожно приблизилась к нему – грудь ее трепетала под жалким платьем.

Теперь она стояла в трех футах от двери. Стивен – за ее спиной.

С лестницы донеслись тяжелые шаги.

Молли оглянулась на проповедника с радостной, счастливой улыбкой невесты. Она думала о том первом дне, когда, посланная заранее супругом, приехала в только что возникший в этих местах лагерь под названием Хоуп. Думала обо всем, что хотела сделать, о местах, которые хотела увидеть, о детях, которых мечтала выносить… Все это пронеслось перед ней, как лавина.

Как же долго она ждала!

И вот теперь он шел по коридору.

– О, Джек!.. – прошептала Молли.

Стивен взвел курок, поднял револьвер, поднес к ее затылку и стал ждать стука в дверь.

Глава 66

Вечером проповедник отправился за водой, точно зная, что без нее не вернется – на холме за его домом бил родник. Бывший владелец его хижины соорудил нехитрое строение на скале, из-под которой вода выходила на поверхность, так что ее без труда можно было добыть даже в зимние месяцы.

С фонарем в одной руке и пустым ведром в другой Коул поднялся футов на пятьдесят вверх по тропинке, прошел мимо уборной и двинулся дальше в направлении сарая. Луна светила столь ярко, что он и вовсе мог не брать с собой свет.

Пройдя под жестяную крышу, он повесил фонарь на колун, свисавший с гвоздя, вбитого в одну из досок.

По краям того плоского камня, из-под которого бил источник, образовался лед, и Стивен, обколов его, поставил ведро под струйку, после чего уселся на сухой камень, покрытый, как и все прочие в этом отвале, оранжевой хлопьевидной массой.

Он всегда полагал, что это водоросли.

*** * ***

Одинокая хижина светилась на восточном склоне над Абандоном, хотя заглянуть внутрь нее никто не смог бы, так как окна в ней были не из стекла, а из белой хлопчатобумажной ткани, вымоченной в твердом жире. То был скромный, в одну комнату, домишко с каменным и обмазанным глиной дымоходом, небольшим передним крылечком и крышей из гофрированного железа, которая оставалась достаточно теплой от шедшего снизу, из камина, жара, так что снег на ней не задерживался. Обстановка – как внутри, так и снаружи – была спартанской, что указывало на отсутствие в доме женщин.

Стивен вытащил из печи две эмалированные кастрюли и поставил их на грубо сбитый стол, за которым в ожидании ужина сидела Гарриет. Опустившись на дьяконский стул, он снял крышку с той из кастрюль, что была побольше.

Повалил пар. Похлебка только-только закипела.

Коул подхватил ковшом тушеное мясо и перенес его из кастрюли в миску девочки, а затем отрезал ей кусочек квасного хлеба и положил сверху пару ложек малинового варенья. Один из прихожан оставлял хлеб и банку варенья у его дверей каждое рождественское утро. Проповедник вымыл оловянную кружку Гарриет в глиняной чаше, купленной у торговца-навахо[26], и наполнил эту кружку водой, а потом налил в свою чашку немного кофе из кувшина, после чего позволил себе сделать пару глотков, перед тем как налить похлебки в собственную миску.

Потом он благословил еду. Что было не лишним.

Похлебка оказалась ужасной – в отсутствие соли и перца получилась смесь грязной воды с кусочками оленьего мяса с хрящами и картошки с плавающей на маслянистой поверхности капустой.

Но гостья Коула умяла ее без каких-либо предубеждений и даже попросила добавки.

После ужина Стивен приготовил для Гарриет постель на матрасе, который еще днем взял в хижине Маккейбов. Пижаму девочке заменили ее трусики, пеньюар Бесси – слишком длинный и собиравшийся в сборки у ног – и пара дырявых носок, пошитых из мучных мешков. Проповедник попросил ребенка отвернуться, пока сам натягивал ночную рубашку поверх нательного белья.

– Хочешь послушать сказку на ночь? – спросил он.

Гарриет подошла к подножию его осиновой кровати, глядя на старую, пришпиленную к бревнам и служившую обоями газету.

– А что это такое? – спросила она.

– Тебе никогда не читали на ночь сказок?

Девочка покачала головой, и Стивен понял, что ее родители, судя по всему, были людьми неграмотными. Он поднялся со своего матраса – сшитых вместе и набитых еловыми ветками кусков мешковины – и прошел к железнодорожной шпале, использовавшейся в качестве каминной и книжной полки.

Выбрав потертый, порядком уже поистрепавшийся томик, проповедник загнал Гарриет в ее постель у камина и заботливо укрыл. Она улеглась в ногах у Стивена, положив голову ему на колени, и в течение десяти минут при свете очага он читал ей «Приключения Тома Сойера».

Проповедник закрыл книгу, когда решил было, что девочка уснула, но едва он попытался встать, не потревожив ее, как глаза Гарриет широко раскрылись, и она спросила:

– Что случилось с мисс Мэдсен?

Коул провел тыльной стороной ладони по лицу девочки. Оно было нежным и холодным. Он осторожно накрутил на палец один из ее иссиня-черных завитков.

– Молли была очень больна, – сказал мужчина наконец.

– У нее было что-то вроде скарлатины?

– Нет, у нее были проблемы с головой. Господь приказал мне покончить с ее страданиями, что я и сделал.

– Как сделали?

– Знаешь, для чего нужен револьвер?

– Чтобы делать людям больно.

– Именно. Я выстрелил пулей Молли в затылок, чтобы она больше никогда не страдала и не печалилась.

– Ей было больно?

– Пуля убила ее тело, но душа ее ничего не почувствовала.

– Вы и мне выстрелите в голову, чтобы я отправилась к Господу?

– Нет, Гарриет. Тебя ждет долгая и счастливая жизнь.

Девочка закрыла глаза.

Стивен перебирал ее волосы до тех пор, пока она не уснула.

*** * ***

Гарриет проснулась. Огонь уже угасал, и, хотя ноги у нее замерзли, она все еще чувствовала тепло пламени на своем лице. Звук, вырвавший ее из сна, повторился снова. Привстав с комковатого матраса, девочка посмотрела через плечо на кровать мистера Коула, стоявшую в углу у стены. Проповедник зарылся лицом в подушку и издавал странные, печальные звуки.

Гарриет взяла свою куклу, встала с матраса и прошла к его постели.

– Эй! – позвала она хозяина дома.

Коул оторвал голову от подушки. Даже в слабом свете хижины его гостья увидела, что его лицо влажное, и поняла почему.

– Ты зачем встала? – спросил мужчина.

– Услышала, что вам грустно. Вы плачете потому, что больше никого не осталось.

Стивен вытер глаза и сел, прислонившись спиной к стене. Его длинные ноги свисали с кровати, и ступни касались мерзлого грязного пола.

Гарриет устроилась на матрасе рядом с ним.

– Мне грустно по многим причинам, – ответил проповедник.

– И что это за причины?

– Прежде всего мне грустно потому, что Господь приказал мне сделать нечто очень жестокое, нечто такое, на что, как я думал, Он не способен. И я тоже, если уж на то пошло. Но я сделал это, сделал потому, что мы должны повиноваться Господу. Всегда. И теперь я… – Коул снова заплакал. – Мне кажется, я Его больше не понимаю. Словно Он не тот, кем я Его полагал. И это чудесно. Он совершенен, каким бы Он ни был. Я сам виноват – не следовало придерживаться наивных представлений о Его природе. Дьявол постоянно твердит мне эту ложь, нашептывает на ухо, что, возможно, со мной говорил вовсе не Бог. Что это был он – дьявол. Или что эта ужасная зима, этот город, этот разреженный воздух, эта алчность – все это лишило меня ума.

Гарриет попросила его раскрыть сжатую в кулак правую руку:

– Что это?

На вспотевшей ладони Стивена лежала богато украшенная заколка для волос из чистого серебра. Он позволил девочке подержать ее.

– Это заколка, – объяснил проповедник.

– А что это такое?

– Украшение, которое женщины используют для того, чтобы скреплять волосы.

– А вам она для чего?

Коул улыбнулся.

– Справедливый вопрос. Она принадлежала одной женщине, которую звали Элинор.

– Она была вашей женой?

– Нет.

– Она умерла?

– Нет, Элинор не умерла. Знаешь, ты даже на нее похожа. У нее тоже были черные локоны. И темные глаза.

– Это она вам дала?

– Как-то днем мы отправились на берег, на пикник. Это было десять лет тому назад, в один из худших дней в моей жизни. Я привел ее туда, чтобы сказать, что не могу на ней жениться.

– Почему?

– Потому что Господь приказал мне пойти учиться в богословскую школу. Посвятить всю жизнь служению Ему. В тот день было ветрено, ветер трепал ее распущенные волосы, и поэтому Элинор вынула обе свои заколки и воткнула их в песок. Я стащил одну, когда она отвернулась. Возможно, и не следовало этого делать. Это, знаешь ли, как ты прижимаешь к себе Саманту ночью, и от этого тебе делается спокойнее. Безопаснее.

Девчушка кивнула.

– Эта заколка – моя Саманта, – продолжал мужчина. – Когда я держу ее, в тяжелые, одинокие ночи, как эта, то вспоминаю Элинор – ее глаза, запах, смех… И от этого мне становится грустно, и я скучаю по ней; хотя, с другой стороны, она также напоминает мне и о том, что когда-то я был очень счастливым человеком.

– Вам хотелось бы остаться с Элинор там, на берегу?

Стивен собрал волосы девочки и завязал их в «хвостик».

– Нет, Гарриет. Я этого не хочу, потому что это значило бы желать чего-то такого, что противоречит Божьей воле. Но я скажу тебе, чего бы мне хотелось. Мне хотелось бы, чтобы мы могли жить дважды, и каждый раз идти новой дорогой. И чтобы в конце всего этого, закончив служение Богу на Западе, я мог бы вернуться в тот день на берегу и надеть на палец Элинор обручальное кольцо.

– Может, вы и сейчас еще можете вернуться.

– Элинор замужем за неким адвокатом по имени Бенджамин. Они живут в Чэпел-Хилл, в Северной Калифорнии, с четырьмя детьми, как я слышал.

Стивен улегся на своей половине кровати, положил голову на подушку и принялся наблюдать за тенями, которые, словно черные призраки, метались по стенам его убогой хижины. Теперь он плакал уже не так громко, а Гарриет, гладя его по спине, повторяла с наивной, но искренней мудростью шестилетнего ребенка, что утром он проснется совершенно другим и снова счастливым, что ей тоже бывало грустно, одиноко и страшно – из-за папочки, – но потом все проходило, и у него тоже пройдет.

Они уснули в постели Коула и проснулись лишь с рассветом, да и то лишь потому, что огонь в камине совсем угас, отчего в хижине стало жутко холодно.

Глава 67

Лана Хартман ничего не ела и не пила уже двое суток. Она лежала на холодном каменистом полу, глядя на шахтерскую лампу, слишком слабую, чтобы ее свет доходил до изможденных и ввалившихся лиц сидящих вдоль стен людей.

В первую ночь, проведенную в плену горы, кругом стоял такой шум, что пианистка опасалась за собственный рассудок – шахтеры пытались выбить дверь, ругались, спорили, то и дело стреляли ружья… Да еще и дети плакали не переставая. Но потом большинство шахтеров ушли искать воду, и теперь, когда в пещере стало тихо, девушка пыталась вслушаться в приглушенные голоса. Кто-то плакал, кто-то молил о спасении, обращаясь к Богу, кто-то проклинал Его, а пара интеллектуалов обсуждала философские теории, касающиеся жизни после смерти.

Лана закрыла глаза.

Сон пришел к ней в перемежающихся вспышках ночного кошмара и лихорадочных видений, а когда она пробудилась, в голове у нее шумело вдвое сильнее прежнего. Рядом, поглаживая ей волосы, стояла на коленях Джосс Мэддокс. На то, чтобы разобрать, что она говорила, у пианистки ушла пара секунд.

– …хуже всего. Лишь бы Коул не наткнулся на какого-нибудь охотника за скальпами. Люблю слушать, как он защищает своего Бога, – бормотала Джослин. – Знаю, тебе больно, а ты уж точно никак не заслуживаешь такой дерьмовой участи. Если б я могла что-то для тебя сделать, Лана, клянусь святым Господом, я бы это сделала… Я пришла спросить, не хочешь ли ты пойти со мной. Я намерена покинуть эту тухлую могилу, пройтись по пещере, посмотреть, нет ли где воды или какого-нибудь выхода.

Хартман слегка повела глазами: лицо барменши раздувалось и искажалось в свете фонаря.

– Что это значит – да? – уточнила Мэддокс.

Лана едва заметно кивнула.

– Отлично. Дай-ка помогу тебе встать! Надеюсь, ты потеряла не слишком много сил, чтобы идти самостоятельно, потому что я чертовски слаба, чтобы тащить тебя на себе.

*** * ***

Джосс подняла свечной фонарь, припрятанный под телом Эла, зажгла свечу и вывела Лану в пещеру. Так, при свете горящей свечи, они медленно продвигались вперед и вскоре вышли из искусственных туннелей в карстовые коридоры, после чего двинулись дальше, переходя из одного в другой. Чтобы не напороться на сталактиты, Мэддокс держала фонарь на уровне головы.

Где-то спустя час после выхода из главной пещеры они очутились в небольшом гроте. Вытекавшая откуда-то из-под земли вода образовывала небольшое озерцо, и Хартман, подбежав к нему, упала на колени и принялась черпать воду пригоршнями и омывать ею лицо.

– Как бы тебе не пришлось пожалеть об этом, – заметила ее спутница.

Лана уставилась на источник – на крошечные пузырьки, струящиеся из расселин и словно клокочущие на поверхности. Наклонившись к роднику, она высунула язык, пробуя воду на вкус – та оказалась горькой и едкой, сильно отдающей щелочами.

– Спорим, отравлена? – усмехнулась Мэддокс.

Наконец, увидев, как Джосс забирает свечи из рук двух мертвых шахтеров, пианистка, уже приготовившаяся вдоволь напиться, разжала ладони, и вода пролилась сквозь ее пальцы на пол.

*** * ***

В гроте эхом отдавался шум водопада, но света не хватало, так что оценить его размеры было невозможно. Они стояли на берегу подземного озера, усеянного белыми кристаллами, дно которого блестело под лучами света, пробивавшегося сквозь перфорированную жестянку.

Звякнул о камень свечной фонарь, и женщины, упав на колени, принялись жадно лакать воду. Первые два глотка заставили Лану закашляться, но когда она наконец смогла протолкнуть в себя немного воды, та оказалась такой холодной и приятной на вкус, что у нее разболелась голова.

Они сидели на берегу озерца и пили до тех пор, пока у них не раздулись животы. Джосс пришлось даже расстегнуть пуговицу на своих холщовых штанах.

– Тебе, Лана, – сказала она, – вряд ли захочется узнать, что бы я сделала ради сигаретки, которая осталась в моем соннике, и кой-каких мексиканских вкусностей – печенья, менудо, бутылочки мескаля… Постоянно слышу, как кто-то гремит кастрюлей. Знаешь, за еду я бы даже от виски отказалась.

*** * ***

Две женщины долго бродили внутри горы, не видя перед собой ничего другого, кроме скал, теней и света горящей свечи, и пианистке казалось, что они провели в этом подземном мире уже несколько дней.

Она мысленно проиграла половину одного из концертов Гайдна, когда Джосс остановилась, повернулась к ней и сказала:

– Думаю, нам лучше вернуться. – По тому, как звучал ее голос, Хартман решила, что они стоят в какой-то большой пещере. – Даже не представляю, черт возьми, где мы сейчас находимся, но как знать – вдруг Стивен вернулся, или же им удалось выбить эту треклятую дверь? Не хотелось бы пропустить такое!

Лана покачала головой.

– Что-то не так? – насторожилась Джослин.

Ее спутница наклонилась, потерла рукой ступню, и ее лицо исказила гримаса.

– А, устала? – догадалась барменша. – Ну, черт возьми, я тоже! Может, нам действительно стоит передохнуть немного. Давай поищем подходящее место.

Они прошли еще немного, прежде чем обнаружили ровную площадку.

– Ваши апартаменты, мисс Хартман, – сказала Джосс. – Надеюсь, здесь вы найдете все, что нужно. Здесь, как вы видите, у нас камень. И вон там – камень. О, и с той стороны – тоже хренов камень. Надеюсь, вам нравятся камни.

Лана улыбнулась.

– Не нагляделась! – фыркнула Мэддокс.

Глава 68

Женщины лежали на каменистом полу, прижавшись друг к дружке и укрывшись шерстяной накидкой Ланы и мексиканской шалью Джосс. После того как Хартман наполнила желудок водой, голова у нее болела уже не так сильно, но унявшаяся на время боль лишь высвободила место для жуткого голода.

– У нас осталось три свечи, – сказала Джослин. – Надеюсь, их нам хватит, чтобы выбраться в какое-нибудь более комфортное место. Пока же посидим немного в темноте.

Пианистка уловила легкое дуновение, и свет погас.

Их обступили полнейшая тишина и холод.

Она почувствовала, как Джосс дотронулась до ее руки.

– Веришь во все это дерьмо? – спросила барменша. – Я как-то не очень. Это, наверное, даже страшнее, чем стоять с мешком на голове и петлей на шее перед кучкой чужаков. Тебе не холодно? Если нет, пожми мне руку.

Лана сжала ее ладонь.

– Хорошо, – отозвалась Мэддокс.

Какое-то время они молчали. Хартман размышляла над тем, не легче ли уснуть, когда не умираешь от жажды.

– Ты всегда была немой? – спросила вдруг Джосс. – Пожми мне руку один раз, если да, два раза – если нет, и три – если хочешь, чтобы я заткнулась.

Ответом ей были два пожатия.

– Просто любопытно. Не обижайся. То есть еще недавно ты могла говорить? – продолжила расспрашивать Джослин. – Я хочу сказать – во взрослой жизни?

Одно пожатие.

– И как давно уже не можешь?

Три легких пожатия.

– Три года?

Одно пожатие.

– Можно подумать, ты слышишь, как у меня в голове крутятся шестеренки, прикидывая, что за хрень с тобой приключилась… Произошло что-то страшное, так ведь?

Одно пожатие.

– Три года назад кто-то сделал тебе больно.

Одно пожатие.

– Мужчина?

Снова одно пожатие.

– Да все они хренососы! Ты была шлюхой?

Два пожатия.

– Так это твой муженек постарался или…

Одно пожатие.

– Дай-ка догадаюсь… Загуляла, а он прознал?

Два пожатия.

– Что ж… Так как при нашем способе общения у меня уйдет четыреста чертовых лет на разгадку этой тайны, оставим все это. Ты – милое создание, и по какой бы причине тебе ни досталось от твоего благоверного, мне действительно очень жаль, и я надеюсь…

Потолок замерцал, и у обеих женщин перехватило дыхание, когда вверху вдруг показалась луна, почти полная и бледно-желтая, цвета старой бумаги, и их каменную тюрьму залило спокойным, мягким светом.

– Зуб даю, впервые в жизни так подфартило! – воскликнула Мэддокс.

Это удивительное зрелище длилось какие-то мгновения, а потом возникшая в расщелине луна ушла, продолжив свой предопределенный путь по небу и снова погрузив пещеру в непроглядную темноту.

* * *

Джосс подняла свечной фонарь как можно выше над головой и уставилась в потолок.

– Если подсобишь, думаю, я смогу туда забраться, – сказала она своей спутнице. – Присядь-ка на корточки.

Лана опустилась на колени, и барменша взобралась ей на плечи.

– Порядок. А теперь медленно приподнимайся.

Хартман встала, пораженная тем, сколь легкой – фунтов сто, не больше – оказалась Джослин.

Зажав лампу в зубах – свеча, казалось, вот-вот погаснет, – Мэддокс полезла вверх, цепляясь за выступы.

Пианистка огляделась – со всех сторон ее окружала тьма.

– Черт! – едва слышно выругалась Джосс, поднявшись футов на пятнадцать. Она вновь зашевелилась, но уже двигаясь в обратном направлении, и пещера вновь озарилась светом.

Наконец из расщелины показались ее ноги. Она спрыгнула на пол, вытащила изо рта лампу и сказала:

– Послушай, Лана. Подняться туда сможет лишь одна из нас. Я хочу, чтобы это была ты.

Хартман покачала головой.

– Нет? Хочешь знать, что будет, если ты останешься здесь? Кто бы ни полез в эту расщелину, ему придется взять с собой фонарь, так как без свечи в зубах весь этот путь не проделать, – принялась уговаривать ее Джослин. – Я оставлю тебе три свечи и две спички. Что бы ни случилось, шансов на то, что я вернусь, немного, а значит, тебе придется возвратиться в пещеру, туда, где все остальные. Твоя свеча может погаснуть дважды – не больше. После этого можешь просто сидеть и ждать смерти, в кромешной темноте и абсолютной тишине, совершенно одна – лишь ты и твои мысли. Как по мне, так я предпочла бы попытать счастья с тем, что находится на ярком конце этой дыры – что бы там меня ни ждало.

Лана снова покачала головой; ее подбородок дрожал.

– Я не собираюсь долго тебя упрашивать, – предупредила ее Мэддокс. – Ты знаешь обо мне достаточно, чтобы понимать: я не из тех, кто на светлой половине, так что предложить тебе такое для меня не так уж и просто. Советую тебе соглашаться, пока я добрая – а это ненадолго – и пока я не передумала.

Пианистка указала на Джосс, а потом повернула руки ладонями кверху.

– Об этом не беспокойся. Я и не из таких ситуаций выбиралась, – заверила ее барменша. – Вот и из этой выкарабкаюсь. Слушай, в жизни я всякого натворила, и немногое из этого не дает мне спать по ночам, но бросить тебя здесь, в темноте – это не то, что я готова взять на душу, взвалить на ту толику совести, что у меня еще осталась. Сечешь?

Она протянула Лане свечной фонарь и завязала в узел ее волнистые темные волосы.

– А теперь я встану на карачки, а ты уж давай, затаскивай на меня свою хренову тушу!

2009

Глава 69

Столько снега – уже по пояс, а он все валит и валит – Эбигейл не видела за всю свою жизнь. Даже при включенном налобном фонаре видимость составляла не более десяти футов. Дальше все было так же темно, как и в той пещере, из которой девушка только что выбралась.

Выбор был невелик: карабкаться вверх или идти вниз, и она решила спускаться. На высоте в двенадцать тысяч футов, при нехватке кислорода и общей усталости, идти пришлось по глубокому снегу, с остановками через каждые несколько шагов, чтобы перевести дыхание.

Крутизна склона только возрастала.

Порывы ветра то и дело сбивали с ног.

Дважды Фостер ударялась коленями о скрывавшиеся под снегом острые камни.

Она шла примерно с полчаса, когда склон вдруг закончился отвесной скалой. Опустившись на колени, Эбигейл посветила фонарем вниз, и у нее скрутило живот при виде вихрящихся в темноте хлопьев снега. Где дно, она не знала, но мысленно сказала себе, что ни за что в жизни не пойдет этим путем.

Вместо этого девушка двинулась вниз по самой кромке пропасти. Лицо ее снова стало неметь, пальцы окоченели, а голова кружилась от высоты, голода и жажды.

Вскоре утес остался позади, и журналистка начала медленно спускаться под журчание ручейка, текущего под снегом к более обильным водам. Внизу, в темноте, проступили высокие, тонкие силуэты. Продравшись через высокогорный кустарник, Фостер вышла к лесу.

Ветви елей провисали под тяжестью снега. За одну из них Эбигейл зацепилась капюшоном и тут же нырнула под хвойную крону.

Сняв перчатки, она вытрясла из-под воротника попавшие туда льдинки. Глубокую тишину леса нарушали лишь скрип елей да сползавшие с веток снежные глыбы. Ужасно хотелось пить, но трогать воду или запасы Лоренса девушка не стала. Вспомнив данное ему обещание, она просто сунула в рот пригоршню снега, а потом пожевала лед – выдавила из него несколько капель воды и выплюнула. У нее разболелась голова. Стало еще холоднее, чем было.

Где-то поблизости раздалось завывание. Оно медленно нарастало, а затем столь же медленно, с душераздирающим унынием элегии, стихло. Фостер никогда не слышала такого звука в дикой природе, и хотя он разбудил в ней все первобытные страхи, все равно нашла его лиричным и глубоко печальным.

Вой повторился – теперь он звучал ближе и откуда-то сверху, возможно, с того белоснежного пика, с которого девушка спустилась. Ему ответили сразу несколько завываний, и эти голоса прокатились одиноким каскадом по всему лесу. Что-то двигалось в сторону одинокой путешественницы.

Волк остановился в тридцати футах от нее – по шею в снегу, подняв уши, шерсть дыбом – и уставился на Фостер, задрав морду и словно недоумевая, с чего бы это человеку бродить здесь в такую ночь? В глазах его полыхал желтый огонь, а в пасти, когда он оскалился, сверкнули длинные клыки.

Эбигейл моргнула, и волк исчез.

Она встала и пошла дальше, через лес. Спустя какое-то время ее часы пикнули – было три часа ночи. Журналистка поняла, что уже довольно-таки долго идет вниз по склону, и это ее встревожило. Абандон стоял на линии леса, но она спустилась уже гораздо ниже, как минимум на тысячу футов.

Девушка повернула обратно и стала подниматься по самому крутому из возможных маршрутов, цепляясь за молодые деревца.

Уже перед рассветом она прошла через небольшую рощицу ободранных до стволов деревьев – кладбище сожженных елей, оставшийся без коры и крон почерневший лес, убитый какое-то время тому назад молнией.

У верхней границы леса, чувствуя, что выбилась из сил, Фостер остановилась передохнуть – ноги у нее сводило судорогой, и ее уже тошнило от голода. Она выпила всю свою воду и заставила себя проглотить пару пригоршней снега, когда небо чуть просветлело, сделавшись из черного серым – это был первый шаг к рассвету.

Журналистка сидела и дрожала, прислонившись к искривленному карликовому деревцу и глядя, как собирающийся свет прорисовывает окружающую глушь. Снег почти перестал идти, и хотя в лесу ветер уже утих, она все еще слышала, как он стонет вверху, среди скал.

Забрезжил рассвет.

Эбигейл надеялась увидеть единственный знакомый ей ориентир – неровные гранитные зубы Пилы – но все, что находилось выше двенадцати тысяч футов, скрывала облачная туманная пелена.

И тут, над ближайшим склоном, она увидела его – крошечный крест абандонской церкви, пробивающийся сквозь нижний слой серых облаков. Девушка поднялась. Город лежал впереди, всего лишь в четверти мили от нее. Она смогла различить и другие строения и на какую-то долю секунды даже возгордилась собой.

Я отыскала его в темноте, в жуткую метель. Неплохо для городской девчонки!

«Где-то здесь все еще может быть Куинн», – мелькнула у нее новая мысль. Фостер выключила налобный фонарь и побрела по узкому, с отвесными стенами, каньону.

Глава 70

Мейн-стрит была пустынна. Столетний ветер с нестройным звяканьем бил в двери того, что некогда было торговой лавкой. Эбигейл стояла между салуном и гостиницей, глядя вверх, на эркер – тот наблюдательный пункт, откуда она впервые увидела Айзею или Стю через красный фильтр камеры Эммета.

Она внимательно осмотрела окрестности. Теперь, спустя полутора суток, от протоптанных ими в понедельник вечером тропок под четырехфутовым слоем снега не должно было остаться и следа. И однако же дорожки тут были: по крайней мере, одна свежая, проложенная к гостинице и уже от нее уходившая на юг, к перевалу.

Фостер прошла к входу и переступила порог. Она постучала ботинками о кирпич, сбивая с них лед, а затем включила налобник и прошлась лучом света по обвалившейся лестнице, арочным проходам и регистрационной стойке. Когда она была в этом гостиничном вестибюле в последний раз, поздним вечером понедельника, под аркой лежал Скотт Сойер. Теперь же о нем напоминало лишь темное пятно на полу.

Девушка лишь бегло осмотрела вестибюль и заглянула под бильярдный стол, за упавшую лосиную голову – вдруг Куинн обнаружил Скотта и перенес его в какое-то другое место…

Если Сойер захватил ключи от «Субурбана» на их вечернюю понедельничную фотосессию, о том, чтобы воспользоваться его внедорожником, можно будет забыть. От Абандона до обозной тропы – семнадцать миль и еще десять – до той, что ведет в Силвертон. Двадцать семь миль. Больше чем марафон, в глубоком снегу, на высоте, без сна, без воды и пищи.

Если сотовый на перевале не заработает, то я влипла. Пора трогать.

Внезапно она услышала, как хрустнуло стекло под чьей-то ногой – на другом конце вестибюля, в столовой.

Девушка бросилась к выходу и едва заметила тень, стрелой вылетевшую из бара: кто-то бежал за ней по осколкам разбившихся люстр. Сердце у нее стучало так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди, и прежде чем она достигла двери, что-то схватило беглянку за левое запястье, и рука в перчатке подавила ее вскрик, затащив ее обратно в фойе и подтолкнув к столу регистрации.

Налобник осветил лицо Сойера.

– Скотт?! – ахнула Фостер. – О, Боже, так ты…

– Ш-ш-ш… Кто-то был здесь всего четверть часа назад!

– Кто?

– Я не узнал их. Услышал шаги на снегу и спрятался позади барной стойки.

– Но как так вышло, что ты жив?

Мужчина приподнял куртку, желтую флисовую толстовку и термальную футболку, и Эбигейл увидела, что он замотал скотчем ножевую рану, уже почти не кровоточащую. Правда, эта, правая часть его живота все равно выглядела раздувшейся и воспалившейся.

– Боль просто-таки адская, – признался он. – Когда меня пырнули, я уж было подумал: всё, кранты! Лезвие уткнулось в ребро, но жизненно важные органы не задело. Когда появились эти люди в масках, я сделал вид, что лежу в отключке. Понадеялся, что они решат, будто я умираю, и оставят валяться связанным. Так оно и вышло. А этой ночью я пришел в себя и кое-как развязался. Лежал, отдыхал, собирался с силами и уже хотел пойти всех искать…

«Что ж, они все мертвы – из-за тебя и моего отца», – подумала Эбигейл.

Она прислонилась спиной к столу, иначе просто упала бы и уснула.

– Всех – это троих мужчин в масках? – спросила она. – Бывших спецназовцев?

– Троих? Я думал, их было только двое.

– Третьим был твой верный помощник.

– *Что*? – Сорвав головную повязку, Скотт провел рукой по своим выгоревшим волосам.

– Судя по всему, Джерроду стала известна истинная причина вашего с Лоренсом приезда в Абандон, – объяснила ему девушка.

Если Сойер и уловил язвительность в ее голосе, он никак этого не показал и лишь спросил:

– Что случилось?

Журналистка рассказала ему обо всем, кроме того, что они действительно нашли золото, и когда она закончила, Скотт опустил голову и долго сидел в полном молчании, хотя в свете налобника Эбигейл видела, как по щекам его бегут слезы.

– Это я их убил, – произнес он наконец.

Девушка положила руку ему на плечо.

– Нет, ты… – попыталась она подыскать какие-нибудь слова утешения.

– Да нет же, я был их гидом, – перебил ее мужчина. – Они приехали сюда просто посмотреть Абандон, сделать несколько дурацких снимков, а мы использовали их, чтобы попасть сюда… Господи Иисусе!

– Скотт, я знаю, что ты расстроен, но нам нужно сейчас же идти за помощью. После того как вода закончится, долго Лоренс в той пещере не протянет. Мой сотовый остался в рюкзаке, в лагере. Если на перевале есть связь, возможно, нам удастся кого-нибудь сюда вызвонить.

Сойер посмотрел на девушку и вытер лицо, после чего встал, проковылял в столовую и, вернувшись с рюкзаком, протянул Эбигейл две плитки «Клифа» и бутылку «Налджен».

– Я добавил в воду два пакетика энергетика. Подкрепись, – сказал он. – Это поможет пополнить растраченный запас минералов и витаминов. Путь предстоит нелегкий, подзарядиться надо серьезно.

Глава 71

Они направились на юг, к лагерю, выбрав – чтобы оставаться никем не замеченными – ту дорогу, которая тянулась позади строений. Несмотря на рану, Скотт двигался по снегу довольно-таки быстро, и вскоре окраина, застроенная домиками с декоративными фасадами, осталась далеко позади.

На подходе к лагерю Эбигейл заметила огромный валун.

– Знакомый камешек, – сказала она. – Палатки сразу за ним.

Едва они миновали валун, как Скотт вопросил:

– И где же наши пожитки?

Словно безумный, он заметался по тому месту, где раньше стояли палатки.

– Просто не верится! Должно быть, Куинн забрал все наше снаряжение. Все пропало… Даже Гюнтер и Джеральд.

– Кто? – не сразу поняла его Фостер.

– Ламы. Ну, ублюдок… Если он только тронул моих мальчиков, пусть готовит собственные похороны!

– А ты уверен, что они не погребены под снегом? Всякое ведь могло случиться…

– Видишь вот это? – Сойер пнул едва выглядывавшую из-под снега верхушку камня пирамидальной формы. – Лоренс установил свою палатку прямо здесь, у этой скалы, чтобы можно было сложить под ней вещи. Теперь здесь ничего нет. Хотя… скрести-ка пальцы… – Проводник кинулся к другому валуну, накрытому примерно четырьмя футами снега. – В тот вечер я свою палатку так и не поставил. Был слишком занят приготовлением ужина, помогал остальным устроиться в лагере… Собирался разбить ее, когда мы вернемся из города-призрака, где думали сделать кое-какие фото. Остается лишь надеяться, что к тому времени как Куинн обнаружил наш лагерь, снега выпало уже достаточно и мой рюкзак занесло.

Скотт снова принялся рыться в снегу. Через пару секунд он вскочил на ноги, вскинув высоко над головой, словно трофей, свой огромный рюкзак «Дана дизайн».

Эбигейл подошла к нему.

– И что у тебя в нем?

– Всё. Палатка. Запас одежды. Аптечка. Спальный мешок, несколько бутылок с водой, небольшая газовая плита, продукты… Не думаю, что мы долго протянули бы без всего этого.

Мужчина сбил снег со своего солидного черного рюкзака и ослабил компрессионные ремни.

– Умоляю, скажи, что у тебя там есть сотовый! – воскликнула его спутница.

– Терпеть их не могу!

– То есть нам предстоит длительная прогулка…

– Семнадцать чудесных миль. – Проводник бросил большой компрессионный мешок в снег. – Но не волнуйся. Прежде чем двинемся в путь, я сварганю нам что-нибудь перекусить. – Он запустил руку в мешок и вытащил пару пакетов с замороженными обедами от «Бэкпаккер пэнтри». Что предпочитаешь? Паэлью с шафрановым рисом и курицей или бефстроганов из индейки?

*

Не прошло и часа, как они снова были на ногах и держали курс на окутанную пепельными облаками Пилу.

Примерно через милю путники наткнулись на следы Куинна, выходившие из каньона и поднимавшиеся вверх по склону к Изумрудному дому, и прибавили шагу, по очереди пробивая тропу в становившемся все более глубоким снегу.

К тому времени как Эбигейл и Скотт достигли развалин Годсенда, сугробы доходили им уже до груди.

– Давай немного передохнем, – предложил Сойер. Они рухнули в снег неподалеку от дробилки, у подножия крутого белого склона, тянувшегося тысячи на две футов вверх, к небу.

– А что, если Куинн увидит *наши* следы? – спросила журналистка.

– Ага, меня тоже это беспокоит, – согласился ее спутник.

– Я имею в виду, рано или поздно он ведь в любом случае их увидит, ведь так?

– Вероятно. А ты уже едва держишься на ногах. Да и я ранен. Ему и не придется идти слишком быстро, чтобы настичь нас, притом что он чертовски заинтересован в том, чтобы мы в этих горах и остались. Уж лучше пусть и дальше метет эта проклятая метель. На открытом пространстве мы – слишком легкая мишень.

– У тебя какая-нибудь пушка в рюкзаке есть?

– Джеррод забрал пистолет с собой.

Эбигейл окинула низ каньона быстрым взглядом, подсознательно выискивая крошечную фигуру, бредущую в их направлении по глубокому снегу.

– Могу поспорить, у Куинна оружие имеется, – сказала она.

– Нам не остается ничего другого, как попытаться заполучить как можно бóльшую фору. Прошлой ночью я слушал в гостинице прогноз погоды, и, похоже, снег шел лишь на высоте более восьми с половиной тысяч футов. Сможем спуститься ниже этого уровня – окажемся в безопасности. Там он нас уже не отследит. Но пока мы остаемся в снегу, это лишь вопрос времени.

Сделав над собой усилие, Фостер поднялась на ноги и подала Скотту руку.

– Тогда пойдем, – сказала она. – Поведу я.

1893

Глава 72

Она отвела курок большим пальцем.

– Хорошо. Теперь клади пальчик вот сюда. – Он показал на спусковой крючок. – Нет, пока не нажимай. Пока не будешь готова стрелять во что-нибудь.

– Я готова.

– Во что ты целишься?

– В наш дом.

Курок сухо щелкнул – патронов в барабане не было.

– Хорошо. А теперь, что ты будешь делать, если захочешь выстрелить еще раз?

Она снова взвела курок.

– Отлично, – одобрительно кивнул он.

– Теперь я буду стрелять в трубу.

И снова сухой щелчок.

– Думаю, ты поняла.

Внизу, в паре сотен футов от них, зазвенели колокольчики – мулы проявляли нетерпение. Проповедник забрал у девочки револьвер и вставил в пустые гнезда сияющие патроны.

– Теперь он опасен. И будет шумно.

– Почему ты плачешь?

Коул вручил Гарриет револьвер, достал из кармана сюртука носовой платок и промокнул глаза.

– Не отводи курок, пока не будешь готова стрелять, – предупредил он.

Всматриваясь через прогнувшиеся под снегом ветки, она увидела на другой стороне каньона выходящего из пустого домика погонщика мулов.

– Видишь его? – спросил Стивен.

– Этот человек тоже, как и мисс Мэдсен, продал свое седло?[27]

– Он тоже болен на голову, только еще больше. Ты ведь хочешь ему помочь? Отправить его к Богу вместе со всеми остальными?

– Ага.

– Не показывай оружие, пока не подойдешь близко. Держи его под одеждой. Не стреляй, пока он не будет так же близко, как вон та ель.

– Ему будет больно?

– Нет. Как и Молли, ему уже сейчас очень больно. Ты избавишь его от боли. После первого выстрела он упадет. Будь очень осторожна. Ты снова взведешь курок, подойдешь к нему и выстрелишь в голову.

– Здесь есть кто-нибудь? – крикнул больной погонщик мулов, и его голос, слабый и одинокий, вознесся со дна каньона, как молитва из бездны.

– Я не хочу, – замотала вдруг головой девочка.

– Знаю, но время пришло, – возразил Коул.

– Мне страшно.

– Тебе нечего бояться, Гарриет.

– Сделайте это сами. – Малышка протянула мужчине револьвер, но он оттолкнул ее руку.

– Бог сказал мне, что возложил этот труд на тебя, что ты – Его ангелочек тьмы и что Он позволил мне спасти тебя ради этой самой цели. Ты понимаешь совершенство Его великого замысла? Иди же и положи конец страданиям этого несчастного!

– А если я сделаю доброе дело, вы дадите мне пирожок и немножечко малинового варенья?

– Обещаю.

– Мистер Коул, а Бог даст мне новых?

– Кого новых? Ты о чем, милая?

– Новых папу и маму.

Стивен посмотрел в темные глаза девочки.

– Я буду заботиться о тебе, – пообещал он ей.

– У Бетани был самый лучший папа. Она звала его папулей.

Проповедник покраснел.

– Ну, думаю… если тебе так хочется… знаешь, ты тоже можешь так меня называть.

Гарриет улыбнулась.

– Хорошо, папуля.

* * *

Девчушка прошла между деревьев и выступила из-за елей. Наблюдая за ней из укрытия, проповедник видел, как она, держа руки под одеждой, спускается по склону холма.

Он окинул взглядом Абандон – опустевшие, без признаков жизни дома, пристройки, притихший танцклуб, темную церковь на противоположном склоне – и вспомнил свой первый день здесь. Наполненный чистой, живой энергией и движением город. Дома из желтых, только что распиленных досок. Запах свежего дерева. Утопающие в грязи и дерьме улицы, забитые лошадьми, телегами, обозом… Пешеходные настилы, заполненные шахтерами, рабочими, шлюхами, картежниками, мошенниками, – все спешат, все хотят побыстрее набить кошельки, и у всех в глазах особенный блеск, смесь боли, похоти и маниакальной жадности.

Кто ты?

Стивен Коул?

Нет, кто ты есть?

Верный…

Нет,

слуга…

ты убил…

Божий.

целый город.

Внизу, в каньоне, громыхнул выстрел.

Я твой верный слуга – я твой верный слуга – я твой верный слуга – я твой верный слуга – я твой верный слуга – я твой верный слуга – я твой верный слуга – я твой верный слуга…

Голова Стивена раскололась от обжигающей боли, и он потерял сознание еще до того, как в каньоне прозвучал второй выстрел.

Глава 73

Вьючный обоз состоял из двадцати одного мула. Первые шесть несли джутовые мешки с тремя четвертями тонны золота, следующие пятнадцать – неподвижных, окоченевших всадников, привязанных к животным длинными веревками: промерзшего насквозь Иезекиля Кёртиса, кожа которого смерзлась от холода и обгорела на высокогорном солнце, приобретя цвет спелой сливы, выпотрошенного Барта Пакера, четырех его слуг, Рассела Илга, Молли Мэдсен с засунутым под корсет портретом мужа, Билли Маккейба, Ооту Уолласа с обезображенным лицом, еще теплого погонщика мулов и четырех мужчин, убитых проповедником в штольне на Рождество.

На город спустились сумерки, и небо лениво роняло на землю большие снежинки.

Коул сделал глоток настойки арники из бутылки и в пятый раз за последний час попросил Бога унять раскалывающую его голову боль. С того места, где он стоял, ему был виден дом с освещенным окном на другой стороне каньона. Дом, где спала Гарриет.

Стивен хлопнул по спине замыкающего мула. Тот заржал, и весь обоз направился в шахту.

*** * ***

Поставив фонари на пол туннеля, Коул достал из кармана ключ. Возясь с навесным замком, он не мог избавиться от тревожного, беспокойного чувства. Прошло три дня. Они все должны быть мертвы. Он бросил на землю тяжелый штырь, поднял рычаг и толкнул ногой железную дверь.

Ржавые петли заскрипели и смолкли. Проповедник прислушался.

Тишина.

Мужчина опустился на колени, запалил оставшиеся лампы, перенес их в пещеру, по три штуки зараз, и расставил на полу у двери. Потом вернулся в туннель, прошел к хвосту обоза и хлестнул замыкающего мула.

Животные топтались на месте, не торопясь входить в шахту. Стивен прошелся по их костлявым ляжкам плетеным кожаным кнутом.

– Пошли! Пошли!

Обоз неохотно двинулся вперед вместе со своим грузом, и туннель заполнился цокотом копыт по каменному полу.

Прогнав мулов через железную дверь, Коул и сам последовал за ними. Животные сгрудились неподалеку от входа, беспокойно топчась на месте и протяжно вопя.

Теперь проповедник сам взялся за работу – он стаскивал мешки с золотом и переносил их в ближайшую нишу. Закончив с этим, перерезал удерживавшие мертвецов веревки из конского волоса и выгнал мулов из пещеры в туннель. *Вот все и закончено.*

– Эй! – крикнул он в пещеру. – Теперь это ваше! Навсегда!

Чьи-то пальцы коснулись его ноги.

Коул вскрикнул, рванулся к двери, споткнулся и упал.

То, что ползло к нему в свете лампы, не походило ни на мужчину, ни на женщину и лишь отдаленно напоминало человека. Безгубое и беззубое, высохшее, как скорлупа ореха, с раздувшимся и вывалившимся изо рта, похожим на кусок вяленого мяса языком, существо прошипело что-то неразборчивое.

Стивен поднял лампу и в дрожащем свете увидел весь собранный в подземелье Абандон. Большинство людей умерли, но с десяток были еще живы и теперь ползли к нему, как нищие, клянчащие крошку света. Тот, что дотянулся до его ноги, смотрел на проповедника выпученными глазами, умоляя о смерти. Роняя слезы, Коул отступил в туннель и закрыл за собой дверь.

Секунду-другую он еще стоял, слушая слабый стук в дверь с другой стороны.

Пожалуйста, Господи, положи конец их страданиям. Славе Твоей...

Он остановился на полуслове – в овале света в конце туннеля появился силуэт, слишком высокий для ребенка.

Глава 74

Звона китайских колокольчиков на двери никто не услышал – Мейн-стрит была пуста. Вломившись в лавку, Лана воткнула охотничий нож Джосс в первый попавшийся под руку мешок.

Мешок лопнул.

На дощатый пол посыпалась мука.

Зачерпнув полную пригоршню, женщина отправила ее в рот, и даже неприятное чувство, что она ворует у Джессапа, хозяина лавки, ничуть не испортило вкус муки.

Пережевывая третью горсть, она заметила на прилавке банку с лосиным мясом, метнулась к ней и, порубив его на кусочки, успела уничтожить пять полосок, прежде чем ее желудок довольно заурчал.

Что удивило и насторожило Хартман, так это пролегшая через город дорожка свежих следов копыт, слишком упорядоченных, чтобы их могло оставить стадо оленей. Она немного постояла, прислушиваясь, ловя какие-нибудь другие звуки, кроме шороха падающих на одежду снежинок, уставшая и замерзшая после занявшего весь день спуска по занесенному снегом склону.

Затем Лана скользнула взглядом по восточной стене, отыскивая шахту, в которой все жители города укрылись в рождественскую ночь, но вместо шахты увидела за снежной пеленой неясные фигуры.

Индейцы.

Однако присмотревшись, пианистка поняла, что видит не дикарей, а трех мулов, уносящих своих всадников в глубь горы.

Проваливаясь в снегу по пояс и отдуваясь, Лана побрела по Мейн-стрит на север, в сторону церкви.

К тому времени, когда она добралась до места, мулы уже исчезли в туннеле, и на каньон надвинулись тени. Приближалась ночь, и женщина знала, что не переживет ее без стен, крыши над головой и огня.

Отдышавшись, она прошла последние ярды по проторенной мулами тропе и наконец остановилась перед входом в шахту.

Из теплого коридора пахнуло запахом изнуренных подъемом животных.

Капала вода.

Звякала сбруя.

Металл царапал о камень.

Напряженно вглядываясь в темноту, Лана уловила какое-то движение и уже начала отступать, когда первый мул прошел мимо и побрел вниз по склону, в сторону Абандона.

Весь обоз выбрался из шахты примерно за минуту, и вслед за последним мулом из глубины горы прилетел короткий мужской окрик.

Хартман осторожно сделала три шага вперед.

Мелькнул свет фонаря. Глухо хлопнула дверь.

Кто-то стучал по ней.

Кто-то плакал и умолял.

А потом все внезапно стихло.

Капала вода.

Лязгал металл.

Снаружи звякнули колокольчики.

– *Ты – настоящий?* – прозвучал мужской голос. В нем слышались слезы, и он как будто был знаком пианистке – такой чистый, с едва заметной растяжкой…

И снова раздались шаги по туннелю, но теперь это было уже не клацанье копыт, а мягкое поскрипывание теплых бот на мокром камне. Лана снова начала пятиться, поглядывая через плечо на воющую за спиной вьюгу и сгущающиеся синие сумерки.

– Нет, не бойся, – донеслись до нее новые слова.

Шаги приближались.

Женщина узнала голос.

Из темноты выступил проповедник, Стивен Коул. Шатаясь, как пьяный, серый от усталости, с налитыми кровью глазами и немытыми волосами, он больше походил на изрыгнутое горой существо, чем на духовный компас Абандона.

– Мисс Хартман, что вы здесь делаете? – Проповедник остановился в нескольких футах от пианистки. Теперь они стояли близко от входа, и лица обоих кусали залетающие в коридор колючие снежинки. – Вы ведь были в шахте вместе с остальными в рождественскую ночь?

Лана кивнула.

– Пару часов назад через город прошла шайка индейцев, – сказал Коул. – Едва скальп с меня не сняли. Сейчас все еще в шахте. Я привез пищу и воду, свечи… И золото Пакера тоже здесь. Поэтому обоз и понадобился.

Все вдруг встало на свои места. С самой рождественской ночи Стивен скрывался в Абандоне, прятался от дикарей и ждал удобного момента, чтобы доставить сюда провизию. Девушка облегченно выдохнула. Может быть, и Джосс удалось вернуться в главную пещеру?

– Идемте со мной. Здесь небезопасно, тем более сейчас, когда ночь надвигается, – сказал проповедник.

Лана еще раз посмотрела вниз, на Абандон, но не увидела ничего, кроме снега, темноты и…

Одно-единственное пятнышко светилось на дальней стороне каньона – домик с растопленным камином.

Когда Хартман снова повернулась к проповеднику, он уже держал зажженную лампу и, пристально глядя ей в глаза, протягивал руку.

– Не бойтесь. Вам нужно пойти со мной прямо сейчас.

Лана не взяла его руку, но последовала за ним по подземному коридору. Свет лампы скользил по влажным каменным стенам штольни. А потом случилось нечто странное. Во рту у пианистки вдруг пересохло, и ее сердце поскакало вприпрыжку – в конце туннеля показалась железная дверь, и она вдруг поняла, в чем дело. В глазах и голосе проповедника. *Вам нужно пойти со мной прямо сейчас.* Интонация хищника, настойчивость, граничащая с сумасшествием, – она видела это в другой паре глаз, слышала в другом голосе три года назад, в ту жуткую ночь в Санта-Фе, и теперь, хотя это и казалось бессмыслицей, поняла – нет, *почуяла,* – что идущий рядом человек намерен убить ее.

Они подошли к железной двери. Стивен Коул вынул из кармана ключ и вставил его в замочную скважину.

Он повернулся к Лане ровно в тот момент, когда она бросилась на него сзади, и свет лампы отразился от лезвия охотничьего ножа сверкнувшими в темноте осколками. Стивен ударил рукой по запястью женщины, и нож, наверное, упал бы на камни, если б она не сжимала рукоятку со всей силы и не имела на своей стороне преимущества инерции.

Лезвие вошло мужчине в бедро.

Он вскрикнул и потянулся к карману сюртука.

А Хартман уже бежала, и ее скрывала тьма. За долю секунды до того, как грохнул револьверный выстрел, она споткнулась о камень и упала. В ушах у нее зазвенело. Пианистка поднялась и метнулась к далекому серому овалу выхода. Вспышка осветила коридор, и эхо загромыхало между стенами.

Промчавшись по туннелю за десять секунд, женщина вырвалась из ночи в вечер.

Теперь протоптанная обозом тропа вела ее вниз, в сторону Абандона. Ветер сорвал с головы беглянки капюшон, и снег цеплялся за ее волосы, скользил по ее шее. Дом с освещенным окном на западном склоне наверняка был домом самого проповедника. Неужели он соврал насчет индейцев? Неужели придумал это все, чтобы погубить весь город?!

На Мейн-стрит Лана остановилась, согнувшись и хватая ртом воздух, а потом оглянулась – Стивен Коул был уже на середине склона.

Женщина посмотрела на юг, в сторону пустых, темных домов.

Можно попытаться спрятаться там, но он будет охотиться за ней всю ночь.

В другой стороне, на северной окраине, глаза Хартман уловили какое-то движение. Там, у конюшни, собрались отпущенные проповедником мулы.

В сенном сарае неторопливо жевал сено конь-альбинос, оставленный кем-то под седлом, но укрытый заботливо дождевиком.

Лана взялась за уздечку, и жеребец мотнул головой и норовисто заржал, но пианистка не отпустила и погладила его по шее.

Ее ботинок проскользнул в стремя. Беглянка перекинула ногу через спину коня и опустилась на седло. Взяв поводья, она легонько тронула его бока, и альбинос резво выбежал из конюшни и остановился под нависшей крышей.

Снегопад прекратился, и между тучами появился светлый краешек луны.

Наступала ночь, и голос в голове женщины шепнул, что она умрет в пути. Если сделает это.

«*Я умру здесь, если останусь*», – возразила она сама себе.

В последний момент перед тем, как луна зашла, в ее свете мелькнул силуэт человека, бредущего, прихрамывая, со стороны города к конюшне.

Лана пнула альбиноса в бок и поскакала в темноту.

2009

Глава 75

У Пилы ветер задувал с ураганной силой, разрывая в клочья завесу леденящего тумана и сметая с перевала снег. Держа Эбигейл за руку, чтобы ее не снесло с горы, Скотт поднял какой-то желтый прибор с цифровым дисплеем.

Укрытие они нашли с подветренной стороны, за базальтовыми столбами. Сойер пристегнул к поясным ремням пару карабинов и связал их короткой веревкой, а потом, наклонившись к уху Эбигейл, крикнул:

– Моя «шерпа» показала, что при последнем порыве скорость ветра была около пятидесяти одной мили в час! Держись ближе!

Туман на спуске оказался даже кстати: по крайней мере, Фостер не видела ту бездну, что поджидала малейшего неверного шага с ее стороны. Два дня назад именно на этом участке горы она остановилась, парализованная головокружением и страхом.

Несмотря на сумасшедший ветер, скалистая тропа у вершины лежала под трехфутовым слоем снега.

Скотт шел впереди, и Эбигейл старалась не отставать, чтобы в случае необходимости дотянуться до его рюкзака рукой.

Спускались оба медленно и тяжело.

Прежде чем сделать очередной шаг, Сойер втыкал в снег старую лыжную палку, проверяя глубину снега и ширину выступа, чтобы не наткнуться на карниз. Девушка шла за ним след в след, стараясь не обращать внимание на тот факт, что ее лицо, не защищенное капюшоном куртки, уже не горит от холода, а понемногу немеет.

По мере спуска ураган слабел.

А после шестого поворота Скотт остановился и отстегнул карабины.

В верхней части амфитеатра ветер стих до легкого ледяного бриза. Из облачного тумана путники спустились на равнину с валунами. Снег здесь скрыл все, кроме самых больших камней, и местность напоминала поле из сахарных кубиков.

Примерно через час им удалось достичь границы просеки, и, хотя идти по-прежнему приходилось по пояс в снегу, самая трудная и опасная часть маршрута осталась позади.

Ближе к вечеру путешественники остановились передохнуть на высоте в одиннадцать тысяч футов, в чисто еловой роще. Прошедший холодный фронт разогнал облака и выскреб небо до глянцевой голубизны. Раскопав снег, они устроились под старой елью, съели по питательному батончику и выпили на двоих бутылку воды.

– Пей сколько хочешь, – сказал Скотт. – У меня с собой фильтр, так что с водой проблем не будет.

– Я вот пью и чувствую себя виноватой, – ответила Эбигейл, – ведь у моего отца такой возможности нет.

Ее спутник разломил батончик и выковырнул из него орех.

– Обезвоживание – вещь опасная… – вздохнул он. – Так Лоренс – твой отец?

– Да, но мы не в близких отношениях. Он бросил нас, когда я была еще маленькая.

Девушка взяла бутылку и стала откручивать пробку, чтобы сделать еще глоток, но тут бутылка в ее руках дернулась, а дерево рядом с ней вздрогнуло и уронило кусок коры, ударивший ее по лицу. Из бутылки же пролилось сразу две струйки: одна на снег, другая – на колено Эбигейл.

– Что еще за… – пробормотала она испуганно.

Ответом ей был прилетевший с задержкой откуда-то с амфитеатра звук выстрела.

Скотт толкнул ее в снег.

– Близко? – шепотом спросила журналистка.

– Звук опоздал секунды на три. Если он стреляет крупнокалиберными патронами, то может находиться… в тысяче четырехстах – тысяче пятистах ярдах от нас, – подсчитал Сойер. – То есть примерно в миле. Не исключено, что он бьет с выступа под перевалом.

Вторая пуля прошила рюкзак проводника. И снова, как и в первом случае, звук пришел с небольшой задержкой.

– Представить не могу, как он видит нас через лес, – сказал Скотт. – Ты бежишь первой. Я – сразу за тобой. Беги не по прямой, а зигзагом, между деревьями. Сделай так, чтобы ему было трудно в тебя попасть. Вперед!

Эбигейл выбралась из снега, поднялась и побежала вниз, петляя между елями. Шагов, наверное, через десять ее нагнал звук третьего выстрела. Она оглянулась, но Скотта не увидела. В голове пронеслись тревожные мысли: «Вот пуля ударит, упадешь и выстрела уже не услышишь!»

Выскочив из леса, Фостер оказалась на небольшой полянке, той самой, где они устраивали привал три ночи назад, и, пробежав через нее, нырнула за дерево. Потом, отдышавшись, она выглянула и увидела бегущего через поляну Сойера.

Став за деревом, он сбросил на снег рюкзак.

– Что собираешься делать? – спросила девушка.

– Хочу посмотреть, где этот отморозок. – Мужчина расстегнул рюкзак, сунул в него руку и, пошарив, достал небольшой черный кожаный футляр. В нем оказался компактный бинокль «Никон» с восьмикратным увеличением.

Проводник лег плашмя на снег, приподнялся на локтях, поднес бинокль к глазам и, настроив резкость, навел окуляры на амфитеатр.

С минуту Скотт обозревал склон, а потом негромко сказал:

– Ну вот, попался… Чтоб его! Я думал, мы показали лучшее время, а получается, что нет. Хочешь посмотреть?

Эбигейл легла на снег рядом с ним и взяла бинокль. Сойер показал ей, как подстроить фокус.

– Сначала найди перевал, – велел он, и девушка прошлась взглядом по могучим стенам и ущельям амфитеатра, острым скалистым выступам Пилы, поднимающимся на две тысячи футов над ними, и сияющему под солнцем снегу.

– Есть, вижу.

– Нашу тропинку видишь?

– Да.

– Иди по ней вниз.

Фостер подстроила резкость и медленно двинулась по выступам, повторяя их крутой спуск по дальней стене амфитеатра.

– Вижу, – сказала она наконец.

– Это тот самый парень, который запер вас в шахте?

– Да, Куинн.

Крохотная фигурка среди огромных, изломанных утесов, человек в серебристо-черной куртке только что миновал пятый поворот. За спиной у него висели рюкзак и винтовка с оптическим прицелом.

– Господи… – выдохнула Эбигейл и опустила бинокль. – Куинн уже почти прошел выступы. Таким ходом он скоро нас догонит и найдет по следам.

Скотт побледнел, но от страха или от потери крови, девушка сказать не могла.

– Нам нужно успеть спуститься ниже снеговой линии, – сказал он.

Глава 76

Оба бежали так, что у них горели легкие. Долина расширилась, и они оказались в смешанном, елово-осиновом лесу. На высоте десяти тысяч футов снег доходил только до колена. На девяти тысячах – до середины икры. Копчик у Эбигейл болел так, словно расщепился надвое, правая нога Скотта оставляла за собой кровавый след…

В начале седьмого вечера они добрались до горного озера, возле которого перекусывали в воскресенье днем. Часом раньше солнце ушло за стену долины, и с запада надвинулся флот свинцово-серых туч. Сойер определил высоту по прибору – 8700 футов, – но они все еще стояли по щиколотку в снегу.

– Ты как, держишься? – спросила Эбигейл.

Проводник присел на берегу.

– Болит сильно, – признался он, поморщившись.

– Что я могу сделать?

– Ничего. Останавливаться нельзя, надо спускаться. Думаешь, Куинн остановится?

Они обошли озеро и двинулись дальше, через лес, еще быстрее, чем раньше. Меркнул свет, сгущались и темнели тучи, и вскоре уже все небо закрыла огромная металлическая полоса. Тут и там начали попадаться свободные от снега прогалины, а еще чуть позже снег стал встречаться только редкими островками. Наконец его не осталось вовсе, и Фостер с Сойером побежали по голой лесной подстилке, пружинящей и насыщенной влагой после шедшего два дня холодного ноябрьского дождя.

*** * ***

К сумеркам они вошли в осиновую рощу – стройные серебристые деревья тянулись во все стороны, насколько хватало глаз, причем на некоторых из них проступали арборглифы – вырезанные на коре знаки времен старого Запада. Раньше Эбигейл этого не замечала, но у осин были глаза: сотни глаз смотрели на нее со всех сторон, таинственные темные шрамы на коре, оставшиеся на месте старых ветвей.

Скотт свалился на землю.

– Надо решать, – выдавил он, отдуваясь, – остановимся на ночь или пойдем дальше.

– А ты можешь идти дальше? – спросила журналистка.

Мужчина покачал головой.

– Не думаю. Но ты можешь.

– Я никуда не пойду – ночью, одна да еще с этим сумасшедшим на хвосте! К тому же я и сама едва на ногах держусь.

– Что ж, снега здесь нет, давай поищем хорошее место для палатки. – Скотт с трудом поднялся. – Ширина долины здесь с полмили. Устроимся где-то посередине.

Шагая через лес, Эбигейл поймала себя на том, что ее не оставляет тревожное чувство. И дело было даже не в непосредственной угрозе жизни со стороны Куинна – что-то необъяснимо тревожащее и грозное таилось и в наступающей ночи, и в мрачнеющем небе, и это что-то пробуждало сидящий в глубине ее души первобытный страх, боязнь леса после наступления темноты.

Беглецы вышли к реке. Поток как будто набрал силы за последние два дня. Всего два дня – а Эбигейл казалось, что прошла вечность с тех пор, как они со Скоттом ловили рыбу на ужин в этой самой речке, только двумя милями выше…

– Надо отфильтровать немного воды, – сказал ее спутник. – Здесь останавливаться не будем. Первым делом Куинн будет искать нас именно у реки. А мы его и не услышим.

Они спустились к воде, нашли тихое местечко у заводи, лежащей чуть в стороне от бурливого потока и усыпанной листьями осины, напоминающими колышущиеся на воде золотые монеты. Сойер достал из рюкзака фильтр «Пур», приладил к нему два шланга, соединил конец одного с адаптером и прикрутил к пустой бутылке из-под «Налджина», а конец другого опустил в воду.

Темнело. Эбигейл села рядом с проводником, наблюдая, как он прокачивает воду через фильтр, держа между ногами наполненные бутылки. Время от времени она поглядывала через плечо на овражек. Конечно, Скотт был прав. Шум реки, журчание бегущей по камням воды заглушали все прочие звуки. Любые приближающиеся шаги просто затеряются на этом фоне. Наполнив пять бутылок, Сойер разобрал фильтр и сложил все в рюкзак.

На очереди была переправа.

Несмотря на небольшую, около пятнадцати футов, ширину и глубину реки, на середине вода доходила беглецам до бедер, а течение оказалось таким сильным, что Фостер пришлось постараться, чтобы сохранить равновесие и не упасть. Всего час назад эта вода была снегом, и от холода у девушки перехватило дыхание, а ноги ее как будто обожгло огнем.

Выбравшись на другой берег и вскарабкавшись по грязному, глинистому склону, путешественники прошли еще несколько сотен ярдов по укрытой осиновыми листьями лесной подстилке.

В воздухе стоял затхлый металлический запах. Начался дождь.

– Я вижу, где мы поставим сегодня палатку, – сказал Скотт, поворачиваясь к Эбигейл, и она последовала за ним в чащу вирджинской черемухи, между густыми кустами которой все же оставалось место и для палатки.

Глава 77

В четырех разложенных на земле нейлоновых мешках нашлось все необходимое: стойки, дуги, колышки и тент – ярко-красный «Хиллеберг». Беглецы раскатали футпринт[28] на очищенном от веток участке между кустами, и, пока Скотт разворачивал тент, Эбигейл достала стойки и собрала каркас. В сгущающейся темноте, под начавшимся дождем они вдвоем натянули тент и закрепили растяжки. Руки у Сойера дрожали так, что он с трудом вбил колышки в мягкую землю.

Поставив палатку, они забросили в тамбур спальные мешки и застегнули клапаны. Скотта бил озноб, и он едва шевелил губами.

– У тебя здесь запасное белье есть? – спросила Фостер, и проводник молча кивнул. – Тогда залезай в «спальню» и переоденься.

Ее спутник расстегнул «молнию» и прополз в спальное отделение палатки. Пока он раздевался, Эбигейл высыпала на пол содержимое его рюкзака, поймав себя на том, что и сама не вполне в порядке – координация движений у нее нарушилась, и ей с трудом удавалось сосредоточиться на конкретной задаче.

– Не могу найти твой спальник, – сказала она.

– Посмотри в нижнем отделении, – посоветовал Сойер.

Журналистка вытащила компрессионный мешок «Мармот», лежавший вместе с самонадувающимся ковриком «Термарест» и пакетом с запасной одеждой. Потом расшнуровала ботинки, стащила носки и все мокрое, что на ней было, и тоже забралась в спальное отделение.

Скотт открыл воздушный клапан на «Термаресте», дождался, пока коврик надуется, положил на него спальный мешок и залез внутрь.

– Давай и ты сюда, ко мне, – позвал он свою спутницу. – У нас обоих переохлаждение.

Эбигейл заползла к нему и задернула «молнию». Сойер обнял ее, и она чувствовала, как сильно его трясет. Ноги у обоих превратились в ледышки.

– Я все-таки что-нибудь приготовлю, – сказала девушка.

– Подожди, полежи со мной еще минутку, дай мне согреться.

Так они и лежали, прижавшись друг к другу и дрожа от холода, и слушали стук дождя по палатке. А потом небо взорвалось. Гром сотряс землю и раскатился по окрестностям, как выстрел из дробовика. На Восточном побережье, подумала Эбигейл, такого грома не бывает. На Западе он глубже, ближе и раскатистее.

– Как думаешь, мы здесь в безопасности? – спросила она.

– Думаю, что да. Надо только не шуметь и не включать свет, – отозвался Сойер. – Черт, не могу никак согреться!

Фостер повернулась к нему и, проведя ладонью по правой стороне его живота, нащупала рану – жаркую, воспаленную, липкую.

– У тебя открылось кровотечение, – прошептала она со страхом.

– Да, в правый ботинок уже натекло. И болит опять сильно.

– Я видела у тебя в рюкзаке аптечку. Сейчас принесу, а ты скажешь, что надо…

– Думаешь, я умираю?

– Нет, – сказала журналистка, хотя ей сложно было оценить состояние своего товарища. – Вот поешь, примешь лекарство, и тебе станет лучше.

Она хотела сесть, но Скотт снова остановил ее.

– Еще немного. Просто побудь со мной, – попросил он. – Я в такой дерьмовой переделке впервые, хотя довелось повидать всякое. Ты веришь в карму?

– Не знаю.

– А вот мне кажется, что это судьба так со мной рассчитывается.

– Как так?

– Понимаешь, мне не впервой такие походы, когда кого-то убивают. Пару лет назад на Рейнире тоже кое-что случилось, и без меня там не обошлось.

– На каком еще Рейнире?

– Гора Рейнир, знаешь? Вулкан в штате Вашингтон, высота четырнадцать тысяч футов.

– И что там произошло? Ты, если не хочешь, не рассказывай, я…

– Два года назад, в середине мая, мы с подругой отправились туда из Боулдера. Хотели совершить восхождение. Глупая затея. Сезон только начинался, и для такой горы, как Рейнир, было еще слишком рано. Подругу звали Марией. Высокая была, сильная… Роскошные рыжие волосы. Увлекалась альпинизмом, настоящая богиня телемарка[29]. Но в серьезных восхождениях не участвовала и про глетчеры знала мало. В общем, опыта ей недоставало. А я был самоуверен. Думал, что смогу ее подтянуть. Ну, так оно и получилось. На вершину, пик Колумбия, мы поднялись. Впечатления незабываемые. Но с такой горой, как Рейнир, шутки плохи – достаточно одной ошибки. Одного мелкого просчета. И я такой просчет допустил. На обратном пути Мария решила спуститься на лыжах. Я знал, что это опасно. Весна. Состояние снега на разных участках неодинаковое – где-то корка, где-то – крупа. Но я после удачного восхождения малость возгордился.

Мужчина умолк и продолжил после небольшой паузы:

– Мы катились по верхнему краю ледника Ингрэм. У нее получалось лучше, вот она и вышла вперед. Я ей сказал, чтобы не отрывалась, что безопасно только на вершине. Но Мария всегда любила рисковать. В общем, она шла ярдах в пятидесяти передо мной и вдруг исчезла. Думаю, и для нее все случилось внезапно. Я остановился перед самой расселиной. Это была огромная трещина, уходящая под углом вниз, и такая глубокая, что даже дна не было видно. Марию я не рассмотрел, только слышал крики из темноты. Спуститься туда никакой возможности не было – иногда эти расселины уходят в глубину на несколько сотен футов. Я, как мог, спустился с горы, а потом вернулся с поисково-спасательной командой на вертолете «Чинук». Но к тому времени пошел снег, наши следы замело, и я не смог даже найти нужную расселину. А теперь мы здесь оказались в таком дерьме… Вот я и думаю, что дело в плохой карме. Это расплата меня догнала. Что ж, заслужил…

Для освещения Эбигейл воспользовалась светящейся палочкой «Крилл», дающей мягкий голубой свет, увидеть который за кустами было практически невозможно. Скотт объяснил, как включить газовую плитку в тамбуре, и пока в пробитом пулей котелке нагревалась вода для замороженных обедов, журналистка достала из рюкзака аптечку. Набрав в шприц отфильтрованной воды, она промыла Сойеру рану, протерла ее йодом и смазала антибиотической мазью, после чего наложила на нее салфетку и перевязала бинтом. Перед едой Скотт выпил три таблетки «Тайленола», и к концу ужина, судя по его глазам, боль начала отступать.

Палочка «Крилл» лежала на полу, бросая на беглецов тусклый голубой свет, отчего их лица выглядели замерзшими и бледными, как у трупов.

Разговаривая о Марии и об отце Эбигейл, предаваясь этим неприятным, болезненным воспоминаниям, они пытались отогнать страх. Сон уже подступил и теперь выжидал, чтобы нанести удар. Фостер взяла бутылку и приложилась к горлышку – чистая, ледяная вода слегка отдавала железом.

– Зная, что случилось на Рейнире, мне не совсем понятно, почему ты снова пошел в горы. По-моему, это почти то же самое, что и возвращение на место трагедии, разве нет? – спросила девушка.

– Для меня вопрос никогда так не стоял. Эти горы, Запад, фронтир – моя первая любовь. Понимаешь, я родился и вырос в Джексонвилле, во Флориде. Там гор нет. До пятнадцати лет западнее Далласа не бывал. Да, видел Дымные, Адирондак… Но это ведь не настоящие горы, а так, большие холмы. Самое интересное в моей жизни случилось на летних каникулах, в июле девяносто третьего, когда отец взял напрокат автофургон и повез всю семью на запад.

Проводник мечтательно закатил глаза.

– Господи! До сих пор помню тот день, когда мы проехали Канзас и оказались в Колорадо. Семидесятая автострада. Равнины. Огромное, необъятное небо. Сухой, высокогорный воздух. Отовсюду звучит Фрэнк Синатра – «Самые хорошие годы». Каждый раз, как вспоминаю то лето, слышу голос Фрэнка. В том путешествии он был нашим саундтреком. – Скотт улыбнулся с легкой грустью. – Никогда этого не забуду – сижу с отцом впереди, катим на запад, и где-то в часе езды от Денвера вдруг вижу над горизонтом что-то вроде облачного фронта. Спрашиваю у отца, что это такое, и он говорит – Передовой хребет Скалистых гор,

а то, что похоже на облака, на самом деле снег. Снег в июле! Я такое и представить не мог. И так захотелось на эти горы подняться… На самый верх. Пройти по каждому гребню, узнать каждый кряж… На следующий день мы поехали на Эванс, один из четырнадцатитысячников. Мы с сестренкой играли в снежки на вершине. Это было что-то. С тех пор я без гор не могу.

Скотт наклонился и застегнул «молнию» на внутреннем клапане, а потом они с Фостер забрались в спальный мешок и погасили светящуюся палочку.

– Меня завтрашний день пугает, – прошептала девушка.

– Выйти надо пораньше, пока еще темно. Палатку оставим здесь. Сегодня мы хорошо прошли. До тропы миль шесть или семь осталось.

– Ключи от машины у тебя, так?

– В рюкзаке, в верхнем отделении.

Какое-то время они молчали – дождь шуршал по крыше, навевая сон.

– Иногда мне так хочется оставить его в той пещере, – прошептала Эбигейл.

Сойер притянул ее к себе, и оба закрыли глаза – под усыпляющий шорох дождя и далекий рокот грома.

Глава 78

Эбигейл открыла глаза и посмотрела на часы – 3:48. Дождь не прекратился, и в палатке было темно. Скотт расстегнул «молнию» на спальном мешке – этот звук и разбудил ее. Теперь же он уже почти вылез из мешка.

– Ты что делаешь? – шепотом спросила девушка.

– Терпел, сколько мог, больше нет сил.

– Вот, возьми с собой.

Фостер согнула светящуюся палочку и, когда та вспыхнула, бросила ее проводнику.

– Вот это и есть самое гадкое, – проворчал тот, натягивая флисовый пуловер. – Когда приходится вылезать из теплой палатки посреди холодной, дождливой ночи.

Он еще зашнуровывал ботинки, а Эбигейл уже свернулась в комочек, закрыла глаза и снова уснула.

* * *

Проснулась девушка словно от толчка. Во сне она блуждала по бесконечному лабиринту пещер, переходя из одной в другую, и теперь ей на секунду показалось, что она все еще там, в подземелье, с отцом, и что подъем по узкому лазу, встреча со Скоттом и бегство от Куинна были только сном.

Но теперь этот миг дезориентации прошел. Она была в палатке, в зарослях черемухи, где-то в конце длинной долины. Близился рассвет – девушка уже различала стены палатки и бутылки с водой у своих ног.

Эбигейл протерла глаза. Посмотрела на часы – 4:58. Тихий голос у нее в голове спросил: «Почему здесь нет Скотта?» Она смутно помнила, что просыпалась ненадолго ночью. Наконец ее мысли прояснились, и память о происходящем ночью вернулась. «Скотт вышел больше часа назад. На минутку».

Фостер натянула флисовую кофту и парку, после чего нашла штаны и шерстяные носки – они почти высохли. Одевшись, выбралась из спального отделения в тамбур – клапан Сойер оставил открытым – и высунула голову наружу.

Видно было не много – тесно обступившие палатку кусты так и не отряхнули окрашенные в цвет рассвета листья. Эбигейл продралась через заросли и вышла в осиновую рощу.

Дождь прекратился, ветер стих, но свет был еще слишком жидким, и она даже не поняла, чистое ли небо у нее над головой или оно затянуто тучами.

Тем не менее Фостер попыталась внимательно осмотреться.

– Скотт! – позвала она шепотом. Но тишину вокруг нарушало лишь далекое журчание реки. Лес пах жухлыми листьями, оглушительно хрустевшими под ногами. Ноги в сырых носках уже начали мерзнуть.

Девушка прошла по старому руслу. Может быть, Скотт нарочно отошел подальше от палатки? Тело ее после вчерашнего забега ломило, ноги подкашивались, копчик болел все сильнее…

Через каждые несколько шагов Эбигейл шепотом окликала проводника, но ответа не было. Остановившись в очередной раз, она прислушалась и оглянулась на заросли черемухи, уже едва различимые вдалеке.

– Скотт! Скотт!

Внезапно что-то притянуло ее взгляд. Ярдах в пятидесяти, дальше по старому руслу, как будто промелькнул дрожащий голубой свет.

Журналистка пробежала вперед и остановилась, увидев валяющуюся среди сырых листьев светящуюся палочку.

Что бы это могло значить?

Пытаясь найти объяснение этой странности и представить возможные последствия каждого варианта случившегося, Эбигейл наклонилась и подняла свою находку, а когда выпрямилась, то сразу увидела Скотта, сидящего под покрытой арборглифами осиной с поникшей головой и спущенными ниже колен штанами «Грамиччи». Спереди вся его желтая флисовая толстовка потемнела от крови, вытекшей из жуткого разреза, соединявшего мочки его ушей.

Фостер невольно отпрянула, попятилась и, споткнувшись, упала на землю. У нее перехватило горло, и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы дышать. Руки у девушки тряслись, а голос в голове уже просто орал: «*Убирайся отсюда, Эбби! Немедленно!*»

Неподалеку зашуршали листья. Эбигейл поднялась с земли и снова огляделась. Между деревьев расползались серые сумерки, и осины не спускали с нее настороженных глаз.

И снова шорох листьев. Где-то близко, ярдах в пятнадцати. Звук, ошибочно принятый девушкой за шаги, шел с противоположного конца старого русла. Глядя туда, она поняла – это не шаги, а стук падающих камешков.

А потом первый порыв предрассветного ветерка принес запах ментоловой сигареты.

1893

Глава 79

Приснится же такое, подумала, очнувшись от забытья, Глория Кёртис. Во сне она видела, как проповедник, Стивен Коул, загнал в пещеру вьючный обоз, прокричал что-то вроде: «Все ваше! Навсегда!» и, вместо того чтобы спасти их, снова запер железную дверь.

Глория открыла глаза – в центре пещеры на полу стояла свечная лампа, а ее голова покоилась на коленях Розалин.

Горло от сухости сдавило так, что даже попытка сглотнуть оказалась мучительным испытанием. Язык миссис Кёртис ощущался во рту как некий чужеродный предмет, бесчувственный кусок кожи, распухший и норовящий удушить. Слюна загустела и прогоркла, голова раскалывалась, и шея онемела так, что она не смела даже пошевелиться.

В зловещей, давящей тишине каждый запертый в пещере узник ждал, кто же умрет следующим. Полагаться на собственные глаза, чтобы отличить действительность от фантазмов, Глория уже не могла и поэтому из последних сил цеплялась за те обрывки реальности, в которых была уверена.

Она знала, например, что несколько дней назад три отдельные партии, вооружившись лампами, отправились на поиски воды и что ни одна из них не вернулась.

Знала, что видела, как шестеро шахтеров, обезумевших от голода и жажды, обвинили кузнеца, Мейсона Стетлера, в краже печенья. Трое из них повалили несчастного на пол и прижали к земле, а еще трое притащили из отвала громадный камень и бросили ему на голову.

Еще миссис Кёртис казалось, что она видела, как школьная учительница разделась донага посредине пещеры и исполнила номер с жонглированием камнями, распеванием песен про голод и дикарей и демонстрацией бессмысленных магических трюков, а завершила представление причудливым танцем, напоминавшим ускоренный вальс в одиночку.

Помнила Глория и то, как цирюльник, провозгласивший себя дьяволом, призывавший всех в преисподнюю и требовавший преклонить перед ним колени, умолк после того, как какой-то полумертвый шахтер, устав слушать этот бред, достал «Кольт» и всадил самозваному Люциферу пулю в горло.

Она точно знала, что видела, как, принимая на себя тяжкий долг, обратился к живым хозяин лавки Джессап Крайдер, как он стоял перед ними со слезами на глазах, едва ворочая распухшим языком, с трудом выталкивая изо рта каждое слово.

Обращаясь к согражданам хриплым шепотом, Джессап сказал, что десять лет снабжал людей продуктами и обеспечивал услугами и теперь хотел бы сослужить им последнюю службу. У него при себе карабин и две коробки патронов, и каждый, кто предпочтет быструю смерть мучительной и долгой, будь то мужчина, женщина или ребенок, пусть подойдет к нему немедля, и он не только избавит его или ее от страданий, но и от греха самоубийства.

Глория видела, как с десяток горожан поплелись в дальний угол пещеры и сели там плечом к плечу. Простившись с любимыми и вознеся последние молитвы, они умолкли в ожидании конца, и Крайдер прошел позади них с «Винчестером» и послал каждому пулю в затылок.

Десять ручейков побежали по каменному полу и собрались в небольшом углублении, и тут же несколько человек, подтянувшись к луже, блестящей в свете лампы, как разлитый черный лак, опустились перед ней на колени и принялись лакать теплую кровь.

По прошествии нескольких часов Джессап повторил свое предложение, и на него откликнулись уже двадцать добровольцев. Миссис Кёртис и сама присоединилась бы к ним, будь у нее силы поднять руку или голосом выразить свое желание.

Крайдер, едва держась на ногах и с трудом передергивая затвор «Винчестера», предупредил всех, что другой возможности воспользоваться его услугами уже не будет.

Глория видела, как, исполнив это обещание, он приставил дуло карабина к собственному подбородку.

Подтверждением того, что последний акт доброты и милосердия со стороны владельца лавки не был химерой ее рассыпающегося сознания, служил тот факт, что на полу лежали тридцать мертвых тел, и вдове шерифа оставалось лишь терзаться из-за того, что ее самой нет среди них.

Она попыталась найти спасение в дремоте, говоря себе, что в этот раз или в следующий уже не проснется.

Ведь это не ад.

Это не будет длиться вечно.

Глава 80

Джосс услышала шум и уловила запах воды. Еще одна капля воска стекла с оплывшей свечи на левую руку, но она даже не моргнула. Ее пальцы уже давно покрылись слоем застывшего белого воска. Женщина улыбнулась, узнав грохот водопада,

извергающегося в то подземное озеро, где они с Ланой впервые, после того как ушли из главной пещеры, напились вдоволь. Отсюда ей наверняка удастся найти путь назад.

Пламя задрожало и, наверное, погасло бы, но Мэддокс успела заслонить его от сквозняка ладонью правой руки. Спустившись по мокрым камням, она прикинула, что не пила, должно быть, целый день, и встала на колени у края озера. Держа свечу в левой руке, Джослин наклонилась, погрузила лицо в воду и открыла рот. Несколько ледяных капель упали ей на затылок, но она, всецело поглощенная утолением жажды, не обратила на это внимания и не расслышала внезапного шипения на фоне ревущего водопада.

Подняв голову, женщина сначала уловила запах дыма и лишь потом поняла, что оказалась в темноте. Темнота эта была чернее самого глубокого сна, чернее самой смерти, какой представляла ее Джосс. Казалось, что-то невидимое внезапно напало на нее и вырвало ее глаза прямо из глазниц.

Она сжала пальцами свечу и посмотрела на свою левую руку, но увидела лишь слабый контур фитилька, цвет которого менялся с оранжевого на янтарный.

– Не ссы, Джослин. У тебя еще осталась одна спичка, – подбодрила себя Мэддокс.

Она сунула руку под плетеную шаль, залезла пальцами в нагрудный кармашек рубашки и дотронулась до щепки с серой на кончике.

Затем Джосс вытащила ее и поднесла к глазам.

– В ней твоя жизнь, – сказала она торжественно.

Этот трюк барменша исполняла множество раз и даже гордилась своей ловкостью. Гордилась до такой степени, что шесть лет назад нарочно выбросила кремень, который носила в молитвеннике вместе с бумагой и табаком.

Фокус был прост – поднять накидку и рубашку и чиркнуть спичкой по средней из трех пуговиц, на которые застегивались ее холщовые штаны.

Мэддокс поставила свечу на камень, подтянула рубашку и нащупала в темноте три металлические пуговицы.

Держа спичку в правой руке, она закрыла глаза и представила, что находится не в пещере, а на цепи в своем чудесном салуне, за стойкой бара, ублажает Барта или Ооту, флиртует с Зеком и поглядывает на посапывающего у печи бездельника Эла. Она вдохнула воображаемый аромат виски и холодного, несвежего пота работяг. Пустяк. И не надо напрягаться. Спичка как спичка. Просто пришло время перекурить.

Рука со спичкой скользнула в темноте к паху. Джосс старалась ни о чем не думать, но заметила, что не может вспомнить, когда в последний раз у нее ломалась спичка. Довести мысль до конца у нее не получилось – головка спички царапнула пуговицу.

Едкий запах серы… а потом спичка вспыхнула, осветив озеро. Огонек отразился в воде и кристаллах. Вскрикнув от радости, Джослин потянулась за свечкой.

Ее рука скользнула по мокрому камню – ничего.

– Какого еще… – нервно забормотала женщина.

А огонек уже бежал к ее державшим спичку пальцам, большому и указательному.

Джосс привстала – может, она села на свечку? – и провела рукой у себя под левой ягодицей. Тоже ничего.

Сдвигая пальцы к краю спички, отступая от преследующего их пламени, она осторожно поднесла спичку к камню, прошлась по его контурам и кристаллическим венам – снова ничего. Отчаяние нарастало, и Мэддокс стиснула зубы – дальше отступать было некуда, огонь уже обжигал чернеющий ноготь, а кожа начала пузыриться. Последним, что она увидела перед тем, как пламя зачахло, была злосчастная свеча, покачивающаяся на воде в трех футах от берега.

Вслед за темнотой, как будто мозг Джослин почувствовал, что света больше не будет, она полностью перестала ориентироваться в пространстве.

– Ты же еще не сдохла! – сказала Джосс, поднимаясь с камня. Она знала, где находится. Знала, что на другой стороне озера есть вход в туннель, по которому ей придется проползти. А потом она двинется дальше – не торопясь, не паникуя, из пещеры в пещеру. Покричит. Послушает. Она найдет других людей или они найдут ее.

Небольшими шажками, вытянув вперед руки, женщина двинулась по каменистому берегу и наткнулась на стену. Нащупать ее верх она не смогла, но там было за что ухватиться, и Мэддокс полезла вверх. Водопад шумел сильнее, как будто уже где-то под ней, но Джосс продолжала подниматься, сама не зная куда, просто хватаясь за выступы и щели, полагаясь на руки и ноги – уж они-то куда-нибудь приведут, а там…

Правая нога соскользнула с выступа, и барменша вцепилась в мокрый камень. Ее подошвы елозили по стене в поисках опоры, но пальцы уже начали неметь…

А потом в нее словно выстрелили ледяной картечью. Вода, еще более холодная, чем Изумрудное озеро в июне… даже не вода, а ледяной жидкий металл… и течение, тянущее к той дыре, через которую озеро изливалось в гору и которая не позволяла ему переполниться.

Джослин вынырнула на поверхность, хватая ртом воздух. На мгновение холод парализовал все ее тело – легкие, сердце, мышцы, кости… Глубина была небольшой, около двух футов, и Джосс, опомнившись, побрела по дну наугад, сама не зная куда… куда-нибудь, где будет сухо.

Через какое-то время ее колени ударились о берег, и она полезла вверх, пока не уткнулась головой в стену.

– Чтоб тебя!

Судя по тому, как ударил ей в лицо собственный голос, Мэддокс оказалась в какой-то нише. Воздух здесь был неподвижен. Руки у нее дрожали так, что женщина не смогла даже расстегнуть пуговицы на рубашке. Она нетерпеливо рванула ее борта и вытащила руки из рукавов, а потом сняла штаны.

Отупевшая от шока, Джосс стояла голая в темноте и тряслась от холода, прислонившись к камню и пытаясь оценить создавшуюся ситуацию, в которой оказалась.

– Ну что, дура ты эдакая, попробуй теперь вылезти из всего этого дерьма! – Она вытерла глаза, с горечью и стыдом понимая, что смерть смотрит в лицо, а крепости ее духа хватило ненадолго. Танец на вечеринке с виселицей, ждавший ее в Аризоне, не казался теперь таким уж страшным. Приходилось признать – она перепугалась до усрачки и не имела возможности успокоить нервы, даже накинув одеяло на плечи.

Мэддокс подумала о Лане. Удалось ли немой пианистке добраться до Абандона? Может, она уже вернулась и всех освободила? Может, люди уже устроили большую жрачку, превосходящую богатством даже рождественский ужин? Но без нее, без Джослин. Ей крышка. Прощай, салун, – единственное место, где ей нравилось работать. Она не вернется в эту собачью конуру, не плеснет в стакан бурды, не отведает виски, не вдохнет табачного дыма, не пококетничает с богачом, не потреплется о том о сем с шахтерами, не скажет какому-нибудь каталожному ковбою[30], мол, был ты не так уж плох, а теперь забирай свои скороходы и проваливай на хрен; никогда не замутит чего-то этакого с каким-нибудь пикаро[31]…

– *Достал, да*? – крикнула женщина, глядя вверх. – Поздравляю! Это ж надо так расстараться, чтобы спасти меня! *По-Твоему, это забавно, да? Ты там, наверное, ухмыляешься?* Так вот, слушай. Ты, может, думаешь, что я бухнусь сейчас на колени, поплачусь, попрошу пощады, заделаюсь хорошей и правильной и пообещаю, что буду век Тебе верна? Так вот – ни хрена не дождешься! Думал, это так же просто, как денежку у ребенка отнять? Думал, лишишь меня достоинства, и дело сделано? Пошел в задницу! Не знаю, видел Ты или нет, но я спасла Твое дитя, Лану. По-моему, это чего-то да стоит. Почему Ты меня ненавидишь? Вот что я Тебе скажу, всемогущему всезнайке. Мы можем закончить с этим дерьмом прямо сейчас. Мне наплевать, как Ты меня пришибешь, лишь бы быстро да…

Джосс ничего не увидела, но кое-что ощутила.

Ниша вдруг содрогнулась и заполнилась пылью.

Водопад стих.

Легкие женщины вспыхнули, и сернистый газ убил ее через тридцать секунд.

2009

Глава 81

– Нет, – прошептала, обернувшись, Эбигейл.

Айзея стоял между двумя покрытыми рубцами осинами, и его дыхание улетало дымками в холодный, сырой воздух. Наклонившись, он подтянул штанину, расстегнул ножны, которые забрал у Джеррода, и вынул небольшой кинжал.

– Твой приятель так ничего и не понял, – усмехнулся он. – Штаны подтянуть не успел – а горло уже перерезано. Но с тобой будет по-другому. Я хочу, чтобы ты знала, как оно будет. Хочу, чтобы сама увидела, как я порежу твою красивую задницу.

Бывший спецназовец затянулся – огонек на кончике его сигареты вспыхнул и потускнел. Он отбросил окурок, выдохнул струйку дыма и направился к девушке.

В ту же секунду Эбигейл сорвалась с места и помчалась по высохшему руслу. Туман сгустился, и сырой воздух обжег ей легкие. Найдя глазами заросли черемухи, она оглянулась и тут же, споткнувшись о трухлявый пень, шлепнулась лицом в выстилавшие дно низины прелые листья.

Оглушенная, Фостер села и стерла с глаз холодную грязь. К дождю прибавился снег, и снежные хлопья бесшумно падали среди осин.

Она поднялась и снова побежала по руслу. То справа, то слева деревья как будто взрывались, разбрасывая куски коры. Еще немного, еще десять шагов…

Эбигейл влетела в чащу и нырнула в открытую палатку. Рюкзак Сойера лежал в углу тамбура. Журналистка схватила его, расстегнула «молнию» и перевернула, высыпав все содержимое – бутылочку с солнцезащитным кремом, карту, бумажник, маленький компрессионный мешок, промаркированный надписью «Аптечка Скотта», и, наконец, ключи. Шаги приближались – под ногами шуршали хрупкие листья.

Девушка выглянула из тамбура – в тусклом предутреннем свете кусты черемухи сверкали, как праздничная мишура, но увидела за чащей лишь пару черных кожаных ботинок.

– Выходи, и мы закончим со всем этим здесь!

Пули разорвали тент. Эбигейл распласталась на земле, зажмурилась и так сжала в кулаке ключи, что они врезались ей в ладонь.

– Вываливай живей! – кричал Айзея. – Будет хуже, если мне самому придется вытаскивать твою задницу оттуда.

Фостер сдвинула фиксатор на шнурке и открыла аптечку Скотта. Свисток, спасательное одеяло, охотничьи спички…

– Эй, сука, считаю до пяти!

Две коробки витаминов. Батончик «Клиф»…

– Раз. Два…

Швейцарский армейский нож.

– Три.

Девушка открыла лезвие, проткнула тент и прорезала в нем щель.

Айзея, досчитав до пяти, уже ломился через чащу. Не теряя времени, Эбигейл выбралась из палатки, откатилась в кусты, вскочила и помчалась во весь дух прочь. Оглянувшись через пару секунд, она увидела, что бывший морпех вышел из чащи и вставляет в пистолет новую обойму. У нее застучало в ушах, легкие как будто съежились, а ноги сделались ватными от нехватки воздуха.

Эбигейл спряталась за большой осиной. У нее кружилась голова, а сердце уже почти выпрыгивало из груди.

Айзея пробежал мимо.

Десять ярдов… двадцать… тридцать…

Он вдруг остановился чуть ниже по склону и, стоя спиной к ней, наклонил голову и прислушался.

Возле своей правой ноги, между корней, журналистка заметила небольшой камень и, наклонившись, подняла его, а потом бросила, рассчитывая отвлечь Айзею этой нехитрой уловкой и, воспользовавшись моментом, ускользнуть. Оторвавшись на несколько секунд, она получила бы неплохой шанс на спасение.

Но камень – вот несчастье! – ударился о дерево и упал в нескольких ярдах от Айзеи.

Бывший спецназовец резко повернулся и посмотрел прямо на нее, а потом укоризненно, словно имел дело с капризным ребенком, покачал головой и усмехнулся. Спрятаться было негде. Держа ее на прицеле, мужчина неторопливо потрусил вверх по склону.

Силы покинули девушку. Руки у нее тряслись, и она беспомощно опустилась на землю.

Айзея остановился футах в десяти от нее и, убрав пистолет, снова достал из ножен кинжал.

– Где все остальные? – спросил он, оставаясь на месте.

В одном кулаке Фостер зажала ключи, в другом – швейцарский нож.

– Нас заперли в пещере. Выбраться удалось только мне одной.

– Кто вас запер?

– Человек, выдававший себя за профессора истории. Сказал, что вы держали его в Изумрудном доме несколько…

– Чушь.

– Это он так сказал. Он же убил Стю. В особняке. Сбросил с третьего этажа.

Карие глаза Айзеи расширились.

– И почему же он запер вас в пещере?

– Не знаю. Наверное, захотел забрать себе все золото.

– Не мели чушь.

– Я сама видела слитки. Даже трогала.

Айзея подошел ближе.

– Где?

– В одном старом шахтном туннеле, за железной дверью. Открываешь дверь, входишь в пещеру – справа небольшая ниша, а в ней мешки с золотом. Мы пересчитали – шестьдесят один слиток. Послушай, тебе много врали, так что если не поверишь, обижаться не стану.

– Как попасть к туннелю?

– А с какой стати я должна тебе что-то рассказывать?

Айзея опустился перед журналисткой на колени и поднес лезвие кинжала к ее левому глазу.

– И как ты планируешь вынести его из этих гор без посторонней помощи? – спросила Фостер.

Мужчина сердито зыркнул на нее через щелочки глаз.

– Думаешь, – прошептала она, – если ты побывал на войне, это дает тебе право…

Кончик кинжала уколол ее нижнее веко, и Эбигейл, изловчившись, открыла ногтем лезвие швейцарского ножа.

– Я беру, что хочу, потому что у меня большие яйца. Думаешь, люди упускают свой шанс, потому что они *приличные?* Нравственные? Нет. Они не берут то, что хотят, потому что они безвольные, робкие и боятся Божьей кары. Так вот я – не боюсь. Я уже побывал в аду. – Айзея выпрямился. – А теперь, сука, поднимайся и…

Он пошатнулся и сел.

Звук выстрела разлетелся эхом по осиновой роще.

Бывший морпех выронил кинжал, расстегнул черную парку и черную флисовую толстовку и задрал футболку. Кровь, пульсируя, вытекала из дырочки в центре его груди, стекала по напоминающему стиральную доску животу, собиралась во впадинке пупка, переливалась через ее край и текла дальше, к поясу штанов. Мужчина посмотрел на Эбигейл, словно в случившемся была ее вина, и завалился на мокрые листья.

Журналистка торопливо ощупала его карманы, наткнулась на что-то твердое в левом, расстегнула «молнию», достала отцовский «Ругер» и сунула его в карман своей куртки. Потом стащила через голову висящий у него на шее на нейлоновом шнурке «Глок» и шагнула за дерево – и в ту же секунду вторая пуля просвистела у нее над ухом и срезала ветку. Держа пистолет двумя руками, Эбигейл повернулась и потянула за спусковой крючок.

«Глок» подпрыгнул, толкнув ее с силой водяного шланга, через который под высоким давлением лилась вода, очередь гильз пролетела по дуге над ее правым плечом, пламя вырвалось из портов компенсатора, и магазин избавился от тридцати трех патронов еще до того, как девушке пришло в голову убрать палец со спускового крючка.

Затвор щелкнул, и ее качнуло вперед.

Фостер окинула взглядом осиновую рощу – ни движения, ни звука, только шорох дождя, падающего на дымящийся глушитель «Глока».

Услышав тихий свист за спиной, она обернулась – дырка на груди Айзеи по-прежнему пульсировала кровью.

Эбигейл отшвырнула пистолет и побежала.

1893

Глава 82

Лана у окна гостиной… смотрит через замерзшее стекло на веселую толпу колядующих… их лица умыты рождественским светом… Кто-то нетвердой походкой бредет по аллее к передней двери. Тихая ночь, ночь святая… *Катитесь с моего двора… Колядующие разбегаются. Лана идет к пианино марки «Стейнвей», садится на скамеечку… может быть, его успокоит*

музыка... пожалуй, Брамс... клавиши, как ледышки... Дверь открывается, хлопает... ритм ускоряется вместе с ее сердцем... стук сапог по деревянному полу... шаги и острый запах текилы все ближе и ближе...

Из забытья ее вырвала тишина. Хартман открыла глаза. Звездная и морозная ночь. Уставшая лошадь застыла по грудь в снегу.

Они уже поднялись за границу леса и теперь стояли между двух массивных выступов, казавшихся смутно знакомыми и выделявшихся черным рельефом на фоне темно-синего неба.

Лана вдруг поняла, что именно их видела два с половиной года назад через пыльное окно кареты, в тот летний день, когда впервые посетила Абандон. Хотя выглядел этот пейзаж тогда по-другому – все цвело и зеленело, и лишь в тенистых укромных уголках сохранились карманы грязного, серого снега. Там, на высоте в двенадцать тысяч футов, дорога выходила на свою высшую точку между двумя выступами, получившими общее прозвище – Соски́.

Проспав несколько часов в неудобном положении, с опущенной головой, пианистка с трудом повернула занемевшую шею. Судя по положению луны на небе, время близилось к полуночи. Хорошо, что лошадь, похоже, знала дорогу, но вот надолго ли ей хватит сил? С другой стороны, а что еще остается? Спешиться, расстегнуть ремни и раскатать скатку? Любоваться звездами из сугроба, что поднимается выше ее головы?

Еще на выезде из города ноги женщины пощипывало от холода. Теперь они висели, засунутые в стремена и совершенно бесчувственные, что немало ее беспокоило. В отличие от ног, съежившиеся в варежках руки ощущали холод, и это было хорошим знаком.

Морозило, как подозревала Хартман, сильно, но при отсутствии ветра тридцатиградусная температура особо не ощущалась.

Лана повернулась в седле и оглянулась на пройденный путь. Ровный заснеженный склон сиял под луной так же ярко, как днем, и портила эту красоту лишь дорожка лошадиных следов, напоминавшая легкие отпечатки лапок кулика на морском берегу.

Отсюда беглянке был еще виден вход в каньон, но не сам город, остававшийся скрытым от глаз.

Она еще раз посмотрела на пройденный путь, спустилась взглядом на пятьсот футов, пересекла террасу, соскользнула к лесополосе и остановилась, заметив, как одно дерево отделилось от леса и двинулось вверх по склону.

Стивен Коул.

Пианистка прикинула разделявшее их расстояние – пожалуй, миля, в крайнем случае полторы.

Он идет по моим следам.

А что впереди?

Дорога постепенно – как показалось Хартман, на протяжении нескольких миль – уходила вниз, а потом ныряла в лес и шла параллельно тому, что в летнее время, насколько она помнила, было рекой.

А дальше, намного дальше – милях в десяти или, может быть, пятнадцати за рекой, у истока которой она стояла, – что-то мерцало в невидимой долине.

Силвертон.

Город, казавшийся немыслимо далеким.

*** * ***

«Лана, дорогая. Можешь уделить мне немножко внимания?»

Ее пальцы лежат на костяных клавишах. Скамеечка скрипит, когда он садится рядом. Дыхание тяжелое – запах какого-то странного дыма смешан с кисловатым запахом текилы, хотя в последнем она и не уверена.

«Ты по какому поводу так расфуфырилась?»

«Сегодня Рождество, Джон».

«Неужели? – *Он расстегивает фрак, слегка приподнимается, поправляет фалды.* – Я не задержусь».

Она смотрит на него. Его взгляд обращен внутрь, глаза затуманены опиумом, и в больших черных зрачках отражается огонек свечи, стоящей на «Стейнвее».

«Джон, ты не в себе».

«И слава Богу!» *Он усмехается, что случается нечасто.*

«Ты снова был в том притоне, у китайцев. От тебя пахнет…»

«Это так увлекательно, я даже не ожидал. Они даже согласились подождать меня… задержать игру».

«Сколько?»

Та же ухмылка.

«Сколько?»

«Проигрался, как говорится, до последней фишки, хотя, конечно, это вовсе и не фишка в привычном смысле слова…»

«Сколько. Ты. Проиграл?»

«По-моему, сейчас хозяин нашего дома – мистер Карсон».

«Что?»

«Худшей карточной раздачи здесь еще не видывали… с этим все, кто за столом сидел, согласились».

«Ты играл на наш дом?»

«Ну… Да. Но надежда еще осталась. Игра приняла весьма интересный поворот».

*** * ***

Лана натянула поводья и остановилась неподалеку от леса. На яркой полосе Млечного Пути выделялись два черных пятна – Соски. Всадник приближался, и теперь до него было не больше полумили. Беглянка наклонилась, потрепала лошадь по шее, а потом пришпорила ее.

В лесу повсюду было темно – кроме полянок. Небо, просвечивающее сквозь ветки деревьев, напоминало рваную паутину и усыпанный сияющими звездами шелк. Было так тихо, что, когда они остановились, Лана услышала биение усталого сердца альбиноса.

Она поерзала в седле. Кожа заскрипела.

В холодном воздухе явственно ощущался запах лошади.

Хартман прислушалась, но ничего не услышала. Только ее собственные зубы вдруг начали отбивать дробь, словно посылая в ночь морзянку. Она тронула бока лошадки, и они ступили в рощу.

* * *

Часом позже Лана проехала через завал. Ели лежали вповалку, как рассыпанные спички, припорошенные свежим снежком, но конь шел между ними уверенно, словно уже бывал здесь раньше.

Внизу протрубил лось.

* * *

Луна опустилась за гору, звезды поблекли, а конь сбавил шаг. Лана дрожала под своей белой накидкой и изо всех сил старалась не поддаться сонливости, навеваемой неспешным ритмом движения.

* * *

Лежать бы ей под лошадью, но за пару секунд до падения альбинос нервно заржал, и всадница, очнувшись от полудремы, успела отползти с того места, на которое обрушился его круп.

Она поднялась, смахнула с лица снежную пыль и обнаружила, что стоит среди осин, по грудь в снегу, и что звезды уже едва видны на светлеющем предрассветном небе.

Лошадь лежала на боку, отдуваясь и фыркая, но звуки эти становились все слабее. Пианистка хотела поговорить с альбиносом, по возможности успокоить животное, но смогла только сесть рядом с ним на корточки и гладить его, пока его сердце не перестало биться, а пронзительная ясность в больших глазах не сменилась стеклянной глазурью смерти.

Глава 83

Лана брела через осиновый лес. Онемение распространялось все выше – на лодыжки, потом на голени… Жжение теперь ощущалось уже в коленях. Проходя через поляну, она заметила в небе первый намек на потепление и тут же услышала конский храп.

Женщина оглянулась – где-то в роще треснула ветка.

Холод мгновенно отступил на второе место, отдав первое страху.

Углубившись в лес, Хартман отломила густую ветку с молодой елочки, вернулась на поляну и продолжила путь, заметая за собой следы, заворачивая через каждые тридцать шагов в лес и думая о том, что если бы ей удалось найти шалаш или какое-нибудь другое укрытие, то ее преследователь, может быть, и проехал бы мимо.

Ее остановил детский голос:

– Помогите!

Лана обернулась и увидела на поляне, среди осин, одетую во что-то серое девочку с длинными черными волосами, белым, как фарфор, лицом и большими, сияющими темными глазами. Лицо этого ребенка было ей знакомо, она определенно видела его в Абандоне.

– Пожалуйста, мэм! Помогите мне!

Пианистка замерла в нерешительности, не зная, что делать. Инстинкт самосохранения настойчиво твердил ей, что надо повернуться и идти дальше, в рощу.

«Господи, да это же ребенок!» – возразила она себе самой.

Невидимое солнце тронуло розовым лучом краешек облака. Лана шагнула на поляну.

Девочка наблюдала за ней, не двигаясь с места и дрожа от холода. Хартман остановилась в нескольких футах от нее и мотнула головой в сторону, пытаясь спросить, где ее лошадь, но девочка не поняла ее немого вопроса.

– Тебе нельзя было уходить.

«Что?» – спросила Лана одними губами.

Девочка сунула руку под одежду.

– Тебя и других грешных туда поместил Бог. Мне папуля все рассказал. И он говорит, что я должна отправить тебя обратно.

Она уже взводила курок огромного револьвера, когда женщина опомнилась, метнулась вперед, обхватила тонкое детское запястье замерзшими пальцами и вывернула его, так что дуло уставилось в небо. Оглушительный выстрел ударил по ушам.

Револьвер упал в снег, и Хартман оттолкнула девочку. «Он идет», – мелькнуло в голове, и тут же, словно эта мысль обладала некоей магической силой, он появился – закутанный в овчину, на гнедом коне, в скрипучем седле.

Проповедник остановил коня, спешился и, прихрамывая, держась за раненую ногу и морщась от боли, направился к беглянке.

Девочка села и расплакалась.

– Она меня толкнула, папуля. Толкнула!

Лана упала на колени и принялась разгребать снег. Пальцы ее наткнулись на что-то твердое.

Коул был уже в пяти футах от нее.

Она вырвала руку из снега, но вместо револьвера ее пальцы сжимали замерзший корень. И тут Стивен навалился на нее всем своим весом, и снег и холод впились зубами в каждый дюйм ее обнаженной кожи. Он перевернул ее на спину, и Лана увидела над собой щелочки его безумных глаз и десны цвета вороненой стали. Она закрывалась руками – но мужчина отрывал их от ее лица и тянулся пальцами к ее шее. Сумасшедший проповедник, багровое небо и девочка, с любопытством наблюдающая за всем со стороны, – ничего больше пианистка не видела.

– Иди, Гарриет, подержи коня, – прохрипел Стивен Коул.

– Я хочу посмотреть.

– Иди.

Девочка ушла, и проповедник сдавил Лане горло.

*** * ***

«Какой поворот?»

Муж улыбается, барабанит по последним двум клавишам, его правая нога прижимает демпферную педаль.

«Помнишь мистера Сейки?»

«Да».

«Говорят, тебя видели с ним два дня назад».

Лана убирает за правое ухо выбившуюся прядку.

«Мы столкнулись на рынке».

«И ты обозвала его мошенником, ругала за…»

«Он не друг тебе, Джон. Он втянул тебя во все это, и… – *Лана плачет.* – Все из-за него. Ты изменился. Ты уже не такой, каким был до того, как…»

«У тебя острый язычок, Лана. И пускать его против такого человека, как Сейки, не стоило».

«Я говорю правду. Ты проиграл наш дом».

«Я верну его».

Он опускает руку в карман, достает бритву и кладет ее на пианино.

«Как? На какие деньги? Думаешь, тебе позволят играть в кредит? Да они все, наверное, смеются сейчас над тобой…»

«Я же сказал. У меня еще осталась одна фишка, и она лучше любого самородка, любой банкноты».

Муж закрывает глаза, и она думает, что сейчас он потеряет сознание, надеется на это, но он поднимает руку, шарит по верху «Стейнвея», находит между свечами инкрустированную аметистом жеоду, доисторическое яйцо с фиолетовыми кристаллами, которое вспыхивает в свете люстры, когда он бросает его в голову Лане.

*** * ***

Сереющий мир… багровые и черные взрывы заслоняют небо… нависшее лицо проповедника… «*Я умру на этой полянке*», – думает Лана и рвет, рвет его сюртук.

– Все кончится через минуту, – сообщает он своей жертве.

Пальцы ее левой руки нащупывают что-то металлическое в его внутреннем кармане…

*** * ***

Джон сжимает ей горло… мир сереет… черные и багровые пятна взрываются, заслоняются потолок и лицо мужа… я умираю, думает Лана, царапая ему глаза.

«Извини, Лана. Мне нужно вернуться в игру».

*** * ***

Все цвета вокруг умирают… серое уходит в черное… проповедник извиняется, слезы текут по его лицу, щиплют ее глаза, и где-то, на грани восприятия, далекое *вуф* и следом нарастающий гром.

*** * ***

«Я люблю тебя, Лана».

Нечем дышать… паника…

Сознание уходит.

«Тебе нужна помощь, Джон».

*** * ***

Давление на горло ослабло.

Стивен Коул поднялся. Мир снова расцветился разными оттенками.

Хартман закашлялась.

Проповедник отвернулся, прищурился, глядя куда-то в сторону.

Треск, как будто нестройный ружейный залп… И она вдруг поняла, что это, словно спички, ломаются осины.

*** * ***

Рот наполнен теплой, жидкой ржавчиной… боль сильнее всех трех выкидышей, вместе взятых… в горле раскаленная лава…

Лана садится… голова у нее идет кругом.

Одна в гостиной… рядом скамья… свет на стенах… и платье, пропитанное кровью, которая течет и течет у нее изо рта.

*** * ***

Пианистка села.

Проповедник просто исчез, сметенный снежной стеной. И ее тоже куда-то понесло. Она летела, кувыркаясь, и видела то небо, то снег, то снова небо. Видела лошадь, пронзенную расщепленной осиной и взорвавшуюся розовым грибом-облаком. Видела, как срикошетил от валуна Стивен Коул.

*** * ***

Она залезает пальцами себе в рот и кричит.

*** * ***

Все остановилось. Воздух наполнился свежим еловым ароматом и запахом рубленого дерева. И Лана с удивлением обнаружила, что видит небо, что не погребена под снегом.

Она сидела, слушая, как колотится ее сердце, шевеля руками и убеждаясь, что они работают, ощупывая ноги…

Она оглянулась на гору.

Лавина перенесла ее на несколько сотен ярдов вниз по склону, усеянному теперь мусором, остатками лесного побоища – перевернутым снегом, всклокоченными елями, поломанными осинами…

Хартман поднялась и долго стояла, прислушиваясь и сжимая в левой руке ключ, который забрала у Стивена Коула, ловя малейшие признаки движения.

Где-то неподалеку под снегом лежит девочка.

Вернулся холод.

Пианистка подняла молодую осину, обломала с нее ветви и медленно двинулась вверх по склону, в сторону поляны, тыча палкой в снег в попытках найти ребенка.

* * *

Но я к Тебе, Господи, взываю, и рано утром молитва моя предваряет Тебя[32].

Стивен Коул лежал в темноте, под снегом.

Для чего, Господи, отреваешь душу мою, скрываешь лице Твое от меня?

Он думал, что не может шевельнуть рукой из-за того, что его придавило несколькими сотнями фунтов снега и деревьев. Так оно и было, но причина его полной неподвижности была в переломах – рук, ног и позвоночника в четырех местах.

Проповедник попытался позвать Гарриет, но снег набился ему в рот.

Я несчастен и истаеваю с юности; несу ужасы Твои и изнемогаю. Надо мною прошла ярость Твоя, устрашения Твои сокрушили меня, всякий день окружают меня, как вода: облегают меня все вместе.

Дышать становилось все труднее, потом каждый вздох стал приносить все более сильную боль, а потом вдохнуть стало и вовсе невозможно.

Перед глазами возникли колонны обжигающего света – фиолетового и коричневого.

Стивен снова попытался позвать Гарриет, чтобы покончить со всеми страданиями, но мысли унесли его на продуваемый ветрами берег в Южной Каролине.

Ты удалил от меня друга и искреннего; знакомых моих не видно.

Он лежал, закопанный глубоко в песок, и задыхался от нехватки воздуха, но слышал, как она зовет его по имени.

А потом случилось чудо: что-то прошло через песок, укололо его в грудь, и Коул улыбнулся, потому что Элинор нашла его. Она откапывала его, и холодный, свежий воздух втекал ему в легкие. И вот он уже увидел небо и Элинор. Она смотрела на него.

Смотрела, но не улыбалась. Вид у нее был сердитый.

Он выплюнул набившийся в рот песок и сказал: «Помоги мне. Пожалуйста, Элинор. Пожалуйста».

Она снова стала закапывать его.

2009

Глава 84

Желтые сосны-пондерозы росли теперь вперемешку с гамбельскими дубами. Туман висел среди деревьев серыми занавесями. Холодный дождь моросил не переставая, и в воздухе стоял запах мокрой хвои. Эбигейл уже час шла через лес, когда набрела на речушку и, упав на колени, зачерпнула полную пригоршню воды, такой холодной, что у нее свело зубы.

После полудня она вышла из долины. Дождь прекратился, и открывшийся девушке пейзаж – широкая, окруженная лесистыми горами равнина, – выглядел как будто знакомым. На верхних склонах, там, где за них цеплялись низкие, темные облака, верхушки деревьев сияли белыми снежными шапками.

Примерно в миле за полем Фостер заметила скальный гребень. Нарисованная Лоренсом карта указывала, что ей нужно было преодолеть его.

Перспектива пересечь открытое пространство представлялась журналистке довольно рискованной, но ничего другого ей не оставалось. Собравшись с духом, Эбигейл рванула через высокую, по колено, траву, рассчитывая, что туман все же укроет ее от опасности. Оставив за спиной полмили, она нырнула за валун и села передохнуть. Во рту у нее пересохло, а стертые подошвы горели, и в ботинки стекала теплая кровь. Высунувшись из-за валуна, девушка бросила взгляд на вход в десятимильную долину, поднимавшуюся до самой Пилы. Бухнул гром. Или выстрел? Эбигейл бросилась на траву. Сердце ее застучало в пропитавшуюся влагой землю.

Остаток пути до конца поля она проделала на четвереньках – из страха и из-за боли в стертых до крови ступнях. Снова пошел дождь. К стертым подошвам добавились сбитые коленки и ладони.

На последние полмили у Фостер ушло около часа, но в конце концов она все же добралась до подножия длинного гребня.

Там она выпрямилась, но, едва пройдя несколько ярдов, поняла, что перерыв в прямохождении не пошел ей на пользу. Каждый новый шаг отзывался еще большей болью, так что ступать приходилось попеременно либо на пятки, либо на пальцы, и она сто раз пожалела, что прошлой ночью, когда была такая возможность, не позаботилась о волдырях и не подложила в обувь какие-нибудь салфетки.

Поднимаясь по горному скату, Эбигейл наловчилась идти в определенном ритме – два шага, пауза, вдох и так далее. Она помнила, что, спускаясь по этому же склону, они шли по какой-то тропинке, но искать ее не стала, посчитав, что так будет безопаснее.

Выйдя на поляну, журналистка увидела далеко внизу открытое пространство – поле жухлой травы, усеянное уже не валунами, а галькой. И там, внизу, что-то двигалось. С высоты примерно в пятьсот футов это что-то имело размеры муравья, но при более внимательном рассмотрении оказалось человеком, бегущим в ровном, неустанном ритме.

Девушка прибавила шагу. Склон стал круче; повсюду – и на земле, и на деревьях – лежал снег. Облака встретили ее холодом, сумраком и порывами ветра со снегом, лес окутал густой – гуще дыма – серый туман. Из-за крутизны ската подниматься приходилось на четвереньках, и оставалось только удивляться, как это деревьям удается держаться в этих местах вертикально.

В конце концов Эбигейл вскарабкалась на вершину гребня. Облака проносились мимо, цепляясь за деревья. Она снова побежала, кряхтя от боли каждый раз, когда наступала на камень. Скоро начался спуск, и ей пришлось уже с силой вбивать пятки в снег, чтобы сохранить некое подобие контролируемого падения.

Тихий шорох, ошибочно принятый ею за шум ветра, сделался громче. Вынырнув из облаков, Фостер обнаружила, что снега уже нет и шумит не ветер, а напоенный осадками поток, вьющийся внизу, примерно в тысяче футов, по дну каньона лентой шоколадного молока с просветами белой воды.

Она снова побежала. Река на водоскатах грохотала все громче, так что вскоре у девушки уже закладывало уши.

Увидев наконец то, к чему она так стремилась, Эбигейл впервые за несколько дней почувствовала, что шанс на спасение все же есть.

В четверти мили от начала каньона, ровно на том месте, где их и оставили, – на придорожной лужайке – стояли «Бронко» Джеррода, трейлер, в котором перевозили лам, и голубой «Субурбан» Скотта.

* * *

Уже темнело, когда журналистка вышла на тропу в двух сотнях футов над дорогой на Силвертон. Поиграв в «американские горки», тропа выровнялась и выбежала из ельника на поляну.

Фостер еще хватило сил прибавить скорости, и она побежала, а точнее, поковыляла на истерзанных до состояния отбивной ногах, роняя слезы – не только боли, но и облегчения.

Добравшись до «Субурбана», Эбигейл, глотая воздух, упала на траву рядом с водительской дверцей. Все ее тело, каждая его клеточка, требовали отдыха, протестуя против издевательств последних семнадцати миль.

Она подняла голову и посмотрела через поляну в ту сторону, откуда уходила в лес тропа. Прошлась по ней взглядом – до первой горки, потом до второй, до следующего поворота…

Он появился перед третьим поворотом – мужчина, с неутомимой настойчивостью бегущий между деревьями.

Журналистка опустила руку в правый карман – ключей не было. Она сунулась в левый карман – пусто.

– Так куда я их… – пробормотала она и вдруг вспомнила. Расстегнула парку и нагрудный карман флисовой толстовки. Достала связку. *Только не смотреть, не смотреть на тропу.*

Третий ключ открыл дверцу. Скотт поставил на свой ржавый внедорожник большие шишковатые покрышки высокой проходимости, и Эбигейл пришлось изрядно потрудиться, чтобы вскарабкаться на подножку и сесть за руль. Она захлопнула дверцу, подала вперед сиденье, вставила в замок зажигания тот же ключ, которым открыла дверцу, и подумала, что в кино машина наверняка не завелась бы.

В реальности же мотор ответил на поворот ключа уверенным ревом.

Бросив взгляд в окно, девушка увидела Куинна на последнем участке тропы. Она сняла машину с ручного тормоза, выжала сцепление и придавила педаль газа. «Субурбан» качнулся вперед и покатил, покачиваясь и дребезжа, по кочкам, втаптывая в мягкую почву камни и давя лед на замерзших канавках. Первая пуля пробила стекло возле уха Фостер. Она вскрикнула – град осколков ударил по левой стороне ее лица, а по ветровому стеклу разбежалась паутинка трещин.

Журналистка пригнулась, вырулила на дорогу, и тут вторая пуля прошла через дверцу и продырявила пепельницу. Звук выстрела утонул в сердитом ворчании двигателя.

Если не считать торчащих тут и там камней, дорога напоминала стиральную доску. Эбигейл глянула вниз и нашла рычаг переключения передач. Хорошо, что Скотт оставил полный привод!

Боль прострелила ее ногу от ступни до копчика. По ветровому стеклу забарабанили капли дождя.

Рев двигателя на мгновение утонул в ударе грома. Тучи сгустились и потемнели, добавив к дождю снега.

Фостер расплакалась.

*** * ***

Через полчаса она включила фары.

В полосах света заблестели струи дождя.

Время от времени Эбигейл поглядывала в зеркало заднего вида, с замиранием сердца ожидая появления в темноте еще одной пары огней. Внедорожник трясся и подскакивал так, словно мог рассыпаться в любой момент. Ездить по такой дороге девушке еще не доводилось, и она дважды лишь чудом не сорвалась в каньон после слишком резкого поворота.

На девятой миле ухабы и рытвины начали сглаживаться, что позволило стабильно держаться на тридцати пяти милях в час. Чуть позже грунтовка сменилась асфальтовым покрытием, и Эбигейл прибавила скорости до сорока пяти.

И чуть не оглохла.

«Субурбан» забрался на холм, и внизу, в серой дождливой хмари, проступили огни-светлячки. Мимо пролетел зеленый дорожный знак:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СИЛВЕРТОН

НАС. – 473

ВЫС. – 9318

Фостер вписалась в крутой поворот, вырулила на Грин-стрит, проехала по мосту над Симент-крик и притормозила.

Справа от нее стояло здание суда округа Сан-Хуан – с золоченым куполом и часовой башней.

Прямо перед ней протянулась главная улица Силвертона: фонари по обе ее стороны высвечивали сферы слякоти и дождя. Часы показывали четверть восьмого. Четверг, вечер, окна темные, и на парковке, насколько журналистка могла судить, всего одно занятое место – похоже, городок уже готовился ко сну.

Эбигейл проехала несколько кварталов, застроенных подновленными домиками в викторианском стиле, которые выглядели бы так, словно их перенесли из какого-то вестерна, если б не претенциозные вывески – «Силвертонская клиника», «Каретная Фреда Вольфа», «Церковь Христа» – размером с трейлер, «Городской совет Силвертона»… Дальше ей попались отель «Уаймен», ресторан «Гордость Запада», кафе «Роки маунтин фаннел кейкс», художественная галерея «Синий ворон», магазин «Мир спорта».

Салуны и бордели давно уступили место модным кофейням, галереям, кафе-мороженым и сувенирным киоскам. Имелась даже фотостудия, где клиента могли вырядить ковбоем или проституткой и сделать его портрет, так что, вернувшись домой, путешественники могли предъявить друзьям убедительное доказательство своего пребывания на подлинном Диком Западе.

Дикий Запад для туристов. Наверное, теперь тут можно заказать «Апплетини» в баре, не особенно рискуя получить пулю между глаз.

На углу Грин-стрит и Двенадцатой улицы Эбигейл заехала на парковку перед «Гранд-Империалом» – трехэтажным отелем из белого кирпича с лавандовой отделкой, каминными трубами из красного кирпича и мансардными окнами под односкатной крышей. Она выключила двигатель, выбралась на улицу и захлопнула тяжелую дверцу «Субурбана» – одно стекло при этом выпало из окна.

Если не считать тиканья мотора и шума ледяного дождя, то Силвертон стойко молчал.

Пройдясь взглядом по окнам, девушка увидела в вестибюле отеля портье, читающего книжку за стойкой.

Уже направившись к входу, она услышала натужный рев мотора.

На северной окраине городка темноту прорезал свет фар.

1893

Глава 85

Милтон вытер рот. Его передернуло. Посвятив день беспробудному пьянству в салунах на Блэр-стрит, он только что проблевался в сугробе и теперь с горечью напомнил себе, что до приезда на Запад совсем не прикасался к спиртному.

По Двенадцатой улице Милтон брел в компании одиночества и вечерней холодрыги, отвязаться от которых ему не помогло даже все выпитое бухло.

Фонари Силвертона подмигивали.

Пьяный мужчина миновал мясную лавку, закусочную, аптеку и китайскую прачечную. Мысли его свернули на оставшихся в Миссури жену и сына и потянули за собой стыдливое воспоминание о шлюхе по имени Марибель, отсосавшей ему не далее как утром.

Тут Милтон споткнулся обо что-то и кувыркнулся в сугроб.

Он сел, соскреб с бороды снег и потряс головой, пытаясь поправить закружившийся мир, а когда эта попытка, наконец, удалась, обнаружил, что растянулся напротив входа в отель «Гранд-Империал».

Следующий этап потребовал от него больших усилий, но тоже увенчался успехом – Милтон поднялся.

– Сукин сын, – пробормотал он, выпрямляясь, а затем посмотрел на то, за что зацепился, и увидел шлюху в белой накидке, то ли вдрызг пьяную, то ли уже откинувшуюся, лежащую лицом вниз в грязном снегу.

*** * ***

Голоса… далекие, размытые.

– Ты ведь дипломированный врач?

– Я – ее лучший шанс на… Она – шлюха?

– Не знаю. А что такое?

– Я не обслуживаю шлюх. Найди доктора Стаута. Блэр – его приход и…

– Не уверен, что она…

– Знаешь, сколько мертвых проституток было у него с Рождества? Пять. А всего ему пришлось откачивать семерых. В это время года у них у всех суицидальные настроения. Морфий. Или карболовая кислота для самых отчаявшихся.

– Она не травилась – замерзла.

– Или, может, отравилась *и* замерзла.

– Ей нужна твоя помощь, какой бы…

– Если она отсасывает за кров и стол, можешь удвоить мой гонорар.

– Ладно. Так она умрет?

– Более чем вероятно.

*** * ***

В ногах кровати стоял, склонившись, мужчина с сигарой во рту. Угол зрения был не лучшим, но она все же разглядела бритое, блестящее от пота лицо, дергающуюся взад-вперед руку и закатанные, испачканные красным рукава, а кроме того, уловила едкий, с примесью гари, запах – сталь перемалывала загнившую кость.

– Черт, она приходит в себя, – проворчал этот мужчина.

Ее лицо накрыла фланелевая тряпка, и она подумала, что задохнется.

* * *

Женщина очнулась с мыслью о погребенной под лавиной маленькой девочке, и первым, на ком остановился ее взгляд, был похрапывающий в кресле-качалке невзрачный мужчина, всклокоченная черная борода которого подрагивала при каждом выдохе.

Она лежала на железной кровати, стоящей между двумя окнами в пустой комнате с деревянным полом и цветочными обоями, дополненными украшением в виде трех безобразных картин.

В воздухе висела красноватая дымка. Щипало глаза.

Ее знобило, в горле саднило от эфира.

На полу, рядом с креслом-качалкой, виднелась воронка для отвода крови и стояло корытце с розовой водой, из которой высовывались рукоятки двух ножей и медицинская пила.

Она потянула покрывало, и оно легко скользнуло вверх по ногам. Ступни ее чесались вопреки тому очевидному факту, что там, где они должны были быть, их просто не было.

Женщина снова посмотрела на корытце, а потом – на два перевязанных кровоточащих обрубка ниже колен.

Из горла ее вырвался похожий на птичий писк, и глаза наполнились слезами.

Дверь открылась и закрылась.

Пациентка вытерла глаза и посмотрела на высокого, гладко выбритого мужчину с зачесанными наверх спутанными каштановыми волосами.

Присев на корточки, он осмотрел ее повязки.

– Знаю, для вас это потрясение. – Мужчина взглянул на нее, и Лана покраснела от смущения, лишь теперь поняв, что на ней только подштанники. – Вчера вечером вас нашел на улице вот этот джентльмен… – Он кивнул на спящего в кресле незнакомца. – Вы лежали, без чувств, в снегу. Сейчас вы находитесь в номере двести три, на втором этаже отеля «Гранд-Империал» в Силвертоне, штат Колорадо.

Он выпрямился. Его белая рубашка была в крови, руки – тоже.

– Кстати, я – доктор Джулиус Праймак, – добавил мужчина.

У нее задрожала нижняя губа. Она лишь помнила, как выбралась из осиновой рощи в долину, увидела вдалеке какие-то здания и уловила запах древесного дыма.

– Вы знаете его? – спросил врач.

Лана покачала головой.

– Он спас вам жизнь и покрыл медицинские расходы. У вас есть деньги?

Женщина кивнула.

– Я потому спрашиваю, что работа еще не закончена. С правой рукой у вас все хорошо, а вот левую придется ампутировать ниже локтя.

Хартман затрясла головой и уже не смогла сдержать слез.

– Началось омертвение тканей. Чувствуете запах? Рука загнивает. Я не знаю, как случилось такое сильное обморожение, но что есть, то есть. Обычно я беру пятьдесят долларов за удаление аппендикса, и если вы не хотите оставаться в долгу перед этим джентльменом, заплатившим за ваши ноги, то общая сумма составит сто пятьдесят долларов. Вы можете оплатить такой счет?

Лана посмотрела на свои руки – розовую правую и темно-багровую, цвета спелой сливы, левую.

– Так вы можете заплатить? – настаивал Джулиус.

Женщина кивнула.

– Я не услышал от вас ни слова. Вы что, немая?

Лана широко открыла рот.

Доктор наклонился к ней, и она увидела, что его лицо обезображено мелкими шрамами, следами давно перенесенной оспы. А еще от него пахло несвежим сигарным дымом.

– Да… – протянул он. – Может быть, вы и не проститутка. И где, черт возьми, ваш язык?

Пациентка подняла правую руку и сложила три пальца – большой, указательный и средний.

– Вы можете писать? – догадался Праймак.

Она кивнула.

Медик на секунду приложил ухо к ее груди, немного послушал, а затем выпрямился и потрогал ладонью ее лоб.

– Время не на нашей стороне. Если мы не ампутируем руку до рассвета, инфекция проникнет в кровь. И тогда никакая операция уже не поможет.

Он прошел к столу, а потом вернулся к кровати, сел рядом с Ланой и открыл сумку, точнее, саквояж из черной шагреневой кожи, обшитый изнутри замшей. Чего там только не было – скальпели, стетоскоп, пессарии, катетер, хирургические щипцы, лонгета, пузырьки со всевозможными тониками и настойками…

Праймак вынул из саквояжа толстую тетрадь в кожаном переплете. И в этот момент дремавший в кресле человек протер глаза и потянулся.

– Как она, док? – спросил он медика.

Тот покачал головой, после чего достал какой-то пузырек и вытащил пробку.

– Лауданум, – пояснил он. – Это притупит боль.

Лана сделала два глотка настойки, после чего Джулиус вложил ей в пальцы правой руки ватермановскую авторучку и открыл тетрадь на чистой странице.

– Ваше имя? – спросил он.

«*Лана Хартман*», – написала женщина.

– Вы живете в Силвер… – начал он спрашивать дальше, но она остановила его движением руки и написала: «*Из Абандона. Проповедник запер людей в шахте. Все умирают*».

Врач пристально посмотрел ей в глаза, словно желая удостовериться, стоит ли доверять ее утверждениям или это просто бред сумасшедшей.

– Вы меня разыгрываете? – спросил он.

«*Я не сумасшедшая*», – написала Лана.

Доктор вздохнул.

– Зачем он это сделал?

Пациентка пожала плечами и написала: «*Рехнулся. Там и золото*».

– Сколько? – шепотом спросил Праймак.

«*Столько, что его перевозил целый обоз*».

Джулиус поднялся.

– Извините, мисс Хартман. – Он повернулся к человеку в кресле-качалке. – Милтон, можно поговорить с тобой наедине?

* * *

Вытянув шею, Лана посмотрела в окно около кровати. Тьма спустилась на город, и разбросанные в ней пятна света напоминали сифилитическую сыпь. Звуки пианино, собачий лай, грубый мужской смех, звон разбитого стекла – даже в этот час Блэр-стрит без всякого стеснения предлагала свои порочные развлечения.

Я не должна умереть в этом городе. Пожалуйста, Господи!

Дверь открылась, и в комнату вошел доктор. Один.

Опустившись на край кровати, он снова дал женщине авторучку.

– Как давно они взаперти?

«*С вечера Рождества*», – написала пианистка.

– У них есть пища и вода?

Хартман покачала головой.

– Где именно находится эта шахта?

У пациентки закружилась голова. Ручка дважды выскальзывала из ее пальцев, и ей приходилось начинать заново, прилагая усилия, чтобы писать разборчиво:

«*Думаю, на западном склоне, над городом. Извините, мне нехорошо. Принесите мою накидку*».

Доктор Праймак раздраженно скривился, но поднялся с кровати, подобрал с пола грязную, рваную накидку и принес ее Лане.

– Зачем она вам?

Женщина приподнялась, сунула правую руку во внутренний карман и достала ключ.

– Что он открывает?

«*Шахту. Их нужно освободить. Там дети. Скажите шерифу*».

– Конечно. – Медик взял у нее ключ, провел пальцем по его длинному стержню и погладил бородку. – Мне нужно безотлагательно приступить к операции.

*** * ***

Праймак передал тряпку Милтону, занявшему позицию у ее левой руки. Лана плакала.

– Я справлюсь за две минуты, – сказал врач.

Бывшая пианистка посмотрела на хирургическую пилу с маленькими острыми зубцами, с которой капала на кровать красная вода, на комплект разложенных на простыне ножей, бутылку с эфиром, воронку под ее рукой, таз, отливающий красным под ярким электрическим светом…

Двойная доза лауданума уже начала действовать, но ее сердце все равно затрепетало.

– Давай, Милтон, – скомандовал медик.

Тряпка накрыла лицо Хартман, резкий запах эфира обжег ей горло, и она поплыла по теплому серому морю, под неясные звуки закружившихся голосов.

*** * ***

– Ну и ну, быстро получилось!

– Прижми тряпку ко рту.

– Она не очнулась.

– Делай, что говорят, или убирайся к чертовой матери!

Лана улыбнулась счастливой наркотической улыбкой. Она лежала на той же кровати, в той же комнате отеля «Гранд-Империал», наполненной теперь натуральным утренним светом и доносящимся снизу уличным шумом.

Я выжила.

Милейший доктор Праймак стоял в ногах ее кровати и разговаривал с незнакомым мужчиной, полненьким, седобородым, со шляпой в руке. На его черном сюртуке блестел под солнцем какой-то металлический предмет.

Лана попыталась поднять правую руку, чтобы привлечь их внимание, но не смогла шевельнуть ни одной рукой.

Она захрипела.

Мужчины замолчали и повернулись к ней. Потом они оба подошли и сели на кровать – с обеих сторон.

Пожилой незнакомец пригладил редеющие волосы, и на его розовой залысине остались белые полоски от грязных ногтей.

– Мисс, я – шериф Доноуэй, – представился он. – Доктор Праймак рассказал мне о вашем несчастье.

Слава богу!

– Ему пришлось ампутировать обе ваши ноги и обе руки, – продолжал шериф. – Сейчас мы договариваемся о том, чтобы перевезти вас по узкоколейке в Дуранго, в Больницу милосердия.

Лана посмотрела на доктора Праймака, наблюдавшего за ней с выражением, которое можно было перепутать с состраданием.

Он отвернул укрывающие ее покрывала, и она увидела перевязанные обрубки обеих рук, ампутированных чуть ниже локтя.

Морфийная эйфория улетучилась.

Моя правая рука была в порядке. Вы же сами сказали!

– Понимаю, для вас это весьма огорчительно, – сказал врач, – но ничего другого мне не оставалось. Обе руки серьезно пострадали. Если б я не ампутировал их, вы были бы уже мертвы.

Пациентка открыла рот.

Почему вы не рассказали ему об Абандоне?!

Но то, что у нее получилось, напоминало бормотания идиота.

– Постарайтесь успокоиться, мисс Хартман, – продолжал Джулиус. – Вам нельзя волноваться – ваше здоровье висит на волоске.

Они же умирают там!

– Пожалуйста, мисс Хартман.

Почему вы так поступаете?!

– Вы можете дать ей что-то, а, док? – спросил Доноуэй.

– Конечно.

Врач поспешил к стоявшему на столике саквояжу.

Женщина слышала слова, которые хотела произнести, у себя в голове, слышала так же ясно, как и тогда, когда говорила, но комната отдавалась только жутким, безголосым шумом.

– Послушайте. – Шериф положил руку ей на плечо. – Доктор Праймак рассказал мне о вашем психологическом состоянии.

В саквояже звякнули пузырьки.

– В Дуранго о вас позаботятся, – пообещал Доноуэй.

Медик тем временем уже возвращался к кровати.

– У меня есть знакомый в приюте. В Пуэбло, – добавил шериф.

Праймак вытащил пробку из пузырька и поднес к его горлышку белую тряпицу.

– Вас обязательно примут, можете не сомневаться, – продолжал страж порядка. – И вам там помогут. Бог подверг вас тяжкому испытанию, мисс Хартман, но в приюте сделают все возможное, чтобы вы прожили жизнь с достоинством и в комфорте.

Загляните в его журнал. Ради всего святого!

– Вам повезло, что попали к доктору Праймаку, – уверял ее шериф.

Женщина кричала и металась, но веревки держали ее надежно.

– Лана, – чуть слышно сказал ей на ухо Джулиус. – Я хочу, чтобы вы знали – я ничего не возьму с вас за ампутацию. А теперь, пожалуйста, не сопротивляйтесь.

Смоченная эфиром тряпка опускалась на ее лицо.

– Просто закройте глаза и глубоко вдохните.

2009

Глава 86

В вестибюле отеля «Гранд-Империал» акцент делался на несколько предметов, собрание которых воспринималось скорее как клише, чем как отражение Силвертона времен его расцвета: цветочные бордовые обои, оловянный потолок, люстра, тяжелый черный сейф возле регистрационной стойки, пара настенных часов, рояль, скульптура, изображающая четырех ухмыляющихся конных бандитов, палящих в воздух из револьверов, и большой портрет какой-то шлюхи, висящий над одним из двух кожаных, с высокой спинкой диванов, составляющих зону отдыха.

Эбигейл подошла к регистрационному столу.

– Мне нужна помощь. Позвоните в полицию! – попросила она.

– Здесь нет полиции, – ответила сидящая за столом девушка.

– *Что?!*

– Только шериф.

– Дайте мне телефон.

– Вы наш гость?

– Шутите?

– Право пользования телефоном предоставляется только гостям «Гранд-Империала».

Сотруднице отеля было лет шестнадцать-семнадцать. Она сидела за дорогим антикварным столом с «ужастиком» в дешевой обложке в левой руке и сосала зеленый леденец, распространявший убийственный аромат противоестественно смешанных виски и яблок.

Фостер прочитала ее имя на именной бирке.

– Послушайте, Трейси. Меня преследует один человек. Я бегу от него с гор. Он придет убить меня. Может, сделаем исключение на сегодня?

Портье положила книжку рядом с клавиатурой, вынула леденец из позеленевших губ и впервые посмотрела журналистке в глаза.

– Ладно.

На улице взвизгнули тормоза. Эбигейл бросила взгляд в зеркало за столом, увидела отражение выходящего на Грин-стрит окна и в нем старенький «Бронко», только что въехавший в задний бампер «Субурбана». Впрочем, внедорожник лишь едва заметно вздрогнул.

– Это он? – спросила Трейси.

– Шериф живет в городе? – спросила Фостер вместо ответа.

– Да, в конце Четырнадцатой.

– В какую сторону?

Хлопнула дверца.

– Два квартала к северу, – сказала портье.

Шаги по тротуару.

– Спрячьтесь за стол и сидите тихо, – велела журналистка девушке.

Куинн Коллинс шагнул под козырек над входом, открыл дверь и уже входил в вестибюль. Заметив табличку «К НОМЕРАМ», Эбигейл метнулась вверх по застеленной ковровой дорожкой лестнице.

Повернув налево, она поднялась ступенек на двадцать и остановилась – сил у нее не осталось.

– *Куда она пошла?!* – донесся до нее крик снизу.

Беглянка поднялась еще выше.

И куда теперь, налево или направо?

Фостер свернула налево, а потом направо. Куинн уже бежал по лестнице, когда она дошла до перекрестка.

Налево, направо или вверх?

Налево. Эбигейл промчалась по коридору – розовые стены, белая отделка, белые двери, скрипучий пол. Номер 201… люстра с двумя перегоревшими лампочками… номер 202… черно-белые фотографии старых паровых машин… номер 203… поворот направо… длинный, узкий коридор… 214, 215, 216, 217.

Коридор закончился дверью с металлической ручкой и табличкой с надписью: «НЕ ОТКРЫВАТЬ. ТОЛЬКО НА СЛУЧАЙ ПОЖАРА. СРАБОТАЕТ СИГНАЛИЗАЦИЯ».

Взвыла сирена, и Эбигейл шагнула навстречу ледяному дождю. Внизу под ней была парковка с несколькими автомобилями. Крупинки дождя сверкали драгоценными камнями на капотах и стеклах под желтым светом уличных фонарей.

Журналистка посмотрела через застекленную дверь, но никого не увидела. Может, Коллинс все-таки заблудился в лабиринте коридоров?

Фостер встала на четвереньки, спустилась по скользкой лестнице, ступила на мокрый тротуар…

Вверху громыхнула пожарная дверь.

Беглянка укрылась за ближайшим мусорным контейнером. Ботинки ее преследователя уже стучали по металлическим перекладинам лестницы.

Он спрыгнул на землю.

Из своего укрытия Эбигейл видела только белые струйки его дыхания и свет фонаря. Она опустила руку, нащупала «Ругер» в боковом кармане, но, опасаясь выдать себя, не рискнула расстегнуть «молнию».

Ледяные капли били по металлической крышке контейнера.

Куинн прошел на парковку. Достаточно ли темный уголок она выбрала?

С минуту он стоял на месте.

Фонари погасли, и больше девушка его не видела.

Секунд через тридцать они снова вспыхнули, но Коллинс уже ушел.

Фостер поднялась, пробежала через парковку – подальше от фонарей и воющей сирены – и выскочила на грязную дорогу с выбоинами и затянутыми коркой льда лужами.

Холод, темень и лишь кое-где осколки света, викторианские домишки, одни – обветшавшие, заброшенные со времен окончания шахтерского бума, другие – чистенькие, ухоженные, выкрашенные яркой краской заботливыми любителями гор, молодыми яппи.

Эбигейл бежала по Риз-стрит, моргая от пота и бьющих в лицо ледяных капель. Холодные струйки стекали по ее шее и ползли змейками по спине. Где-то в темноте забормотал мотор.

Она оглянулась – сквозь ливень пробился свет фар. «Бронко», набирая ход, мчался по Двенадцатой улице.

Эбигейл прибавила скорости. Тонкий, как бумага, ледок хрустел у нее под ногами.

В окне ближайшего дома тявкнула собачонка, вдалеке башенные часы пробили восемь…

Подпрыгивая на колдобинах, «Бронко» проскочил по соседней улице, промелькнул между домами, свернул вправо на Тринадцатую улицу, проехал еще квартал и снова резко взял вправо. Фары ударили бегущей девушке в лицо.

Едва не сбив головой почтовый ящик, Эбигейл метнулась в сторону и распласталась на мокрой траве у сетчатого забора. «Бронко» пронесся мимо, забросав ее с головы до ног грязной жижей.

Какое-то время Фостер еще лежала, прислушиваясь к удаляющемуся громыханию, продолжающей завывать пожарной сирене и глухому, едва слышному шуму реки Анимас на противоположной окраине города, замедлившей свой бег в преддверии зимы.

«Бронко» свернул на другую улицу. Журналистка поднялась, протерла от грязи глаза и заковыляла дальше, к перекрестку Риз-стрит и Тринадцатой улицы. Каждый шаг по-прежнему отдавался острой болью в копчике.

Миновав перекресток, она уже через минуту оказалась на Четырнадцатой улице, свернула налево у пустующего кирпичного здания, пробежала длинный квартал из обветшалых викторианских домишек и одного передвижного двухсекционного здания и вышла на Сноуден-стрит, грязную и разбитую еще сильнее, чем Риз.

Далекий визг сирены напоминал мяуканье спятившего кота. В воздухе висел сырой запах дыма. Лишь кое-где темноту прорывали осколки света обитаемых жилищ. Ярдах в тридцати, в конце засыпанной щебенкой дороги, Эбигейл увидела освещенное крыльцо и перечеркнутый полосами света «Форд Экспедишн» – со скромной подвеской, громадными шинами и светодиодной фарой на крыше.

В двух кварталах от нее «Бронко» свернул на Четырнадцатую улицу. Плача от боли, Эбигейл протащилась до конца дорожки мимо «Форда», водительскую дверцу которого украшала броская золотистая надпись «СЛУЖБА ШЕРИФА. ОКРУГ САН-ХУАН».

Глава 87

Еще один домик в викторианском стиле. Вишневое, с желтой отделкой, крыльцо. Между водосточным желобом и кучкой жиденьких осин развешаны тибетские молитвенные флажки. На втором этаже светится круглое мозаичное окно. На стульях во дворе – старые лыжи.

Поднявшись на крыльцо, Эбигейл постучала в переднюю дверь и заглянула в темное занавешенное окно. Зажегся свет. Кто-то прошел по устало застонавшим деревянным половицам.

За дверью повернули задвижку. Звякнула упавшая цепочка. Скрипнули петли. Дверь открылась – на пороге стояла симпатичная миниатюрная женщина, та самая, что четыре дня назад, на дороге в Абандон, требовала у Скотта разрешение на рыбалку. Только теперь у нее не было никаких заплетенных косичек, никакой ковбойской шляпы и парки. Обычная женщина – в розовом атласном халате и меховых тапочках. Собранные в пучок волосы заколоты деревянными палочками для еды.

– Чем могу помочь? – спросила она, и Фостер уловила легкий запах водки.

Колени у беглянки вдруг стали ватными, и она села прямо на крыльцо.

– Что-то случилось? – приподняла брови хозяйка дома.

Говорить журналистка не могла и только указала в сторону Четырнадцатой улицы. Однако – странное дело – никаких фар там уже не было. Только мутные уличные фонари и тьма вокруг.

Шериф опустилась на корточки у порога.

– Вы ведь были с той группой, что направлялась в Абандон? – уточнила она. – В прошлое воскресенье, если не ошибаюсь?

– Да, – выдавила из себя Фостер.

– У вас лицо обморожено. Что случилось?

– Пожалуйста, позвольте мне войти…

Шериф помогла подняться неожиданной гостье, обняла ее и, когда они вместе вошли в дом, закрыла за ней дверь.

– Заприте на замок, – сказала Эбигейл.

Пока хозяйка возилась с замками, она попыталась снять забрызганную грязью куртку, но замерзшие, непослушные пальцы так и не справились с «молнией».

– Давайте я помогу, – предложила шериф.

– Спасибо. Как вас зовут?

– Дженнифер.

– А меня – Эбигейл.

Журналистка вытащила руки из рукавов, и Дженнифер забрала у нее парку, повесила ее на вешалку и провела гостю через прихожую, мимо лестницы, по темному коридорчику в кухню.

– Ну вот, садитесь. – Шериф выдвинула стул из-под скромных размеров стола, и Фостер не столько села, сколько упала на него.

– Можно воды? – попросила она.

– Конечно. – Дженнифер открыла шкафчик, достала стакан и налила в него воды из-под крана.

Эбигейл оглядела комнату, представлявшую собой странное смешение нового и старого: холодильник «Саб-зеро», гранитные столешницы, древняя, тронутая ржавчиной газовая плита, не первой молодости кран… На деревянной полке над раковиной выстроилась батарея пустых бутылок «Грей гуз» и старинных, столетней давности, емкостей для тоников и настоек. Там же стояла прозрачная ваза для цветов, заполненная винными пробками.

Дженнифер поставила перед Фостер стакан и, возвратившись к раковине, наполнила чайник. В воздухе пахнуло пропаном. Щелкнула зажигалка, и хозяйка села напротив гостьи.

– Вижу, вы устали и не очень хорошо себя чувствуете, но все же постарайтесь рассказать, что там все-таки случилось.

Из гостиной потянуло жаром от дровяной печки.

– Они все мертвы, – с трудом прошептала Эбигейл. – Кроме моего отца, который заперт в пещере.

– Как они умерли?

Мысли беглянки как будто смерзлись на холоде. Она попыталась выстроить некую последовательность событий, но дни и ночи перемешивались в ее памяти, набегали друг на друга, передвигались туда и сюда, как искаженные воспоминания о лихорадочном сне, и складывались в различные версии, и разобраться в том, что именно произошло тогда-то и с тем-то, и восстановить в полном виде хронологию этих ужасных семидесяти двух часов не получалось.

Ежась от забравшегося внутрь холода, Эбигейл снова и снова складывала разрозненные куски, и чем больше она говорила, тем яснее вырисовывалась у нее в мыслях вся картина.

Но излагая окончательный вариант, она удержала кое-что при себе. В ее редакции история представала так, что забытая шахта, в которой их заперли, была пустая.

Без костей. Без золота.

* * *

– Вот, возьмите. – Дженнифер поставила на стол перед гостьей большую кружку дымящегося чая. Та взяла ее в руки, и тепло керамики потекло в ее озябшие пальцы. – Сколько времени ваш отец находится в пещере один?

– Почти два дня, – ответила журналистка.

– А сколько воды вы ему оставили?

– Вода у нас кончилась.

– Я позвоню в поисково-спасательную службу – пусть готовятся. А вы пока пейте чай. Уверяю, вам станет лучше.

Шериф вышла из кухни, и Эбигейл услышала, как она поднимается по лестнице.

Чай отдавал мятой с каким-то резким, горьковатым привкусом. «Уж не добавила ли хозяйка еще и водки?» – подумала девушка. Последнее было бы совсем не лишним.

Разболелась нога. Фостер поставила кружку на салфетку, наклонилась и потянула за шнурок левого ботинка. Узел развязался. Она вытащила язычок и, морщась от боли, вытянула из ботинка пятку. Шерстяной носок отсырел, промерз и был розовым от крови.

Эбигейл нравились ее ступни – изящные, маленькие, узкие и пропорциональные – неизменно вызывавшие откровенную зависть у подруг. А эти истертые, распухшие куски плоти никак не могли принадлежать ей. Скорее, они напоминали отбитое тресковое филе, бланшированное и полупрозрачное, с волдырями размером с серебряный доллар на пятках и лодыжках и лохмотьями содранной кожи цвета арбузной мякоти.

Девушка поднялась и попыталась пройти на цыпочках, чтобы не мучить себя болью.

Ей было некомфортно одной в кухне, хотя сверху и доносились обрывки телефонного разговора. Прихватив кружку, Эбигейл отправилась на поиски ванной, но попала в небольшой кабинет с развернутым в сторону окна поцарапанным письменным столом. Места на нем едва хватило для компьютера, принтера и факса.

Выглянув в окно с гранулированным стеклом, Фостер увидела, что дождь сменился снегопадом.

Далеко в темноте мелькнули и исчезли, поднимаясь по наклонной, красные огоньки. Вначале журналистка подумала, что ей это только привиделось, но потом она нашла другое объяснение: какая-то машина поднималась по крутому склону к югу от Силвертона в направлении перевала Молас.

Она огляделась. С потолка свисали давно не поливавшиеся паучники[33], а одну стену украшала пара кожаных снегоступов. Ее внимание привлек фотомонтаж в рамке рядом с ними: зазубренные горные вершины под заголовком «54 ЧЕТЫРНАДЦАТИТЫСЯЧНИКА КОЛОРАДО».

Эбигейл отпила чаю. Возле стола стояли два книжных стеллажа из неполированной сосны, но вместо книг на полках были представлены реликвии прошлого: ржавые железнодорожные костыли, старая ослиная подкова, крюки и кошки, сделанные в сороковые годы… Пожалуй, больше всего девушку заинтересовали фотографии Силвертона, размещенные на двух средних полках обоих стеллажей.

С одной стороны стояли снимки современного города и зданий на Грин- и Блэр-стрит – суда, городского совета, «Гранд-Империала». Все они возвышались на фоне пламенеющих осинами горных склонов и чистейшего голубого неба, того неба, которое есть только в Скалистых горах Колорадо на высоте девяти тысяч футов. На других снимках присутствовали узкоколейная железная дорога Дуранго – Силвертон, поезд, остановившийся в солнечный день на Двенадцатой улице, и высунувшиеся из полувагона, улыбающиеся и машущие руками туристы, приехавшие на несколько часов в романтизированный шахтерский городок, чтобы перекусить в обновленных салунах и борделях, посмотреть на постановочные перестрелки и сфотографироваться в костюме времен Дикого Запада. Дети из таких поездок возвращались в неизменных ковбойских шляпах и с игрушечными револьверами, и несчастным родителям предстояло еще долго слышать от своих отпрысков выражения вроде «Как дела, партнер?» и «Проваливай!»

На противоположных полках также разместились фотографии Силвертона, но только черно-белые, старинные. Это были маленькие окошечки в прошлое: вьючный обоз, остановившийся на Грин-стрит конца XIX века, погонщики мулов, с суровыми лицами взирающие на фотографа, замызганные шахтеры, шлюхи, золотые и серебряные короли в салоне – все с поднятыми приветственно пивными кружками и стаканами; искать улыбку в закрученных вверх усах – безнадежное дело. А вот железная дорога зимой – рельсы в обрамлении пятнадцатифутовых сугробов и пять закутанных мужчин с посеребренными морозом усами и с лопатами в руках перед скотозащитным ограждением паровоза.

Но самое сильное впечатление производили портреты давно умерших людей, их стоические, бесстрастные лица: женщина, примерно того же, что и сама Эбигейл, возраста с глазами уставшей от жизни беглянки, белобородый джентльмен с нахлобученным на голову помятым котелком и глазами, выдающими желание отпустить улыбку, даже несмотря на необходимость сидеть смирно для долгой экспозиции. Журналистка мысленно перебрала фотографии в своей студии – родных и друзей на свадьбах, выпускных, каникулах, праздниках – и не смогла вспомнить ни одной, где хоть кто-то не улыбался открыто и от души. Как было бы странно и непривычно, если б в наше время люди не улыбались в камеру! Пожалуй, основываясь исключительно на фотоснимках, историки будущего столетия подумают, что их мир был счастливым местом, точно так же, как и сама Фостер под влиянием нескольких угрюмых портретов всегда приписывала прошлому страдания и лишения. Ей уже стало намного лучше, боль в ногах постепенно уходила. Она остановилась перед последним снимком, тоже черно-белым – молодой человек со столь мятежно растрепанными волосами, что его можно было бы принять за жителя XXI века. Получить такие непослушные, разлетающиеся во все стороны упругие кудри можно было бы в каком-нибудь салоне на Манхэттене примерно за пару сотен долларов. Лицо под этой взъерошенной копной было приятным, но его портили крохотные бесцветные ямочки, в результате чего парень выглядел не столько живым человеческим существом, сколько образчиком пуантилизма работы Сера. Рамка с портретом стояла на переплетенной тетради в коричневой кожаной обложке, жесткой, сухой и такой старой, что, взяв эту тетрадь в руки и поднеся ее к лицу, Эбигейл не уловила ни малейшего намека на запах танина или клея.

Она раскрыла тетрадь на первой странице и прочла четыре слова, написанных от руки старательным и безукоризненным почерком: «*Журнал доктора Джулиуса Праймака*».

Глава 88

Перелистывая хрупкие страницы, Эбигейл наткнулась в середине на запись, сделанную другим, отличным от докторского, почерком – мелким, не столь аккуратным и местами едва разборчивым, словно кто-то писал это второпях или по принуждению.

Всего восемь строчек, невесть каким образом попавших на середину страницы, и первая из них начиналась со слов «*Лана Хартман*».

– Нашли-таки.

Шериф стояла в дверном проходе между кухней и офисом, и что-то в ее позе – что именно, Эбигейл определить не смогла – выдавало напряжение: руки висели свободно, ноги чуть согнуты в коленях, словно Дженнифер приготовилась сорваться с места и либо бежать, либо драться.

И тогда журналистка вдруг поняла, что и сама ощущает в себе некие глубинные сейсмические сдвиги, выражающиеся в нервозности, легкой тошноте и повышенной восприимчивости. Боль не прошла, нет, но с каждой секундой беспокоила ее все меньше.

– Вы тоже историк?

– Можно и так сказать. – Дженнифер прошла в кабинет и остановилась возле Эбигейл, рядом со стеллажом. – Вот этот парень, – она коснулась портрета молодого человека с обезображенным лицом, – приехал в Силвертон из Чикаго в восемьсот девяносто первом году. С деньгами для инвестиций. Но он ошибся с выбором участков и уже меньше чем через год потерял все.

– Но остался здесь.

– В середине восьмидесятых Джулиус немного изучал медицину. Там, где во врачах большая потребность, диплом не спрашивают. Вот он и взялся за частную практику, а рудоискательством занимался в свободное время. Если прочитать эти записки, – Дженнифер забрала у гостьи журнал и бережно положила его на место, под фотографию в рамке, – становится ясно, что человек он был неугомонный, но очень несчастный.

– Несчастный? Почему?

– Помешался на поиске какого-то золота, пропавшего в Абандоне. Джулиус считал, что знает, где оно находится. У него даже был ключ от какой-то секретной шахты. Но найти ее ему так и не удалось. В конце концов он сошел с ума и в двадцать четвертом году застрелился.

– А почему вы храните у себя и его портрет, и журнал? Изучаете…

– Я – его правнучка. Мы с братом – четвертое поколение силвертонских Праймаков.

В глазах у Эбигейл помутилось, и ей пришлось потереть их, чтобы шериф вернулась в фокус.

– Что-то не так? – поинтересовалась Дженнифер.

– Даже не знаю… что-то странное, – пробормотала журналистка. Ощущение не было неприятным – просто на нее внезапно снизошло блаженное умиротворение, и тревожило девушку только одно: почему это случилось так быстро.

– Может быть, это из-за «Перкосета»[34]. Я раскрошила таблетку вам в чай, – сказала шериф.

Сердце у Фостер забилось так сильно, что она испугалась, как бы оно не разорвалось, но потом поняла – источник стука не в ней. Кто-то колотил в переднюю дверь.

Дженнифер вышла из комнаты.

Эбигейл опустила глаза и увидела на деревянном полу лужу и четыре керамических осколка.

Проходя мимо холодильника, она едва не упала и оперлась о кухонный стол. Тот опрокинулся, и все, что стояло на нем – ее стакан с водой и ваза с искусственными лилиями, – с грохотом полетело на пол.

Девушка села на плитки пола.

Дженнифер в прихожей открыла переднюю дверь.

Подсвеченный со спины висящим на крыльце фонарем, в проеме появился мужчина. Фостер знала его откуда-то, но не помнила откуда. У него были длинные, завязанные в хвост каштановые волосы и серебристо-черная куртка, припорошенная снегом.

Мужчина обнял Дженнифер, но ничего даже отдаленно романтического или сексуального в этом объятии не было – так обнимаются друзья или близкие родственники. Например, брат с сестрой.

– Мы сделали это, Джен, – сказал он.

У Эбигейл гудела голова. Она прислонилась к холодильнику, наблюдая, как хозяйка запирает дверь.

На какое-то время ее вниманием завладела мозаика пастельных плиток на полу, и когда она снова подняла голову, мужчина уже стоял у раковины и мыл руки.

Глаза журналистки закрылись, а когда снова открылись, она лежала лицом на холодных плитках. Кухонный стол стоял на своем месте, а шериф и тот знакомый незнакомец сидели за ним друг напротив друга.

– …из-за метели мы не сможем вернуться в Абандон до следующего лета. Я говорил тебе, что дело может дойти… – Голос мужчины как будто перескочил на не воспринимаемую ею звуковую частоту.

Эбигейл доводилось бывать под кайфом и напиваться, а пару лет назад она даже попробовала «экстази» на какой-то отрывной вечеринке в Митпэкинге[35]. Но сейчас все было иначе. Никакой эйфории – только безмятежность, отстраненность и острота восприятия. Каким-то краем сознания она понимала опасность, но это понимание не отзывалось ни эмоциями, ни побуждениями что-либо сделать и даже встревожило ее не больше, чем сообщение в вечерних новостях о смерти какого-нибудь совершенно постороннего человека.

– Как же мне это не нравится, – донесся до нее голос шерифа.

Где-то в кухне девять раз каркнул ворон.

– За те кирпичики уже немало крови пролито, – возразил мужчина. – Но мы ведь все правильно делаем, так? Подводим черту. Может, больше и не придется. Ты об этом подумала?

– Даже не знаю, смогу ли…

– Помнишь, что ты сказала мне четыре дня назад? «Кое-кто идет в Абандон, и я думаю, они идут за золотом». Ты сама сказала: «Не допусти этого».

Фостер снова потеряла контакт с временем, заплутав в беспорядочных, отвлеченных, абсурдных мыслях и лишь смутно сознавая, что нужно выходить из этого морока, вытаскивать себя из расслабляющего кайфа.

– …сбросим с Пис-Фоллз, там обрыв… четыреста футов, – продолжал мужской голос. – Никто не найдет ее до… Господи, Джен, я же сказал, чтобы ты ее вырубила!

Эбигейл попыталась сесть.

– Я подсыпала ей в чай тридцать миллиграммов оксикодона, – оправдывалась шериф.

Журналистка заметила, что если не двигать головой, то вполне можно держать лица сидящих в кухне людей в фокусе.

– Что она сказала, Куинн?

– Не понял.

Фостер наконец удалось вытолкнуть слова изо рта, хотя они и цеплялись за распухший язык и на выходе звучали путано, как и все остальное:

– Зачем вы подмешали мне что-то?

– Чтобы не было больно, – объяснила шериф. – Вам ведь хорошо, правда?

– Чудесно. – Эбигейл уставилась на сидящего за столом мужчину. Глаза у нее высохли, во рту тоже пересохло. – Я вас знаю.

– Да, мы с вами познакомились, – подтвердил тот.

У Фостер получилось сесть, но пришлось прислониться к шкафу и зажмуриться, защищаясь от света и шума.

– В шахте? – спросила она.

– Нет, в особняке Пакера. Но потом я действительно запер вас в шахте вместе с вашим отцом и Джун. Удивительно, как это вам удалось оттуда выбраться. Вот сюрприз так сюрприз…

– Да уж! – Эбигейл по-девчоночьи хихикнула. Все происходящее выглядело ужасно забавным, но потом до нее вдруг дошло. – Дженнифер, те золотые слитки в пещере… Держу пари, ваш… кем он вам приходится?

– Прадедушкой, – подсказала шериф.

– Да. Так это их ваш прадедушка и искал. Я могу показать… Подождите. – Журналистка указала на Куинна. – Он знает. Он был там. У него ключ. Откуда у него ключ вашего дедушки?

Куинн и Дженнифер рассмеялись.

Эбигейл тоже рассмеялась. Взгляд ее зацепился за настенные часы над раковиной, каждый час на которых обозначался какой-то птицей.

Часы показывали десять минут десятого. Вечера.

Но как такое возможно? С тех пор как она вошла в кабинет с фотографиями Силвертона и журналом Праймака, наверняка прошло несколько часов!

– Ну что, пора трогаться, – сказал Куинн. – Пока снега еще не подвалило.

– Я должна поехать с тобой, – заявила его сестра. – Сказать по правде, большого желания у меня нет, но…

– Не надо, я сам все сделаю. Эбигейл, как насчет прокатиться? – повернулся мужчина к сидящей на полу девушке.

Та задумалась.

– А куда?

– Съездим в горы, покатаемся, – стал уговаривать ее Куинн.

– Зачем?

– Встретимся с поисково-спасательной группой, вытащим вашего отца из пещеры…

Фостер улыбнулась.

– Знаете, что я думаю?

– Что?

– Вы совсем другое замыслили.

– Неужели? И что я, по-вашему, замыслил?

– Что-то плохое.

Куинн поднялся из-за стола, наклонился и, взяв Эбигейл за руки, помог ей встать.

– Джен, помоги надеть на нее ботинки. Не хочу, чтобы ее нашли босой.

– Вообще-то это уже не важно, – отозвалась шериф.

– Ошибаешься, очень даже важно.

– Нет. Когда у людей случается гипотермия, когда они замерзают насмерть, их часто находят полуобнаженными. Бедняги сходят с ума, думают, что им жарко, и начинают раздеваться. Так что оставь ботинки здесь. Я позабочусь, чтобы их не нашли.

– Идти можете, Эбигейл? – снова повернулся Куинн к журналистке.

– Разумеется, я в курсе, как это делается.

Ощущая непривычную легкость в ногах, она осторожно, рассчитывая каждый шаг, прошла из кухни в прихожую. Там остановилась у круглого зеркала, посмотрела на свое отражение и наклонилась ближе, прижавшись носом к стеклу.

– Куинн, пока еще не поздно. Нам не обязательно это делать, – снова принялась урезонивать брата Дженнифер.

– И что? Остановиться сейчас? И ничего не получить? Из всех вариантов этот был бы хуже всех. Нет, мы доведем дело до конца!

Зрачки у Эбигейл уменьшились до размера черных песчинок. Она отвернулась от зеркала и направилась к передней двери.

– Джен, если мы начнем виниться, каяться, это… это будет недостойно нас всех… Джулиуса, дедушки, отца, нас с тобой…

Уже взявшись за дверную ручку, Фостер увидела на вешалке свою замызганную куртку. Она сняла ее с крючка, повертела, но так и не нашла, куда сунуть руки.

Куинн забрал у нее парку, взял ее за воротник и расправил, а Дженнифер помогла направить руки в рукава.

– Думаешь, отец зашел бы так далеко? – спросила она.

– Трудно сказать. Мы делаем это ради них всех.

Дженнифер отперла и открыла дверь, и Эбигейл ступила на крыльцо.

Вокруг далеких уличных фонарей кружился снег. Как странно, подумала журналистка, что он идет не везде, а только там, где свет…

– Господи, как красиво! – вздохнула шериф.

Фостер отыскала «молнии» на карманах парки и, повозившись, расстегнула их и сунула внутрь руки.

Брат с сестрой помогли ей спуститься с крыльца на снег, из-под которого, как копья, еще торчали острые кончики травы.

– Мы ведь всё правильно делаем? – снова засомневалась Дженнифер.

– Какая разница, если мы сможем потом жить в ладу с собой.

– А ты сможешь?

– Думаю, смогу. Все, что надо, – это забыть несколько дней не самого примерного поведения.

Втроем они прошли мимо молоденьких осин и шерифского «Форда». Гравий похрустывал под их ботинками и тапочками. Эбигейл шла босиком, не чувствуя холода.

Они подошли к «Бронко». Куинн уже открывал переднюю пассажирскую дверь.

Журналистка остановилась возле гриля, Дженнифер встала рядом с ней. Снежинки падали и таяли на теплом металле капота.

Брат шерифа похлопал ладонью по крыше.

– Ну, залезайте!

Пальцы Фостер нащупали в правом кармане что-то холодное и твердое. Секунд пять у нее ушло на то, чтобы идентифицировать предмет. Она не смогла вспомнить, как он называется, но сообразила, для чего предназначен.

– Дженнифер, – сказала Эбигейл, – знаете, я все забыла.

– Что?

Журналистка повернулась, прижала *это* к атласному халату Дженнифер и посмотрела на Куинна. В ушах у нее зазвенело. Шериф со стоном упала на колени. На снег брызнула кровь.

– Вы же не это имели в виду, когда говорили, что поможете моему отцу? Вы просто хотите…

– Эбигейл, у вас мозги свинтились от лекарства. Мы только хотим помочь вам и вашему отцу, – принялся убеждать ее Куинн.

Дженнифер поползла к дому, и Эбигейл на секунду засомневалась – может, Куинн говорит правду?

– Вы же не хотели стрелять в нее, – продолжал тот. – А теперь дайте мне ваш револьвер. Моя сестра умрет, если мы не…

Под правым глазом Куинна появилась маленькая черная дырочка. По щеке его потекла кровь.

Мужчина вскинул руки и потер дырку ногтями, словно его что-то ужалило и он пытался это что-то выцарапать.

Эбигейл повернулась к дому. Дженнифер забралась на крыльцо, но застряла у передней двери.

– О, Господи! – воскликнула шериф.

– Эбигейл Фостер, вы только что застрелили двух человек, – сказала себе журналистка.

Снег под фонарем летел наискосок. Тридцать миллиграммов «Перкосета», должно быть, вошли в полную силу – Эбигейл совершенно окосела, мысли ее слетели с рельсов и блуждали сами по себе.

Она опустилась на гравий и уставилась на молитвенные флаги, подмороженные и хлопающие на ветру. Силвертон лежал, укрывшись тишиной.

Было холодно. Кожа у девушки начала чесаться.

Посидев немного, она поднялась, добрела до крыльца, взошла по ступенькам и остановилась у двери. Дженнифер лежала на спине в луже черной крови. Глаза ее были открыты, а губы едва шевелились.

– Вы испортили халат, – сказала Эбигейл.

И, переступив через шерифа, вошла в дом.

Глава 89

Солнце разбудило Лоренса Кендала в среду и четверг, но не в пятницу. В то, третье, утро в пещере его разбудил шум. Он открыл глаза в кромешной тьме, оторвал голову от сложенной парки, которую использовал три последние ночи как подушку, и в первую секунду испугался – уж не галлюцинация ли это снова? Но нет, звук, приглушенный и все же вполне отчетливый, не ослабевал и сомнений в своем происхождении не оставлял. Разреженный воздух натужно рубили лопасти вертолета. Профессор улыбнулся и даже всплакнул. У Эбби получилось.

Шаря по холодному камню – где-то здесь лежал последний работающий фонарь, – он вдруг подумал, с чего бы это вертолету искать его после наступления темноты, но тут же отогнал эту мысль.

Пальцы нащупали ремешок. Лоренс надел на голову фонарь и повернул лампочку. Затем он подтянул рюкзак дочери к обертке от батончика, лежавшей в центре пещеры и отмечавшей место под ведущим вверх лазом.

Засыпая, Кендал каждый раз мечтал об этом моменте, кануне освобождения. Поднимется ли дым на семьдесят футов? Выйдет ли на поверхность? И удастся ли ему произвести столб дыма достаточных размеров, чтобы привлечь чье-то внимание?

Лоренс расстегнул рюкзак, достал коробку спичек «Даблтри» и пару заранее вырванных из блокнота и скомканных страниц, и только тогда заметил рядом горку снега, упавшего, несомненно, сверху. Как только бумага займется, он заполнит снегом две бутылки из-под воды и, проявив силу воли, подождет, пока снег не превратится во вкуснейшую кашицу. Температура в пещере держалась на уровне тридцати семи градусов[36].

Собрав клочки бумаги и сложив их в небольшую пирамидку, мужчина наконец чиркнул спичкой. Она вспыхнула с первой попытки. В пещере, где не было никакого движения воздуха, пламя даже не дрогнуло. Пленник поднес огонек к основанию пирамиды и успел подпалить все семь бумажек, прежде чем обжег большой палец.

Судя по звуку, вертолет приблизился. Возможно, он даже висел над самой трещиной.

Пирамида схватилась вся разом, пещера осветилась, и густое облако дыма потянулось к низкому потолку. Лоренс представил, как оно промахнется, пройдет мимо лаза и просто-напросто рассеется по пещере, но этого не случилось.

Даже в своем нынешнем, далеко не лучшем состоянии профессор идеально все спланировал и исполнил. Расщелина всосала дым не хуже, чем вакуум. Кендал поднялся – шею было не повернуть, а голова гудела от обезвоживания – и посмотрел вверх. Драгоценный дым уходил все выше, к поверхности. В тусклом свете фонаря что-то блеснуло. Снег? Дым наткнулся на препятствие и остановился, повис, словно туман, под забившей лаз снежной пробкой.

Чоп-чоп-чоп… Лоренс слышал этот звук с полной ясностью.

Там был день – здесь царила ночь. И он понял, что умрет, если не доберется до главной пещеры.

Глава 90

Солнце било в высокие окна с такой силой, как будто весь мир снаружи превратился в стекло. В голове пульсировала боль, словно туда, в основание черепа, кто-то засунул полную лопату горячего угля. Печь погасла, в гостиной стоял холод, и особенно холодно было у окна, где, съежившись на матрасе, лежала Эбигейл.

Она не имела понятия, что это за дом и как она туда попала. Последнее воспоминание, надежность которого не вызывала у нее сомнений, относилось к событию едва ли не вековой давности: она за рулем «Субурбана»… дорога… сумерки… Все последующее разбилось о заднюю стенку ее черепа, и одного мимолетного взгляда на осколки хватило, чтобы отбить у Фостер всякое желание складывать эти воспоминания в единую картину.

Она поднялась, и от боли в ногах у нее на глаза навернулись слезы.

Ближайший арочный проем открывался в кухню. Эбигейл увидела стол, холодильник из нержавеющей стали, заставленную бутылками полку над раковиной, и ее затошнило от страха – в увиденном было что-то необъяснимо, непостижимо знакомое.

Девушка прохромала в прихожую и открыла дверь в безоблачное, цвета кобальта раннее утро. Силвертон лежал под чистеньким покрывалом свежего снега, ели и осины во дворе сгибались под его тяжестью, и весь город молчал – только с Грин-стрит доносилось ворчанье ползущего по улице снегоочистителя.

У ее ног лежала неподвижно женщина в розовом атласном халате – посиневшая, припорошенная снегом, с голыми, испачканными кровью ногами.

– О, Боже… – прошептала Фостер.

***

– И тогда, – сказала женщина, – вы их обоих застрелили.

– Да.

– Потому что считали, что ваша жизнь в опасности.

– Да.

– Расскажите еще раз, почему вы решили, что шериф Силвертона и ее брат хотели убить вас.

– Вы так смотрите на меня, как будто мне не верите.

– Дело не в том, что мы не верим…

– Тогда в чем?

– Мисс Фостер, у нас в городе убиты шериф и ее брат, а вы рассказываете нам, что где-то там, в глуши, лежат еще шесть тел, большинство которых мы сможем обнаружить не раньше следующего лета, когда сойдет снег. При этом ваша версия никак не сходится с тем, что я знаю о Джен Праймак, с которой проработала три года. Послушайте, я понимаю, что вам пришлось несладко, но у помощника шерифа в таком сонном городке, как Силвертон, вся эта история в голове не укладывается.

***

Когда Эбигейл проснулась, они сидели в ногах кровати и о чем-то шептались. Она не стала открывать глаза и с минуту слушала дебаты, касающиеся достоинств и недостатков поворота горных лыж на мягком и сухом снегу.

Масштабы Силвертона не позволяли иметь больницу, поэтому помощник шерифа на ночь поместил Эбигейл в «Гранд-Империал» и попросил двух медсестер из департамента здравоохранения округа заглядывать к ней через каждые несколько часов.

Ей нравился помощник шерифа, Ханс, высокий, худощавый парень лет тридцати, больше похожий на инструктора по сноуборду, чем на представителя закона. Он был длинноволосым, бородатым и с татуировкой на левом предплечье – взбирающийся на скалу скелет, – заметной, лишь когда он закатывал рукав рубашки цвета хаки.

А вот специальный агент из Службы охраны лесов ее нервировала. Имя этой рыжей Эбигейл не расслышала, но ее холодную, бесстрастную уверенность в себе, уверенность федерала, успела почувствовать. Эта женщина почти ни о чем не спрашивала ее, предоставив Хансу задавать вопросы, а сама сидела, откинувшись на стуле – в грязных туристических ботинках, джинсах и жилете, – и даже не пыталась скрыть недоверие и подозрительность.

Теперь спецагент холодно взглянула на Эбигейл.

– Проснулась, – констатировала она.

Они с Хансом передвинули стулья в ту сторону, где через окна второго этажа вливался теплый послеполуденный свет.

– Как себя чувствуете? – спросил помощник шерифа.

– Нормально, – сказала Фостер.

Ханс подался вперед.

– Поисково-спасательная группа вернулась полчаса назад, – сообщил он девушке. – Вы, возможно, слышали вертолет.

– Моего отца они не нашли, – сразу поняла та.

– Они сорок пять минут кружили над тем склоном, на который вы указали, и двое осматривали его в бинокль.

– Я же говорила, там должна быть расщелина…

– Я верю вам, Эбигейл. Проблема в том, что склон очень крутой. Обнаружены следы нескольких лавин. Вполне возможно, что какая-то лавина сошла в последние двадцать четыре часа и завалила расщелину.

– Значит, поиски прекращены?

– Нет, конечно, нет. Но сегодня вечером ожидается метель, мы уже получили штормовое предупреждение, так что окно для поисков вашего отца уменьшается.

Эбигейл посмотрела на спецагента и даже уловила в ее глазах, за бесстрастной маской чиновника, что-то похожее на сострадание.

– Возможно, мой отец ушел из той пещеры и вернулся в другую, ту самую, куда мы попали в самом начале, – предположила журналистка.

– О’кей, предположим, ему удалось найти путь назад, но утренняя лавина прошла через склон, с которого вы попали в шахту. Если так, то вход тоже оказался под снегом, верно? И разве не вы говорили, что его трудно отыскать даже в ясный день? – напомнил ей Ханс.

Слезы навернулись на глаза Фостер, и она покачала головой.

– Он думает, что я приду за ним. Пожалуйста, доставьте меня туда… – попросила она. – Позвольте мне…

– Вы действительно думаете, что сможете его найти?

– Скажите мне, Ханс, а на какой день вы отказались бы от поисков своего отца?

1893

Глава 91

Голова Глории лежала на коленях Розалин. В центре пещеры одиноко горел последний фонарь, и его пламя было заметно ниже, чем в тот момент, когда жена шерифа смотрела на него в прошлый раз. Боль усилилась. Так плохо ей не было еще никогда, даже в самое тяжелое похмелье. Понемногу иссыхая и увядая, тело просило воды. «Еще жива», – подумала она.

Тишину теперь тревожили лишь тихие стоны и жалобный плач ждущих смерти, желающих ее даже сильнее, чем глотка воды, сильнее, чем воздуха.

Миссис Кёртис посмотрела на Розалин и едва слышно прошептала:

– Эй!

Глаза у старой проститутки были открыты, но она не ответила, потому что умерла, пока Глория спала. Рот ее раздулся от распухшего языка, веки потрескались, и из-под них по щекам стекала кровь. Из-за нехватки жидкости мумификация тела началась, когда Розалин была еще жива: кожа на ее лице стянулась, губы увяли, десны почернели, нос съежился и стал раза в два меньше, а кожа приобрела серо-багровый оттенок, и на ней синеватыми полосами проступили вены.

Смерть подруги принесла Глории облегчение.

Ей опять привиделась вода. Воображение перенесло ее на берег Изумрудного озера, где она в ясный летний день освежалась, брызгая себе на лицо. Снова и снова она вспоминала свой последний глоток воды – из железного котла, в котором топился снег, в их доме. Перед глазами у женщины стояла картина рождественского утра: как Зек набрал ей целую кружку воды, как она дотронулась до нее и как на холодном металле остались призрачными, влажными отпечатками следы ее пальцев.

Потом внимание миссис Кёртис привлек чей-то плач. С усилием приподняв голову с колен Розалин, она увидела футах в десяти от себя, у стены, лежащую на полу женщину, гладящую по голове мальчика двух или трех лет. Затащив ребенка на себя, она целовала его брови и сухие губки и плакала без слез. Муж ее умер несколькими часами раньше, и его тело лежало неподалеку на каменном полу.

Перекатив сына ближе к мужу, женщина легла между ними. Держа их обоих за руки, она смотрела в потолок, едва шевеля губами и уже не поднимаясь.

Глория закрыла глаза. Видят ли муж и сын, как их жена и мать умирает в пещере?

А потом она почувствовала его и открыла глаза – Иезекиль стоял у дальней стены, на другой стороне пещеры, щеголеватый, в своем лучшем воскресном наряде, застегнутом на четыре пуговицы саке, и сиял, как будто в свете прожекторов.

Губы его оставались неподвижными, но женщина прекрасно слышала его голос.

Он говорил, что ему очень жаль, что она так страдает, но теперь все почти кончено, что он уже видел краем глаза то место, куда они отправятся, и что там нет слов для боли и потери и нет прошлого.

«*Наш мальчик там, и мне сказали, что он спрашивает о нас. Это прекрасное место, Глория, и оно примет наши души*».

«*Какой он, Зек? Как выглядит?*»

«*Думаю, так же, как раньше*».

«*Он не вырос?*»

«*Не знаю*».

«*Он навсегда останется маленьким мальчиком или вырастет и станет мужчиной?*»

«*Я не знаю*».

«*Иди к нему*».

«*Я хочу дождаться тебя, Глори*».

«*Тебе не придется долго ждать*».

Июнь 2010

– Итак, мы возвращаемся к рассмотрению дела сто шестьдесят четыре «Народ против Эбигейл Фостер». Пригласите присяжных.

Женщина, сидевшая за вынесенным к улице столиком с развернутым на коленях номером «Таймс», подняла голову, услышав приближающиеся шаги.

* * *

– Прошу подняться защиту.

Эбигейл и ее адвокат встали.

– Мадам Форледи, присяжные вынесли вердикт?

– Да, ваша честь.

Все происходило куда быстрее, чем Фостер могла себе представить. Кружилась голова, дрожали под юбкой колени, и ей даже пришлось положить руку на стол, чтобы не покачнуться.

– Решение принято единогласно?

– Да, ваша честь.

– Итак, к какому выводу пришло жюри присяжных относительно первого пункта обвинения, убийства второй степени?

* * *

Середина июня. Полдень. Суд округа Сан-Хуан.

По-весеннему синее небо. Лиственные деревья в Силвертоне только-только начали распускаться, и свежие краски, зеленые и желтые, расцветили высокогорную долину, где под карнизами викторианских домов еще прятались кучки снега. Зима выдалась самая суровая за последнее десятилетие, и на склонах, выше зоны леса, сугробы еще достигали четырех футов.

Уолтер Палмер закончил разговор по сотовому коротким «нет» и посмотрел на свою клиентку.

– Как насчет ланча? В кафе «Бурый медведь», а? Я угощаю.

– Мне еще надо успеть на рейс до Нью-Йорка. – Эбигейл обняла его, этого пятидесятишестилетнего лысеющего толстячка с дурным запахом изо рта и без малейшего чувства юмора, который сражался за ее свободу, как за свою собственную, и чмокнула его в щеку. – Спасибо, Уолт. За все. Никогда еще не тратила семьдесят пять тысяч долларов с такой пользой.

* * *

Уже через двадцать четыре часа в кафе «Александра», в трех кварталах от ее квартиры-студии, Эбигейл наклонилась, чтобы поцеловать женщину с короткими седыми волосами, одетую в хлопчатобумажное летнее платье, открывавшее загорелые плечи с рассыпанными по ним созвездиями веснушек.

– Хорошо выглядишь, – сказала ей журналистка.

Она села напротив матери за столик рядом с тротуаром Хадсон-стрит. День в городе был жаркий, четырехугольник неба между высотками выглядел по-летнему линялым, и вонь с реки накрывала Вест-Виллидж грязным, сырым одеялом.

– Я заказала бутылочку вина. Лучшего из того, что у них есть.

Эбигейл бросила на стол стопку писем, которые только что забрала на почте.

– Мама, ты вовсе не…

– Знаю, но я это сделала. Повод для праздника есть – моей дочери не придется провести следующие тридцать лет в тюрьме. А ты даже не разрешила мне присутствовать.

Эбигейл положила солнцезащитные очки на кованый железный столик.

– Если б присяжные вынесли другой вердикт, я бы глаз не смогла поднять, зная, что сделала с тобой.

Сара взяла дочь за руку.

– Ты – моя защитница… Что ж, Эбби, теперь все позади.

– Да, но ты же знаешь, как это бывает. Признание невиновным на основании психической невменяемости вовсе не означает, что человек этого не сделал. Так, по крайней мере, все и считают.

– Не их это дело.

– Но люди все равно сомневаются. И говорить об этом будут. Адвокат сослался на снежное безумие. То есть все теперь думают, что я на какое-то время спятила из-за долгого пребывания в неблагоприятных погодных условиях. Временное помешательство и…

– Ты же знаешь, как было на самом деле. Только это и имеет значение.

– Но мне от этого не легче.

Подошедший с бутылкой шардоне официант разлил вино по бокалам.

Когда он удалился, Эбигейл сняла резинку со стопки почты. Просматривая скопившиеся за месяц журналы и просроченные счета, она наткнулась на конверт из фотолаборатории.

– Что это такое, Эбби? – спросила мать, заметив, что дочь помрачнела.

Девушка вскрыла конверт и достала фотографии.

– По пути туда Эммет отснял целую пленку, и его жена отдала ее мне в первую ночь в Абандоне, – рассказала она. – А я перед вылетом на заседание суда в Колорадо отправила кассету в лабораторию.

– Хочешь посмотреть? Сейчас? – предложила ей Сара.

Все снимки были черно-белыми, и уже при взгляде на первый у журналистки защемило сердце: ламы, Скотт и Джеррод, Джун и Лоренс, сама Эбигейл в арьергарде – цепочка растянулась по склону на крутой, лесистой части подъема.

– Первый день, – сказала Фостер-младшая, передавая фотографию матери.

Потягивая вино, они неторопливо просматривали снимки. Эбигейл сопровождала каждый соответствующим пояснением, но когда дошла до последнего, к горлу у нее подступил комок, а на глаза навернулись слезы.

– Что такое, милая? – забеспокоилась Сара.

Зловещий горизонт висел за ними мрачным пятном, низкие тучи остались на снимке темно-серыми мазками, но лица получились четкими и ясными, и Лоренс улыбался, глядя не в камеру, а на отстранившуюся дочь.

Эбигейл покачала головой и положила фотографию на стол, перед матерью.

– Никогда не видела нас вместе, – прошептала она, удивляясь, как улыбчивый прищур и форма рта Кендала похожи на ее собственные. – Понимаю, ты рассердилась из-за того, что я поехала к нему…

– Нет, милая…

– Но я не предала тебя. Мне нужно было его увидеть и… это странно прозвучит, но после всего, через что мне пришлось пройти, я… я, по крайней мере, узнала его.

– И я этому рада.

– Он был несчастлив, мам. То, как он поступил с нами… это было неправильно, нехорошо, но он был так молод…

Сара кивнула, и Эбигейл заметила, что мать старается сдержаться.

– Знаешь, он ведь пытался как-то это поправить, – добавила девушка. – И то, что он попросил меня приехать в Колорадо, было такой вот попыткой. Ему тоже пришлось нелегко.

Фостер-старшая подняла фотографию и бросила на нее быстрый взгляд, а затем, когда она снова посмотрела на дочь, за слезами в ее глазах проступила улыбка.

– Он смотрит на тебя так, как смотрят на тех, кого любят, – сказала она.

Эбигейл вытерла глаза и перевела взгляд на другую сторону улицы – из часовой мастерской напротив вышел какой-то мужчина.

– Я пыталась его найти. Мы три раза летали в тот каньон, но…

– Знаю.

– …снег был таким глубоким, что ничего…

– Эбби, тебе нужно оставить это все.

– Он умер, занимаясь тем, чем хотел. Тем, что любил.

Сара подлила себе вина. Выпила.

– Как сейчас твое финансовое положение? – сменила она тему.

– Все ушло на адвоката.

– Если б у меня были какие-то средства…

– Знаю.

– Эбби, я вот что думаю… – Сара подвинула стул, подалась вперед и понизила голос. – Сейчас лето. Снег в горах растаял, так?

– Снег растает примерно через месяц. А что?

– Ты могла бы вернуться туда, взять несколько слитков…

– Нет, мама.

– Столько, чтобы расплатиться по…

– Нет.

– Дорогая, у тебя ничего нет. Ты ведь нашла бы тот вход?

– Возможно.

– Так зачем мучиться, если есть возможность…

Эбигейл откинулась на спинку стула.

– Сотни лет это золото не приносило людям ничего – *ничего!* – хорошего и только пробуждало в них все самое худшее. Оно несло беды и смерть. И у меня нет ни малейшего желания возвращаться за ним в те горы, в ту шахту… Знаешь, я не суеверна, но если есть в мире проклятие, то это оно, золото. Не представляю даже, что могло бы заставить меня отправиться за ним. Ты – единственная, кому я рассказала о золоте и об останках. Даже мой адвокат ничего не знает, и я надеюсь, что тайны Абандона умрут вместе с нами и вся эта ужасная история никогда не откроется.

Сара выслушала дочь, покусывая нижнюю губу.

– Милая, это все благородно, но тебе понадобятся годы, чтобы восстановить потраченные сбережения и снова стать на ноги.

– Пусть так.

– Уверена? Ты точно все твердо решила?

Эбигейл осушила бокал.

– Сегодня утром я пробежалась до Бруклинского моста. И там, на его середине, бросила ключ от шахты в Ист-ривер. Так что да, мама, я твердо все решила.

Они почти прикончили бутылку. Журналистка ощущала приятную расслабленность, сидя на солнышке и наслаждаясь городской жарой, но когда мимо пролетел автобус, она мысленно перенеслась в ту снежную ночь в пансионе, с Лоренсом, и вспомнила его рассказ о странном видении – летних днях в Колорадо, проведенных с ней и внуками, которых у него никогда не было и не будет. Злость на отца у нее еще осталась. Много злости. Девушка не знала, сможет ли когда-нибудь избавиться от нее полностью, однако теперь в ее душе появилось место для чего-то еще. Для того, что не мучит тебя ночами и не отталкивает хороших людей.

А еще она надеялась, что там, в той огромной разветвленной пещере, где упокоился ее отец, ему не было страшно и что в конце, освободившись от леденящей тьмы, он все же нашел путь в то колорадское лето и к тому человеку, каким мог бы быть.

Если все время вечно присутствует,

Все время неискупимо.

Т. С. Элиот[37]

Через гроты и туннели холодного и молчаливого подземелья он возвращается – невероятно! – в крипту Абандона.

Тающий свет фонаря натыкается на железную дверь – со следами штурма, но по-прежнему закрытую.

Она не пришла.

Боль разочарования режет глубже, чем Лоренс мог представить, хотя он и готовился к этому, предупреждал себя, что она не предусмотрела варианта, при котором он вернется в пещеру. Он сам не предусмотрел его, полагая, что свет погаснет раньше и он умрет от жажды, затерявшись в гранитных внутренностях горы.

Лоренс отворачивается от двери и бредет в глубь пещеры, среди костей, боясь, что свет вот-вот погаснет и ему не удастся даже выбрать место последнего упокоения.

Решение приходит быстро. Он находит место у стены, рядом со скелетом с блондинистыми волосами, закутанным в лохмотья шерстяной кофты и прикорнувшим на каменном полу. Потемневший череп лежит на левой плечевой кости. Глория смотрит на последнее пламя последнего фонаря, мигающего посередине пещеры.

«*Неужели только я одна осталась?* – думает она. – *Уже давно никто не подавал и звука…*»

Угольная нефть почти догорела. Батарейки почти выдохлись. Они ждут, когда наступит тьма, и каждый миг ожидания еще хранит надежду.

Пламя поедает фитиль. Фонарь гаснет.

Лоренс снимает фонарь, смотрит на лампочку, и свет слабеет у него на глазах.

Скоро останется только мерцание вольфрамовых нитей, фитиля этого фонаря, а потом – ничего.

Он медленно вдыхает… медленно выдыхает… пытается успокоить себя мыслью о том, что так и должно быть, что есть определенная справедливость в том, что ему суждено умереть в плену горы, рядом с предметами его страсти, но это не приносит облегчения. Утешает лишь то, что дочь в безопасности. Жаль только, что суровая правда тех слов, сказанных Эбби перед ее уходом, так и осталась единственным достойным моментом его жизни.

Время тянется во мраке.

Они дрожат от ужаса и бессилия, думая, что жаждут смерти, но желая лишь освобождения от этого одиночества, от наступающего безумия, от ожидания подкрадывающегося в темноте конца.

Лоренс скидывает лямку, расстегивает рюкзак дочери, достает бутылки с водой, наполненные у подземного озера, и ставит их на пол рядом. Потом берет одну из них, откручивает крышку и переворачивает. Опустошив обе бутылки, бросает их подальше и слышит, как они бьются о камень.

Глория и Лоренс смотрят в темноту, думая о сыне и дочери, которых никогда уже не увидят. Их образы стоят перед глазами – живые, словно выложенные мозаикой чистейшей красоты и невыносимой печали.

Она бежит за своим малышом по альпийской лужайке. Солнечные лучи путаются в его рыжих волосах, и его звонкий смех разносится эхом, когда она щекочет его под мышками.

Его дочурка сидит у него на коленях, переворачивая страницы какой-то давно забытой книги, слова которой придавили бы его, если б только он смог их вспомнить.

Оба, каждый по-своему, думают: это и есть ад – полная утрата всех тех мгновений совершенства, что прошли незамеченными, невоспринятыми.

В настоящей тьме у времени нет меры.

Оно уходит, плетется и намекает на ужас вечности.

Лоренс складывает рюкзак в подобие подушки и ложится рядом с костями Глории, чье истерзанное сердце перестает биться.

От автора

Понять и создать мир Абандона мне помогли следующие книги:

Сандра Даллас «Города-призраки Колорадо и шахтерские лагеря».

Бет и Билл Сагстеттер «Говорят шахтерские лагеря».

Дэвид Смит «Образы Сан-Хуанов».

Хэрриет Финн Бэкас «Невеста-сорванец».

Дэвид Смит «Серебряные горы. Жизнь в шахтерском округе Красной горы».

Дуэйн Смит «Силвертон. Краткая история».

Кэролайн Арлен (ред.) «Шахтерские истории Колорадо: Опасности, герои и смех».

Уинфред Блевинс «Словарь американского Запада».

Роберт Шайкс «Медицина в Скалистых горах. Доктора, лекарства и болезни в раннем Колорадо».

Роберт Каролевич «Доктора старого Запада. Иллюстрированная история медицины на фронтире».

Примечания

1

Godsend (*англ.*) – счастливая находка, удача.

2

Имеется в виду город в штате Колорадо, на границе с округом Сан-Хуан в штате Нью-Мексико.

3

Хоуп (*англ.*) – надежда, Абандон (*англ.*) – покинутый, заброшенный.

4

В оригинале данный персонаж носит имя Oatha. Сам автор рекомендует произносить его как «Ooooooothu, с длинным О». Переводчик и редактор решили оставить это имя в варианте Ооту.

5

«Арканзасская зубочистка» – тяжелый кинжал с длинным прямым лезвием.

6

Прозвище Грязная Гарриет может относиться к:

1. Девушке-школьнице, грязнуле и неряхе, демонстрирующей свое негативное отношение к занятиям и всем окружающим всеми доступными способами.

2. Героине популярной игры «Fable III, Гарриет Тэтчер», которая действует не по правилам, но свое дело знает.

3. Намек на Грязного Гарри.

7

Гортекс (*англ.* Gore-tex) – мембранная ткань, производящаяся фирмой «W. L. Gore & Associates»; применяется для изготовления специальной одежды и обуви.

8

Электрошоковое нелетальное оружие.

9

Имеется в виду боевой кинжал Ферберна-Сайкса, разработанный в Великобритании в период Второй мировой войны; один из самых удачных образцов оружия подобного типа.

10

Кремелло – лошадиная масть (бледно-рыжий цвет).

11

Имеется в виду крупнокалиберная винтовка Шарпса, стрелявшая патронами .50–90.

12

Зд.: крутой стрелок. Происходит от названия ремня с двумя кобурами открытого типа.

13

Здесь и далее в главе: Пс. 87.

14

Военная операция против Ирака, развернутая американцами и их союзниками весной 2003 г.

15

Метиска – женщина, родителями которой были индеец и европейка или индианка и европеец.

16

В казино голубые фишки имеют самую высокую стоимость при игре в покер.

17

Нож для свежевания туш.

18

Американский первопоселенец и охотник, чьи приключения сделали его одним из первых народных героев США.

19

Пирог с патокой, в переносном смысле – богатое месторождение.

20

Т. е. мастера по пробирному анализу – методам определения благородных металлов (золота, серебра, платины и др.) в рудах, продуктах их переработки, лигатурных сплавах, слитках и готовых изделиях.

21

Дабл-джекинг – популярное состязание, цель которого – проделать как можно более глубокую дыру в камне. При этом один член команды ставит на камень стальной штырь-шейкер и держит его голой рукой, а другой бьет по шейкеру молотом. После каждого удара шейкер поворачивают на 90 градусов. Результат в 24 дюйма за 10 минут считался хорошим.

22

Пс. 87:11–13.

23

Мф. 26:39.

24

Индеец, туземец.

25

Горная порода.

26

Индейское племя в Северной Америке.

27

На Диком Западе продать свое седло мог только полностью опустившийся ковбой.

28

Дополнительный пол у палатки.

29

Телемарк – особый стиль катания в горнолыжном спорте.

30

Новичок, прибывший на Дикий Запад в одежде, выписанной по почтовому каталогу.

31

Мошенник, плут, пройдоха (*исп.*).

32

Пс. 87:14–19.

33

Комнатное растение с длинными узкими листьями.

34

«Перкосет» – лекарственный препарат, содержащий оксикодон, полусинтетический опиоид.

35

Исторический район на западе Нижнего Манхэттена.

36

Температура дана по Фаренгейту; ок. 3 градусов по Цельсию.

37

Пер. О. Мандельштама.
